

**Материалы Всероссийской ежегодной
научной конференции студентов,
аспирантов и молодых ученых**

Иркутск, 26 ноября 2021 г.

ISBN 978-5-9624-2005-9

УДК 009(063)
ББК 94л0
К49

Редакционная коллегия:

Е. А. Матвеева (науч. ред.), И. В. Олейников (отв. ред.), Г. В. Оглезнева
(отв. ред.), Т. А. Перцева (отв. ред.), Соснерж К. А. (отв. ред.)

КЛИО-2021 : материалы Всероссийской ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Иркутск, 26 ноября 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Е. А. Матвеева]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска.

ISBN 978-5-9624-2005-9

Издание включает студенческие работы по отечественной истории, мировой истории и истории международных отношений, актуальным проблемам мировой политики и современным международным отношений, политологии, философии, культурологии и другим научным дисциплинам.

Адресовано преподавателям высшей и общеобразовательной школ, аспирантам, студентам вузов и колледжей, всем интересующимся актуальными проблемами гуманитарных и общественных наук.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Иркутский государственный университет»

664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; тел. +7(3952) 521-900

Издательство ИГУ, 664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124

тел. +7(3952) 52-18-53; e-mail: izdat@lawinstitut.ru

Подписано к использованию 24.12.2021. Тираж 15 экз. Объем 8,8 Мб.

Тип компьютера, процессор, частота:	32-разрядный процессор, 1 ГГц или выше
Оперативная память (RAM):	256 МБ
Необходимо на винчестере:	320 МБ
Операционные системы:	ОС Microsoft® Windows® XP, 7, 8 или 8.1. ОС Mac OS X
Видеосистема:	Разрешение экрана 1024x768
Акустическая система:	Не требуется
Дополнительное оборудование:	Не требуется
Дополнительные программные средства:	Adobe Reader 6 или выше

**Материалы Всероссийской ежегодной
научной конференции студентов,
аспирантов и молодых ученых**

Иркутск, 26 ноября 2021 г.

ISBN 978-5-9624-2005-9

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Исторический факультет

**Материалы Всероссийской ежегодной
научной конференции студентов,
аспирантов и молодых ученых**

Иркутск, 26 ноября 2021 г.

ISBN 978-5-9624-2005-9

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ»

<i>Антоновская Е. А.</i> Образ Лжедмитрия I в исследовании Д. И. Иловайского «История России»	10
<i>Будаева О. Э.</i> Распространение буддизма в Забайкалье и его взаимоотношения со светской и духовной властью	13
<i>Дементьев Д. В.</i> Политика русификации Царства Польского во время наместничества И. Ф. Паскевича (1832–1856 гг.)	17
<i>Михайлова А. Е.</i> Законодательные разработки III Государственной Думы по решению проблемы алкоголизации населения	20
<i>Наумова А. В.</i> Политика меркантилизма в России во второй половине XVII в.	23
<i>Никифоров А. Л.</i> Иркутские губернаторы конца XVIII – начала XIX в.: социальный портрет	27
<i>Соснерж К. А.</i> Процесс формирования комплексного подхода к изучению волостной реформы в Юго-Восточной Сибири в отечественной историографии	30
<i>Шигильдеева Л. В.</i> Первый состав Советов Главных управлений Сибири: сравнительный анализ	34

СЕКЦИЯ «ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ»

<i>Берман Е. А.</i> История и традиции Святого (Погребального) братства иркутской еврейской общины (вторая половина XIX – первая половина XX в.)	38
<i>Верюжский П. А.</i> Периодические издания Православной церкви в Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.	42
<i>Евдокимов Д. М. И. И.</i> Попов и его участие в деятельности «Молодой партии Народной воли»	46
<i>Еремеев А. В.</i> Отражение археологических исследований Восточной Сибири в «Известиях Сибирского (Восточно-Сибирского) отдела Русского географического общества» в 1870–1890-х гг.	49

<i>Завертаная Н. Н.</i> Роль Саввы Мамонтова в культурной жизни России (1870–1900-е гг.)	52
<i>Карнаков А. А.</i> Особенности развития благотворительности в Сибири в конце XIX – начале XX в.	55
<i>Назарова А. Г.</i> О роли женщин в формировании общественного мнения в России в 1870-х гг. (на примере «Процесса пятидесяти»)	58
<i>Плешивцев А. К.</i> Стратегии историзации в публицистических сочинениях российских еврейских интеллектуалов либерального направления в 1870-х гг.	61
<i>Семичевская М. С.</i> Освещение убийства Александра II в иркутской прессе	65
<i>Снарская Т. А.</i> Анализ читательской аудитории еженедельного иллюстрированного журнала «Нива» в 1870–80-х гг.	68
<i>Строкольский В. А.</i> Эволюция взглядов эсеров на террор на основе программных и агитационных документов (1901–1912 гг.)	71
<i>Ткачев В. В.</i> Из опыта работы европейских мастеров в городах Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX в.	74
<i>Ходонович А. С.</i> Есть ли славянофильское наследие в идеях «Черной сотни»?	77

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ РОССИИ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА»

<i>Антоновский Н. А.</i> Театральная жизнь города Сталинска в годы Великой Отечественной войны (по материалам газеты «Большевицкая сталь»)	81
<i>Богданов И. О.</i> Проблемы питания советских военнослужащих во время войны в Афганистане (1979–1989 гг.)	84
<i>Васильев Г. С.</i> Борьба с проституцией в РСФСР в годы военного коммунизма	87
<i>Гаврилюк М. Н.</i> Взаимоотношения органов власти и представителей изобразительного искусства в Крымской АССР (1920–30-е гг.)	90
<i>Зайцева А. А.</i> Материалы краеведческих съездов и конференций 1920-х гг. как источник изучения краеведческого образования	93
<i>Захарина Е. А.</i> Ростовское общество бывших узников концлагерей как актор формирования памяти о Великой Отечественной войне	96

<i>Касьянова Т. А.</i> Русский бонапартизм как идеологическая модель в постреволюционный период	99
<i>Лепешева М. С.</i> Значение историко-этнографических экспедиций Иркутского государственного университета в профессиональной подготовке молодых историков	103
<i>Лонгольф К. А.</i> Область донских казаков под управлением исполнительного комитета временного правительства и А. М. Каледина (1917–1918-е гг.)	106
<i>Макаров И. В.</i> Метрическая реформа в торговле Иркутской губернии (по материалам бюллетеней товарной биржи)	109
<i>Назимов Е. С.</i> Ликвидация власти представителей царской администрации в Иркутске и становление новой системы местного управления в Иркутском генерал-губернаторстве в период Февральской революции 1917 г.	112
<i>Саранчук А. В.</i> Киноиндустрия и ее влияние на жизнь иркутян в годы Гражданской войны	115
<i>Суховеркина О. А.</i> Столкновение геополитических интересов на российском Дальнем Востоке в годы Гражданской войны и интервенции	118
<i>Тигунцев С. А.</i> Развитие спорта в Иркутской области в годы Великой Отечественной войны	121
<i>Фатыхова И. И.</i> Подготовка кадрового состава физкультурных работников в советский период (на примере факультета физического воспитания Кемеровского педагогического института)	124
<i>Шишкин Д. В.</i> Политический культ И. Н. Смирнова в Сибири	127

СЕКЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И ИСТОРИЯ РЕЛИГИЙ»

<i>Абрашина М. Е.</i> Проблемы и перспективы типологии рубчатой керамики бронзового века Северного Приангарья	131
<i>Кошкина Д. С.</i> Планиграфический анализ III культуросодержащего горизонта многослойной стоянки Остров Лиственичный (Северное Приангарье)	135
<i>Мархаева Д. А.</i> История исследования керамики посольского типа Приольхонья	138
<i>Михалёва В. П.</i> Планиграфический анализ III культуросодержащего уровня многослойного местонахождения Усть-Ёдарма II (Северное Приангарье)	142

<i>Соловьёва З. С.</i> Информационно-коммуникационные технологии как способ коммуникации специалистов в области истории и археологии (обзор зарубежных и отечественных публикаций)	145
<i>Торохова А. Д.</i> Морфологический анализ керамических комплексов стоянки-могильника Отико-I (Северное Приангарье)	148

СЕКЦИЯ «МИРОВАЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

<i>Воротнев Г. П.</i> Дискурс по вопросу созыва Генеральных Штатов 1789 г. (по материалам «Новых замечаний о Генеральных Штатах» Ж.-Ж. Мунье)	152
<i>Голикова А. М.</i> Планы английской Московской компании по колонизации Сибири в XVI в.	155
<i>Григорьев И. В.</i> Всеобщая забастовка трудящихся 1917 года в Испании на страницах газеты «Правда»	158
<i>Дансарунова Д. Э.</i> Как и почему плебс боролся за «моральную экономику» в Англии XVIII века?	162
<i>Дементьева К. Д.</i> Россия и Польша: долгая история взаимоотношений	164
<i>Ершов А. Д.</i> Гражданская война в Австрии 1934 г.	168
<i>Кузнецов Е. С.</i> «Акты генуэзских нотариес» как исторический источник для изучения торговых связей Газарии и Золотой Орды	171
<i>Мищенко М. С.</i> Истоки исторических исследований культуры Кофун в период Мэйдзи	174

СЕКЦИЯ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»

<i>Бобров К. М.</i> Политическая коммуникация в повестке Генеральных конференций Европейского консорциума политических исследований	178
<i>Волков В. С.</i> Современная иркутская элита: факторы конфликтности	181
<i>Ганжа Н. С.</i> Эффективность расходования денежных средств на предвыборную агитацию иркутскими региональными отделениями партий «Парламентской четверки» на выборах в Государственную Думу восьмого созыва	185
<i>Григорьева И. А.</i> Трансформация политических ценностей российской студенческой молодежи	188
<i>Жохова А. А.</i> Проблема гендерного разрыва в политических процессах	192

<i>Ким Г. Е.</i> Институт губернатора в Сибирском федеральном округе на современном этапе	196
<i>Кузьминых К. Р.</i> Деятельность государства в области развития особо охраняемых природных территорий Российской Федерации в 2000–2021 гг.	199
<i>Лунченкова А. А.</i> Государственная политика в сфере здравоохранения на современном этапе: региональный аспект (на примере Иркутской области)	202
<i>Мурашов Р. Ю.</i> Феномен смешанной избирательной системы и проблемы формирования партийной системы в России	206
<i>Нечкина А. А.</i> Развитие оппозиционного движения на территории Иркутской области (по результатам экспертных интервью)	210
<i>Панова А. А.</i> Внедрение системы электронного голосования в Российской Федерации: мнения экспертов	213
<i>Попова Е. А.</i> Поведенческие установки молодежи: федеральный и региональный ракурсы	216
<i>Ручин А. Л.</i> Противостояние глав субъекта федерации и административного центра: на примере Иркутской области	219
<i>Солоненко Н. С.</i> Итоги выборов 2021 г. для КИРФ в Иркутской области: Левченко возвращается?	222
<i>Терентьева К. Д.</i> Реформирование системы местного самоуправления в Российской Федерации в 2020–2021 гг.	225
<i>Тирских М. В.</i> Система организации и проведения физкультурно-спортивных мероприятий в Российской Федерации	229
<i>Хабибулина В. А.</i> Интернет-ресурсы Правительства Иркутской области: оценка эффективности	234
<i>Хугаев Т. Р.</i> Правило Ципфа как способ измерения социально-экономической дифференциации регионов России	237
<i>Чернов М. Г.</i> Развитие профсоюзных организаций России и их взаимодействие с органами власти	240
<i>Широков И. С.</i> Роль электронной демократии в трансформации системы политической коммуникации	243
<i>Юрьев К. П.</i> Деятельность экологических движений и природоохранных организаций в Иркутской области в XXI в.	246

СЕКЦИЯ «СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА»

<i>Заикина Е. В.</i> Перспективы развития российско-китайского сотрудничества в области миграционной политики на современном этапе	250
<i>Калюжа А. А.</i> Россия и страны Юго-Восточной Европы: проблемы и перспективы сотрудничества	253

<i>Кичатинова Е. Л.</i> Иркутск и Пфорцхайм: аналитический обзор побратимских контактов (конец XX – начало XXI в.)	257
<i>Морозов В. С.</i> Российско-германские отношения в предвыборных программах 2021 г. ведущих политических партий Германии	260
<i>Мухина В. А.</i> Мегатренды и современное общество: размышления о книге Д. Нейсбита	263
<i>Нечаева В. С.</i> Внешнеполитические стратегии США и «офшорное балансирование»: влияние на трансформацию системы международных отношений	266
<i>Прохин С. И.</i> Характерные особенности китайского кредитования Киргизской Республики	270
<i>Скипин Н. В.</i> Проблема признания Косово и Метохии: современное состояние	274

СЕКЦИЯ «ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ»

<i>Кузьмин К. Е.</i> Особенности развития исторической политики в современном Китае	278
<i>Литвиненко П. Б.</i> Сравнение российской и японской избирательных систем	281
<i>Матвеева А. А.</i> Влияние поп-культурного феномена «каваи» на социальные установки японской молодежи	284
<i>Осколкова Э. С.</i> Цифровизация маори: внедрение цифровых технологий в жизнь коренного населения Новой Зеландии	287
<i>Прудников М. А.</i> Проблема насилия в брачно-семейных и романтических отношениях во Франции	291
<i>Смирнов В. О.</i> Влияние политических партий на государственную политику Польши по отношению к польской диаспоре	294
<i>Сосновский М. Н.</i> Влияние памяти о геноциде гереро и нама в Юго-Западной Африке на внутреннюю и внешнюю политику Намибии	297
<i>Ткачук А. В.</i> Влияние южнокорейской «мягкой силы» на экономику и имидж Республики Корея в XXI в.	301

СЕКЦИЯ «КУЛЬТУРОЛОГИЯ И МУЗЕОЛОГИЯ»

<i>Дегтярева Е. В.</i> Репрезентация субкультуры хулиганов в массовой культуре Японии (на примере манги «Токийские мстители»)	304
---	-----

<i>Кочергин С. Е.</i> Музеи предприятий Иркутской области в социокультурном пространстве региона	308
<i>Левицкая Е. А.</i> Феномен русской дачи: социокультурный аспект	312
<i>Маслова Е. Э.</i> Психологизм и «кавайность» — новые тенденции в изображении сверхъестественных существ в культуре Японии конца XX — начала XXI века	315
<i>Потапова С. М.</i> Имидж вузовской библиотеки	318
<i>Тарасова Н. И.</i> Атрибуция портрета иркутского военного губернатора Н. П. Лебедева	322
<i>Толстиков Ю. Е.</i> Советский модернизм в Иркутске: проблемы наследия	326
<i>Шафранская А. Е.</i> Деятельность ВООПИК в Иркутской области: проблемы и перспективы	329

СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФИЯ. ТЕОЛОГИЯ. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ»

<i>Иванова Д. В.</i> Феномен любви в структурном и гуманистическом психоанализе	333
<i>Кузнецов Д. А.</i> Основные положения миросистемного анализа И. Валлерстайна	336
<i>Лапшин Е. А.</i> Феномен войны в истории философии	338
<i>Озерова А. А.</i> Об актуальности пессимизма в современном мире	341
<i>Печенкин Д. Н.</i> Искусство как часть общественного сознания	344
<i>Седых Д. Д.</i> Оппозиция «Китай — варвары» как один из краеугольных камней китайской культуры	347
<i>Федосов Р. Д.</i> Музыка и ритм в философской концепции Аврелия Августина	349

ШКОЛЬНАЯ СЕКЦИЯ

<i>Черникова В. Д.</i> Поисковое движение в России: участие иркутян в раскопках на местах боев на Невском пятачке	353
---	-----

СЕКЦИЯ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Е. А. Антоновская

Кемеровский государственный университет

ОБРАЗ ЛЖЕДМИТРИЯ I В ИССЛЕДОВАНИИ Д. И. ИЛОВАЙСКОГО «ИСТОРИЯ РОССИИ»

Смутное время в России – сложный, переломный период русской истории, который проявляется в смене династий, изменении политического сознания русского человека. В это время возникает новое для Российского государства явление – самозванчество. Особого внимания заслуживает персонификация личности первого самозванца – Лжедмитрия I, которая «не была четко определена в дореволюционной историографии, вследствие чего имелось большое разнообразие точек зрения, мнений и версий» [2, с. 259].

В исследовании известного дореволюционного ученого Д. И. Иловайского «История России» информация о Лжедмитрии I находится в четвертом томе. Историк, доказывая свою точку зрения, ссылается на иностранные (Паэрле, Маржерета, Гревенбруха, Геркмана, Бареццо-Барецци, Фому Смита; писателей-иезуитов: Поссевино, Велевицкого, Пирлинга; польских историков и компиляторов: «Дневник Маринь», Товянского, Немцевича) и русские (летописи, хронографы, сказания, грамоты) источники. При этом, по мнению историка, иностранным источникам верить нельзя. Иловайский рассматривает и русских историографов: митрополита Платона, А. Ф. Малиновского, археографа Бередникова, М. М. Щербатова, особое внимание уделяет критике С. М. Соловьёва.

Д. И. Иловайский называет появление самозванца в России «адским замыслом», что характеризует данный период истории как «кару небесную». Самозванство возникло вследствие заговора, в польской среде и оплачено западнорусской аристократией. Иловайский видит трёх главных зачинщиков: Мнишеки, Сапеги и Вишневецкие [1, с. 2]. Идея самозванства уже возникла со времени гибели царевича Дмитрия. Здесь уместно вспомнить про легенду о чудесном спасении, которую Дмитрий Иванович ставит под вопрос, он называет самозванца именно Лжедмитрий, то есть изначально не верит в подлинность царевича. У автора есть две точки зрения на происхождение Лжедмитрия I:

1) Лжедмитрий – это сын Стефана Батория (автор не может ни принять, ни опровергнуть эту версию, вследствие недостаточности данных);

2) Лжедмитрий родился в Западной Руси и по происхождению являлся поляком [1, с. 3].

Историк не верит в подлинность царевича, он называет его «Лжедмитрий», «польско-литовский бродяга», «самозванец», «названный царевич», он не отождествляет Лжедмитрия I с личностью Григория Отрепьева, но не отрицает прямого участия Отрепьева в деле самозванца, он называет его «посредствующим звеном» [1, с. 339]. Григорий Отрепьев был родом из Галицких боярских детей, жил некоторое время у бояр Романовых, затем принимает монашеский сан и находится в Чудовом монастыре. Своей грамотностью обращает на себя внимание патриарха Иова, который брал Григория с собой в царскую думу, где Отрепьев и наблюдал придворные порядки Московского государства, чем, по мнению автора, и мог быть полезен самозванцу [1, с. 5].

Иловайский даёт подробное обоснование тому, почему самозванец не является Отрепьевым. Во-первых, этому противоречит возраст Григория, он был уже слишком старым для царевича [1, с. 330]. Во-вторых, имеются прямые свидетельства источников о Григории Отрепьеве, как личности отдельной от Лжедмитрия. Например, Маржерет говорит, что Отрепьев в возрасте 35–38 лет убежал в Литву, Дмитрий же сослал его в Ярославль. В-третьих, в письмах иезуитских патеров встречается упоминание Г. Отрепьева как черно книжника, которого Годунов выдавал за царевича, пришедшего с поляками, но стало ясно, что он и Дмитрий Иванович два разных человека. В-четвёртых, по свидетельствам Массы, когда самозванец вступал в Москву и его встречало духовенство с иконой Богородицы, он прикоснулся к иконе не по православному обычаю;

некоторые монахи заподозрили, что он родом не из Москвы, а это противоречит идее о тождестве Г. Отрепьева и Лжедмитрия, так как Отрепьев был московским монахом и дьяконом.

Дмитрий Иванович полагает, что самозванец был родом из Западной Руси, принадлежал он к классу мелкой служебной шляхты. Польским языком Лжедмитрий владел очень хорошо, даже лучше, чем русским. Западнорусское происхождение самозванца выдавал своим характером, поведением и привычками [1, с. 333]. Мысль о самозванстве, по мнению историка, могла прийти Лжедмитрию под влиянием Марины Мнишек [1, с. 328]. Роль Льва Сапеги в появлении самозванца весьма большая: он дал главный толчок к идее самозванства, он взял с собой в Москву будущего самозванца и доставлял лжесвидетелей, которые узнавали в самозванце истинного царевича. Что касается русских бояр, то Дмитрий Иванович не видит оснований полагать, что они подготовили самозванца, так как им, при известном соперничестве между знатными фамилиями за трон, было бы трудно сговориться и действовать единодушно.

Иловайский даёт следующую характеристику Лжедмитрию I: легкомысленный, талантливый, предприимчивый, хитрый, расчётливый, храбрый, ловкий, красноречивый, прекрасный оратор, убеждал и увлекал за собой других, фантазия развита была хорошо и имелась склонность к романтическим приключениям. Описание внешности сводилось к следующему: не молодой, маленького роста, худощавый, рыжий волос, серые глаза, смуглое лицо, звонкий голос. Историк неоднократно отмечает военные способности Лжедмитрия [1, с. 48]. Но утверждает, тем не менее, что самозванец не один принимал решения, у него была отличная команда из агентов или покровителей.

Лжедмитрий I предстаёт в «Истории России» Иловайского как легкомысленный правитель, он любил скакать на лошадях, на охоте гонялся за волком и лисой, сам ходил на медведя. Такие случаи произвели странное впечатление на народ, подобные подвиги унижают царское достоинство [1, с. 45].

Иловайский даёт подробный анализ исторических и историографических источников о личности Лжедмитрия I. На то, что самозванец – это истинный царевич, указывают следующие источники: иностранные (Гревенбрух, Маржерет, Паэрле, Геркман, Фома Смит, Бареццо-Барецци), писатели-иезуиты (Поссевин, Велевицкий, Пирлинг), польские историки и компиляторы («Дневник Марины», Товянский, Немцевич). Все эти источники являются выдумками и не заслуживают даже опровержения [1, с. 324]. Другая

точка зрения, которой придерживаются все русские источники, гласит, что самозванец – это Гришка Отрепьев, беглый московский монах-«расстрига».

Дмитрий Иванович рассматривает и точки зрения русских историографов: митрополита Платона (неизвестно кем был самозванец), А. Ф. Малиновского (самозванец с детства был подготовлен в Польше), археографа Бередникова (первым усомнился в том, что Лжедмитрий – это Гришка Отрепьев), М. М. Щербатова (Лжедмитрий был подготовлен московскими боярами, желавшими свернуть Годунова) [1, с. 325].

Иловайский подводит итог своим рассуждениям, указывая на то, что подлинность Лжедмитрия по историческим фактам и свидетельствам невозможна; опровергнуть это положение не сможет ни один новый источник.

Научный руководитель А. Н. Худолеев

Литература

1. Иловайский Д. И. История России : в 5 т. М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1894. Т. 4. 736 с.
2. Худолеев А. Н. Д. И. Иловайский и журнал «Исторический вестник» // XIV Чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского (1925–1995) : к 80-летию высшего педагогического образования в Кузбассе : сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч. конф., г. Новокузнецк, 26 апр. 2019 г. / редкол.: К. В. Герш (отв. ред.) [и др.]. Новокузнецк : Арт-экспресс, 2019. С. 259–263.

О. Э. Будаева

Иркутский государственный университет

РАСПРОСТРАНЕНИЕ БУДДИЗМА В ЗАБАЙКАЛЬЕ И ЕГО ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СО СВЕТСКОЙ И ДУХОВНОЙ ВЛАСТЬЮ

К настоящему времени буддизм является одной из самых древних религий в мире. Течение, которое зародилось в Индии, смогло не только проникнуть на территорию нашего государства, но активно распространиться среди коренных народов. Среди них можно выделить бурят, тувинцев, калмыков и т. д. В данной работе будут рассмотрены такие вопросы, как проникновение буддизма в Забайкалье и распространение его у бурят, взаимоотношения с имперской властью и Русской православной церковью.

К 1897 г. коренное население лиц мужского пола в Забайкалье составляло 105068 человек, что в соотношении с русским было в два раза меньше [2, с. 446]. Касательно религиозного вопроса буряты разделялись на три основные группы: шаманисты, православные и буддисты. Нередко встречались случаи совмещения религиозных представлений.

Раннему проникновению буддизма в Забайкалье поспособствовали различные племена, господствовавшие там во времена, когда территория входила в состав ранних государственных образований и племенных союзов. Записки о монгольских кочевьях «Мэн-гу-ю-му-цзи» упоминают о храме вэйских государей в северо-западных пределах их владений. Уйгуры, жившие в бассейне р. Селенги, также исповедовали буддизм. В 942 г. у них насчитывалось 50 тыс. монахов [3, с. 9].

В XVI в. буддизм был принят в Монголии. Буряты, проживавшие на территории «Ара Монгол» (Северная Монголия), так или иначе были вынуждены столкнуться с новой религией [3, с. 8]. В XVII в. в русских упоминаниях встречаются заметки о буддийских ламах на территории расселения бурятских племен, однако существует версия о более ранних попытках проникновения буддизма [1, с. 5]. С уверенностью можно заявить, что к моменту подписания Нерчинского договора Российское правительство знало о существовании неизвестной религии среди коренных жителей.

Первые ламы появляются у селенгинских и хоринских князей, которые копировали у монгольских ханов модель власти [1, с. 6]. Буддийские монахи проникали в Российскую империю еще задолго до установления границы с Цинским Китаем. Так, после заключения Буринского договора 1727 г., массовый наплыв лам в Россию прекратился. Граф С. Л. Владиславич-Рагузинский, пытался ослабить влияние иностранного духовенства. В «Инструкции пограничных дозорщикам» он предписывал: «Лам заграничных не пускать и довольствоваться теми ламами, которые после разграничения с Китаем остались на российской стороне...» [3, с. 13]. Отныне поток зарубежных служителей сократился, однако их место заняли свои, обученные на родине ламы. Правительство постепенно начинает считаться с буддистским духовенством и проводит попытки для организации управления, дабы те служили в интересах империи. Немаловажным обстоятельством является и то, что на этот вопрос власть имела свои взгляды. Планировалось через «общую» веру выйти за пределы собственных границ и установить контроль над буддийскими государствами: Монголией, Китаем и даже Индией.

25 ноября 1741 г. является важной датой в истории российского буддизма. В этот день императрица Елизавета Петровна официально признала буддизм, как одну из религий в Российской Империи. Проводилась регулярная перепись лам. Был утвержден штат 150 комплектных лам, которые были приведены к присяге, а они должны были «всех наличных лам привести к присяге на верноподданничество России...» [3, с. 17]. Правительство поддерживало новую религию по вышесказанным причинам, давая определенные льготы: ламы освобождались от ясака и других всевозможных повинностей; в 1765 г. была основана Ашебагатская кумирня; в 1773 г. хоринским родам позволили иметь свои дацаны [3, с. 19].

Второй немаловажной датой является 1764 г., когда императрица Екатерина II утверждает на имперском уровне титул – Пандито Хамбо Лама. Это было сделано, в первую очередь, для уменьшения влияния иностранного духовенства и изоляции буддистов Российской империи от власти Далай Ламы. В период 1764–1930 гг. было шестнадцать Пандито Хамбо Лам [3, с. 19].

Буддизм сыграл большую роль в развитии культуры бурятского этноса. Архитектура, изобразительное искусство, книгопечатание – все так или иначе связано с распространением влияния буддизма. Особое внимание стоит уделить тибетской медицине, благодаря которой буддизм активно поддерживался населением. Накопленные за столько времени знания позволяли вылечивать различные недуги, снизить детскую смертность и т. д.

Несмотря на всю поддержку от государства, с приходом к власти императора Николая I православие возвращает себе роль главенствующей государственной идеологии. При последующих правителях осуществлялась политика христианизации, которая вела к обрусению коренного населения, и в такую систему совершенно не вписывался буддизм. Активный духовный деятель отец Вениамин отмечал, что буддизм является главным соперником в христианизации инородцев. Он утверждал, что «Положение о ламайском духовенстве» 1853 г. помогало более активно распространяться новой религии и призывал бороться с этим [1, с. 51]. Поддерживали данную позицию обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, министры внутренних дел Д. Н. Блудов и Л. А. Перовский, военный генерал-губернатор М. С. Корсаков и др.

При Александре III и Николае II отношения между властью, сибирскими миссионерами и буддистами стали наиболее напряженными. До Первой русской революции государство предприни-

мало решительные действия по отношению к религиозным меньшинствам. Ситуацию изменил вышедший в свет при Николае II «Указ об укреплении начал веротерпимости».

Таким образом, можно проследить тенденцию развития буддийской общины на территории нашего государства. Буддизм смог прочно закрепиться среди восточных бурят, проживающие в Забайкалье, в то время как в Прибайкалье действия Русской православной церкви были более решительными. Тем не менее, буддизм действительно смог составить достойную конкуренцию православия, не позволив осуществить политику русификации инородцев в полной мере. Так, к 1852 г. число буддистов, только по официальным данным, достигало 125 тыс. человек обоего пола. Согласно ведомости, составленной Левашевым, в конце 40-х гг. XIX в. у бурят числилось 3241 лама и 1305 хувараков, что составляло 4556 человек. Число дацанов достигало 34, и с 1853 г. до конца века власти так и не выдали ни одного официального разрешения на строительство новых дацанов [1, с. 41]. Как и в Прибайкалье, в Забайкалье буряты нередко исповедовали сразу нескольких религий, поэтому нельзя с точностью утверждать о преобладании одной конфессии над другими.

Научный руководитель Л. М. Дамешек

Литература

1. Буддизм в истории и культуре бурят : монография / И. Р. Гарри [и др.]. Улан-Удэ : Буриад-Монгол Ном, 2014. 417 с.
2. Дамешек Л. М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Т. 1. Иркутск : Оттиск, 2018. 456 с.
3. Чимитдоржин Г. Г. Институт Пандито Хамбо Лам 1764–2004 гг. Улан-Удэ : Изд-во Буддийского ин-та «Даши Чойнхорлин», 2004. 189 с.

Д. В. Дементьев

Иркутский государственный университет

ПОЛИТИКА РУСИФИКАЦИИ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО ВО ВРЕМЯ НАМЕСТНИЧЕСТВА И. Ф. ПАСКЕВИЧА (1832–1856 гг.)

После подавления Ноябрьского восстания в 1832 г. и вплоть до самой смерти в 1856 г. должность наместника Царства Польского занимал усмиритель этого восстания князь Иван Федорович Паскевич-Эриванский. Восстание 1830–1831 гг. заставило пересмотреть положение Польши в империи не только в политическом, но и в военном плане. С 1832 г. по личной инициативе Николая I в Царстве Польском стали строиться три линии крепостных укреплений для защиты западных границ империи. Специально для укрепления польской столицы на левом берегу Вислы генерал-майором Деном была спроектирована Александровская цитадель [1, с. 106–108]. С этой цитаделью связан один примечательный эпизод, который может характеризовать отношение Николая I к полякам в целом. Замечу, что Николай, в отличие от своего брата Александра I, не пытался с ними заигрывать. В 1835 г. Николай I, возвращаясь из Австрии, посетил Варшаву. Не желая принимать польскую депутацию, царь заявил: «Я знаю, что вы хотели говорить со мной. Я не допустил этого, желая избавить Вас от произнесения лжи <...>. Если вы будете упорствовать в мечтах о независимой Польше <...>, то накличете на себя большие несчастья. По повелению моему воздвигнута здесь цитадель, и я вам объявляю, что при малейшем возмущении я прикажу разгромить Варшаву и уже не отстрою её» [4, с. 100].

Политика Николая I после подавления восстания была в определенном смысле противоречивой. Большая часть изменений в отношении Царства были определены в Органическом статуте. Однако некоторые изменения происходили постепенно. Несмотря на то что отныне Польша считалась неразрывной частью империи, она должна была за счет своей казны содержать находящиеся там части русской императорской армии, а сам край должен был выплачивать контрибуцию в размере 20 млн руб., также из Царства вывозились крупные книжные собрания [3, с. 101]. Такое отношение к региону Николай I объяснял министру внутренних дел Д. Н. Блудову: «Лежачего неприятеля не бьют, но обезоруживают, для того чтобы он мог подняться, без опасности для других и самого себя» [3, с. 105].

Имперский курс в отношении окраины призван был реализовать наместник Паскевич, который к тому же занимал должность главнокомандующего войсками в Царстве Польском. Курс Паскевича в Царстве Польском можно охарактеризовать как курс на русификацию и унификацию с другими частями империи. В 1834 г. в Царстве Польском вводится военное положение, что позволяет военным властям на местах арестовывать любого, кто вызывает хоть какое-то подозрение. Вслед за этим последовало введение строгой цензуры внутри Царства, под запрет попали сочинения и стихи И. Лелелева, А. Мицкевича, Ю. Словацкого [3, с. 101].

В 1839 г. вместо отдельного ведомства, возглавлявшего образование и просвещение на территории Польши, был создан Варшавский учебный округ, по аналогии с другими учебными округами в империи, подчиненный Петербургу. Из-за активного участия польских студентов в восстании были закрыты Варшавский и Виленский университеты, и в целом сокращалось число гимназий. Обязательным становилось изучение истории России, было сокращено число предметов, преподаваемых на польском языке, было сокращено время для него как для отдельного предмета. По личной инициативе Николая I в программу гимназий был включен церковнославянский язык, в этом император видел возможность облегченного перехода на русский язык. Русский язык становился языком официального общения с Петербургом [3, с. 102–103]. Взамен закрывшихся университетов в Варшаве и Вильно был открыт университет св. Владимира в Киеве, где польское присутствие было заметно слабее. Преподавание велось на русском языке [3, с. 106].

Так как восстание получило поддержку в основном у небогатой шляхты, то власти империи перешли к ответным мерам. Власти начали требовать у шляхты документы, подтверждающие принадлежность к дворянскому сословию. У десятков тысяч мелких шляхтичей (по некоторым оценкам – до 40 %) таких документов попросту не оказалось. Власть перестала закрывать глаза на такие моменты. Эта категория лишилась дворянского статуса и соответствующих привилегий, они были переведены в разряд однодворцев, либо стали «шляхтичами, не утверждёнными герольдией» [3, с. 104].

Утрата прежнего социального положения вынудила однодворцев воспользоваться предложением правительства переселяться на Кавказ, в южные и восточные губернии Европейской России. Более 3 тыс. имений польских повстанцев было конфисковано, в основном

это имения политических эмигрантов [3, с.104]. Также были затронуты интересы средней и крупной шляхты, она была уравнена в правах с русским дворянством [5, с. 326].

Следующим этапом ограничения автономии стал курс на замещение польских чиновников в администрации русскими. В 1837 г. по воле императора был введен запрет полякам занимать министерские должности и должности в столичном аппарате управления, если они не отслужили 5 лет в великоросских провинциях и не владеют русским языком в достаточной мере [3, с. 105]. Однако Паскевич не мог обходиться без чиновников, знающих реалии и законы этого края. При нем поляки составляли значительную долю в администрации края (в основном средние и низшие чины), а необходимые документы о знании русского языка можно было купить. В том же 1837 г. в Царстве Польском на смену делению на воеводства приходит деление на губернии, как и в остальных частях империи. В 1832 г. в Царстве начинает действовать российская денежная система и унифицируется система мер и весов [3, с. 103].

В 1851 г. была отменена таможенная граница между Царством Польским и Российской Империей. По этой причине Царство стало терять значительный доход, который стал поступать в имперскую казну. Взамен Польша стала получать компенсации из имперского бюджета, что привело к изменению структуры бюджета и зависимости польской экономики от различного рода компенсаций из центральной казны [3, с. 102].

В 1852 г. Николай I издает указ, согласно которому сыновья польских помещиков обязывались пройти обязательную службу в армии по достижению 18 лет. При этом действовало жесткое ограничение на число поляков в полках западных губерний: на пехотный полк – 40 поляков, на кавалерийский – 30. Это побуждало поляков искать вакансии в Великорусских губерниях. Николай считал, что так поляки пройдут «перековку» службой [1, с. 109].

Паскевич был сторонником того, что Польше требуется «власть исключительная». Его наместническое положение и личное расположение императора поощряли его амбиции и вовлекали его в соперничество со столичными министрами (последние считали, что Польша должна иметь большее подчинение их ведомствам). Несмотря на политику русификации и унификации Царства Польского, в повседневном управлении Паскевич прибегал к помощи чиновников из числа местной знати. В годы его наместничества большинство должностей в суде, полиции и администрации (в том

числе финансовой и военной) занимали выходцы из Западных губерний, которые преимущественно были поляками [2, с. 159]. Паскевич считал это необходимым условием для стабильной работы администрации и края в целом. Однако стоит оговориться, что такое лояльное отношение было только к среднему и мелкому чиновничеству, большинство высших должностей занимали чиновники из Российских губерний.

Научный руководитель И. Л. Дамешек

Литература

1. Андриянен С. В. Русская Армия в Царстве Польском в 1831–1853 годах // Научный диалог. 2017. № 3. С. 106–118
2. Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М.: Индрик, 1999. 268 с.
3. Западные окраины Российской империи / ред.: М. Д. Долбилов, А. И. Миллер. М.: Новое лите. обзор., 2006. 608 с.
4. Краткая история Польши: С древнейших времен до наших дней / отв. ред. В. А. Дьяков ; ред. Ф. Г. Зуев, Л. Е. Горизонтов, И. В. Пименова. М.: Наука, 1993. 528 с.
5. Тымовский М. История Польши / пер. с польск. В. Н. Ковалев. М.: Весь мир, 2004. 544 с.

А. Е. Михайлова

*Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С. П. Королева*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ РАЗРАБОТКИ III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ПО РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ АЛКОГОЛИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Особо остро проблема пьянства в Российской империи встала в 1894 г., когда была провозглашена государственная винная монополия [6, с. 130]. Последствия от её введения стали очевидны уже в начале XX в., когда резко возросло потребление алкоголя на душу населения. Авторитетные ученые России сразу же стали акцентировать на этом внимание и пришли к выводу о начале алкоголизации населения [3].

В период первой русской революции 1905–1907 гг. увеличились объёмы продажи алкоголя [8, с.21]. Употребление алкоголя оказывало пагубное воздействие на здоровье человека и на деятельность рабочих и крестьян в органах местного самоуправления [4, с. 67].

Рост алкоголизации населения не мог не волновать общество. В течение 1906–1913 гг. имперская власть под его воздействием стала предпринимать некоторые меры для решения возникшей проблемы. В губернских городах создавались бесплатные вытрезвители, открывались лечебницы-амбулатории и приюты. В российской армии учреждались «войсковые музеи трезвости» [6, с. 210]. Но эти паллиативные меры лишь устраняли последствия, а не сам корень проблемы.

В 1907 г. обсуждение проблемы пьянства среди населения выходит на качественно новую ступень. Меры оздоровления населения, истребления «зеленого змия» начали обсуждать на законодательном уровне, на заседаниях III Государственной Думы [7]. Инициатором эти дискуссии самарский депутат М. Д. Чельшов.

Михаилу Дмитриевичу удалось уже на самом первом заседании Думы произнести речь, в которой он подверг острой критике проблему пьянства в стране. Депутат привел данные, свидетельствующие о стремительном росте продажи алкоголя. Если в 1902 г. было продано 60 млн ведер водки, то уже в 1906 г. этот показатель достиг 85 млн ведер [2].

Это выступление Чельшова, обличающее масштабы пьянства, не могли не заметить корреспонденты центральных газет. Так, столичная газета «Новое время» 29 ноября 1907 г. отмечала, что Михаил Дмитриевич первым затронул болезненную тему пьянства русского человека: «Это делает ему честь и, может быть, даёт ему историческое имя» [5]. Важность деятельности Чельшова отмечали также многие известные деятели страны: Л. Н. Толстой, А. Ф. Кони, П. А. Столыпин и император Николай II.

Поражает активность Чельшова, который на протяжении работы III Государственной Думы выступал на заседаниях более 300 раз [7]. Как писали современники, его уникальной чертой было то, что обсуждение по любой теме он сводил к проблеме пьянства, за что его прозвали «Самарским Катонем», «Апостолом народной трезвости» [8, с. 41].

Благодаря инициативе Михаила Дмитриевича, уже в первую сессию, в декабре 1907 г., Дума приняла решение начать разработку законопроекта. В этой связи была создана Комиссия о мерах борьбы с пьянством. В ее состав вошли 22 человека. Возглавил Комиссию епископ Гомельский Митрофан, представитель фракции правых. Его заместителем стал Чельшов [1, с. 28]. Итогом работы Комиссии стал представленный в 1911 г. в III Государственную Думу законопроект об усилении мер борьбы с народным пьянством.

Он предусматривал предоставление городским Думам и земским собраниям права запрещать открытие пунктов продажи спиртных напитков и требовать их закрытия в определенных местах. Вместе с тем планировалось понижение крепости водки до 37°, прекращение ее розлива в мелкую посуду. Одним из положений было ограничение продажи алкоголя: не более одной бутылки в руки. На самой же бутылке, согласно законопроекту, должна быть помещена этикетка, содержащая сведения о вреде алкоголя. В школах авторы законопроекта предлагали ввести учебную дисциплину о негативных последствиях от употребления спиртного.

Зимой 1913–1914 гг. проект поступил в Государственный Совет, где он подвергся анализу со стороны специальной комиссии из 15 человек. В процессе ее работы в законопроект были внесены некоторые дополнения, часть положений была отредактирована. Эти коррективы вызвали острую критику М. Д. Чельшова, который писал, что был недоволен этим законом, так как тот был «сильно ослаблен Государственным Советом». Позже законопроект был возвращен в IV Думу для доработки. Однако ему не суждено было обрести статус закона.

Таким образом, проблема алкоголизации населения, которая обострилась в результате введения винной монополии в 1894 г., была актуальной темой заседаний III Государственной Думы. Благодаря активной жизненной позиции самарского депутата М. Д. Чельшова, старообрядца и трезвенника, в Думе была образована Комиссия для разработки законопроекта. Однако ее пятилетняя деятельность не принесла существенных результатов в решении проблемы пьянства. Во-первых, доход от продажи спиртного был существенным источником пополнения государственного бюджета, и Министерство финансов не стремилось отказаться от сокращения объемов производства и продажи алкогольных напитков. Во-вторых, речи Чельшова в III Государственной Думе не находили отклик у большого числа депутатов, которые считали его «фанатиком», а вносимые им предложения – абсурдными.

Научный руководитель П. С. Кабытов

Литература

1. Афанасьев А. Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 5(31). С. 27–31.
2. Бажанов Е. А. Апостол народной трезвости // Новая эпоха. 2014. 14 октября.
3. Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона» / под ред. В. Б. Аксенова. М., 2004. URL:

<https://iknigi.net/avtor-kollektiv-avtorov/103687-veselie-rusi-xx-vek-gradus-noveyshey-rossiyskoy-istorii-ot-ryanogo-byudzheta-do-suhogo-zakona-kollektiv-avtorov/read/page-5.html> (Дата обращения: 24.09.2021).

4. Николаев А. В. Антиалкогольная кампания в России 1894–1917 годов: исторический опыт решения проблемы // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. Вып. 28. 2008. № 35 (136). С. 60–72.

5. Меньшиков М. О. Пьяный бюджет // Новое время. 1907. № 11393.

6. Чельшов М. Д. Речи, произнесенные в Третьей Государственной Думе о необходимости борьбы с пьянством. СПб., 1912. 786 с.

7. Шевердин С. Н. Со злом бороться эффективно. М., 1985. URL: <https://literatura.tvereza.info/24/Sheverdin/sozlomboref.html> (дата обращения: 14.10.2021).

8. Шевченко И. А. Вопрос о «кабацкой конституции» русской деревни в представительных учреждениях России начала XX века // Гуманитарные исследования Центральной России. 2019. № 4(13). С. 18–25.

А. В. Наумова

Иркутский государственный университет

ПОЛИТИКА МЕРКАНТИЛИЗМА В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Вторая половина XVII в. в истории экономики России характеризуется переходом к политике меркантилизма и протекционизма. Она стала ответом на запрос общества в развитии внутренней и внешней торговли. Политика меркантилизма была востребована не только в России, но и в странах Западной Европы.

Меркантилизм характеризуется активным вмешательством государства в хозяйственную жизнь для накопления в стране благородных металлов, а также акцентом на развитие внешней торговли. Протекционизм – экономическая политика, ориентированная на защиту национального производства от иностранной конкуренции.

«Предвестником» грядущих перемен в экономической политике России стало Соборное Уложение 1649 г. Согласно ему, были упразднены белые слободы. Теперь все посадское население стало облагаться налогами. Проблему доминирования крупных купцов над мелкими это, конечно, не решило. Но по крайней мере, все посадское население было уравнено относительно экономических обязательств по отношению к государству.

Следующим шагом властей стало принятие «Торгового устава» в 1653 г., который связывал торговлю и налогообложение. Он устанавливал единую для всей территории Европейской России по-

шлину в 5 % от цены товара, устраняя локальные системы взимания мелких пошлин, таких как годовщина и амбарщина. Также товар облагался налогом при покупке и продаже. Иностранцы платили повышенный налог, к которому еще добавлялась плата за отправление товаров из пограничных пунктов [1, с. 59].

Апогеем развития политики меркантилизма можно считать принятие в 1667 г. «Новоторгового устава». Он определил сбор отдельно для «весчих и невесчих» товаров в 5 % и 4 % соответственно, о чем гласит статья 12: «А что будетъ у Рускихъ людей всякихъ товаровъ въ продажъ на деньги и на мѣну: и съ тѣхъ товаровъ имать Гостю съ товарищей, съ прямой продажной цѣны, со всякихъ вѣсчихъ товаровъ по прежнему, по 10 денегъ съ рубля, а не съ вѣсчихъ товаровъ со всякихъ имать пошлины по 8 денегъ с рубля, а съ сала ворвань и съ рыбы имать пошлина по прежнему Великаго Государя указу» [4, с. 679]. Статья 29 устанавливала сбор при продаже товара: «А какъ онъ тотъ товаръ продасть на городѣ: и съ него взять пошлину по десяти денегъ съ рубля, съ продажныя съ прямыя цѣны, и дать ему въ томъ платежѣ выписъ, а лишнихъ пошлинъ никакихъ накладныхъ не имать» [4, с. 682]. Пошлина для иноземцев стала повышенной, она платилась дукатами или ефимками, о чем гласит статья 56: «А буде которые иноземцы похотят товары свои отъ города возить къ Москвѣ и въ иные города; и имъ платить съ тѣхъ заморскихъ товаровъ у Архангельскаго города, проѣзжихъ пошлинъ по гривнѣ с рубля золотыми и ефимками для того, что Рускіе люди и Московскіе иноземцы пятину и десятину и всякія подати платятъ и службы служатъ, а иноземцы ничего не платятъ» [4, с. 685]. В пограничных городах она была в два раза ниже. Ефимки, кстати, позднее переплавлялись в редкий металл на территории России того времени – серебро. Также иностранным гостям запрещено было торговать в розницу и выставять свои товары на ярмарках. Для торговли за пределами Архангельска, Пскова и Новгорода Великого иностранцам нужна была особая разрешительная грамота [3, с. 514].

Иностранцы пытались обходить эти правила, торгуя «под прикрытием» местных торговцев и администрации, что, естественно, вызывало недовольство русского купечества, от которого поступали жалобы, но воздействия они, как правило, не имели [3, с. 511–512].

Сторонниками новых экономических мер при царе Алексее Михайловиче были Б. И. Морозов, А. С. Матвеев и А. Л. Ордин-Нащокин.

Борис Иванович Морозов, живший с 1590 по 1661 г., – боярин, наставник Алексея Михайловича и один из виновников Соляного бунта в Москве. Морозов способствовал развитию торговли и промышленности, укреплению положения купцов, развитию городов. Имея большое влияние в правящей элите, он добился отмены привилегий для иностранных купцов в России. Развитие торговли выдвинуло его как один из источников пополнения государственного бюджета [2, с. 210–211].

Артамон Сергеевич Матвеев, живший с 1625 по 1682 г. боярин, приближенный Алексея Михайловича, провел работу по упорядочению деятельности Монетного двора. С 1671 г. он был главой Посольского приказа, организатором одной из первых экспедиций в Китай [2, с. 211].

Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, родившийся в 1606 г., известен нам больше как дипломат, чем экономист. Он начал карьеру еще при Михаиле Романове, когда был отправлен на исправление пограничной линии со шведами. Его возвышение приходится на период правления Алексея Михайловича. Ордин-Нащокин сумел подавить псковский бунт 1650 г. и заключить Велюсское перемирие со шведами в 1658 г. и Андрусовское перемирие в 1667 г. В 1665 г. он был направлен воеводой в Псков, где учредил выборный муниципальный совет из пятнадцати человек, дабы предотвратить произвол местной администрации, а также отменил откупничество на торговлю вином, установив свободную его продажу с налогом с рубля по две деньги, и советовал оптовым и розничным купцам объединяться. Помимо этого, Афанасий Лаврентьевич постановил, что одна треть стоимости от покупаемых иностранцами товаров должна быть оплачена ефимками. И хотя изменения были вскоре отменены, а сам Ордин-Нащокин заменен на своем посту И. А. Хованским, идея с серебряными гульденами была реализована в «Новоторговом уставе», работу над которым он возглавил [5, с.167–172].

Имея острый ум, А. Л. Ордин-Нащокин высказал ряд прогрессивных для своего времени идей, таких как преобразование армии, создание банка и др. Он часто пользовался расположением Алексея Михайловича. Но характер у Ордина-Нащокина был тяжелый – будучи прямолинейным и считая себя зачастую единственно правым, он быстро нажил себе врагов среди правящей верхушки, которые добились его смещения. В итоге в 1672 г. Афанасий Лаврентьевич был отправлен в отставку. Через год он постригся в монахи. Умер в 1680 г. [6, с. 124].

Политика меркантилизма и протекционизма, проводником которой был А. Л. Ордин-Нащокин, продолжилась при царе Федоре Алексеевиче. Вводились меры по поддержке производителей товаров. Собирались совещания с купечеством, на которых обсуждались вопросы регулирования внутренней и внешней торговли, а также меры поддержки торгово-ремесленного сословия. В годы регентства царевны Софьи были заключены торговые договоры с Швецией, Польшей, Пруссией, а в 1689 г. был заключен Нерчинский договор с Китаем. На окраинах государства устраивались торги и ярмарки, давались льготы для торговцев. Однако новый импульс экономическому развитию страны придали только реформы Петра I.

Научный руководитель А. П. Санников

Литература

1. История СССР с древнейших времен до наших дней. В 12 Т. / Б. Н. Пономарев [и др.]. М. : Наука, 1966. Т. 3. С. 15–62
2. Всемирная история экономической мысли : в 6 т. / В. Н. Черковец [и др.]. М. : Мысль, 1987. Т. 1. С. 210–211. URL: <https://b-ok.cc/book/1314440/2659d7> (дата обращения: 06.10.2021)
3. Кулишер И. М. История русского народного хозяйства. 3-е изд. Челябинск : Социум, 2008. Т. 2. 743 с. URL: <https://l1lib.us/book/2980112/9d5a93> (дата обращения: 06.10.2021)
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 1. С. 677–691. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=2 (дата обращения: 06.10.2021)
5. Соловьев С. М. История России с древнейших времён. В 29 т. Т. 13. 635 с. URL: https://aldebaran.ru/author/solovev_sergeyi/kniga_istoriya_rossii_s_drevneyishih_vremen_to_ru_10/ (дата обращения: 06.10.2021)
6. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб. : Типо-Литография И. А. Ефрона, 1897. Т. 22. С. 123–124. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10174/#page/129/mode/lup> (дата обращения: 06.10.2021)

А. Л. Никифоров*Иркутский государственный университет*

ИРКУТСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX в.: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ

Понятие «социальный портрет» достаточно широко применяется в современных исследованиях в рамках гуманитарных наук. Так, в научной литературе последних лет, посвященных истории Сибири, большое внимание уделяется анализу социального облика генерал-губернаторского корпуса Азиатской России [1; 2]. В данной работе в качестве исследуемой социальной группы выступают иркутские губернаторы конца XVIII – начала XIX в.

Первым губернатором Иркутской губернии после ее восстановления в 1797 г. становится Христофор Иванович Трейден (1735–1809), прибалтийский немец, лютеранин. Х. И. Трейден состоял на военной службе, участвовал в сражениях Семилетней и русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В 1791–1797 гг. он служил в Оренбурге, занимая должность обер-коменданта города. Назначение в Иркутскую губернию Х. И. Трейден получил в 1797 г., однако прибыл в город только 7 апреля 1798 г. [3, с. 495]. Очевидно, Трейден не успел ничем отметиться на посту, поскольку очень скоро получил отставку – в сентябре 1798 г.

Второй военный губернатор Иркутской губернии Борис Борисович Лещано (1740–1827) также был иностранцем. Б. Б. Лещано был по происхождению итальянцем (по другим данным – швейцарцем), по вероисповеданию – католик. Поступив на военную службу в 1755 г., он прошел довольно типичный для своей среды путь, неторопливо поднимаясь по карьерной лестнице от прапорщика до генерал-майора (1795 г.). Лещано участвовал в Семилетней войне, Польской кампании 1770–1774 гг., русско-турецкой войне 1787–1791 гг. В правление Павла I, благоволившего к Б. Б. Лещано, начинается возвышение последнего. Император включает его в состав Военной коллегии, затем назначает военным губернатором Архангельской губернии, а в конце 1798 г. переводит в Иркутск. Б. Б. Лещано пробыл здесь военным губернатором с 28 января 1799 г. по 21 июня 1802 г. Он содействовал дальнейшему заселению Забайкалья, развитию путей сообщения. Под его наблюдением была завершена постройка Кругобайкальского тракта, улучшено судоходное сообщение через Байкал. Скорое падение Б. Б. Лещано

предопределили его конфликт с иркутским купечеством и противостояние с сенатором и будущим сибирским генерал-губернатором И. О. Селифонтовым, присланным в Сибирь для ревизии края. В 1802 г. Б. Б. Леццано был отставлен от службы и несколько лет находился под судом Сената. После оправдательного приговора вышел в отставку.

Третьим и последним военным губернатором Иркутской губернии стал Николай Петрович Лебедев (1750–1813). Он происходил из дворян Смоленской губернии. Как и Б. Б. Леццано, он пользовался благосклонностью Павла I, в 1799 г. был определен военным губернатором в Тобольскую губернию. После отставки Б. Б. Леццано, Лебедев занял его место и с 26 марта 1802 г. по 1803 г. оставался иркутским военным губернатором. После образования Сибирского генерал-губернаторства Н. П. Лебедев лишился своего поста. За время службы губернатором он успел открыть в Иркутске военно-гарнизонную школу и военный госпиталь.

Тайный советник Петр Яковлевич Аршневский (1748–1811) возглавлял Иркутскую губернию, по существу, лишь формально, с 5 по 25 сентября 1798 г. Он происходил из старинного, но незнатного дворянского рода. Прервав военную карьеру, П. Я. Аршневский перешел на статскую службу, а впоследствии вышел в отставку и 12 лет провел в своем имении в Смоленской губернии. Император назначил Аршневого на должность иркутского гражданского губернатора, но тот почти сразу отказался, ссылаясь на плохое здоровье.

Ничем положительным не отметился следующий гражданский губернатор – Алексей Иванович Толстой (1721–1803). Он большую часть жизни посвятил военной службе, на статскую перешел в 1770 г. В 1798 г. произведен в действительные статские советники и назначен иркутским гражданским губернатором. А. И. Толстой занимал должность до 22 июня 1802 г. «Иркутская летопись» охарактеризовала его как бездеятельного губернатора, «пустую голову» [3, с. 491]. Вероятно, одной из причин пассивности Толстого как администратора был его преклонный возраст – к моменту назначения ему исполнилось 77 лет. Не было обнаружено сведений и о деятельности в Иркутске губернатора Ивана Николаевича Репьева (1755–1833). Репьев изначально поступил на гражданскую службу, которая проходила в основном в Прибалтике. С 1802 по 1804 г. Иван Николаевич Репьев был иркутским гражданским губернатором, после чего вернулся в Лифляндию, где в 1809–1811 гг.

служил лифляндским губернатором. Действительный статский советник Николай Петрович Картвелин почти не оставил свидетельств о своей жизни. Его назначение на должность было инициировано генерал-губернатором И. О. Селифонтовым в 1804 г., но позже он разочаровался в Картвелине. Известно также, что при этом губернаторе состоялись церковные мероприятия и церемонии, связанные с канонизацией Иннокентия Кульчицкого [3, с. 253].

Интересна фигура следующего губернатора, Алексея Михайловича Корнилова (1760–1843), отца известного адмирала В. А. Корнилова. Родом он был из поместных дворян Тверской губернии, учился в Морском кадетском корпусе, затем служил во флоте, после успехов в сражениях русско-шведской войны был произведен в капитан-лейтенанты. В 1805 г. А. М. Корнилов, оставивший флот, был назначен на пост иркутского гражданского губернатора. Корнилов принял участие в свержении всесильного Селифонтова, однако сам пострадал от нового генерал-губернатора И. Б. Пестеля, который желал поставить иркутским губернатором своего помощника Н. И. Трескина. Корнилов добровольно ушел с должности, попросив о переводе в Тобольск. Однако и здесь он не задержался надолго, и в 1807 г. все же был смещен Пестелем. Генерал-губернатор сделал представление, вследствие которого Корнилов был предан суду Сената за якобы данное им противозаконное распоряжение о выдаче под расписку 50 тыс. руб. казенных денег. Позднее Корнилов был оправдан, а в 1821 г. даже получил место в Сенате.

Итак, рассмотренный этап истории губернаторской должности в Иркутской губернии (1797–1806 гг.) характеризовался следующими особенностями. За 9 лет во главе Иркутской губернии побывало 8 губернаторов, то есть в среднем эти руководители задерживались на своей должности чуть больше года. Это можно объяснить тем, что на рубеже XVIII–XIX вв. правительство производило поиск оптимальной модели устройства Сибири, что приводило к постоянным кадровым перестановкам, из-за которых гражданские и военные губернаторы сменялись достаточно быстро, почти не успевая отметиться какими-либо серьезными заслугами на своем посту. Образовательный уровень иркутских губернаторов в это время остается невысоким – большинство из них имело лишь домашнее образование, качество которого разнилось и сильно зависело от субъективных факторов. Из 8 губернаторов только один до назначения в Иркутск был связан с Сибирью – Н. П. Лебедев, бывший тобольским военным губернатором. При этом опыт административного

управления имели почти все губернаторы из данного списка, исключение составил только А. М. Корнилов. Также для 7 из 8 лиц губернаторство в Иркутске стало вершиной карьеры, после которой они уходили в отставку. Помимо этого, необходимо отметить тот факт, что уже на данном этапе можно зафиксировать начало практики вмешательства в вопрос о назначении иркутского губернатора со стороны сибирских генерал-губернаторов. Так, И. О. Селифонтов добился отставки Б. Б. Леццано, и через какое-то время провел на эту должность П. П. Картвелина. И. Б. Пестель отстранил А. М. Корнилова и добился назначения на должность Н. И. Трескина.

Научный руководитель Л. М. Дамешек

Литература

1. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Матханова Н. П. «Главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия и пользы государства». Иркутск : Отгиск, 2020. 340 с.
2. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Социальный портрет генерал-губернаторского корпуса Азиатской России // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2019. № 3 (35). С. 10–23.
3. Иркутск. Историко-краеведческий словарь. Иркутск : Сиб. кн., 2011. 596 с.

К. А. Соснерж

Иркутский государственный университет

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ВОЛОСТНОЙ РЕФОРМЫ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

К середине XIX в. в связи с необходимостью решения аграрного вопроса в центральной части России правительство приняло решение о реализации проекта волостной реформы в 36 губерниях Европейской России [10]. Целью этого проекта было формирование единого административно-территориального пространства на данной территории. Наряду с этим, согласно материалам Сборника главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибири, Министерству государственных имуществ и внутренних

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Иркутского государственного университета для молодых ученых № 091-21-321 «Управление народами Восточной Сибири в период кризиса самодержавия (в конце XIX – начале XX вв.)».

дел было поручено составить ряд предложений о возможности распространения проекта волостной реформы на население губерний и областей «... по особым учреждениям управляемых, в том числе и сибирских» [12, с. 1–2]. Однако в дальнейшем решение этого вопроса затянулось по различным причинам не на одно десятилетие. Тем не менее, в 1890-х гг. в правительственных кругах на обсуждение был выдвинут ряд законопроектов, принятие которых подготавливало почву как для аграрных, так и для политико-административных преобразований на территории Юго-Восточной Сибири.

Вопрос разработки и реализации проектов волостной реформы на территории Юго-Восточной Сибири весьма неоднозначно освещался в отечественной историографии того или иного периода.

В отечественной историографии дореволюционного периода трудов, которые бы целостно отображали процесс разработки и реализации волостной реформы на территории Сибири, опубликовано не было. Исследователи рассматривали частные вопросы, связанные с землеустройством на территории Сибири, распространением пашенного земледелия в регионе, обсуждением экономической целесообразности этих процессов. Кроме этого, в трудах некоторых авторов выносилась оценка эффективности проводимых правительством мероприятий в отношении аграрного законодательства [3; 8].

Другой вектор исследований дореволюционных авторов был направлен на изучение взаимоотношений центра и регионов, представителей коренного населения с русским, а также на исследование влияния русской культуры на уровень жизни «инородцев». В современной научной литературе последнее получило название «областнического» направления. Авторы этой концепции в своих работах пытались привлечь внимание правительства и интеллигенции к вопросам необходимости повышения уровня как экономического, так и культурного развития Сибирского региона.

Несмотря на активную разработку указанных тематик, проблема государственно-правового устройства окраинных территорий освещена в трудах дореволюционных исследователей лишь фрагментарно. В основном, это отдельные сюжеты в общей концепции работ по государственному праву. Отсутствие комплексных исследований в этот период связано с тем, что на данном этапе шел процесс накопления фактических материалов, введения в оборот источников, т. е. база для последующих исследований в этот период только начинала формироваться.

Период после Октябрьской революции в отечественной историографии характеризовался тотальной критикой действий царского правительства, что не позволило дать объективную оценку определенным процессам и событиям [4]. Однако, несмотря на эти обстоятельства, можно выявить несколько направлений, которые были весьма полно раскрыты авторами в первые послереволюционные десятилетия: 1) административные реформы в Сибири и политика в отношении управления коренными народами; 2) аграрная политика и крестьянское управление; 3) штрафная колонизация. В более поздний советский период исследователям удалось сформировать теоретическую основу для последующего комплексного изучения правительственных мероприятий, отражавших главную политическую концепцию окраинной политики конца XIX в. инкорпорации сибирской территории в единую для всей России систему волостной организации.

Благодаря наследию предшественников, советские исследователи существенно расширили исследование тематики аграрных отношений и уровня хозяйственного развития населения на территории Сибири, сопроводив свои работы большим объемом экономических и статистических показателей [1; 2]. Первые попытки целостного изучения правительственных мероприятий, направленных на реализацию волостной реформы в Сибири, были предприняты иркутскими исследователями, которые высказали идею преемственности закона 1898 г. о введении института крестьянских начальников на территории Сибири с законом 1889 г. о земских начальниках Европейской России [9; 7].

Таким образом, стоит отметить, что в советский период отечественной историографии значительно расширилась и углубилась проблематика исследования взаимосвязи региональной политики с общим внутривластным курсом российского правительства. Авторами этого периода была выдвинута идея о том, что приход русского населения способствовал повышению экономического и культурного уровня развития коренного населения Сибири.

Для современного этапа развития отечественной историографии по данному вопросу характерна разработка актуальной для постсоветского пространства проблематики, связанной с вопросами роли и места национально-государственных образований в составе Российской Федерации. Исследовательский интерес современных авторов сфокусировался на поиске оптимальной модели взаимоотношений центра с национальными окраинами. Так, в трудах современных авторов, с позиции исторической дистанции оценивается

уровень эффективности различных по своему характеру управленческих практик представителей царской администрации. С точки зрения управления, Российская империя представляла собой сложноорганизованную систему, в которую были включены разные по уровню политического, социально-экономического и культурного развития территории. Такая многоаспектность, о которой уже упоминалось ранее в этой работе, позволила сформулировать концепцию имперского регионализма, ставшего впоследствии предметом детального изучения омских, иркутских и улан-удэнских историков-сибиреведов [11; 6; 5].

Исследование процессов, связанных с проведением волостной реформы на территории Юго-Восточной Сибири, представлено наиболее полно в отношении Забайкальской области. Научные труды, основанные на солидной документальной базе, сохранившейся в Государственном архиве Республики Бурятии, освещают развитие самоуправления в среде бурятского населения, отражают специфические особенности замены местных институтов управления на общероссийские, действовавшие, в свою очередь, в рамках единой для всей России волостной организации. В отношении Иркутской губернии, в рамках изучения проблематики, связанной с проведением волостной реформы, вопрос требует дальнейшего изучения и детальной проработки.

Таким образом, в дореволюционной отечественной историографии комплексного представления о проектах волостной реформы как о едином политико-административном и государственно-правовом мероприятии еще не сформировалось. В советский период фокус внимания исследователей был направлен на проработку вопросов социально-экономической истории народов Сибири, а также на исследование роли Устава об управлении «иногородцев» 1822 г. в региональной политике государства. На современном этапе отечественной историографии была сформулирована концепция имперского регионализма, которая отражает, по большей части, всю многоаспектность управленческой практики Российского государства в отношении окраинных территорий.

Весь массив аналитической информации, дополненной и пересмысленной на разных промежутках времени, позволяет проследить динамику и эволюцию развития административно-территориальной политики в Сибири, выявить общие и специфические черты управленческой практики государства и с помощью компаративного анализа обеспечить максимально целостное исследование столь длительного процесса централизации Сибирского региона.

Научный руководитель Л. М. Дамешек

Литература

1. Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX начала XX в. : монография. Новосибирск : Наука, 1975. 266 с.
2. Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.) : монография. Новосибирск : Наука, 1976. 243 с.
3. Григорьев В. Ю. К вопросу о поземельном устройстве инородцев в Сибири // Сибирские вопросы. 1906. № 2. С. 55–74.
4. Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX – начало XX в.) : монография. Иркутск : Оттиск, 2020. 728 с.
5. Дамешек Л. М. Избранное : в 3 т. Иркутск : Оттиск, 2018. Т. 1 : Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). 417 с.
6. Жалсанова Б. Ц. История формирования и развития органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. : монография. Иркутск : Оттиск, 2012. 364 с.
7. История Бурятии : в 3 т. / гл. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ, 2011. Т. 2 : XVII – начало XX в. С. 252–256.
8. Кауфман А. А. Земельный вопрос и переселение // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 79–140.
9. Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа. От XVII до 60-х годов XIX века : монография. М. : АН СССР, 1940. 242 с.
10. ПСЗ-III. Т. 48. № 23320.
11. Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX в. : монография. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2004. 552 с.
12. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. 6. Вып. 1. Иркутск : Тип. Н. Н. Синицына, 1883. 199 с.

Л. В. Шигильдеева

Иркутский государственный университет

ПЕРВЫЙ СОСТАВ СОВЕТОВ ГЛАВНЫХ УПРАВЛЕНИЙ СИБИРИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Анализ практической реализации «Учреждения для управления сибирских губерний» и организации Советов Главных управлений – одна из важнейших задач исследования административной политики Сибири XIX в. Статья рассматривает начало работы коллегиальных органов управления и персональный состав чиновников, входивших в Советы.

На момент открытия Советов они состояли из неполного количества Советников, назначенных на должность. Как прописано в «Учреждении для управления Сибирских губерний», всего в Совете Главного управления должно быть шесть членов, трое из которых являются делопроизводителями и назначаются по представлению генерал-губернатора, а трое других назначаются от министерств

финансов, юстиции и внутренних дел и представляют данные министерства. В Восточной Сибири в 1822 г. было назначено 5 из 6 человек: А. Ф. Кабрит, И. Н. Корюхов, М. И. Ланганс, Е. А. Алексеев, М. Д. Воинов. По Западной Сибири точных сведений нет, но согласно информации, содержащейся в диссертации Г. И. Растягаевой «Чиновничий аппарат Главного управления Западной Сибири: 1822–1882 гг.», можно сделать вывод, что в 1823 г. службу в Совете начали все его члены.

Однако здесь следует сделать примечание: назначение членом Совета Главного управления и утверждение в должности – это разные вещи. В Восточной Сибири от назначения до утверждения могло проходить несколько лет. Скорее всего, это было связано с «недотягиванием» до чина, требуемого для данной должности. Но ввиду отсутствия большого выбора кадров, приходилось назначать «временно исполняющим» должность советника того, кто имел чин ниже и ждать его повышения в звании. При этом все функции советника оставались в полной мере. И оклад поступал уже по новой должности. Так было во всех управлениях. В Западной Сибири чиновников, которые исполняли должность советника, было двое. В Восточной Сибири – трое. При этом генерал-губернаторы стремились всячески помочь таким советникам и испрашивали для них награды и чины. На основании имеющихся формулярных списков советников двух Главных управлений можно сделать заключение, что только к 1825 г. в обоих Главных управлениях достигли полного укомплектования Советов. Таким образом, сравнение двух Советов произведем по 1825 г. и возьмем для анализа 12 чиновников. Здесь сразу следует отметить, что у одних советников взяты формулярные списки за 1824 г., у других – за 1827 г., поэтому при сравнении могут быть небольшие погрешности, прежде всего, в том, что касается возрастной характеристики (она представлена за 1825 г. и может быть с погрешностью в 1–2 года).

Далее информация представлена по двенадцати персоналиям: шести чиновникам Западной Сибири и шести – Восточной.

Члены Совета Главного управления Западной Сибири: Коллет Леонард Петрович (от министерства юстиции), Машмейер Иван Филиппович (от министерства внутренних дел), Резанов Алексей Петрович (от министерства финансов) и делопроизводители: Пономарев Алексей Сергеевич, Протопопов Владимир Александрович и Шульгин Федор Иванович.

Члены Совета Главного управления Восточной Сибири: Корюхов Иван Никитич (от министерства юстиции), Ланганс Матвей

Иванович (от министерства внутренних дел), Васильев Сергей Тимофеевич (от министерства финансов) и делопроизводители: Алексеев Евдоким Алексеевич, Воинов Матвей Дмитриевич, Кабрит Андрей Федорович [1].

Местами, где данные по трем чиновникам от министерств в Совете Главного Управления Западной Сибири (И. Ф. Машмейеру, Л. П. Коллету, А. П. Резанову) отсутствуют, выборка составлялась из 9 человек.

На момент службы средний возраст чиновников составлял 48 лет. Средний возраст советников Главного управления Западной Сибири – 49 лет, а Восточной – 48 лет. Если сравнить средний возраст советников от министерств, который составлял 62 года, со средним возрастным показателем делопроизводителей, составлявшим 35 лет, то увидим большую разницу. В принципе, это соответствует идее М. М. Сперанского о том, что советники от министерств должны действительно ограничить себя только советами, когда их спросят, а «к сему нужна только опытность», а не большая деятельность, поэтому можно и нужно назначать людей в возрасте. Другое дело советники-делопроизводители. Их задача не столько советовать, сколько производить и исполнять, поэтому их назначает генерал-губернатор и они должны быть молоды и полны сил для активной деятельности.

Поэтому трое советников от министерств имели в основном совещательные функции и выполняли почетную роль, советники-делопроизводители больше занимались делами, выполняли ряд поручений от генерал-губернатора и осуществляли необходимые действия для функционирования Совета.

В целом по Советам Главных управлений чиновников в возрасте от 30 до 40 лет было 42 %, от 41 до 50 лет – 8 %, от 51 до 59 лет – 17 %, возраст более 60 лет имело 33 % советников.

По табели о рангах советники имели VIII, VII и V классы. В чине статского советника находились 6 человек – представители от министерств. Делопроизводители, в большинстве своем, имели чин коллежского асессора и только один чиновник Западной Сибири был надворным советником (Ф. И. Шульгин).

Происхождение членов Совета распределилось следующим образом: из дворян – 34 %; из семей чиновников – 34 %; и по 8 % – из духовного звания, военнослужащих, вольно определяющихся и штаб-лекарских детей. Чиновников сибирского происхождения было 45 %, а вот тех, кто приехал из европейской России на службу в Сибирь, было 55 % (данные приблизительны). До назначения в

Совет у всех за плечами был большой служебный путь, кто-то начал его с военной карьеры, кто-то с гражданской службы. К первым относится 33 %, ко вторым – 67 %.

При анализе семейного положения также отсутствуют данные на двоих человек, поэтому подсчет производился с учетом 10 советников. Количество холостых и женатых разделилось поровну – 50 %, дети были у четверых членов Советов.

На основании имеющихся данных можно сделать следующие выводы. Как свидетельствуют формулярные списки, Советники Главных управлений были людьми весьма образованными, с большим опытом за плечами, ответственными и с хорошими рекомендациями. Делопроизводители были моложе советников от министерств, поэтому их чаще привлекали для дел, требующих затрат сил и энергии. Советники от министерств выполняли в основном совещательные функции, но их советы были весьма ценными, так как их большой опыт работы, знание Сибирского края и просто мудрость, которая приходит с годами, помогали при решении важных дел.

Научный руководитель Л. М. Дамешек

Литература

1. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 92.

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Е. А. Берман

Иркутский государственный университет

ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИИ СВЯТОГО (ПОГРЕБАЛЬНОГО) БРАТСТВА ИРКУТСКОЙ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX в.)

Благотворительность (цдака) – одно из основных священных предписаний в иудаизме, которая является обязанностью каждого еврея (даже тот, кто сам в ней нуждается, помогает более нуждающимся). Со времен Средневековья в еврейских общинах по всей Европе функционировали многочисленные благотворительные общества, т.н. братства, имевшие свои собственные уставы и структуру. Существовали Братства талмуд-торы (бесплатной еврейской религиозной школы для сирот и мальчиков из неимущих семей), Братства искупления узников, Братства посетителей больных, Братства странноприимства, Братства для вспомоществования невестам, Братства для одевания нагих и т. д. Средства для осуществления своей деятельности братства получали от собственных членов, в виде членских взносов, от общественных сборов, собираемых в общине для социальной помощи, а также как пожертвования от частных лиц и организаций [1].

В еврейских общинах на территории черты постоянной еврейской оседлости в Российской империи также существовали разнообразные благотворительные братства. За чертой оседлости таких

братств было не так много, однако, вне зависимости от местонахождения, ни одна еврейская община не могла существовать без наличия в ней Святого (Погребального) братства (хевре кадише), отвечающего за строго регламентированные в иудаизме проводы усопшего в последний путь. Эта организация объединяла людей, которые бескорыстно оказывали последние почести умершему, готовя его к погребению и проводя обряд похорон. Такие братства были необходимы каждой общине, т.к. ближайшим родственникам умершего еврея религиозным законом было строжайше запрещено самим заниматься погребением усопшего [2]. Погребальное братство заведовало кладбищем, покупало под него землю, контролировало целостность кладбищенской ограды, содержало надзирателя и работников кладбища. Также оно заботилось о том, чтобы усопший в день смерти был предан земле, т.к. по понятиям евреев лежание вне могилы причиняло усопшему муки и бесчестие.

Доходы хевре кадише в любой общине были высокими и складывались из платы, взимаемой с родственников усопшего за место, отводимое на кладбище, капиталов, добровольно завещаемых братству и кружки братства, которая постоянно находилась в молитвенных домах и с которою ходили во время выноса умершего. Плата за место на кладбище не имела определенной нормы, а зависела от усмотрения старшин, которые брали во внимание степень состоятельности, образ жизни, религиозное поведение и талмудическую репутацию умерших. Из числа членов братства ежегодно избирался один или несколько старшин (габаев), остальные члены, в числе не менее десяти, назывались братчиками (хаверим) [3].

В свою очередь, расходы братства складывались из жалованья своим служащим (не братчикам, которые работали безвозмездно), расходов на ремонт кладбищенской ограды и принадлежащих братству домов, на снабжение саванами бедных, на покупку земли под кладбище (по надобности), на большую ежегодную трапезу для всех братчиков. Поскольку все эти расходы, в итоге, были гораздо ниже суммы приходов, хевре кадише располагало значительными денежными суммами, которые оно пускало на дальнейшую благотворительность [4].

В 1840–1850 гг. Погребального братства в Иркутске не существовало, а делом погребения заведовал старый николаевский солдат, служитель военного госпиталя. Погребальное братство было учреждено в 1885 г. членами общины Л. О. Лейбовичем, Х. Б. Баруховичем и Я. Г. Ермановичем, а первым его старостой стал купец

1-й гильдии Леонтий Осипович Лейбович. В дальнейшем старостами Братства также становились известные и уважаемые члены общины. В 1886–1892 гг. старостой Братства был иркутский купец 2-й гильдии Герш Мовшевич Шнейдерман, в 1889–1903 гг. Леонтий Абрамович Винокуров и Леонтий Соломонович Мармонтов, в 1903–1908 – иркутский купец 2-й гильдии Иуда Лейбович Нейман, в 1909 г. И. Я. Азарович, в 1910–1911 гг. Энох Менделевич Брамзон, в 1912 г. вновь И. Л. Нейман, в 1913–1916 – Э. М. Брамзон. С 1905 г. в состав Погребального братства стал входить специально избираемый Комитет из шести лиц. Казначейми Погребального братства в разные годы были: Э. М. Брамзон, А. И. Белицкий, Я. Я. Тышковский, М. Я. Рубанович и А. И. Лоцман (из календаря 1918 г.) [5].

Погребальное братство имело два деревянных дома с пристройками на кладбищах и весь необходимый инвентарь. Братство финансировало бесплатное еврейское училище, синагогальную библиотеку, а затем и библиотеку Общества для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ), выделяло деньги для улучшения питания заключенных в праздники [6].

Известно, что Погребальное братство существовало не только при синагоге, но и при Ремесленном молельном доме (в первые 20 лет XX в., кроме Большой синагоги, в Иркутске существовало три молельных дома) [7]. С 1906 г. старостой его был Леонтий Ефимович Кофман. С 1917 г., после Октябрьской революции, оба Погребальных братства были объединены, и Л. Ф. Кофман продолжал исполнять обязанности старосты до 1932 г., несмотря на революционные события, гражданскую войну, голод, разруху, экспроприацию собственности еврейской общины и фактический запрет на исполнение еврейских обрядов. В 1918 г. братством были собраны деньги на открытие приюта для бедных странников «Ахноса-Ойрхим», в 1925 г. оно организовало оказание помощи бедным больным при благотворительном обществе «Линас-Гацедек» (календарь 1926–27 гг.) [8].

В 1930-е гг. Погребальным братством управляли бывший купец 1-й гильдии Леонтий Борисович (Лейба Борухович) Мерецкий, Меер Исаевич Генич, а также бывшие иркутские купцы Тейман и Залкинд, имена которых автору установить не удалось [9]. Последние упоминания о существовании Погребального братства в Иркутске относятся к 1958 г. [10]. К сожалению, полной записанной истории иркутского еврейского погребального братства не сохранилось, несмотря на то, что в 1924 г. И. Л. Нейман принес в дар общине

шесть своих трудов по истории евреев в Иркутске, состоящие в том числе из истории трех еврейских кладбищ и истории еврейского погребального братства [7]. В настоящее время Погребального братства при Иркутском еврейском религиозном обществе не существует, однако, усопших по-прежнему хоронят на еврейском кладбище, а также сохраняются некоторые традиции в чтении молитв и соблюдении других погребальных обрядов.

Научный руководитель Л. М. Дамешек

Литература

1. Гурвич М., Воля А. Еврейские братства в России. Вильна, 1868. 15 с.
2. Кицур Шульхан Арух 195–221. URL: https://toldot.ru/articles/articles_16124.html (дата обращения: 10.09.2021).
3. Гавриленко К. Проблемы сохранения и развития погребальной культуры евреев Западной Беларуси и Западной Украины во 2-ой пол. XIX в. в кон. 30-х гг. XX в.: источники изучения // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе : сб. науч. ст. по материалам II Междунар. науч. конф., Пинск 24–25 нояб. 2017 г. : в 2 ч. / под ред. Р. Б. Гагуа. Пинск : ПолесГУ, 2017. Вып. 2. Ч. 2. С. 221–227.
4. Гавриленко К. Благотворительность в еврейской погребальной обрядности на территории Западной Беларуси (1921–1939 гг.) // Глубокое: память о еврейском местечке / отв. ред. И. Копченова. М., 2017. С. 121–140.
5. Войтинский В. С., Горнштейн А. Я. Евреи в Иркутске. Иркутск: Типо-Литография П. И. Макушина и В. М. Посохина, 1915. 394 с.
6. Иркутский еврейский юбилейный календарь на 5679 еврейский год (1918). Иркутск : Тип. Окунева, 1918.
7. Иркутский еврейский юбилейный календарь на 5685 еврейский год (1924–1925). Иркутск : Тип. Изд-ва «Власть труда», 1924.
8. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. р-504. Оп. 5. Д. 58. Л. 71–81.
9. Волчек Г. Торговцы могилами // Восточно-Сибирская правда. 1938. 18 мая. С. 4.
10. ГАИО. Ф. р-2951. Оп. 3. Д. 54. Л. 82.

П. А. Верюжский

Иркутский государственный университет

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

На территории Восточной Сибири и Дальнего Востока во второй половине XIX и в начале XX вв. стали создаваться епархиальные органы печати. Иркутские епархиальные ведомости (ИЕВ) начали издаваться с 1863 г., Якутские (ЯЕВ) – с 1888 г., а Забайкальские (ЗЕВ), в Чите, – с 1900 г. Главными задачами являлись публикация решений и приказов епархиального начальства, которые касались кадрового состава священнослужителей, работы подведомственных учреждений и просвещение в христианском ключе.

Номера ведомостей выходили каждый месяц с разной периодичностью. Забайкальские и Якутские имели 24 номера в год и издавались два раза в месяц, за небольшим исключением. Иногда два номера помещались в одно издание. К 1917–1918 гг. ситуация в корне изменилась. Регулярность выхода ведомостей была нарушена. Попытки сохранить прежнее количество номеров привели к тому, что появлялись издания, состоящие из нескольких номеров. Так, в 1917 г. за один раз было выпущено 7 номеров ЯЕВ. Подобная ситуация сложилась и в случае с Забайкальскими епархиальными ведомостями, где эта проблема появилась намного раньше. Так, с 1909 по 1917 г. в читинских ведомостях за год могли встречаться до 8 двоянных изданий, более того, наибольшие сложности возникли в 1918 и в 1919 гг., когда число номеров в год упало до 8 и 12 соответственно [7; 17]. Все они уместались в два издания. Похожим образом развивались и ИЕВ. С 1863 по 1894 г. ведомости выходили еженедельно, составляя 52 номера в год. Иногда печатались двоянные. В 1895–1916 гг. количество номеров сократилось до 24 в год, которые выходили два раза в месяц. Ко времени революций сложности по поводу издания ИЕВ стали особо чувствоваться, из-за чего в 1917 г. вышло 15 номеров, а в 1918 г. только 2 номера [9].

В ИЕВ первым редактором оказался кафедральный протоирей Громов, который работал с 1863 по 1870 г. Он был сыном священника, закончил Иркутскую духовную семинарию, был активным церковным и общественным деятелем, состоял в консистории руководителем следственного стола и цензором проповедей, оставив огромный след в жизни города [11, с. 3–8]. Сменил его ректор духовной семинарии архимандрит Модест, проработавший с 1871 по

1877 г. Он закончил Курскую духовную семинарию и прославился большой любовью к книжному делу: в библиотеке Иркутской семинарии нашел биографию патриарха Никона с пометками Феофана Прокоповича, разобрал бумаги и книги Иннокентия Кульчитского и написал о нем книгу [11].

С 1878 по 1887 г. место редактора ИЕВ занял архимандрит Григорий, который запомнился великолепными знаниями в области богословских наук и огромными дарованиями. В 1888 г. его провожали с большим сожалением [8]. С 1888 по 1894 г. редактором был Афанасий Виноградов, закончивший Нерчинское духовное училище и Казанскую духовную академию. Он работал в Ново-Архангельской, Якутской и Иркутской семинариях и во многих училищах Иркутска [4]. В 1895 г. на место редактора поставили ректора Иркутской духовной семинарии архимандрита Евсения, который являлся магистром Московской духовной академии. До того, как он был назначен в Иркутск, архимандрит Евсений работал инспектором, а потом и ректором Вифанской семинарии, ректором Петербургской академии. Очень много выезжал в Забайкалье для обозрения епархии, знаменит большим количеством сочинений, проповедей и поучений [6].

С 1896 по 1904 г. редактировал ИЕВ Иннокентий Подгорбунский, прославившийся активной деятельностью в городе Иркутске. Закончил Нерчинское духовное училище и Казанскую духовную академию. Отличался большой активностью в преподавательской деятельности, создал музей шаманизма бурят и написал множество этнографических трудов, активно занимался общественной деятельностью [14]. С 1905 по 1916 г. одним из редакторов являлся И. Дроздов. Он закончил Нижегородскую духовную семинарию, работал преподавателем истории искусств в Иркутской школе рисования и состоял членом Русского географического общества.

В ЯЕВ первым редактором в 1888 г. стал ректор семинарии протоиерей Добротворский, который закончил Пермскую духовную семинарию и Казанскую духовную академию, получил звание магистра богословия, был цензором проповедей по Якутской Епархии [16]. В 1898 г. редактором стал преподаватель Михаил Герновский. В 1890 г. его сменил ректор Якутской семинарии архимандрит Иоанникий, который закончил Пензенскую духовную семинарию, работал там инспектором, в 1888 г. был переведен в Иркутск, где оставался до 1891 г. [1]. С 1892 г. редакцию ЯЕВ возглавил ректор семинарии Н. Трусовский, который закончил Минскую духовную семинарию, стал первым инспектором в семинарии [13].

С 1893 по 1895 г. редактором был ректор семинарии архимандрит Стефан, выпускник Рязанской духовной семинарии со званием магистра исторического отделения, работал в Пермской и Кавказской семинариях, в 1892 г. переведен в Якутск. С 1896 по 1900 гг редакцию возглавил ректор семинарии протоиерей Феодор Стуков, который закончил Казанскую духовную академию, написал большое число трудов [15]. С 1901 по 1906 г. эту должность занимал ректор семинарии П. Явловский, с 1907 по 1916 г. протоиерей Бердеников, в 1917 г. преподаватель семинарии Н. Москвитин [17].

В ЗЕВ первым редактором был с 1900 по 1902 г. преподаватель епархиального женского училища священник Михаил Колобов. Он закончил Казанскую духовную академию, после революции уехал в Харбин [3]. С 1903 г. редактором стал Н. Тараторин, закончивший Демидовский юридический лицей. Был городским головой в 1919 г. [10]. В 1904 г. его сменил В. М. Сибирский, в 1905 г. профессор И Попов, в 1906 г. учитель читинского духовного училища М. Зыбин, в 1907 г. Андрей Белков и священник Х. Белков. В 1908 г. редакцию возглавил законоучитель в читинской учительской семинарии священник С. Старков, в 1909 г. Н. А. Соколов, в 1910 г. Дроздов. С 1911 по 1913 г. во главе редакции встал преподаватель епархиального женского училища священник Н. П. Старков, который закончил Нерчинское духовное училище и Иркутскую духовную семинарию. Он являлся видным общественным деятелем в Чите [7]. С 1914 по 1917 г. официальную часть редактировал священник Иннокентий Иванов, неофициальную – архимандрит Ефрем, который закончил Нерчинское духовное училище и Иркутскую духовную семинарию. Он прославился миссионерской деятельностью, позже стал епископом, оставившим огромное количество сочинений [5]. В 1918 г. редакционный совет возглавили протоиерей С. Старков, священник О. Титов и священник Ин. Иванов [7].

За все время существования ИЕВ редакторами успели поработать 15 человек, ЯЕВ – 10 человек, ЗЕВ – 12 человек. Причем первоначально всей работой занимался один человек, а к началу XX в. обязанности могли начать распределяться на нескольких сотрудников, которые объединялись в редакторские комитеты. Редактирование епархиальных ведомостей предоставлялось священнослужителям, которые чаще всего являлись либо ректорами духовных семинарий, либо преподавателями в них, многие из редакторов начинались из Центральной России.

Научный руководитель А. П. Санников

Литература

1. Архимандрит Иоанникий // Якутская духовная семинария. URL: <http://surl.li/ajdup> (дата обращения: 07.10.2021).
2. Архимандрит Стефан // Якутская духовная семинария. URL: <http://surl.li/ajduy> (дата обращения: 07.10.2021).
3. Баранов А. О. Колобов М. А. // Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=6286> (дата обращения: 07.10.2021).
4. Виноградов Афанасий Александрович // Историко-краеведческий словарь. Иркутск: 2011. С. 91. URL: <http://surl.li/ajdtm> (дата обращения: 07.10.2021).
5. Гумеров А. Житие Преосвященного Ефрема (1876–1918), епископа селенгинского, викария Забайкальской епархии // Православие.ru. URL: <http://surl.li/ajdwp> (дата обращения: 07.10.2021).
6. Евсений (Никольский) // Дерево открытия: Православная энциклопедия. URL: <https://drevo-info.ru/articles/8876.html> (дата обращения: 07.10.2021).
7. Забайкальские епархиальные ведомости. URL: <http://surl.li/ajdxe> (дата обращения: 07.10.2021).
8. Заславский В. Б., Липаков Е. В. Григорий // Православная энциклопедия. URL: <http://surl.li/ajdri> (дата обращения: 07.10.2021).
9. Иркутские епархиальные ведомости. URL: <http://surl.li/ajdws> (дата обращения: 07.10.2021).
10. Лобанов В. Г. Тараторин Н. А. // Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=3966> (дата обращения: 07.10.2021).
11. Мельникова С. В. Предисловие // П. В. Громов. Припоминание современника о высокопреосвященном Иннокентии, митрополите Московском. Иркутск, 2014. С. 3–8.
12. Модест (Стрельбецкий) // Дерево открытия: Православная энциклопедия. URL: <http://surl.li/ajdsd> (дата обращения: 07.10.2021).
13. Николай Петрович Трусовский // Якутская духовная семинария. URL: <http://surl.li/ajduu> (дата обращения: 07.10.2021).
14. Подгорбунский Иннокентий Александрович // Историко-краеведческий словарь. Иркутск, 2011. С. 405. URL: <http://surl.li/ajeaa> (дата обращения: 07.10.2021).
15. Протоирей Феодор Стуков // Якутская духовная семинария. URL: <http://surl.li/ajdva> (дата обращения: 07.10.2021).
16. Стефан Доброворский // Якутская духовная семинария. URL: <http://surl.li/ajdud> (дата обращения: 07.10.2021).
17. Якутские епархиальные ведомости. URL: <http://surl.li/ajdxa> (дата обращения: 07.10.2021).

Д. М. Евдокимов*Иркутский государственный университет*

И. И. ПОПОВ И ЕГО УЧАСТИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «МОЛОДОЙ ПАРТИИ НАРОДНОЙ ВОЛИ»

Иван Иванович Попов известен сибирским исследователям как активный общественный деятель и гласный Иркутской городской думы, как заместитель Н. М. Ядринцева, редактор, а далее и глава самой крупной сибирской общественно-политической газеты «Восточное обозрение» – главного информационного центра и площадки для общественных дискуссий. Его жизнь тесно была связана с Сибирью, с ее традициями, взглядами и, в особенности, с общественно-политической жизнью региона. При всех заслугах, важным фактом его прошлого является то, что в Сибири он оказался в качестве ссыльного, осужденного за активную революционную деятельность, за участие в оппозиционной и террористической деятельности партии «Народной Воли». Данный этап биографии не попадал под пристальное внимание исследователей, что и обеспечивает актуальность данной темы.

Целью работы является попытка обозначения границ участия И. И. Попова в деятельности «Молодой партии Народной воли» в эпоху заката революционного «Народнического движения» в Российской империи 80-х гг. XIX в.

События 1 марта 1881 г. в значительной мере пошатнули как государственно-правовую политику, так и общественное сознание. Убийство императора Александра II являлось важным и переломным этапом в истории Российской империи. В рамках освещения этого события мнения у общественности были разными, однако большинство было уверено, что месть за убийство монарха – дело принципиальной государственной важности и недолгого времени.

Исследователи выделяют следующие причины гибели исполнительного комитета, как и самой партии «Народной Воли» (далее – НВ). Во-первых, бегство и эмиграция после событий 1 марта главных идеологов и деятелей партии. Во-вторых, отсутствие связи с ядром партии, который теперь располагался за границей. В-третьих, отсутствие самостоятельности действующих группировок и кружков. В-четвертых, дальнейшие расколы из-за политики террора. В качестве пятой причины называется агрессивная государственная политика против революционеров-народовольцев – деятельность тайной охраны, двойные агенты («Дегаевщина»), массовые аресты [2].

Для продолжения активной борьбы с режимом, в связи с этим, старая партийная «гвардия» стремилась объединить и подчинить себе малые оппозиционные кружки в разных городах империи. Самым крупным был Санкт-Петербург – главный оплот революционных движений.

К 80-м гг. XIX в. в Петербурге было множество разных кружков, которые позиционировали себя как политические. И. И. Попов упоминает в своей работе о деятельности более 15 средних и крупных кружков [4, с. 49]. Социальный и профессиональный состав их сильно разнился, как и поставленные задачи и род деятельности. В интересах старой «Народной Воли» было объединение большинства из них для организованной борьбы с государством. Главным продуктом реализации этой цели стала «Молодая партия Народной Воли».

Среди обособленных организаций, хотя и стоявших на платформе «Народной Воли», была «революционная группа», которая в 1882 г. своей численностью, организованностью и систематической деятельностью выделялась среди кружков Петербурга [4, с. 51]. Формально она была создана еще в 1880 г. В. А. Бодаевым и Н. М. Флеровым, студентами, а позже действующими юристами. Основа их работы – связь с рабочими петербургских заводов, а формы работы – агитация, пропаганда и просвещение. В конце 1881 г. ими был образован новый кружок, который стал официально частью народовольцев, как «подготовительная группа партии Народной Воли» [4, с. 51]. На этом этапе, во время «процеживания» состава, в рядах стал числиться и студент 4 курса Педагогического института Иван Иванович Попов.

Июньский провал динамитной мастерской Прибылевых и вслед за ним аресты народовольцев, изменили ранее определенные правила организации. Уход в подполье не прекратил связь с рабочими, но для конспирации была частично, а порой и полностью, приостановлена связь с Исполнительным комитетом. После ареста В. Фигнер и «Дегаевщины» была в значительной мере пересмотрена программа старой партии, а впоследствии создана и своя. В 1883 г. была создана «Молодая партия Народной Воли», которая держала связь со старым Исполнительным комитетом НВ весьма условно. В руководящий орган «Народная борьба» входил и И. И. Попов [4, с. 67–68].

Фабричный террор, как его называли народовольцы, не был популярен как метод революционной борьбы. Агитация и пропаганда в рабочих группах было ничем иным, как новшеством и поиском новых путей для подготовки революции. Марксистские

кружки только начинали появляться, однако, рабочие не были подготовлены к политическому обсуждению вопроса об их положении. «Молодая партия» же боролась за улучшение социально-экономического состояния пролетариата, отстаивала их права и направляла их энергию на борьбу за улучшение жизни. И. И. Попов занимался всем и сразу: был идеологом нового комитета, следил за работой типографий, редактировал листовки и прокламации, участвовал и в агитации самих рабочих после проникновения в их среду [3, с. 129–187]. Также он был главным и по выстраиванию тесных отношений с другими революционными группами Петербурга (Благоевцами и «Пролетариатцами») [3, с. 135–149].

Будучи самой многочисленной и деятельной группой из среды народолюбцев в Петербурге, «Молодая партия» не избежала и закономерного краха. Пересмотр программы (введение террористических методов борьбы) и создание обособленной от центра партии дали новый виток развитию собственных теоретических идей и их практической реализации [4, с. 67–68]. Однако в условиях ужесточенной реакции, плоды были минимальны. Массовые аресты с конца 1883 г. сильно подорвали позиции «Молодой партии», а к марту 1884 г. был арестован и основной костяк бывшей революционной группы.

Дальнейшая смена руководства и сближение старой и «молодой» партий на Парижской конференции «Народной Воли» лишь отсрочили финал. Из-за арестов новых лидеров и погромов типографий, под слежку попало и абсолютное большинство членов партии. Дальнейшая конспирация и уход в подполье стали невозможными. К концу 1884 г. деятельность «Молодой партии» была приостановлена, а после арестов последних видных деятелей И. И. Попова и М. Н. Емельяновой в январе 1885 г. партия была фактически уничтожена [4, с. 79–80].

Научный руководитель А. А. Иванов

Литература

1. Бодаев В. А. Н. М. Флеров и «Подготовительная группа партии «Народной Воли» // Народовольцы 80-х и 90-х гг. : сб. ст. / под ред. А. В. Якимовой-Диковской [и др.]. М. : ВОПКиС, 1929. С. 15–23.
2. Волк С. С. Народная Воля. 1879–1881. М. ; Л. : Наука, 1966. 497 с.
3. Попов И. И. Минувшее и пережитое. [2-е изд., испр.]. М. ; Л. : Академия, 1933. 214 с.
4. Попов И. И. Революционные организации в Петербурге в 1882–1885 гг. // Народовольцы после 1 марта 1881 г. : сб. ст. / под ред. А. В. Якимовой-Диковской [и др.]. М. : ВОПКиС, 1928. С. 49–81.

А. В. Еремеев

Иркутский государственный университет

**ОТРАЖЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
В «ИЗВЕСТИЯХ СИБИРСКОГО
(ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО) ОТДЕЛА РУССКОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА» В 1870–1890-х гг.**

Попытки изучить жизнедеятельность древнего населения в России предпринимались с ранних этапов её истории, однако настоящие научные изыскания начали проводиться лишь в XIX в. В это время изучением археологии занимались члены Русского географического общества (РГО), оформлявшие результаты исследовательской деятельности в своих публикациях. Данная статья посвящена рассмотрению тематики и особенностей археологических исследований второй половины XIX столетия в Сибири, их отражения в публикациях в указанный период.

Основу работы составляют анализ периодичности статей об археологических исследованиях, характеристика круга авторов публикаций и разбор содержания самих материалов, опубликованных в «Известиях Сибирского отдела Русского географического общества» в 1871–1877 гг., а также «Известиях Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества» в 1877–1900 гг.

Всего за исследуемый период было выявлено 29 публикаций, относящихся к археологической тематике. Прослеживая динамику исследовательского интереса к археологии, можно отметить, что статьи, посвященные археологическим исследованиям, публиковались в изучаемый период с относительно высокой частотой – практически ежегодно, а в некоторые годы исследователями выпускалось по две работы. Исследования по археологической тематике не публиковались в 1870–71 и 1878 гг., 1884–85, 1888 гг. а также в практически все 1890-е гг.: 1891–92 и 1895–99 гг.

Все опубликованные работы можно разделить на несколько условных категорий по тематике: исследование изобразительного искусства; исследование материальной культуры древнего населения (в том числе анализ каменного инвентаря, а также предметов из металла и керамики, изделий из кости); исследование физических останков (включающее в себя анализ погребений и палеофауны). Большинство из выявленных публикаций относятся к катего-

рии исследования физических останков (13 публикаций), меньшинство составляют исследования изобразительного искусства (7 публикаций), промежуточную позицию занимает категория исследований материальной культуры (9 публикаций).

Исследуя круг авторов публикаций, можно отметить, что в его состав входили люди как часто публиковавшиеся в журнале, так и исследователи, публиковавшиеся единично. К группе неоднократно публиковавшихся авторов можно отнести таких деятелей, как Н. И. Попов (11 публикаций), Н. И. Витковский (5 публикаций), И. Д. Черский (3 публикации), И.С. Боголюбский (2 публикации). К авторам, опубликовавшим за отмеченный период по одной статье, относятся: Н. В. Савенкова, Я. А. Макеров, Л. Н. Занкид, А. А. Кузнецов, А. С. Еленев, Н. В. Корнилов, Я. М. Янковский, Н. И. Ачанова.

На основе анализа исследуемого материала можно сделать следующий вывод о научных интересах исследователей: для большинства авторов археологических публикаций Сибирского и Восточно-Сибирского отдела ИРГО, данные статьи были сопутствующими к основным для них исследованиям, которые, как правило, относились к естественнонаучной тематике.

Доказательством вышеизложенного утверждения могут быть статьи И. Д. Черского. Среди его многочисленных публикаций в «Известиях» ИРГО лишь 3 статьи, изданные в 1872, 1874 и 1879 гг., посвящены археологической тематике, в то время как остальные его работы в данном издании относятся к области геологии. Впрочем, несмотря на малочисленность публикаций по изучению древнейшей истории региона, учёный смог внести серьёзный вклад в развитие не только сибирской, но и общероссийской археологии, в первую очередь, как исследователь первой в России и самой древней в стране палеолитической стоянки «Военный госпиталь» [4, с. 167]. Помимо анализа орудий труда каменного века, автор также исследовал ископаемые останки древних животных, обнаруженных на территории Восточной Сибири.

В качестве примера могут также служить и исследования Н. И. Попова: хотя 11 его публикаций посвящены исследованию древнейшей истории Минусинского края, не меньше работ и в области исследования геологии этого региона. Однако, как и в случае с И. Д. Черским, умалять заслуг автора не стоит. На основе исследования наскальной живописи и погребального обряда, исследователь доказывает факт проживания дауров на территории Минусинского края [2, с. 111].

Некоторые изменения в сложившейся ситуации произошли в начале 1880-х гг. В это время прослеживается определённый сдвиг в пользу более целенаправленного изучения археологии. В этом контексте достойна внимания статья Н. В. Савенкова 1886 г., в которой автор начинает активно употреблять игнорируемый ранее термин «археология», заменяемый в предыдущих публикациях словосочетанием «исследование древностей».

Наиболее заметным представителем нового подхода к археологическим изысканиям можно назвать Н. И. Витковского. В сферу научных интересов археолога входили как характерные для данной эпохи каменного века орудия труда, изготовленные из кости и различных каменных пород, так и погребения древнего человека. Исследуя погребальный обряд населения, следы присутствия которого обнаружены на левом берегу р. Ангара, Витковский обнаруживает, что на погребение был нанесён крупный слой песка, окрашенный красным цветом (вероятнее всего, для окрашивания была использована охра), а сами погребённые лежали повёрнутые головой на юго-запад [1, с. 12]. Данные признаки станут отличительной особенностью Китайской культуры, выделенной Л. П. Хлобыстиным в середине 1960-х гг. [3, с. 252].

По результатам анализа публикаций можно сделать ряд выводов. Археологические исследования представлялись интересными и перспективными для научного сообщества Сибири, о чём свидетельствует значительное количество публикаций по данной тематике. Однако, так как археологическая наука в это время ещё находилась на этапе своего формирования, она пока не могла отметить качественным уровнем исследований. Более того, археология в Сибири на данном этапе представляла собой прикладные исследования, являвшиеся дополнением к изучению естественного облика региона. Тем не менее, научная работа проведённая местными деятелями, существенным образом расширила рамки понимания археологии, как в Сибири, так и по всей России.

Научный руководитель Г. В. Оглезнева

Литература

1. Витковский Н. И. Краткий отчёт о раскопках могилы каменного периода в Иркутской губернии // Изв. Вост.-Сиб. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва. 1881. Т. 11, № 3–4. С. 1–12
2. Попов Н. И. О древних обитателях русской Даурии // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. об-ва. 1877. Т. 8, № 3–4. С. 108–111.
3. Хлобыстин Л. П. Древнейшие памятники Байкала // Палеолит и неолит СССР. 1965. Т. 5. С. 252–279.
4. Черский И. Д. Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода // Изв. Сиб. отд. Рус. геогр. об-ва. 1872. Т. 3, № 3. С. 167–172.

Н. Н. Завертаная*Иркутский государственный университет*

РОЛЬ САВВЫ МАМОНТОВА В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ (1870–1900-е гг.)

В России на рубеже XIX–XX вв. наблюдался небывалый культурный подъем. Важную роль в развитии этой тенденции играли представители буржуазии – меценаты. Одним из них был Савва Иванович Мамонтов (1841–1918 гг.). Знаменитый предприниматель и строитель железных дорог родился в купеческой семье, которая очень почитала искусство. Именно духовная и творческая атмосфера, царившая в семье, сформировала в нем любовь к творческой деятельности.

Савва Иванович был разносторонне одаренным человеком: занимался музыкой и скульптурой, увлекался керамикой и актёрским мастерством, писал пьесы и оперные либретто. Он обладал не только умением увидеть талант в человеке, но и помогал ему раскрыться. Эту способность в нем отмечали и те, кто наблюдал за его деятельностью со стороны; и те, кто непосредственно работал с ним [2, с. 170]. Энтузиазм, инициатива и большие финансовые вложения помогли Савве Ивановичу взрастить целую плеяду талантливых деятелей искусства, имена которых стали для нас ассоциироваться с культурной эпохой, которую принято называть «русский модерн».

Дом предпринимателя всегда был открыт для творческих гостей. Уже в 1860-е гг. к нему начали стекаться художники. В 1870-е гг. Савва Иванович приобрел в Подмосковье бывшее имение С. Т. Аксакова Абрамцево. Там стали ежегодно организовываться любительские спектакли, проводиться чтения и музицирования [1, с. 57]. Совместный досуг со временем сплотил многих живописцев, скульпторов и артистов. Так, в 1873 г. сложилось неформальное творческое объединение, которое стали именовать Абрамцевский художественный кружок. Здесь, в усадебных окрестностях, художникам были предоставлены все условия для работы и вдохновения.

Именно в этот период Мамонтов проявляет себя как помощник и идейный вдохновитель для многих перспективных талантов. В Абрамцево «загорелась звезда» В. М. Васнецова, М. А. Врубеля, И. Е. Репина, В. А. Серова, К. А. Коровина, и др. Здесь первые шаги в актерстве и режиссуре проявляет К. С. Станиславский [2, с. 170]. Для художников создается отдельная мастерская на терри-

тории усадьбы в русском стиле с резьбой (по проекту В. А. Гартмана), именуемая домашними «Яшкин дом», в честь младшей дочери хозяина Веры. В Абрамцево деятели искусства проявили себя абсолютно в разных сферах, начиная с написания этюдов и заканчивая декоративно-прикладным творчеством. Нередко члены семьи Мамонтова становилась объектом вдохновения для живописцев: так на свет появились «Девочка с персиками» В. А. Серова и «Богатыри» В. М. Васнецова. По проектам последнего в окрестностях Абрамцево были построены «Избушка на курьих ножках» и церковь Спаса Нерукотворного в стиле древнерусской архитектуры. Также в усадьбе были открыты больница и школа для крестьянских детей.

Главным «детисцем» Саввы Ивановича стала Московская частная опера. Здесь меценат проявил себя как новатор, стремящийся объединить труд художников, актеров, певцов, композиторов. Сам он нередко выступал в роли постановщика и организатора. Целью было уйти от устаревших и застывших формальностей казенного театра и вдохнуть в русское оперное искусство новую жизнь, создать принципиально иное видение. Условно историю развития Московской частной оперы можно поделить на два периода: начальный (с 1885 г.) и период расцвета (1896–1904 гг.) [3, с. 336].

Первыми попытками частной оперы были постановки «Русалка» А. С. Даргомыжского и «Снегурочка» Н. А. Римского-Корсакова, не принесшие ожидаемого успеха. Однако в них уже наблюдались те особенности и тенденции, которые в дальнейшем принесли славу мамонтовскому оперному театру. По большей части здесь имеется в виду подход к оформлению декораций и костюмов, где было важно передать русскую традиционную стилистику. Синтез всех видов искусства, образующих единое реалистичное представление – вот, что отличало Московскую частную оперу. Тогда же Мамонтов начал привлекать в свои проекты молодых актеров, певцов, композиторов и дирижеров. Это давало возможность талантливой молодежи проявить себя и набраться опыта. Савва Иванович отличался удивительной настойчивостью и целеустремленностью, поэтому после череды неудач он не опустил руки, а окунулся в еще большую работу. Начались поиски новых артистов, опер и совершенствование методов создания декораций и костюмов.

В середине 1890-х гг. в мамонтовской труппе начинают загораться новые оперные звезды: Ф. И. Шаляпин, Н. И. Забела-Врубель, Э. Я. Цветкова и др. [3, с. 336]. Спектакли стали все больше отражать русский колорит. У всех была общая цель: продвижение

отечественной оперы и русского национального духа. Больше всего это проявлялось в художественном оформлении спектакля. Здесь с новой стороны показали себя М. А. Врубель, В. Д. Поленов, К. А. Коровин, В. М. Васнецов и другие члены абрамцевского кружка, уже имевшие колоссальный опыт в живописи и других видах искусства. Руководил всем лично С. И. Мамонтов, выступая в роли постановщика, режиссера и наставника. Он аккумулировал всю творческую деятельность в своих руках и превращал ее в цельное органичное представление. На авансцену вышли оперы русских композиторов Н. А. Римского-Корсакова, М. П. Мусоргского и П. И. Чайковского. На выбор постановок, в том числе, влиял собственный вкус и предпочтения мецената. Примечательно, что в труппе царил атмосфера дружбы и не было намека на рутину и формализм [3, с. 344].

Мамонтовские постановки имели успех не только на московской сцене, но и на столичной. Стоит отметить, что на организацию оперного театра Савва Иванович тратил собственные средства и не получал от него особой коммерческой выгоды. Занимался он этим больше для души. Московская частная опера во многом была локомотивом как для оперного театра, так и для художественного. Метод симбиоза всех видов искусства стал в дальнейшем неотъемлемой частью «Русских сезонов» С. П. Дягилева.

Организацией художественного кружка и театра деятельность Саввы Ивановича Мамонтова в области культуры не ограничилась. Он продвигал выставки передвижников, финансировал журнал «Мир искусства», делал взносы в Музей изящных искусств, много сделал для карьеры отдельных художников [1, с. 57]. По инициативе Саввы Ивановича в 1905 г. была построена знаменитая гостиница «Метрополь», которая стала символом эпохи модерна.

Можно представить, сколько бы еще успел сделать этот великий человек для отечественной культуры, если бы не его разорение в 1899 г. С. И. Мамонтов являлся ярким примером феномена российской благотворительности. Это был передовой человек для своего времени, любивший рисковать и экспериментировать. Он воплощал в жизнь самые смелые идеи, преодолевая все взлеты и падения. Судьба многих великих талантов того времени так или иначе переплетена с деятельностью Саввы Ивановича. Его работы, а также работы других участников мамонтовского кружка сейчас хранятся в музее-заповеднике «Абрамцево».

Научный руководитель Г. В. Оглезнева

Литература

1. Боханов А. Н. Савва Мамонтов // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 48–67.
2. Бурьшкин П. А. Москва купеческая: Мемуары / вступ. ст., коммент. Г. Н. Ульяновой, М. К. Шацилло. М. : Высш. шк., 1991. 352 с.
3. Туманина Н. В. Русский оперный театр на рубеже XIX и XX веков // Русская художественная культура конца XIX – начала XX веков. Кн. 1. 1895–1907. Зрелищные искусства. Музыка. М. : Наука, 1968. С. 333–361.

А. А. Карнаков

Иркутский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В научной литературе благотворительность понимают как «социальное явление, вызванное наличием имущественного неравенства в обществе и направленное на оказание помощи отдельным лицам и группам лиц, а также на поддержку и развитие образования, науки, культуры, здравоохранения и других сфер нематериального производства со стороны частных лиц и общественных организаций» [4]. В современном мире благотворительность является важным фактором эффективного взаимодействия между властью, бизнесом и некоммерческим сектором. За свою историю благотворительность прошла путь от фактов случайных подаваний до создания организованной системы помощи нуждающимся.

Традиция благотворительности в нашей стране начала складываться с приходом христианства на Русь. Особенность благотворительности в начале становления государства заключалась в раздаче одежды и еды, строительстве жилья. Такой характер благотворительности был распространен до середины XVI в., когда в связи с непрекращающимися войнами росло число нуждающихся в помощи. В результате благотворительность перестала быть проявлением личной инициативы правителей, а стала обязанностью государства. Постановлением Стоглавого собора 1551 г. было принято решение о создании систематизированного подхода в оказании помощи нуждающимся группам населения. Затем, в конце XVIII в. были приняты законы, способствовавшие распространению благотворительных организаций [3].

Большое развитие благотворительной деятельности в Сибири произошло во второй половине XIX в. Этому способствовало развитие местного крупного капитала и строительство Транссибирской

железнодорожной магистрали. За 30 лет, с 1860-х гг., число промышленных предприятий увеличилось более чем на 70 %, общий оборот производства достиг 64 млн руб. Численность буржуазии достигла 11,2 тыс. человек по всей территории Сибири. Обладая стабильным доходом, многие из них проявляли сострадание и стремились всячески облегчить жизнь бедным. Однако далеко не все представители сибирского предпринимательства занимались благотворительностью из филантропических побуждений. Крупные пожертвования могли стать инструментом продвижения по карьерной лестнице. Со своей стороны, государство поддерживало инициативы, которые могли улучшить положение институтов общества в стране. Благотворительная деятельность сибирских купцов была обусловлена как религиозными и нравственными убеждениями, так и желанием личной выгоды, получения наград и званий [4].

Милостыня, выступавшая в качестве первичной и бесконтрольной формы благотворительности, отличалась оперативным оказанием помощи нуждающимся слоям населения. Довольно часто такая поддержка превращалась в особый вид заработка. После проведения реформ 1860-х гг. в Сибири были организованы различные структуры, которые осуществляли эффективную финансовую и материальную поддержку через систему попечителей. Распространёнными формами благотворительности являлись постройка и содержание учебных и лечебных учреждений. В начале XX в. большое внимание стало уделяться науке и культуре. Меценаты активно вкладывали средства в строительство высших и средних учебных заведений [1].

Масштабную просветительскую функцию выполняли местные театры, которые осуществляли свою деятельность в городах Западной и Восточной Сибири. Членские взносы и сборы от проведенных спектаклей формировали бюджет коллективов [2].

По всей территории империи существовали благотворительные организации. Губернские благотворительные организации управлялись высокопоставленными сановниками, а их супруги были во главе благотворительных обществ. Наиболее активных жертвователей всячески поощряли путем присвоения почетных титулов дворян и граждан.

Исследователь Н. В. Савченко выделяет следующие особенности развития благотворительности в Сибири. Во-первых, необходимо отметить присутствие на территории Сибири политических заключенных, чьи идеи благодатным образом влияли на широкие слои общества, включая купечество, чиновников и местную интеллигенции.

Во-вторых, в связи с дефицитом казенных средств, направлявшихся на просвещение и развитие культуры, общественные и частные средства превышали объём государственной помощи. До 1917 г. часто практиковалось оказание помощи нуждающимся на дому. Необходимые вещи и денежные средства выдавались лично в руки.

В-третьих, в Сибири консолидация средств, направлявшихся на благотворительные цели, произошла в 1890-х гг., тогда как в Европейской части России – в начале XX в. [3].

Предпринимательская благотворительность в Сибири отличалась своим разнородным характером. В первую очередь, то, какие группы населения были вовлечены в благотворительную деятельность, зависело от географического положения территории. В Иркутской губернии, главным образом, доминировало купеческое сословие, в Томской и Тобольских губерниях в основе благотворительной деятельности лежали вклады средних слоев, однако и здесь купечество и буржуазия направляли средства на благотворительность. Среди дворян меценатство было явлением не массовым. Для них оно было больше увлечением и привилегией. Купцы же видели в меценатстве милосердие и общественную пользу.

В совокупности, благотворительная деятельность на территории Сибири развивалась менее интенсивно, чем в центральной части страны. Жертвователи руководствовались личными мотивами, но осуществление благотворительности способствовало дальнейшему развитию культуры, науки и образования.

Научный руководитель Т. Г. Калугина

Литература

1. Быков А. А. К вопросу о благотворительности в сфере образования в Западной Сибири (XIX – начало XX века). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-blagotvoritelnosti-v-sfere-obrazovaniya-v-zapadnoy-sibiri-hih-nachalo-hh-veka> (дата обращения: 27.09. 2021)
2. Колодий Г. Н. История благотворительности в Сибири: Тенденции и закономерности (на примере строительства общественных зданий в Иркутске). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-blagotvoritelnosti-v-sibiri-tendentsii-i-zakonomernosti-na-primere-stroitelstva-obschestvennyh-zdaniy-v-irkutske/viewer> (дата обращения: 03.10. 2021)
3. Савченко Н. В. Благотворительная деятельность в Сибири: исторический аспект // Братский государственный университет. URL: https://brstu.ru/static/unit/journal_2/docs/number_16/121-125.pdf (дата обращения: 27.09. 2021)
4. Шиловский М. В. Специфика благотворительности в сфере образования в дореволюционный период в городах Сибири // Вестник Томского государственного университета. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-blagotvoritelnosti-v-sfere-obrazovaniya-dorevolutsionnogo-perioda-v-gorodah-sibiri/viewer> (дата обращения: 21.09.2021)

А. Г. Назарова

Иркутский государственный университет

О РОЛИ ЖЕНЩИН В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В РОССИИ В 1870-х гг. (НА ПРИМЕРЕ «ПРОЦЕССА ПЯТИДЕСЯТИ»)

В 1870-х гг. усиливается гражданская активность женщин и становится более заметным их влияние на общественное мнение. Одним из факторов влияния можно считать политический «Процесс пятидесяти» (1877 г.), поскольку впервые в истории российского судопроизводства на скамье подсудимых оказалось сразу 16 молодых девушек. Большинство из них принадлежали к дворянскому сословию (13 человек), остальные были выходцами из духовенства (2) и крестьянства (1) [подсчитано по: 1, с. 40–41]. Все девушки обвинялись в распространении нелегальной литературы и агитации среди рабочих московских фабрик с призывами к свержению существующего строя.

Заслуживает внимание поведение подсудимых женщин и мужчин на процессе. Почти треть (12 мужчин, 4 девушки) от защиты отказались, хотя среди адвокатов были известные лица: В. Д. Спасович, В. Н. Герард, А. А. Ольхин и др. Софья Бардина не только отказалась от защиты, но и стала первой женщиной, которая произнесла на судебном процессе программную речь. Главной её целью было опровержение всех предъявленных обвинений, а именно: обвинений в призыве к бунту, в разрушении основ общества, страны, семьи и религии. Текст речи позволяет понять, к кому на самом деле было обращено её выступление, в котором были знаменитые слова: «Преследуйте нас, за вами пока материальная сила, господа, но за нами сила нравственная, сила исторического прогресса, сила идеи, а идеи – увы! – на штыки не улавливаются!» [3, с. 44]. Очевидно, что скамья подсудимых была использована в качестве трибуны для обоснования положений революционной программы, с целью побудить присутствующих на суде (особенно корреспондентов газет) распространить её устно и печатно. Поведение С. Бардиной во время выступления участники процесса охарактеризовали как «необыкновенно спокойное, без громких фраз и жестов...» [4, с. 23]. Остальные девушки держались не менее уверенно. Все они отрицали свою причастность к ведению агитации, распространению запрещённой литературы. Но отличительная черта их выступлений – выгораживание своих товарищей [4, с. 22].

На протяжении процесса (21 февраля – 14 марта 1877 г.) легальная периодическая печать знакомила читателей с отчётами, хотя и неполными, также характеризуя поведение подсудимых. Газеты, публикующие эти отчеты, принадлежали к различным направлениям: «Московские ведомости» и «Голос» были консервативными изданиями, а «Друг народа» – демократическим, что позволяет говорить о распространении материалов процесса в различных слоях населения.

По мере продолжения процесса оппозиционно настроенные массы видели борьбу подсудимых, убеждённых в правоте их дела и намеренных продолжать вести революционную деятельность. В числе первых социальных групп, проникшихся сочувствием, была учащаяся молодёжь, часть которой ещё на момент начала судебного разбирательства смогла проникнуть на слушание, напечатать фальшивые билеты [4, с. 19]. По окончании разбирательства молодёжь с большим рвением читала отчёты и речи подсудимых, напечатанные в типографии Аверкиева [4, с. 25].

Нелегальная пресса в лице журнала «Вперёд!» П. Л. Лаврова накануне процесса требовала от подсудимых мужества: «Вы можете, вы должны завоевать себе уважение как личности. Вы не можете, вы не должны позволить бросать грязь на ваше знамя, на ваше убеждение» [2, с. 118]. По окончании же разбирательства единомышленники ликовали от несостоятельности судопроизводства. Так, журнал «Вперёд!» констатировал: «Впечатление от процесса оказалось совсем не то, какое желали произвести наши социалисты-еды!» [2, с. 180]. Более масштабную и значимую работу проделал П. Л. Лавров, напечатав в 5-м томе журнала «Вперёд!» речи подсудимых, благодаря чему всколыхнулась пресса социалистических и либеральных журналов и газет Франции, Германии, Италии, Швейцарии, Великобритании.

Зарубежная пресса сочувственно освещала процесс «50-ти». Так предводитель венгерского движения рабочих Лео Франкель опубликовал в газете *Arbeiter Wochen-Chronik* целый ряд статей, посвящённых процессу «50-ти», основанных на опубликованных материалах журнала «Вперёд!». В них представлены выдержки из речей П. Алексеева и С. Бардиной. Либеральный лондонский журнал *Graphic* посвятил целую страницу под портреты восьми участников процесса. Представитель французской публицистики Эрнест Лавинь посвятил «процессу мадмуазель Бардиной» более 20 страниц в книге о русском «нигилизме».

Сильное впечатление произвел процесс на бюрократический аппарат. Так, министр иностранных дел князь А. М. Горчаков говорил, что ошибочным было проводить данный процесс, ибо вместо посрамления социализма, заседание имело совершенно другой эффект [4, с. 25]. Доказательством может служить и поведение флигель-адъютанта его величества Д. П. Кладищева. По воспоминаниям В. Фигнер, по мере обнародования информации о подсудимых, он просил передать, что если будет предпринята попытка освобождения женщин, то даст на это 10 тыс. руб. [4, с. 25].

Отклик на процесс остался и в художественной литературе. Н. А. Некрасов в честь подсудимых процесса написал произведение «Отрывок» (1877 г.), в котором он сокрушался о нелёгкой судьбе участников процесса. Осуждённым по приговору суда Некрасов переслал широко известное стихотворение «Смолкли честные, доблестно павшие...». И. С. Тургенев, уделявший в своих произведениях значительное внимание революционерам-народникам, использовал материалы процесса в романе «Новь», стихотворении в прозе «Порог», посвящённому, как считают, одной из участниц процесса Лидии Фигнер.

По «Процессу пятидесяти» проходили не только женщины, но и мужчины. Однако по мере продолжения судебного процесса заметно росло внимание прессы именно к женщинам. Объяснялось это новизной ситуации, в которой женщины играли не второстепенную роль, а активную и наступательную. Тот факт, что первая программная речь на политическом процессе была произнесена С. Бардиной, способствовал усилению внимания и интереса общества к народнической идеологии и росту уважения к деятелям революционного движения.

Научный руководитель Г. В. Оглезнева

Литература

1. Саблин В. М. Процесс пятидесяти: судебное дело революционеров-народников, разбиравшееся в Петербурге в особом присутствии Сената с 21 февр. по 14 марта 1877 г. М. : Изд. В. М. Саблина, 1906. 162 с.
2. Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России: политические процессы 1871–1880. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1976. 411 с.
3. Ульяновский А. Женщины в процессе 50-ти : сборник. СПб., 1906. 303 с.
4. Фигнер В. Н. Процесс «50-ти». М. : Изд-во политкаторжан, 1927. 32 с.

А. К. Плешивцев

Томский государственный университет

**СТРАТЕГИИ ИСТОРИЗАЦИИ
В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ
РОССИЙСКИХ ЕВРЕЙСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ
ЛИБЕРАЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ В 1870-х гг.**

1870-е гг. стали переломными в истории движения русской еврейской диаспоры позднеимперского периода в борьбе за собственные права. Именно в пореформенное время наибольшее влияние получает еврейская бюрократия в лице ученых евреев, казенных раввинов, преподавателей в государственных еврейских семинариях и школах, чей кадровый состав сформировался в 1850–60-е гг. [10, с. 103–105]. Происходит изменение в общественной мысли, которая переосмысливает еврейство в категориях «материального», «прагматического», а не исключительно «духовного» [12, с. 8–12]; начинаются первые и плодотворные контакты еврейской просвещенной молодежи и разнородных студенческих сообществ по всей империи, от которых первая перенимает активную гражданскую позицию эгалитарного толка [8, с. 238–242]. При этом, несмотря на все успехи в деле интеграции и эмансипации еврейского народа, правительством поддерживалась политика по изоляции евреев от окружающего населения [7, с. 109–110].

Наиболее влиятельным течением внутри еврейского сообщества в означенный период стало либеральное направление, которое сумело получить право от императорского правительства представлять интересы всего российского еврейства [9, с. 49–51]. В отличие от нарождавшегося сионистского движения, требовавшего создания «национального очага» на территории Палестины, и революционного движения, которое активно вовлекало в свои ряды еврейскую молодежь, хотя и не акцентировало внимание на специфических проблемах диаспоры, либералы полагали необходимым проведение эмансипации и модернизации еврейства по прусской модели, предложенной деятелями еврейского Просвещения – Аскалы, в первую очередь, немецким мыслителем-идеалистом еврейского происхождения XVIII в. М. Мендельсоном [11].

Данная модель предполагала приобретение евреями современного светского образования, отказа от собственного определения как «богоизбранного народа» в пользу идентификации себя как

«гражданина, исповедующего Моисеев закон», уравнивания евреев в правах с окружающим населением [11].

Все эти обстоятельства оказали значительное влияние на то, каким образом еврейские интеллектуалы светского направления, в отличие, например, от консервативно-настроенных митнагедов и хасидов, проживавших в подавляющем большинстве в пределах черты оседлости, определявших себя в категориях этноконфессиональной принадлежности, идентифицировали себя и свой народ. В значительной степени новая форма самоопределения была основана на активном изучении евреями собственного прошлого, в том числе изложенного в их главном священном тексте – Танахе, при помощи современных на тот момент методов исторического исследования.

На страницах периодической печати («толстых» журналов, еженедельных газет) выходило значительное количество работ на русском языке как художественного, так и публицистического направления, авторы которых считали, что посредством издания подобных работ они приближают момент окончательной эмансипации еврейского народа [6, с. 112]. Среди них было немало трудов, посвященных интерпретации священной истории евреев в категориях философской традиции Просвещения. Отметим те, которые публиковались на страницах ежегодного издания, выходившего из типографии петербургского публициста и филантропа А. Е. Ландау «Еврейская библиотека» с 1871 по 1881 г. На примере материалов данного издания можно установить, каким образом предание, содержащееся в Танахе, соотносится интеллектуалами с историей окружающих народов.

Таким образом, целью данного исследования является установление способов, при помощи которых еврейские интеллектуалы интерпретируют собственную священную историю, изложенную в религиозных текстах, для того, чтобы соотнести ее с опытом всемирного исторического процесса.

В качестве базовой методологической рамки исследования выступают наработки французского социолога первой половины XX в. М. Альббакса, в своих работах рассуждавшего о феномене социальной памяти и разных ее видах, в том числе, о религиозной памяти. С его точки зрения, религиозная память, с одной стороны, ограничена рамкой догматики, которая конституирует общую концепцию священной истории, но при этом сама догматика подвижна и изменчива. По мере изменения элементов, обрамляющих рамку памяти, изменяется и сама догматика, что в итоге приводит к созда-

нию новых интерпретаций прошлого, о котором помнят люди, разделяющие одну религиозную традицию [1, с. 131–133, 231–233, 244–246].

Аскала, как и проект Просвещения в целом, стал причиной кризиса идентичности в период модернизации Российской империи, повлекшей за собой модернизационные преобразования и в еврейской среде, что привело к исчезновению традиционных и смысловых ориентиров. Одним из выходов в ситуации исчезновения смысла и чувства переживания традиции является историзация, проследивание развития во времени тех или иных явлений, процессов, общностей людей [5, с. 166–167]. Поэтому те способы, при помощи которых рамка памяти религиозного нарратива подстраивается под более широкий нарратив окружающих исторических традиций, мы будем называть стратегией историзации.

Рассматривая собственную священную историю, авторы, публиковавшиеся в 1870-е гг. на страницах «Еврейской библиотеки», переинтерпретируют ее в категориях и ценностных установках, характерных для социальной мысли эпохи Просвещения: свободы, индивидуализма, примата права над принудительной силой государства, торжества разума.

В своих работах «Библейское государство» и «Прозелитизм с точки зрения иудейства» русско-еврейские писатели и публицисты Л. И. Мандельштам и Д. И. Слонимский отмечают универсальный характер религиозных и этических установок, изложенных в Торе и других религиозных текстах евреев: Моисеем и другими библейскими пророками, с их точки зрения, провозглашаются ценности свободы личности, совести и вероисповедания, индивидуального начала, которые стали отправной точкой в борьбе людей за свою свободу [2, с. 102–106; 3, с. 192–196].

В работе «Русское законодательство о евреях» И. Г. Оршанский, русский правовед и публицист еврейского происхождения, сопоставляет российский опыт юридической эмансипации евреев с аналогичным опытом стран Западной Европы, вписывая историю данного процесса в широкий контекст борьбы людей за свои непосредственные интересы и ее реализации легальными методами. Он утверждает, что именно непоследовательность действий государства в законодательном поле, в отличие от Франции и Пруссии, приводит к систематическому угнетению еврейского народа [4, с. 59–64].

Таким образом, стратегия историзации еврейских интеллектуалов, представителей либерального течения мысли, выражалась во включении нарратива о собственном историческом опыте, как изложенного в священных текстах и представляющего предмет религиозной веры, так и актуального, имеющего непосредственное действие на условия жизни евреев в России, в широкую историческую картину проекта европейского Просвещения. Посредством описания своего прошлого как борьбы за установление общечеловеческих ценностей свободы, разума и права, начало которых прослеживается во времена исхода евреев из Египта, российские евреи ставят себя в число равных окружающим их народов, а, значит, заслуживающих тех же прав, свобод и гарантий со стороны императорского правительства, которое и должно было осуществить эмансипацию евреев в России.

Научный руководитель О. В. Хазанов

Литература

1. Альбваск М. Социальные рамки памяти. М. : Новое изд-во, 2007. 384 с.
2. Еврейская библиотека : в 9 т. / гл. ред. А. Е. Ландау. СПб. : Тип. Адольфа Ландау, 1871. Т. 1. 396 с.
3. Еврейская библиотека : в 9 т. / гл. ред. А. Е. Ландау. СПб. : Тип. Адольфа Ландау, 1872. Т. 2. 492 с.
4. Еврейская библиотека : в 9 т. / гл. ред. А. Е. Ландау. СПб. : Тип. Адольфа Ландау, 1875. Т. 5. 324 с.
5. Румянцева М. В. Реакция на модернизацию: отказ от модерна или его историзация? // Вестник СамГУ. 2015. № 4. С. 166–173.
6. Horowitz B. The Russian-Jewish Tradition: Intellectuals, Historians, Revolutionaries. Brighton: Academic Studies Press, 2017. 288 p.
7. Horowitz B. Russia Idea – Jewish Presence: Essays on Russian-Jewish Intellectual Life. Brighton : Academic Studies Press, 2013. 308 p.
8. Nathans B. Beyond the Pale: Jewish Encounter with Late Imperial Russia. Berkeley : University of California Press, 2002. 448 p.
9. Seltzer R. M. Jewish Liberalism in Late Tsarist Russia // Contemporary Jewry. 1987. Vol. 9, N 1. P. 47–67.
10. Schedrin V. Jewish Souls, Bureaucratic Minds. Jewish Bureaucracy and Policymaking in Late Imperial Russia, 1850–1917. Detroit: Wayne State University Press, 2016. 311 p.
11. Schumacher-Brunhes M. Enlightenment Jewish Style: The Haskalah Movement in Europe. URL: <https://d-nb.info/1036301753/34> (дата обращения: 01.10.2021).
12. Stern E. Jewish Materialism: the Intellectual Revolution of the 1870s . New Haven : Yale University Press, 2018. 313 p.

М. С. Семичевская

Иркутский государственный университет

ОСВЕЩЕНИЕ УБИЙСТВА АЛЕКСАНДРА II В ИРКУТСКОЙ ПРЕССЕ

1 марта 1881 г. в Санкт-Петербурге народолюбцами было совершено покушение на императора Александр II. В Иркутск новость дошла, если судить по летописи Н. С. Романова, утром 2 марта [2, с. 7]. В местной прессе самые ранние упоминания датируются лишь 8 марта – выпуск № 9 газеты «Сибирь».

Официальной государственной газетой города на тот момент являлись «Губернские ведомости», выпускавшиеся под редакцией Н. Пономарева. В выпуске № 10 от 11 марта были опубликованы телеграммы, полученные из Петербурга: от министра внутренних дел, касаясь покушения; от военного министра о смерти императора и вступлении на престол его наследника.

В телеграмме министра внутренних дел генерал-адъютанта графа М. Т. Лорис-Меликова от 3 марта сообщалось, что «главный распорядитель злодейского преступления» был схвачен еще 27 февраля, первый метатель снаряда мещанин Рысаков арестован на месте преступления, второй смертельно ранен. В ночь на 4 марта обнаружена квартира, где производились снаряды – ее хозяин застрелился при задержании, а жившая с ним женщина была арестована, также арестован еще один молодой человек. В телеграмме от 5 марта была уточнена личность задержанного – Тимофей Михайлов. «Все следствие близится к концу; дело скоро поступит в рассмотрение суда». Помещена в этот выпуск была и телеграмма-поздравление Александру II с 26 летней годовщиной царствования [1, 11 марта, с. 2].

В выпуске № 11 (от 18 марта) была размещена копия с телеграммы из Петербурга от 13 марта касаясь погребения императора [1, 18 марта, с. 1].

Манифест о вступлении императора Александра III на престол был опубликован в выпуске № 18 (от 6 мая) и занимал порядка 3 страниц, на стр. 4 была помещена телеграмма-поздравление от Восточно-Сибирского генерал-губернатора Д. Н. Анучина [1, 6 мая, с. 4]. После 6 мая упоминания события заканчиваются; всего же в газете было опубликовано пять телеграмм из Санкт-Петербурга, две ответных телеграммы-поздравления, завершил все манифест

Александра III. Скучность сведений и официоз связаны, скорее всего, со спецификой данной газеты.

Газета «Сибирь», упомянутая выше, была частным изданием, под редакцией М. В. Загоскина. В отличие от «Губернских ведомостей», в ней разместили куда больше информации касаясь как убийства (три выпуска с двумя телеграммами и двумя статьями, полными подробностей – все перепечатки без внесенных редакторами изменений), так и следствия с судом (шесть телеграмм и три статьи из раздела «Русское обозрение»). Это был единственный орган печати города, описывавший и казнь народовольцев – этому была посвящена большая статья. Местного отклика на события мы не находим.

В самом начале, кроме петербургских телеграмм от 3 и 5 марта в «Сибири» было опубликовано сообщение и от 4 марта. В нем сообщалось о количестве жертв, была уточнена личность Рысакова, объявлена дата похорон [3, 8 марта, с. 1]. В выпуске № 10 (от 15 марта) опубликовали телеграмму от 12 марта о том, что пойман убийца Стефанович, «следствие особого присутствия сената окончено», суд назначен на 20 число, перечислены обвинитель и защитники [3, 15 марта, с. 1]. Выпуск № 11 (от 22 марта) сообщал, что «арестованная прежде Перовская, оказалась соучастницей Гартмана и руководительницей нынешнего преступления» [3, 22 марта, с. 4]. Последующие выпуски (№ 13 и № 14) докладывали о приговоре и казни. В «Сибири» была помещена и перепечатанная статья из «Московских Ведомостей», где описывалось покушение 1 марта – статья подробная, но небольшая [3, 12 апр., с. 1]. В № 17 (от 3 мая) размещено большое обозрение трагедии с подробным описанием ранения, транспортировки и объявления о смерти императора глазами очевидцев [3, 3 мая, с. 3]. Последним упоминанием, затрагивающим тему убийства и суда в газете, стала статья в колонке «Русское обозрение», где подробно описывалась казнь пятерых народовольцев. Приговор над Рысаковым, Желябовым, Перовской, Кибальчиком и Михайловым был исполнен 3 апреля между 9 и 10 часами утра. Особо отмечена Перовская, шедшая на эшафот твердой поступью, волнения сильного не обнаружила, от напутствия духовенства отказалась [3, 24 мая, с. 4]. После 24 мая газета перестала публиковать информацию, касающуюся этого дела.

В целом газета довольно подробно осветила событие, не перейдя рамки дозволенного цензурой. Учитывая то, что типография

Н. Н. Синицына, занимавшаяся печатанием данной газеты, занималась и дистрибуцией томской «Сибирской газеты» в Иркутске, у изданий получалось так или иначе дополнять друг друга.

Всего же мартовские события 1881 г. в иркутской прессе упоминаются в 12 выпусках обоих изданий: четыре выпуска были посвящены убийству Александра II (три из них – в газете «Сибирь»); семь выпусков содержали информацию о суде над народовольцами (из них лишь один – в «Губернских ведомостях»); два выпуска «Сибери» сообщали о казни. Пик освещения события пришелся на период с 10 марта по 10 апреля 1881 г.

В целом убийство императора Александра II народовольцами и последовавший суд были иркутской прессой освещены достаточно подробно. Но для понимания настроений в местном обществе того периода и отношения к той или иной стороне в том, что произошло, явно не хватает откликов общественности. Возможными причинами этого являлись шок от произошедшего, недоработка редакторов и цензурные ограничения.

Научный руководитель А. П. Санников.

Литература

1. Иркутские губернские ведомости: иркутское губернское правление / ред. Н. Пономарев. Иркутск, 1881.
2. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Электрон. версия печ. публ. URL: <http://irkipedia.ru/sites/default/files/pdf/automat/n.romanov.letopisgorodairkutska1881-1901gg.pdf> (дата обращения: 26.09.2021).
3. Сибирь : еженед. газ. / ред. М. Загоскин. Иркутск, 1881.

Т. А. Снарская

Иркутский государственный университет

АНАЛИЗ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ АУДИТОРИИ ЕЖЕНЕДЕЛЬНОГО ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ЖУРНАЛА «НИВА» В 1870–80-х гг.

Данная работа посвящена анализу читательской аудитории еженедельного иллюстрированного журнала «Нива» в 70–80-х гг. XIX в. Период с 1870-х по 1880-е гг. взят не случайно. Он не только позволяет проследить динамику развития журнала на протяжении двадцати лет, но и даёт возможность для сравнительного анализа двух разных исторических эпох: пореформенного периода (последнее десятилетие правления Александра II), а также периода контрреформ (первое десятилетие правления Александра III).

Великие реформы дали толчок к развитию самых разнообразных процессов в тех сферах, на которые сами реформы изначально нацелены не были. Формирование новых более требовательных и образованных читателей стало одним из таких процессов. Конечно, на первых порах количественный показатель был куда выше качественного, но время шло, и реформа образования приносила свои плоды. Таким образом, можно сделать вывод, что к началу 1870-х гг. появляется новый, более взыскательный тип читателей, коим была необходима своя ниша в журнальном мире Российской империи.

История тонких журналов начинается ещё в 1860-х гг., однако именно в 1880–1890-х гг. они приобретают небывалую популярность. Это стало возможным, потому что «средний» слой «полуобразованных» читателей, значительно вырос со времён Великих реформ. Они ещё не были готовы воспринимать сложные материалы и рассуждения толстых журналов, однако и совсем примитивная литература им уже не подходила. В сословной иерархии слой «средних» читателей был представлен купцами, мещанами, мелкими и средними чиновниками, а также священниками. Современники называли данный процесс не иначе как «вторжение улицы в литературу», что довольно грубо, но точно описывало происходящее.

Разумеется, каждый иллюстрированный журнал (коих было превеликое множество) старался ориентироваться на свою группу, так как отмеченный выше слой «полуобразованных» читателей был довольно широк. Так, какое-нибудь «Живописное обозрение» или печально известный журнал «Всемирные записки», который не

смог конкурировать с другими изданиями и вскоре закрылся, ориентировались на более состоятельного и, в известной мере, образованного читателя – среднее чиновничество или даже богатое купечество.

«Нива» не стремилась сделать высшее сословие или купцов первой и второй гильдий основой читательской аудитории. Она опиралась на мелкую буржуазию и провинциальную интеллигенцию. При этом ошибочно будет считать, что «Нива» ориентировалась на самые низы русского общества, были и куда менее требовательные к уровню своих читателей издания. Например, журнал «Родина» видел своей целевой аудиторией мелкое провинциальное чиновничество, военных невысоких чинов, а также приходских священников из глубинки и даже крестьян. Так, по данным статистического исследования 0,1 % крестьян, населявших Воронежскую губернию, назвали себя подписчиками «Родины» (1899 г.). Справедливости ради стоит отметить, что по подписчикам «Нивы» среди крестьян в данном регионе статистика точно такая же [2, с. 45].

Естественно, данные по одной губернии не будут отражать всю картину в целом по Российской империи, поэтому, стоит упомянуть, что хотя редакторы «Нивы» прекрасно понимали на кого ориентируются (это видно и по цене, и по подбору материала, и по языку журнала), всё же они не стремились к чёткой сословной прикреплённости. Данные по Рязанской и Вятской губерниям показывают, что журнал могли выписывать как дворяне, так и купцы, и состоятельные мещане, и священники, в том числе женщины духовного звания, так как приложение «парижских мод», что шло к журналу, было «руководством для дам вообще сельской интеллигенции» [4, с. 98–99]. Также интерес представляют следующие статистические данные по районам центральной России: в 1884–1885 гг. 22 экземпляра «Нивы» выписывали крестьяне Московской губернии, 13 экземпляров – в Новгородской губернии. Во Владимирской губернии рабочие (кустари) поселка Мстеры выписывали 15 экземпляров в 1888 г. А одна столичная контора выписывала до 100 экземпляров журнала для своих рабочих, с которых взымали по 40 копеек в месяц [3, с. 95, 97, 99–100].

Нельзя не упомянуть данные по Сибири. Здесь «Нива» долгое время занимала лидирующее место среди других еженедельных журналов по числу подписчиков, коими являлись люди совершенно разного социального положения. Так, например, в Красноярске в 80-е гг. XIX в. «Нива» насчитывала 87 подписчиков; в Барнаульском, Бийском, Кузнецком округах и Колывани на еженедельник приходился 171 подписчик, а в Томске в 1890 г. журнал

выписывало 192 человека [1, с. 244]. К тому же, стоит упоминания тот факт, что в Сибири «Нива» входила в узкий круг периодики, к которой обращались крестьяне. Естественно, называть крестьянскую семью целевой аудиторией «Нивы» будет ошибочно. Целевой группой журнала оставался средний слой населения, коим доставало образования понимать материалы журнала – провинциальная интеллигенция и мелкая буржуазия, но нельзя игнорировать тот факт, что среди читательской аудитории «Нивы» присутствовал, пускай небольшой, но процент дворянства (естественно, провинциального) и крестьянства. Даже этот малый процент является показателем качества для журнала, который в принципе не рассчитывался на данные группы населения.

Если сравнивать статистические данные по регионам центральной России и Сибири, то можно сделать вывод, что в Сибири у журнала «Нива» подписчиков было больше. Это может быть связано со спецификой самого региона, так как в центральной России прессы в целом было больше, так же как легче и дешевле было оформить подписку на самые разные издания. В то время как в Сибири процесс формирования местной прессы только начался в 1870-х гг., и шёл крайне медленно. В это время журнал «Нива» был знакомым и любимым, а также доступным для понимания широкого круга населения.

Таким образом, мы можем смело сказать, что «Нива» смогла стать почти уникальным журналом, поскольку соответствовала запросам самой разнообразной публики. Уже к 80-м гг. XIX в. среди его подписчиков мы можем встретить как интеллигентную и образованную публику, так и определенное количество крестьян и рабочих. Немаловажным является тот факт, что «Нива» была в числе немногих массовых изданий, допущенных в 1890 г. в народные библиотеки. Это, безусловно, способствовало расширению круга читательской аудитории журнала.

Научный руководитель Г. В. Оглезнева

Литература

1. Волкова В. Н. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. В 5 т. Т. 1. Конец XVIII – середина 90-х годов XIX века / отв. ред. В. Н. Волкова. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН , 2000. 316 с.
2. Ким Е. Х. Роль и значение журнала «Нива» в развитии русского общества на рубеже 1870-х гг. начала XX века : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Московский государственный университет им. Ломоносова. М., 2004. 171 с.
3. Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного просвещения. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1895. 547 с.
4. Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М. : Новое лит. обозр., 2009. 448 с.

В. А. Строкольский*Томский государственный университет*

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ЭСЕРОВ НА ТЕРРОР НА ОСНОВЕ ПРОГРАММНЫХ И АГИТАЦИОННЫХ ДОКУМЕНТОВ (1901–1912 гг.)

Достаточно актуальной в современном мире является проблема терроризма. Так, с каждым годом как в нашей стране, так и за рубежом возрастает количество терактов, и зачастую в СМИ можно встретить информацию об их предотвращении. Данная проблема активно обсуждается в обществе, имеет неоднозначную оценку в массовом сознании, которая может быть обусловлена отношением к самому терроризму и к политике властей по решению этой проблемы, а также различными стереотипами. На это накладывается популяризация левых идей и обострение политической обстановки в стране, отчего можно строить некоторые аналогии с прошлым.

Цель исследования заключается в определении изменений во взглядах эсеров на террор для объяснения мотивации использования революционерами радикальных мер. В качестве источников использовались программные и агитационные документы партии социалистов-революционеров с 1901 по 1912 г.

В первой программе (1901 г.) эсеры выражали умеренный взгляд на террористическую тактику: социалисты, считая себя преемниками народовольцев, отмечали, что «террор – необходимое, хотя и печальное орудие борьбы с правительством, которое само отказывается от человеческих форм самозащиты» [3, с. 58]. Данным высказыванием эсеры негласно ссылались на судебный прецедент – дело Веры Засулич (1878 г.). Тогда суд присяжных оправдал революционерку, покушавшуюся на жизнь санкт-петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, признав в инциденте акт самозащиты (на что, в свою очередь, обращала внимание и сама Засулич). Оправдание было в немалой степени связано с тем убеждением, что законы Российской империи никак не гарантировали защиту граждан от произвола властей, поскольку на тот момент отсутствовали действенные формы обращения в правоохранительные органы. Это, в свою очередь, подталкивало людей к «самозащите» (т.е. к насильственному сопротивлению) перед угрозой со стороны чиновников [1]. На наш взгляд, эсеры сознательно использовали этот

прецедент: с помощью террора они хотели показать изъяны политической системы, убедить правительство в важности формирования органов народного представительства, гарантирования свободы слова. По мнению эсеров, народовольческий террор соответствовал «исторической задаче низвержения самодержавия, отвечал настроению всех живых сил общества» [3, с. 58].

В то же время, эсеры не призывали людей к радикальным мерам, они подчеркивали рациональность террора, организованного партийным центром, по аналогии с координацией покушений Исполнительным комитетом Народной воли. Данный тезис они подтвердили в программном документе, посвященном террору [3, с. 88].

После создания боевой организации в 1902 г. эсеры снова делали акцент на «необходимости» и «неизбежности» террора. Эсеры аргументировали невозможность отказа от радикальных мер тем, что такова логика событий, они лишь исполняют предначертанный «исторический долг» [3, с. 78]. В стране, где распространены нищета и беззаконие, эсеры считали себя «нравственно обязанными» применять террор; они не принимают систему ценностей, которая коренится в современном им обществе [3, с. 79].

Эсеры подчеркивали, что значение террора, как средства самозащиты, очевидно даже для «самых крайних противников террористических средств» [3, с. 81]. Мы видим, что эсеры снова спекулируют давним судебным прецедентом, чтобы оправдать свои действия. Они обосновывали использование террора санкцией рабочего населения [3, с. 82]. Наконец, эсеры выдвигали тезис о том, что террор занимает нецентральное место среди политических методов, это не самоцель, а лишь «временное преходящее техническое средство» [3, с. 87].

В листовках, опубликованных по случаю убийства В. К. Плеве в 1904 г., социалисты оправдывали террористическую тактику тем, что само правительство использовало жестокие методы при подавлении рабочего и крестьянского движений – «на насилие [мы] должны отвечать насилием» [3, с. 151]. В этих же документах эсеры подтвердили мнение о неизбежности террора в российских условиях, где царит «насилие тирании», а также снова оценили свою деятельность как благо для народа [3, с. 151–157]. Взгляды на теракты, как на ответную меру на насилие со стороны чиновников и как на общественную необходимость, эсеры высказывали и на судебных процессах [2, с. 30].

В 1907 г. в постановлении ЦК партии декларировалось, что политический террор может быть направлен только против представителей власти, убийство же частных лиц допускается при разрешении областного комитета. Провокаторов и шпионов эсеры могут убивать без этой санкции [4, с. 35]. Вероятнее всего, эти нюансы утвердили в связи с кризисом боевой организации в 1905–1906 гг., что привело к хаотичным терактам, уже не согласующимся с центром и приведшим к смерти невинных граждан. По сути, тогда ядро партии стало терять контроль над своим детищем.

По окончании первой русской революции террористическая борьба эсеров стала спадать, а в 1911 г. боевая организация была распущена. Стоит отметить, что террористическая деятельность стала прочно ассоциироваться в публичной сфере с партийным центром социалистов-революционеров, поскольку как общество, так и власти именно эсеров обвиняли в убийстве П. А. Столыпина, к которому они отношения не имели [4, с. 394, 404].

В 1912 г. эсеры пересмотрели свое отношение к террору. Связано это было с тем, что в это время правящий режим укрепил свои силы, изменилась социально-политическая конъюнктура: проводились успешные преобразования (в частности, аграрная реформа), а действия левых сил перестали находить отклик в обществе. «В такой концепции для террора нет места. Он осужден на вымирание» [4, с. 407]. Эсеры официально не отказались от террора, а только приостановили его использование на неопределенный срок. Но, как покажет история, больше они террор не практиковали.

Таким образом, эсеры мотивировали использование террористической тактики недостатками государственной системы (террор как акт «самозащиты» в ответ на насилие со стороны властей), некой исторической необходимостью, апеллировали к санкции со стороны народных масс. Такой аргументацией эсеры пытались легитимировать свои действия и, возможно, снять с себя ответственность. В то же время, они подчеркивали важность организованного террора.

После создания боевой организации эсеров умеренное отношение к террору сменилось более радикальной позицией. После кризиса руководящей структуры фанатичное отношение к террору стало утихать. В 1911–1912 гг. произошёл поворот во взглядах эсеров: они публично отказались от радикальных методов борьбы, что аргументировалось установлением благоприятной ситуации в стране. Тем самым эсеры подтвердили свой тезис о временном характере террористических мер.

Научный руководитель В. В. Шевцов

Литература

1. Борисова Т. Ю. «Необходимая оборона общества»: язык суда над Засулич // Новое литературное обозрение. 2015. № 5. С. 101–118.
2. Мосолкин С. В. Создание образа «героя-террориста» в ходе политических процессов над эсерами в 1905 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. № 4. С. 28–36.
3. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1922 гг. В 3 т. Т. 1. 1900–1907 гг. : док. сб. М. : РОССПЭН, 1996. 686 с.
4. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1922 гг. В 3 т. Т. 2. Июнь 1907 г. – февраль 1917 г. М. : РОССПЭН, 2001. 584 с.

В. В. Ткачев

Иркутский государственный университет

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ЕВРОПЕЙСКИХ МАСТЕРОВ В ГОРОДАХ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.*

Во второй половине XIX – начале XX в. развиваются культурные связи в городах Байкальской Сибири (Иркутской губернии и Забайкальской области). В данный период в регион приезжают известные европейские мастера. Они создают живописные полотна, которые отображали природу Сибири, городские достопримечательности. Художники создавали портреты жителей, раскрывали архитектурные особенности деревянных и каменных домов Байкальского региона. В фондах Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева сохранились работы западных мастеров, которые отображают известные места. Также живописные полотна интересны тем, что они дают представление современному поколению об исторических событиях второй половины XIX – начала XX в. Всё это даёт возможность рассмотреть опыт работы европейских мастеров в городах Байкальской Сибири в настоящем исследовании.

В работе используются документы фондов В. В. Фалинского (Ф. Р-3518), Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (Ф. 293), Общества распространения народного образования

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Иркутского государственного университета для молодых ученых № 091–21–322 «Художественная жизнь в городах Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX вв.: история и особенности развития».

и народных развлечений в Иркутской губернии (Ф. 197) из Государственного архива Иркутской области. Анализируются источники периодической печати, учредительные и сопроводительные документы по деятельности творческих, общественных объединений, каталоги выставок и т. д. [1].

Историю создания картин западными мастерами во второй половине XIX – начале XX в. в своих статьях и монографиях рассматривали многие авторы. Так, о проведении художественных выставок в музеях, галереях, деятельности художников в Сибири можно узнать из трудов А. Д. Фатьянова, Б. С. Шостаковича, П. Д. Муратова, Ю. П. Лыхина, Е. С. Манзыревой и других исследователей [7, с. 73; 8, с. 56; 9, с. 33; 10, с. 9].

Во второй половине XIX – начале XX в. в коллекциях известных сибирских купеческих династий особое место занимают предметы искусства, раскрывающие особенности разных стилистических направлений, школ живописи. Иркутск, Верхнеудинск, Кяхта являлись известными каналами для реализации торговых отношений с центром и со многими странами _Запада и Востока.

Иркутские, верхнеудинские, нерчинские купцы привозили из разных регионов предметы, которые имели особую ценность. Известно, что в коллекции В. П. Сукачева находились полотна отечественных художников, которые являлись представителями нового демократического направления реалистического искусства в Российской империи. Также в собрании можно было встретить и картины западных мастеров [2].

Одним из важных условий проведения любого художественного события, в том числе и выставок с участием европейских мастеров, является донесение до предполагаемых посетителей актуальной информации. Представление в городских афишах названия, даты проведения, подробной программы мероприятия, основных участников и их известных работ даёт возможность жителям создать образы, которые они увидят. Необходимо было заинтересовать читателя, рассказать ему самое важное, то, что представляется ценным для общества, через статьи, афиши и объявления в сибирских газетах. Только таким образом, можно было поднять интерес к западному искусству.

В городах Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX в. увеличивается число художественных мероприятий: выставок, лекций, экскурсий в музеях и галереях. Также общественные деятели данного периода давали определённую оценку выставочной работе. Писали они и о том, что многие события оставались недоступными для горожан, так как за посещение «по-прежнему нужно было платить большие деньги» [3].

Из рассуждений немецкого учёного Якова Штерна в издании «Влияние общественных условий во все отрасли культурной жизни» (1905), которое читали многие жители городов Байкальской Сибири, можно сделать вывод как о степени доступности живописи европейских мастеров и художественных событий для горожан, так и о задачах, которые решали устроители этих мероприятий. Главной из них было «поощрение и поднятие всеобщего благосостояния» [4].

Свидетельства об участии западных художников в сибирских выставках сохранились в региональной периодической печати. В 1900 г. газета «Восточное обозрение» сообщала: «В зале Общественного собрания по Амурской улице состоялась художественная выставка имеющихся в Иркутске произведений искусства» [5]. Известно то, что в организации выставки принял участие А. П. Богословский и другие члены кружка любителей живописи, образовавшегося при Обществе любителей музыки и литературы осенью 1899 г. Посетители могли познакомиться с произведениями русских и европейских мастеров: С. Тончи, Л. Хофелиха, Р. Шульце, И. К. Айвазовского, А. Г. Варнека, М. М. Антокольского, К. Е. Маковского; польских ссыльных С. Вронского и Ю. Беркмана, которые работали в Восточной Сибири в 1870–1880-х гг. Также нужно отметить, что в выставке участвовали и местные художники: Н. И. Верхотуров, М. И. Зязин, А. И. Кузнецов, В. Г. и И. Г. Шешуновы. Исторические документы сообщают, что за первые три дня мероприятия посетило более 550 человек [6].

Деятельность западных художников влияла и на развитие образования и просвещения в городах Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX вв., что подтверждают исторические документы. Известно, что польские мастера Станислав Евгеньевич Вронский и Юзеф Беркман открыли в Иркутске в 1870-е гг. художественную студию, которая не только готовила новых мастеров, но и приобщала жителей к произведениям искусства, рассказывала о новых живописных направлениях и школах.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. западные мастера участвовали в художественных выставках, которые посещало большое количество людей. Интерес общественности к творчеству можно объяснить тем, что художники показывали через методы и приёмы свой уникальный взгляд на особенности Байкальского региона, создавали его образ в искусстве.

Научный руководитель В. П. Шахеров

Литература

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-3518. Оп. 1. Д. 7. Л. 3
2. ГАИО. Ф. Р-3518. Оп. 1. Д. 8. Л. 10
3. ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.
4. ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.
5. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 602. Л. 2.
6. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 603. Л. 4.
7. Лыхин Ю. П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX в.). Иркутск, 2002. 336 с.
8. Лыхин Ю. П., Крючкова Т. А. Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII век – 1917 год) : биобиблиогр. слов. Иркутск : Изд. АЭМ «Тальцы», 2000. 408 с.
9. Фатьянов А. Д. Судьба сокровищ. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 112 с.
10. Фатьянов А. Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1995. 192 с.

А. С. Ходонович

Иркутский государственный университет

ЕСТЬ ЛИ СЛАВЯНОФИЛЬСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ИДЕЯХ «ЧЕРНОЙ СОТНИ»?

Начало XX в., должно быть, один из самых сложных периодов в истории нашей страны. События 1905 г. стали своеобразным Рубиконом, разделившим общественное мнение по вопросу будущего развития страны: от черносотенных вариантов до всевозможных социалистических. При этом каждая идеология возникала не на пустом месте, а опиралась на идеи предшественников в истории общественной мысли России.

Цель данного исследования заключается в поиске корней «черносотенной» идеологии посредством сравнения документов и уставов «черносотенных» организаций с высказываниями славянофилов – по сути, таких же представителей условно «охранительного лагеря» предыдущего периода.

Данное сравнение вполне уместно, в частности потому что идеологи «черной сотни» всячески хотели показать интеллектуальную связь между собой и основоположниками славянофильства: «Если бы были живы апостолы славянофильства Хомяков, Аксаков и другие, с одной стороны, и Катков, граф Толстой, с другой стороны, то все они были бы в наших рядах», писалось в материале, опубликованном в «Вестнике Союза русского народа» за 11 февраля 1910 г.

Сами же представители околославянофильского направления хотели эту связь разорвать, считая правые кружки начала XX в. чем-то низким и недостойным сравнения с ними. Так, В. С. Соловьев писал, что идеи славянофилов «никем на то время не представлены и вовсе не развиваются», если только не считать их развитием тех воззрений и тенденций, которые можно найти в современной «патриотической» печати. Они берут в своем начале идеи «неподвластного и безыдейного национализма», который ими понимается и выдается за истинный русский патриотизм [4, с. 387].

Славянофильские организации, возникшие в 1830-х гг., были фактически «лакмусовой бумажкой», показывающей противоречия, накопленные в российском обществе, а также различные пути их разрешения. Идеи Просвещения, а позже и идеи социализма, противоречащие традиционному русскому укладу жизни, проникнувшие в самое «сердце» российского общества, а именно в самую образованную его часть – дворянство, а затем и интеллигенцию, требовали симметричного ответа и от условно консервативного лагеря. И славянофилы стали этим ответом, породив целую плеяду мыслителей, таких как А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, И. В. Киреевский. Теоретиков славянофильского течения было немного, но каждый из них имел яркую индивидуальность и особенный подход к пониманию исторического прошлого, настоящего и будущего России. У славянофилов не было ни манифестов, ни программ, ни четкого плана действий. Все это способствовало огромному количеству разногласий, которые то и дело обсуждались в периодической печати того времени. Но более или менее сходились они на идее, изложенной К. С. Аксаковым: «Внешняя правда – государству, внутренняя правда – земле; неограниченная власть – царю, свобода мнения и слова – народу» [2, с. 156].

Черносотенное течение, в отличие от славянофильского, в первую очередь за счет своей массовости, все же сумело создать свои партии, и соответственно, программы этих самых партий, так что можно сравнить их установки с принципами славянофилов.

«Внешняя правда – государству»: первый из обозначенных принципов, подразумевал, по мнению К. С. Аксакова, прежде всего, защиту своего народа на «внешнем» пространстве, т. е. политическом. Дело в том, что в представлении Аксакова правда делилась на внутреннюю и внешнюю. Внутренняя – нравственное понимание жизни человека, «присутствовавшее только у славян». Это «путь свободного убеждения, путь мира, тот путь, который открыл нам Божественный Спаситель» [1, с. 289]. Внешняя же правда – это

правда государства, правда закона, к которой славяне пришли только из-за воздействия недружеских агрессивных соседей, которые нападали на славянские земли и покоряли их, переворачивая с ног на голову весь их быт [1, с. 298]. Мысль о влиянии внешней правды можно найти в программных документах Русского Народного союза им. Михаила Архангела: «Сила Родины кроется в сохранении неделимой целостности Государства Российского, в соблюдении в нем законности и порядка, а также в братской поддержке Русскими, всех сословий и состояний, друг друга, везде и всюду, как в духовном, так и в материальном отношениях» [3, с.3].

«Внутренняя правда – земле»: земля в философском представлении Аксакова и прочих славянофилов «есть мирная жизнь общин», при этом под словом «земля» или же «земщина» славянофилами обозначался народ, который добровольно передал свою власть Царю, сохранив за собой право влиять на него посредством свободы слова, мысли и действий. В черносотенной программе это в несколько измененном виде выглядит так: «Самодержавная, ничем земным, пока стоит Россия, не ограниченная власть Государева искони создана разумом Народа Русского» [3, с.4].

Сходным можно считать отношение славянофилов и черносотенцев к царской власти. Принцип «Неограниченная власть – царю» у славянофилов хотя и дополнялся суждением – «Сила мнения народу», но не менял содержания их политического идеала. И это совпадает с программным положением черносотенцев, где самодержавная власть Русского царя, православная и дарованная Церковью, должна остаться неизменной, какою она была до 17 октября, и должна впредь оставаться такою для благополучия и величия России [5, с.7].

Схожими были позиции славянофилов и черносотенцев и по вопросам христианства как основополагающей части Русской идентичности. Славянофилы, как и черносотенцы, были уверены, что развивающийся на западе капитализм приведет европейскую цивилизацию к безбожию, а в итоге и упадку. Так, К. С. Аксаков писал, что на Руси был выбран единственный верный путь христианства, т. е. православие, так как только он не противоречит свободе, присущей «земле» [1, с. 298], тогда как католичество может привести только к заблуждению. Подобную позицию по сохранению веры можно встретить и в упомянутых уже программах черносотенцев.

Как можно заметить из представленных выше примеров, риторика черносотенных идеологов была вполне похожа на изречения

славянофильских писателей. Конечно, для массовых газет и прокламаций, рассчитанных на широкий и не слишком образованный круг читателей (из-за специфики времени), черносотенцы упрощали и несколько пересматривали позиции славянофилов. Тут мы не найдем сложных для понимания философских терминов и глубоких размышлений о характере русской истории, но все же, несмотря на это, между позицией черносотенцев и позицией славянофилов можно провести устойчивую логическую связь.

Научный руководитель Г. В. Оглезнева

Литература

1. Аксаков К. С. Государство и народ : монография / отв. ред. О. А. Платонов. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2009. 608 с.
2. Размолодин М. Л., Иерусалимский Ю. Ю. О консервативной сущности черной сотни : монография. Ярославль : Ньюанс, 2012. 388 с.
3. Русский Народный Союз имени Михаила Архангела. Программа и Устав. СПб. : Типолитография Т-ва «Свет», 1909. 16 с.
4. Соловьев В. С. Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. В 9 т. Т. 5. 1883–1897. СПб. : Обществ. польза, 1901–1907. 552 с.
5. Союз русского народа. Устав общества под названием «Союз русского народа». СПб. : Отечественная тип., 1906. 15 с.

СЕКЦИЯ

ИСТОРИЯ РОССИИ

ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Н. А. Антоновский

Кемеровский государственный университет

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДА СТАЛИНСКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «БОЛЬШЕВИСТСКАЯ СТАЛЬ»)

Новокузнецк (Сталинск) в годы Великой Отечественной войны был известен как город, ковавший успех Красной армии в тылу, за что в 2020 г. получил звание «Город трудовой доблести». Следует отметить, что о культурной жизни горожан в военное время практически ничего не известно. С целью восполнить этот пробел были проанализированы выпуски газеты «Большевицкая сталь». «Большевицкая сталь» – старейшее печатное средство массовой информации города Новокузнецка (Сталинска). Тираж газеты в годы войны составлял до 16 тыс. ежедневных экземпляров, в год выходило до 250 выпусков. Таким образом, издание подходит для изучения поставленного вопроса.

Тяжелые трудовые будни в годы войны негативно сказывались на физическом и моральном здоровье горожан. Организация досуга и массового отдыха населения – залог их успешной и качественной работы. Руководство страны и города предпринимало немало усилий для того, чтобы даже в это трудное время жители Сталинска могли на время забыть о печах, станках и забое. Этому в немалой степени способствовали три театра, кино, цирк, дворец культуры и летний сад металлургов, сеть клубов на предприятиях,

технический музей комбината, стадион, водная станция. Город в годы войны располагал богатейшими возможностями для хорошего культурного обслуживания горожан. Все объекты призваны были быть центрами культурно-просветительской работы в массах трудящихся, особенно среди молодых рабочих [3, с. 2].

С 27 февраля 1934 г. в Сталинске начал работать театр драмы – старейший театр Кузбасса. До 1938 г. он носил имя влиятельного политического деятеля тех лет Роберта Эйхе, впоследствии репрессированного. С мая 1938 г. театр стал называться именем наркома тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе, лично посетившего стройку в августе 1933 г. В сентябре 1941 г. театр уступил свою сценическую площадку артистам других, в том числе эвакуированных театров, а коллектив перенёс свою творческую деятельность в город Ленинск-Кузнецкий [10, с. 2].

Первым на сцене городского театра сталинцев сменил и начал свою творческую жизнь новосибирский театр «Красный факел». В репертуаре этого прославленного театра в 1941 г. были классические произведения – спектакли «Евгения Гранде» Бальзака, «Машенька» Афиногенова [7, с. 2], «Испанцы» Лермонтова [8, с. 2]. Когда Великая Отечественная война затянулась, стало понятно, что необходимо ставить военные спектакли, пробуждающие патриотические чувства. И в ноябре 1941 г. была представлена военно-патриотическая пьеса советского драматурга и киносценариста Георгия Давидовича Мдивани «Батальон идет на запад».

В марте 1942 г. театр «Красный факел» закрыл театральный сезон. Новосибирцы уступили сцену Московскому государственному театру оперетты, который приехал в город по решению комитета искусств при Совнаркоме СССР и Новосибирского обкома ВКП(б) после успешных гастролей в Прокопьевске, где дал 135 спектаклей [2, с. 2], и приступил к репетициям. Оперетты на советскую тематику заняли основное место в гастролях, но, кроме этого, был и классический репертуар, пользующийся повсеместным успехом и популярностью: «Летучая мышь», «Сильва», «Баядера», «Марица» композитора Э. Кальмана, запрещенные тогда в странах, оккупированных немецкими захватчиками, так как талантливый композитор был «неарийского происхождения» [1, с. 2].

Гастроли открывала оперетта «Взаимная любовь» о прочной дружбе советских людей различных национальностей, их любви к своей социалистической Родине и доблестной Красной армии. Это большое событие в театральной жизни города переполненный зал театра встретил дружными аплодисментами [6, с. 2]. Театр пробыл

в Сталинске более полутора лет. В преддверии возвращения труппы в Москву, в сентябре 1943 г., «Большевистская сталь», освещающая пребывание артистов в городе, указывала на то, что в суровые дни войны партия и правительство, заботясь о советском искусстве и о театрах столицы и периферийных городов, эвакуировали большинство из них в глубокий тыл, а коллектив театра, несмотря на многие трудности, продолжал неутомимо работать и творчески расти [5, с. 2].

Параллельно с гастрольями театра оперетты на сцену театр юного зрителя имени XX-летия ВЛКСМ прибыли еще одни гости из столицы – Московский центральный детский театр. Ребятам были представлены как классические, так и современные высокопатриотические спектакли: классическая «Снежная королева», комедия Шекспира «Виндзорские проказницы», пьеса В. Симонова «Русские люди», «Жан Бесстрашный» Габбе, «Недоросль» Фонвизина, «Воспитанница» и «Шутники» Островского, «Прodelки Скапена» Мольера, «20 лет спустя» Светлова, новая пьеса писательницы А. Брудтейн «День живых», «Белеет парус» Катаева [9, с. 2].

В конце 1943 г. театры из столицы сменили гости из Украины – театр имени Максима Горького (объединенные Харьковский и Киевский ТЮЗы) и Львовский драматический театр имени Заньковецкой. Перед театром стояла сложная задача: познакомить зрителя с фрагментами истории и культуры украинцев, ввести в своеобразную прелесть украинского народа, познакомить с обычаями и нравами, показать глубокие и благородные его чувства. Театру удалось вписать в узкие рамки сцены Сталинского гортеатра подлинную Украину – мирную, цветущую, прекрасную [11, с. 2]. В афише театра имени Максима Горького были либо классические детские, либо военно-патриотические спектакли: «Синий платочек» Катаева, «Зыковы» Горького, «Партизаны уходят в лес» Данилевского, «Десант» Суходольского, «Лекарь поневоле» Мольера.

В ноябре 1944 г. вновь открыл занавес перед своими зрителями Сталинский городской театр имени Серго Орджоникидзе [4, с. 2].

Таким образом, в годы войны на театральных сценах города оказалось большое количество трупп и артистов. Кто-то приезжал с гастрольями, кто-то был в эвакуации и ждал дня, когда сможет вернуться на родные края. За четыре года войны в городе побывали с долгими гастрольями пять разных театров. Кроме них были артисты с краткосрочными гастрольями и местный театр имени Серго Орджоникидзе.

Научный руководитель А. Н. Худолеев

Литература

1. Александров Н. Московская оперетта // Большеви́стская ста́ль. 1942. 27 марта.
2. И. И. Гастроли в Прокопьевске // Большеви́стская ста́ль. 1942. 27 марта.
3. Клуб – центр культурно-просветительской работы // Большеви́стская ста́ль. 1944. 18 июля.
4. Меркулович Е. Театр имени Орджоникидзе – зрителям Сталинска // Большеви́стская ста́ль. 1944. 10 дек.
5. Мы и в разлуке останемся вместе... Артисты театра оперетты – своим зрителям // Большеви́стская ста́ль. 1943. 11 сент.
6. Н. Г. Первая встреча // Большеви́стская ста́ль. 1942. 29 марта.
7. Объявление о спектакле // Большеви́стская ста́ль. 1941. 5 окт.
8. Объявление о спектакле // Большеви́стская ста́ль. 1941. 19 окт.
9. Объявление о спектакле // Большеви́стская ста́ль. 1943. 9 января.
10. Рябинин В. Наш творческий путь // Большеви́стская ста́ль. 1944. 25 февр.
11. Юрьев И. Спектакль волнующих чувств // Большеви́стская ста́ль. 1943. 26 дек.

И. О. Богданов

Иркутский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ ПИТАНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ В АФГАНИСТАНЕ (1979–1989 гг.)

Исторические исследования по теме Афганской войны (1979–1989 гг.) в большей степени сосредоточены на политических процессах и боевых действиях, оставляя при этом в стороне проблемы повседневности, в частности, проблемы питания рядовых участников данного политического процесса – военнослужащих, входивших в ограниченный контингент советских войск в Афганистане. При этом военную службу там проходило около полумиллиона советских граждан, и эти события активно освещаются в массовой культуре – снимаются фильмы, пишутся мемуары, появляются историко-публицистические работы, в музеях организуются экспозиции. Данная работа является попыткой осветить эту тему с научной точки зрения.

Ветераны афганской войны по-разному вспоминают и дают оценку питанию на войне, однако обобщая, можно сказать, что оценки скорее колеблются не между «хорошо» и «плохо», а между «нормально» и «плохо». В мемуарах, а также других источниках описано большое количество проблем с питанием, которые будут представлены в обобщенном виде в данной работе.

Проблемы снабжения советской армии в Афганистане были обусловлены и самим характером войны. Тактика моджахедов подразумевала боевые действия низкой интенсивности и избегание лобового столкновения с превосходящей по силе советской армией. Поэтому целями атак становились колонны снабжения, на которые устраивались засады, а также применялось минирование. Усугубляла эту проблему еще и гористая местность, осложнявшая передвижение автотранспорта, и отсутствие в Афганистане железных дорог.

Однако, судя по описаниям ветеранов, в тылу, при наличии связей и ценных вещей для обмена, можно было раздобыть продовольствие. Р. Н. Бикбаев описывает, как он, лежа в госпитале, ночью разбудил фельдшера и предложил ему трофейный золотой перстень за пять банок тушенки, пол-литра медицинского спирта, блок сигарет и две упаковки анальгина, и уже через час он получил все эти продукты [1, с. 32]. Другой ветеран, описывая свое знакомство с начальником продовольственной службы полка, называет его очень полезным и рассказывает, как он поставлял им продукты, о существовании которых в полку он ранее не знал [2, с. 57].

Также негативное влияние на питание советских военнослужащих оказывало то, что изначально командование не рассчитывало на столь продолжительное пребывание в Демократической Республике Афганистан. В связи с этим только в 1981 г. начинают появляться стационарные солдатские столовые. К концу 1980 г. наладились поставки хлеба, которые обеспечивались за счет 30 мобильных хлебопекарен и 36 гарнизонных хлебопекарен.

Отдельной проблемой являлось питание советских военнослужащих во время боевых операций. Длительные марш-броски по горам, особенно в боевой обстановке, сильно истощали бойцов. При этом вес предписанных для переноски боеприпасов, вооружения, средств личной защиты и провианта мог достигать 50–60 кг, и это при том, что солдат мог нести не только свое вооружение, но, также, например, мины для миномета [3]. Но тут необходима оговорка, что количество всего вышеописанного зависело от выполняемой задачи, предписаний командования и того, как эти предписания выполнялись. Неоднократно в мемуарах встречаются описания того, как в ходе перехода бойцы несли бронежилет, личное оружие, вещевой мешок своих обессиленных сослуживцев, а другие, подгонявшиеся «пинками» ложились и отказывались продолжать движение даже под угрозами смерти, а иногда и сами просили их пристрелить. Описывается даже случай вызова вертолета для эвакуации такого бойца [2, с. 84].

В условиях таких физических нагрузок, отсутствие сухого пайка значительно подрывало боеспособность воинского соединения. Часто во время таких марш-бросков провиант доставлялся при помощи вертолетов, однако боевая обстановка и плохая организация не позволяли гарантировать такую доставку. Описаны случаи, когда солдатам приказывалось старшими по званию брать с собой малое количество сухого пайка, так как они рассчитывали на снабжение с воздуха, а этого снабжения не поступало. Или же операция могла продлиться дольше, чем рассчитывало командование и предписанного солдатам провианта могло не хватить. Также описан случай, когда изможденные солдаты сами выбрасывали свой сухой паек по ходу движения для разгрузки, надеясь на снабжение с воздуха, которое впоследствии сорвалось.

Далеко не всегда имелась возможность полноценно приготовить еду, особенно в ходе боевых операций. Военнослужащие были вынуждены систематически питаться сухим пайком, что негативно сказывалось на их состоянии. Михаил Свиридов, описывая в интервью свой быт на удаленной заставе в 15 человек, где он прослужил около года, отметил, что на ней постоянно питались сухим пайком, который размачивался в воде для того чтобы не получить гастрит [4].

Р. Н. Бикбаев рассказывает, как он наблюдал во время приемов пищи за своим сослуживцем, аварцем, родом из горного дагестанского аула. Он отказывался есть свинину два первых дня своей службы, однако уже на третий день перестал от нее отказываться. «Да, голод не тетка!» – комментирует ситуацию Бикбаев. Учитывая участие в войне большого количество военнослужащих из среднеазиатских республик Советского союза, можно предположить, что такой рацион являлся проблемой для множества воинов-интернационалистов.

Возвращаясь к оценке самими проходившими военную службу в Афганистане, нужно отметить жалобы на однообразие продуктов, солдатам надоедало постоянное питание консервами. Также им не хватало овощей и фруктов, в результате чего солдаты страдали от авитаминоза. Советская армия пыталась решать эту проблему при помощи выдачи поливитаминного препарата, а также добавлением йодированной соли в пищу [5].

В данной работе перечислены лишь некоторые проблемы питания Советских военнослужащих в Афганистане. Рассматривая данную проблему, нужно понимать, что питание конкретного человека сильно зависело от времени и места службы, рода войск, должности, личных отношений с сослуживцами и офицерским составом, и еще множества факторов.

Научный руководитель В. А. Шаламов

Литература

1. Бикбаев Р. Н. Бригада уходит в горы. М. : Эксмо, 2010. 352 с.
2. Орлов Алексей Афганский дневник пехотного лейтенанта. «Окопная правда» войны. М. : Эксмо, 2014. 224 с.
3. Советские горные стрелки в Афганистане. Вспоминает Дмитрий Клеймёнычев. Часть первая : видеointервью. URL: https://www.youtube.com/watch?v=V2Ql9MFcn0g&list=RDCMUCgGquprM-QtQbIixXvfopw&index=7&ab_channel=TacticMedia (дата обращения: 07.10.2021).
4. Советские десантники на войне в Афганистане : вспоминает Михаил Свиридов : видеointервью. URL: https://www.youtube.com/watch?v=V2Ql9MFcn0g&list=RDCMUCgGquprM-QtQbIixXvfopw&index=7&ab_channel=TacticMedia (дата обращения: 07.10.2021).
5. Организация питания личного состава 40-й армии в оборудованных военных городках. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=19187> (дата обращения: 07.10.2021).

Г. С. Васильев

Иркутский государственный университет

БОРЬБА С ПРОСТИТУЦИЕЙ В РСФСР В ГОДЫ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

К 1917 г. ситуация с проституцией в России выглядела следующим образом: с одной стороны (со стороны власти), существовала легальная, поднадзорная проституция, при которой женщины были лишены некоторых своих гражданских прав; с другой стороны, либеральные круги осуждали регламентацию института оказания интимных услуг. В бытательской среде ситуация тоже была двоякой: православные традиции не мешали населению пользоваться услугами домов терпимости.

События революции 1917 г. изменили ситуацию. Был упразднён Врачебно-полицейский комитет, отменена регистрация проституток. «Легальные» проститутки были приравнены к «нелегальным» со всеми вытекающими последствиями, проституция перестала быть профессией [3].

Во времена военного коммунизма количество проституток в крупных городах сократилось. Одной из причин этого могла послужить убыль населения. В частности, в Петрограде численность населения снизилась в три раза: с 2 415 000 до 722 229 человек [3]. Другой причиной могли послужить чрезвычайные революционные меры: расстрелы и выселения. В. И. Ленин, в частности, рекомендовал председателю нижегородского губернского совета Фёдорову «расстрелять и вывезти сотни проституток» [1, с. 382]. К тому же, бедственное положение страны и высокая инфляция приводили к

возвращению натурального обмена, что сужало сами границы проституции. Кроме этого, влияние оказывали гражданская война и голод, которые приводили к высокой заболеваемости и снижению половой активности.

Несмотря на это, проституция, как явление, сохранялась. На это также были свои причины. Первая причина связана с деятельностью советской власти по разрушению института семьи и низведению половых отношений до примитивного уровня («теория стакана воды»). «Идет невообразимая вакханалия. Свободная любовь лучшими людьми понимается как свободный разврат» – писала С. Н. Равич в своей статье в журнале «Коммунистка» в 1920 г. Вторая причина особенно сильно проявилась во время голода 1920–1922 гг.: девушки были вынуждены торговать собой ради куска хлеба [3].

В отношении проституции большевики заняли однозначную позицию: она является социальной аномалией, «порожденной предыдущим строем», и в вопросе искоренения проституции придерживались принципа прогибиционизма («запретительства»). В связи с этим в годы военного коммунизма происходили облавы на женщин, причём часто арестовывали тех, кто вообще не имел отношения к «продаже своего тела» [1, с. 382]. Связано это было с отсутствием понятных нормативных актов, которые бы давали определение понятию проституции и регламентировали отношение к ней. Определенную роль также играли необразованность и низкий культурный уровень исполнителей [2]. Существовали только оценочные суждения отдельных деятелей и организаций, в частности Б. Г. Каплуна, одного из руководителей Петросовета, который считал, что «проституция как профессия не может существовать <...>. Нет борьбы с проституцией, а есть борьба с женщинами, у которых нет определенных занятий» [1, с. 382].

Популярной была идея трудового перевоспитания проституток. Об этом говорится в распоряжении № 145 Наркомата социального обеспечения. В пункте «в» данного распоряжения предписывается создание «лечебно-воспитательных учреждений» для больных проституток, где они будут лечиться и одновременно с этим «перевоспитываться на трудовых началах» [4]. А пункт «г» предписывает «устройство трудовых коммун для здоровых проституток» [4].

В мае 1919 г. был создан первый лагерь для женщин, в котором в 1920 г. 60 % заключённых подозревались в занятии проституцией. В конце 1919 г. была создана первая женская трудовая колония строгого режима. Власти стремились перевоспитать проституток и вернуть их к производительному труду. Такая политика вы-

зывала протесты abolitionистов (тех, кто выступал против запрета проституции), но, несмотря на это, трудовая повинность была преобладающей позицией [1, с. 383].

Ещё одной мерой для борьбы с сексуальной коммерцией являлась просветительская работа. В ноябре 1919 г. была создана Междуправительственная комиссия по борьбе с проституцией при подотделе по борьбе с проституцией Наркомата социального обеспечения, которая в 1920 г. разработала циркуляр «О мерах по борьбе с проституцией» или циркуляр № 93. В нём разъяснялись меры профилактической работы с целью борьбы с «продажной любовью». Таких мер было несколько. Одна из них – просветительская работа с целью разъяснения униженного положения женщин, которые занимаются продажей своего тела. Это проводилось совместно с женотделами РКП(б). Другой мерой являлась санитарно-просветительская деятельность, проводимая совместно с Наркомздравом, которая разъясняла роль проституции в распространении различных венерических заболеваний. Государство провозглашало, что оно не будет лезть в сферу половых отношений, поскольку это может привести к «искажению и извращению полового самоопределения свободных и экономически независимых граждан» [2].

Таким образом, в период военного коммунизма борьба с проституцией проводилась как чрезвычайными мерами, которыми являлись аресты и перевоспитание в трудовых лагерях и коммунах, так и просветительскими, с помощью Народных комиссариатов социального обеспечения и здравоохранения. Однако отсутствие чёткой нормативной и правовой базы затрудняло адекватную работу органов правопорядка и приводило к необоснованным арестам непричастных лиц.

Научный руководитель В. А. Шаламов

Литература

1. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М. : Новое лит. обозрение, 2015. 482, [4] с. : ил.
2. Мирошниченко М. И. «Злостные лица» женского пола: борьба с проституцией в свете революционного самосознания в 1920–1922 гг. (по материалам Урала) // Женщина в российском обществе. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zlostnye-litsa-zhenskogo-pola-borba-s-prostitutsiey-v-svete-revolutsionnogo-samosoznaniya-v-1920-1922-gg-po-materialam-urala> (дата обращения: 04.10.2021).
3. Панин С. Е. «Продажная любовь» в советской России (1920-е годы) // Вестник Евразии. 2005. № 1. С. 78–108. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodazhnaya-lyubov-v-sovetskoy-rossii-1920-e-gody> (дата обращения: 28.09.2021).
4. Распоряжение № 145. О мерах борьбы с нищенством и проституцией. 8-го мая 1919 г. // Электронная библиотека исторических документов : [сайт]. 2021. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/135307#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 03.10.2021).

М. Н. Гаврилюк

Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В КРЫМСКОЙ АССР (1920–30-е гг.)

В ноябре 1920 г. Гражданская война на территории Крыма была окончена. Наступил период новой советской власти, для творческой интеллигенции полуострова ставший достаточно серьезным испытанием.

Положение изобразительного искусства в Крыму в начале 1920-х гг., по всей видимости, для советского государственного строительства особого значения не имело. Как нельзя лучше отношение власти к творческой интеллигенции в этот период передает отрывок из автобиографической повести Е. И. Хатаевой «Арлекинада. Дневник артистки в дни революции». Она пишет: «Говорят, что им не до искусства, что они сейчас заняты разрухой и поднятием экономического положения» [6, с. 145].

Архивные материалы свидетельствуют о том же. В отчете о деятельности Крымнаркомпроса за 15 ноября 1920 г. 1 января 1922 г. указано, что в его составе создано Художественное управление и фото-кино-комитет: «Худуправление осенью 1921 г. вошло в состав Политпросвета. Мало-мальски точных и связных данных о работе Управления пока не имеется. Тоже не имеется никаких отчетов от фото-кино-комитета» [2].

Тем не менее, крымские художники, скульпторы и искусствоведы, собственными силами пытались наладить художественную жизнь на полуострове, не оставаясь при этом в стороне от советской действительности. К наиболее ярким примерам деятельности художников в начале 1920-х гг. можно отнести Выставку художественных ценностей в пользу ЦК помощи голодающим. Выставка эта была организована Крымским ОХРИСом в Центральном музее Тавриды. Ее экспозиционный ряд составляли как работы современных крымских художников, так и изъятые произведения. Участниками выставки были такие знаковые для крымского изобразительного искусства имена, как М. А. Волошин, Н. С. Самокиш, К. Ф. Богаевский, Ю. И. Шпажинский, Н. И. Пискарев, Б. И. Корвин-Каменская и др. В пользу голодающих была организована лотерея – цена билета 250 тыс. руб., выигрыш до 1 млрд руб. [5].

Лишь благодаря усилиям художников, без опоры на государственную поддержку, в 1923 г. был создан Симферопольский техникум изобразительных искусств. Существовала Севастопольская ассоциация художников, объединявшая в основном художников «старой школы» (Гауши, Шпажинские и др.)

Отметим, что вплоть до принятия первого пятилетнего плана развития хозяйства СССР в 1928 г., советская государственная политика не являлась основополагающим фактором для изобразительного искусства Крымской АССР. После 1928 г. ситуация кардинально меняется. Во все сферы художественной жизни Крымской АССР входят такие понятия, как индустриализация, соцсоревнование, ударничество.

На рубеже 1920–30-х гг. произошли два важнейших события для художественной жизни Крыма. Во-первых, 13 ноября 1930 г. в Симферополе открылась первая масштабная выставка крымских художников, посвященная 10-летию советизации Крыма: «Социалистическое строительство Крыма, индустриализация, коллективизация с.-х., новые формы быта, труда и общественной жизни, новый человек, созданный Октябрем – вот что мы должны отобразить и показать в своих картинах, рисунках, гравюрах, плакатах, скульптурах и т.п.» [3]. Важно отметить, что подготовка к ней велась в течение 1929–1930 гг. в ходе соцсоревнования, объявленного А. Н. Глаголевым и освещавшегося в газете «Красный Крым». Во-вторых, тем же Глаголевым в 1931 г. было организовано Крымское общество революционных художников «Изофронт», объединившее довольно разных по тематике и уровню художников. В основу идеологической направленности общества был заложен тезис – «служить оружием художественной агитации и пропаганды коммунистических идей и способствовать соцстроительству и обороне страны средствами пространственных искусств» [1, с. 99].

Упреки в адрес руководящих органов власти за равнодушие и полную незаинтересованность в развитии изобразительного искусства Крымской АССР слышались и на протяжении 1930-х гг. Особенно настойчиво – в связи с государственной политикой в области самодеятельного искусства и политикой коренизации. Через «Красный Крым» наиболее активные деятели искусств поднимали вопросы о том, что многочисленным крымским самодеятельным художникам уделяется слишком мало внимания, а руководящие органы не заинтересованы в развитии национальных крымско-татарских кадров. Тем не менее, в середине и второй половине 1930-х гг.

в Крыму проводились выставки самодеятельного искусства, причем лучшие работы отбирались для экспонирования на всесоюзных выставках в Москве.

Проблема художественного образования в Крымской АССР всегда стояла чрезвычайно остро. Уже упомянутый Симферопольский техникум изобразительных искусств прекратил свое существование еще в 1926 г. С тех пор обучение изобразительному искусству велось у художников в частном порядке. В 1934 г., благодаря усилиям Д. А. Медведовского, при симферопольском Доме культуры была открыта самодеятельная скульптурная рабочая студия. Именно на ее базе в 1937 г. создается Государственное среднее художественное училище имени заслуженного деятеля искусств академика Н. С. Самокиша – событие для художественной жизни Крымской АССР поистине громадное.

17 января 1936 г. искусство, в том числе изобразительное, из ведения Наркомпроса переходит в подчинение Всесоюзного Комитета по делам искусств при СНК СССР [4]. А уже через два месяца, 13 марта 1936 г., создается Управление по делам искусств при СНК Крымской АССР. На новый орган государственной власти возлагались большие надежды.

По сути, Управление по делам искусств продолжило проводить ранее работу, в течение последующих лет подвергаясь довольно частой критике со стороны активных деятелей изобразительного искусства Крымской АССР. Однако, помимо открытия художественного училища, под руководством Управления произошло еще одно важнейшее событие – в 1940 г. был создан Союз советских художников Крыма. Благодаря этому удалось не только объединить наиболее значительных художников и скульпторов (до войны в состав Союза были приняты 34 человека), но и собрать сведения о 63 художниках, проживавших на тот момент в Крыму.

Взаимоотношения органов власти и представителей изобразительного искусства Крымской АССР складывались достаточно сложно. Однако к концу межвоенного периода совместными усилиями были достигнуты важные результаты – в Крыму создано учебное заведение художественного профиля и образован Союз художников, ставший центром художественной жизни Крымской АССР.

Научный руководитель Г. Н. Кондратюк

Литература

1. Глаголев А. Н. Искусство Крыма // Искусство. 1935. № 2. С. 97–102.

2. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-652. Оп. 1. Д. 47. Л. 282.
3. Комитет. Всекрымское изо-соревнование. Ко всем художникам Крыма // Красный Крым. 1929. 13 июля.
4. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 962. Оп. 3. Д. 17. Л. 90–91.
5. Тугендхольд Я. По поводу выставки // Красный Крым. 1922. 19 мая.
6. Хатаева Е. И. Арлекинада. Дневник артистки в дни революции // Крымский альбом 2003 / ред. Д. Лосев. Феодосия ; М. : Коктебель, 2004. С. 144–147.

А. А. Зайцева

Хакаский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

МАТЕРИАЛЫ КРАЕВЕДЧЕСКИХ СЪЕЗДОВ И КОНФЕРЕНЦИЙ 1920-х гг. КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ КРАЕВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Вопрос об уровне образования и квалификации работников имеет большое значение для любой сферы народного хозяйства. От уровня образования сотрудников и накопленного опыта зависит функционирование того или иного культурно-просветительского учреждения. Переосмысление роли краеведческого движения в культурном развитии страны заставляет исследователей обратиться к материалам краеведческих съездов и конференций, которые в условиях отсутствия полноценной подготовки профессиональных музейных сотрудников выполняли роль методических пособий и рекомендаций по развитию краеведения в том или ином регионе. Особый интерес материалы конференций представляют для тех национальных регионов, где краеведение стало зарождаться только в 1920-е гг. К таким регионам можно отнести Хакасию и Ойротию.

Материалы многочисленных краеведческих конференций и съездов, которые проводились в 1920–1930-е гг. сыграли большую роль в подготовке музейных сотрудников и получении ими специальных краеведческих знаний. Эти материалы содержали в себе различные указания и рекомендации по организации краеведческой деятельности на местах; показывали опыт других музеев по проведению разного рода экспедиций, походов, обследований, привлечению учащихся школ к участию в краеведческих кружках и т. д.

В современной историографии исследованием проблемы получения краеведами и музейными сотрудниками Сибири в 1920-е гг.

специального краеведческого образования занималась доктор исторических наук, профессор Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова Н. Я. Артамонова. По мнению Надежды Яковлевны, «одним из результативных мероприятий по рассмотрению принципиальных вопросов краеведческого движения были съезды и конференции, которые в первое десятилетие советской власти проходили во многих городах, районах и регионах страны» [1, с. 27].

Проблема подготовки краеведческих кадров в 1920–1930-е гг. заключалась прежде всего в том, что специальных учебных заведений, выпускающих краеведов в это время не было. В советское время к краеведческим кадрам относили, в первую очередь, музейных работников, т.к. именно они являлись организаторами и координаторами краеведческой деятельности на местах. Однако следует отметить, что не только работники музеев отвечали за изучение того или иного края. По словам С. О. Шмидта, краеведение – это такая форма «общественной деятельности <...>, к которой причастны не только ученые-специалисты, но более широкий круг лиц, преимущественно местных жителей» [4, с. 12]. Поэтому для успешного осуществления краеведческой деятельности на местах государство должно было выработать алгоритм получения специального краеведческого образования для его непосредственных участников.

Анализ материалов краеведческих съездов и конференций 1920–1930-х гг. показал, что проблема отсутствия специального краеведческого образования в стране в этот период стояла довольно остро. Государство было заинтересовано в широком развертывании краеведческого движения в стране и вовлечении в него как можно большего количества граждан. Однако специальные учреждения для подготовки краеведов в это время еще не были организованы. Поэтому советскому правительству приходилось искать различные выходы из сложившейся ситуации. Одним из выходов стало проведение специальных краеведческих съездов и конференций, на которых методологами краеведческого движения предлагались конкретные шаги по получению краеведческого образования будущих организаторов и участников движения.

Для подготовки краеведческих кадров в национальных районах важное значение имела III Краеведческая конференция. Именно на этой конференции впервые был поставлен вопрос об организации краеведческой работы в данных регионах. В докладе одного из основоположников национального краеведения в Дагестане [2, с. 8] – Алибека Алибековича Тахо-Годи – было отмечено,

что краеведение в национальных районах было довольно слабым. Но, несмотря на это, от него ожидалось довольно большие результаты. По мнению А. А. Тахо-Годи, развитие краеведческой работы было необходимо «для самих национальных образований, поскольку познание края является предпосылкой для их культурно-хозяйственного строительства, а самая форма работы – способом приобщения национальных масс к общественной самостоятельности. Не менее важно это было и для советской власти (как орудия подтягивания отсталых народностей к общему уровню), и для науки (поскольку мало изученные национальные образования могут дать последней ценнейшие материалы)» [3, с. 20].

Особенно остро «кадровый голод» ощущался в Сибири, где не было специализированных учебных заведений по подготовке краеведческих кадров, а во многих национальных регионах, в том числе в Хакасии и Ойротии, население в большинстве своем было малограмотным. В двух указанных этнических регионах, работа по созданию краеведческих организаций и музеев в это время находилась еще в зачаточном состоянии. Поэтому для решения этой проблемы правительство вынуждено было привлекать «старые» кадры до того времени, пока не будет отлажен процесс подготовки советских кадров.

Таким образом, благодаря совместным действиям правительства по решению проблемы краеведческого образования и местных краеведов, краеведческое движение 1920–1930-х гг. сумело достичь больших успехов. Именно в это время в Хакасии и Ойротии появились краеведческие общества, а затем и музеи, которые являлись и остаются по сей день главными организаторами и координаторами краеведческой деятельности в своих регионах.

Материалы краеведческих съездов и конференций 1920–1930-х гг. свидетельствуют о том, что, благодаря решению проблемы краеведческого образования, государство сумело добиться высоких показателей в расширении краеведческого движения и включения в него не только разных категорий населения страны, но и развернуть его в отдаленных национальных регионах.

Научный руководитель Н. Я. Артамонова

Литература

1. Артамонова Н. Я. Проблемы краеведческого образования и подготовки музейных работников в Сибири в 1920-е гг. // Сборник материалов IV Межрегиональных краеведческих чтений, посвященных Леониду Романовичу Кызласову, Абакан, 15–17 окт/ 2014 г. Абакан : Хакас. кн. изд-во, 2015. С. 26–34.

2. Дандамаева З. Э. Деятельность Алибека Тахо-Годи по становлению и развитию дагестанского краеведения и музейного дела // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2014. № 164. С. 7–14.

3. Дубровский К. В. Азбука краеведа. Руководство для начинающих краеведов национальных районов. М. : Работник просвещения, 1930. 46 с.

4. Шмидт С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 1. М. : Профиздат. С. 11–27.

Е. А. Захарина

Южный федеральный университет

РОСТОВСКОЕ ОБЩЕСТВО БЫВШИХ УЗНИКОВ КОНЦЛАГЕРЕЙ КАК АКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ*

Вернувшись домой по окончании Великой Отечественной войны, бывшие узники концентрационных лагерей, военнопленные и остарбайтеры оказались вне общепринятых героических рамок памяти о войне, многие из них не могли поделиться воспоминаниями о своем прошлом. Однако, начиная со второй половины 1950-х гг., в разных частях СССР начинают появляться общества бывших узников. В 1963 г. такая общественная организация появляется в Ростове-на-Дону [1, с. 242]. Согласно учредительным документам, одна из главных целей организации – проводить патриотически-воспитательную работу среди молодежи [2].

В исследовании рассмотрено то, как развивались представления жертв национал-социализма друг о друге, а также формы трансляции памяти о своей судьбе во время войны. Источниковой базой исследования стали неопубликованные архивные материалы – рабочие документы организации и переписка бывших узников концлагерей, опубликованные мемуары.

Ростовская секция общества бывших узников фашистских концлагерей была официально основана в 1963 г. на базе Ростовского краеведческого музея. В организации могли участвовать исключительно узники, прошедшие через концентрационные лагеря [3]. Например, в 1977 г. одна из участниц лишилась своего места в

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 21–09–4311 «Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование».

организации, так как было выяснено что «она не была в концлагере, а находилась в ОСТовском лагере» [4]. Между бывшими узниками прослеживалось противостояние тех, кто, оказывая сопротивление, попадал в концлагеря из лагерей для военнопленных и тех, кто попадал туда из «восточных рабочих». Бывшие военнопленные обвиняли бывших остарбайтеров в том, что они изначально сами добровольно поехали в Германию за лучшей жизнью, «за тряпками» [5]. На это бывшие остовцы отвечали, что военнопленные просто трусливо спасали свои жизни, попадая в плен [6]. Однако все они подчеркивали факт своей борьбы и самоидентифицировали себя как политических жертв концентрационных лагерей [6]. Бывшие узники часто говорили о неприязни к ним [7], отмечали, что «в то время отношение к тем, кто побывал в плену, было неоднозначно» [1].

Основным видом деятельности членов организации в советское время были выступления перед школьниками, студентами, рабочими коллективами, где они рассказывали о своем прошлом. Однако делать это могли не все. В 1979 г. советом организации создается список лиц, которым разрешается выступать на тему: «Об ужасах фашизма» [8]. В 1981 г. появляется пособие о том, как правильно читать лекции. Предлагалось меньше говорить о личном, больше о своих замученных и погибших товарищах, о подпольных группах, о героизме советских людей [9]. Кроме чтения лекций бывшие узники занимались созданием выставок и музеев. Например, Г. И. Еременко основал музей, посвященный узникам в Красном Сулине [10], а в 1962 г. организация открыла музей «Юный антифашист» [11], который существует и сегодня.

Главным праздником для членов организации стал Международный день освобождения узников нацистских концлагерей 11 апреля. Во время ежегодных съездов бывшие узники посещали мемориал в Змиевской балке – месте массовых казней мирных жителей, в том числе евреев Ростова-на-Дону [12]. Бывшие узники обозначили это трагическое место памяти как «свое», пока в 2005 г. не открыли памятник «Политическим жертвам концлагерей» [13].

С конца 1980-х гг. заметны изменения: количество участников растет, они стремятся символически обозначить себя. В 1989 г. в организации появляется специальная подгруппа для малолетних узников [14]. Связано это было, в первую очередь, с указом о льготах для этой группы жертв [15]. С 1989 г. бывшие узники начинают принимать организованное участие в параде Победы [16], они начинают появляться там в полосатых одеждах арестантов [17].

С 1993 г. начался процесс выплат немецких компенсаций гражданам, пострадавшим от нацистских преследований [18, с 640]. Еще в 1992 г. организация взяла на себя функции помощи в оформлении документов для получения выплат [19]. В уставах 1998 г. [20] и 2013 г. [21], в главных целях организации на первом месте уже стоит не воспитательная работа с молодежью, а оказание социальной и правовой помощи ее членам. В связи с присоединением новых участников, к 2006 г. численность организации достигла 2100 человек [22], а в 1977 г. она насчитывала всего 70 человек [2].

С крахом СССР к формам деятельности организации добавилось взаимодействие с религиозными организациями: молебны в храмах [23], вечера в синагогах [24]. Тематика и формы лекций не изменились, как и в советское время они были посвящены исключительно темам концлагерей и никак не пытались раскрыть проблемы оstarбайтеров [25].

Подводя итог, можно сказать, что ростовская организация бывших узников концентрационных лагерей представляла собой иерархическое общество, основная деятельность которого в советский период была направлена на воспитательную работу с молодежью. Бывшие узники строили свой рассказ о прошлом в рамках определенной модели, делая акцент на героическом сопротивлении в концлагерях. Начиная с 1993 г., организация допускает в общество оstarбайтеров, и основной ее задачей с этого момента становится социальная и правовая помощь ее членам. Организация продолжает вести свою воспитательную работу, не меняя содержания своих выступлений. Бывшие оstarбайтеры не стали полноправными членами организации, так как бывшие узники так и не признали их равными себе.

Научный руководитель Е. Ф. Кринко

Литература

1. Моисеев Е. В. Голос живой памяти. Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2017. 380 с.
2. ЦДНИРО Ф. Р-3728. Оп. 2. Д. 1. Л. 7.
3. ЦДНИРО Ф. Р-3728. Оп. 2. Д. 4. Л. 3.
4. ЦДНИРО Ф. Р-3728. Оп. 2. Д. 1. Л. 10.
5. ЦДНИРО Ф. Р-3728. Оп. 2. Д. 22. Л. 8.
6. ЦДНИРО Ф. Р-3728. Оп. 2. Д. 22. Л. 9.
7. ЦДНИРО Ф. Р-3728. Оп. 2. Д. 12. Л. 21.
8. ЦДНИРО Ф. Р-3728. Оп. 2. Д. 6. Л. 4–5.
9. ЦДНИРО Ф. Р-3728. Оп. 2. Д. 9. Л. 7.
10. ЦДНИРО Ф. Р-3728. Оп. 2. Д. 7. Л. 10.
11. ЦДНИРО Ф. Р-3728. Оп. 2. Д. 14. Л. 4.

12. ЦДНИРО Ф. Р-3728. Оп. 2. Д. 16. Л. 6
13. В Ростове-на-Дону открыт памятник политическим жертвам концлагерей // Кавказский узел. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/84073/> (дата обращения: 04.02.2021).
14. ЦДНИРО Ф. Р-3728. Оп. 2. Д. 27. Л. 5.
15. Постановление Совета Министров СССР «О предоставлении льгот бывшим несовершеннолетним узникам фашистских концлагерей». 6 октября 1989 г. № 825 // «...И ничто не забыто»: Документы и материалы о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов на Новгородской земле (1941–1944). Новгород : Кириллица, 1996. С 166–167.
16. ЦДНИРО Ф. Р-3728. Оп. 2. Д. 27. Л. 4.
17. ЦДНИРО Ф. Р-3728. Оп. 2. Д. 36. Л. 6.
18. Полян П. М. Жертвы двух диктатур / П. М. Полян. М.: РОССПЭН, 2002. 894 с.
19. ЦДНИРО Ф. Р-3728. Оп. 2. Д. 36. Л. 10.
20. ЦДНИРО Ф. Р-3728. Оп. 2. Д. 50. Л. 2.
21. ЦДНИРО Ф. Р-3728. Оп. 2. Д. 70. Л. 3.
22. ЦДНИРО Ф. Р-3728. Оп. 2. Д. 62. Л. 3.
23. ЦДНИРО Ф. Р-3728. Оп. 2. Д. 32. Л. 8.
24. ЦДНИРО Ф. Р-3728. Оп. 2. Д. 32. Л. 5.
25. ЦДНИРО Ф. Р-3728. Оп. 2. Д. 44. Л. 1,6.
26. ЦДНИРО Ф. Р-3728. Оп. 2. Д. 50. Л. 4.

Т. А. Касьянова

Томский государственный университет

РУССКИЙ БОНАПАРТИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ В ПОСТРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Русский бонапартизм как идеологическая модель, политическая идеология постреволюционного периода является уникальным явлением. Она развивается в среде русской эмиграции в постреволюционный период как новая идейная программа, которая может выступать альтернативой большевизму. Даже в классическом понимании бонапартизм – это именно продукт кризиса, поэтому и после Октябрьской революции, которую также можно таковой считать, идеология уже непосредственно русского бонапартизма была популярна в эмигрантских кругах и там развивалась. Русский бонапартизм – идейная программа, сформировавшаяся в условиях расколотого общества, выражающая идеи и задачи национального характера как раз-таки это само общество сплотить и персонифицируемая в харизматическом лидере. Понятие «русский бонапартизм» по большей части не является чем-то определенным,

ведь речь идет скорее о некоем предчувствии или ожидании того, как должна осуществляться власть в глазах русской эмиграции.

Впервые символ Бонапарта в русской эмигрантской среде упоминается в момент дискуссий социалистов, обреченных жить длительное время за рубежом. Идеология бонапартизма в этих кругах воспринималась крайне негативно: можно сказать, что в данной среде бонапартизм больше возник как элемент запугивания: придет Бонапарт, который сконцентрирует в своих руках власть и будет выступать в противовес всему народу. Пик такой угрозы особенно видели после смерти Ленина, когда историческая ситуация была наиболее нестабильной. Особенно об этом говорил один из теоретиков меньшевизма Федор Ильич Дан. Он считал, что рождающийся образ сильной личности Бонапарта попытается искоренить диктатуру рабочего класса. Им серьезно в этом аспекте возражали кадеты, которые считали, что меньшевики слишком преувеличивают рождающийся, по их мнению, феномен бонапартизма. Они даже и не думали, чтобы в сформировавшейся в России обстановке, для которой характерна на тот момент была политическая война между Троцким и Сталиным, кого-либо из большевиков пророчить в Бонапарты. Если меньшевики считали, что большевизм — это и есть ответвление бонапартизма, то кадетская газета «Руль» понимала власть Бонапарта как нечто отдаленное от самого большевизма. По их мнению, власть любого Бонапарта не может быть хуже установленного большевиками режима.

Отсюда вытекают принципиально новые идеи, можно даже сказать, теории бонапартизма у эмигрантов. Так, например, Кирилл Зайцев в январе 1924 г. в Праге во время дискуссии об идеологическом положении в рядах эмиграции представил бонапартизм как инструмент, которым можно прекрасно воспользоваться. Он и будет являться той силой, которая будет противопоставляться большевизму. По его мнению, бонапартизм — это не просто власть, а власть революционная. Бонапарт не может возникнуть из ниоткуда. Он вырабатывается из той силы, что реализована самой революцией.

Таким образом, бонапартизм теряет негативную коннотацию и превращается в новую идеологию. В эмиграции бонапартизм — это не нечто страшное и опасное. Это то, что давало надежду на возвращение на Родину. Поиск русского Бонапарта на политической арене — центральная тема для политически активного представителя постреволюционной эпохи, которому необходим как воздух образ защитника Отечества, спасающий Россию. Как бы сложившееся эмигрантское общество не было идейно расколото, всё равно любые

его действия, любые его мысли можно оправдать лишь одним – надеждой. Надеждой на возвращение на Родину. Надеждой на спасение той страны, в которой их будут ждать. Русский Бонапарт станет для них, по их же собственному мнению, билетом на корабль. Поэтому данное исследование акцентирует внимание на образе русского Бонапарта, по большому счёту, преломлявшемся через призму этой социальной общности.

Однако главная проблема заключается в том, что «русский Бонапарт» так и не реализовал себя как действующая сила. Мы не можем наблюдать реальных социальных предпосылок для формирования бонапартизма. Главной причиной этого будет являться неоднородность общественно-политических задач эмигрантов и разные представления об образе самого Бонапарта. В эмиграции полностью отсутствует единая идея, а различного рода дискуссии и вытекающая отсюда палитра мнений так и остались пустым звуком. Здесь ни в коем случае не имеется в виду попытка найти правого или неправого. Нет такого понятия как «верная картина». Но принципиально полярные мнения не могут способствовать формированию ясной фигуры Бонапарта. Существует мнение, что здесь мы сталкиваемся с идейно-культурным кризисом эмиграции.

Условия социального вакуума, в котором пребывали эмигранты, также не могли способствовать формированию четких установок идеи русского бонапартизма. Сама политическая обстановка, которая имела место в стране, могла принципиально по-разному трактоваться разными идейными силами. Эмигрантские круги не были правы по многим аспектам в силу своей неосведомленности и обособленности от советского мира. Это и мешало сформироваться новому правителю через призму образа Бонапарта. А если нет представления о самих исторических условиях, то очень сложно говорить о том, как в них будет формироваться новая идеологическая программа.

Аморфность идей русского бонапартизма тоже повлияла на тотальное поражение всей идеи. Она в основном выражалась в кризисе лидерства. Не появился реальный лидер с такими политическими амбициями. Мешает и размытость представлений о самом кандидате в Бонапарты. На эту позицию предлагались многие исторические деятели, но на самом деле мы сталкиваемся лишь с некой «картинностью» изображения Бонапарта. Это риторическая фигура и не более. Л. Д. Троцкий также характеризовал характер бонапартизма как вынужденный.

Русское зарубежье ждало своего Бонапарта, который мог стать особой силой для рушащейся, по мнению эмигрантов, на глазах страны. Только он мог, по их представлениям, спасти Россию. Но сам бонапартизм никак нельзя отождествлять с той же монархией, ведь (хотя бы формально) он опирается на народ. Отсюда мы можем сделать вывод, что русский Бонапарт – это своего рода общенациональный «герой», защищающий интересы народных масс. Бонапартизм должен был выполнять задачу укрепления общенационального самосознания.

Однако существовали и проблемы, мешавшие реализации данной идеологической концепции. У русского бонапартизма было слишком много трактовок, ибо у всех были сформированы разные социальные ожидания от него. Поэтому речь идет даже не о сформировавшейся идеологии, а о попытках выстроить эту самую идеологию вокруг идеи русского Бонапарта (хоть и не совсем удачных). Но если мы будем акцентировать внимание не на том, как думали эмигранты, а почему они так думали, то тема русского бонапартизма как идеологической концепции, проявившей себя в переломный момент в российской истории, заиграет новыми красками.

Научный руководитель Д. Н. Шевелев

Литература

1. Антропов О. К., Грязев А. Е. Генезис идеи русского бонапартизма // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки : материалы XV Междунар. науч. конф., 26 апр. 2019 г., Астрахань. Астрахань, 2019. С. 7–9.
2. Антропов О. К., Грязев А. Е. Либеральная печать русского зарубежья 1920-х – начала 1930-х гг. о русском бонапартизме // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки : материалы XV Междунар. науч. конф., 26 апр. 2019 г., Астрахань. Астрахань, 2019. С. 111–114.
3. Лазарев С. Е. В поисках «русского Бонапарта». «Заговор маршалов» был выдуман в Париже? (Точки зрения. Суждения. Версии) // Военно-исторический журнал. 2013. № 5.
4. Медушевский А. Н. Русский бонапартизм как предмет сравнительного изучения // Труды Института российской истории. Вып. 4 / РАН, Ин-т рос. истории ; отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2004. С. 118–181.
5. Урядова, А. В. Социально-экономическое и общественно-политическое развитие Советской России в 1920-е гг.: восприятие и реакция русской эмиграции : автореф. дис. ... д-ра исторических наук : 07.00.02. Ярославль, 2011. 447 с.
6. Филиппова Т. А. «Заменитель Наполеона». К вопросу о дефинициях «советского бонапартизма» // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2014. № 3. С. 18–33.

М. С. Лепешева*Иркутский государственный университет*

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ МОЛОДЫХ ИСТОРИКОВ

Историко-этнографические экспедиции, проводившиеся Иркутским государственным университетом с 1958 по 1989 г., оказали большое влияние на процесс квалификационной подготовки историков как будущих учителей и исследователей. В этих экспедициях студенты приобретали опыт работы с людьми и документами, формировали профессиональные навыки и закрепляли на практике знания, полученные в стенах университета.

Первая экспедиция с участием студентов состоялась в 1958 г., когда группа исследователей была направлена в Братский район для сохранения исторической памяти в местах будущего Братского водохранилища. А с 1963 г., после историко-этнографической экспедиции в Бельск, практика привлечения студентов для полевых работ стала регулярной. Это положило начало научно-исследовательскому проекту, в рамках которого было организовано более 50 экспедиций, являвшихся базами студенческих практик при лаборатории истории и этнографии ИГУ, затем переименованной в лабораторию истории Сибири [2].

Задача экспедиций состояла в сборе воспоминаний участников и современников исторических процессов. Это важный исторический источник, не имевший на тот момент достойной оценки в исторических исследованиях. В процессе формирования этого источника именно от умений студентов разговорить собеседника зависело качество и количество собранных материалов.

Для каждой экспедиции составлялась объемное научное задание, на основании которого определялись вопросы для опроса местного населения. Научное задание включало в себя не только глобальные темы, такие как влияние крупных исторических процессов (революции, гражданской войны, коллективизации, Великой Отечественной войны и пр.) на отдельного человека и населенный пункт в целом, но и вопросы, связанные с традиционным бытом, этнографией и фольклором.

Важная роль отводилась сбору краеведческого, народоведческого, документального, фото- и фонографического и других материалов. В этом виде деятельности студенты должны были проявить тактичность по отношению к собеседнику, подобрать нужные слова, чтобы убедить человека передать материалы в архивы и музеи в дар или дать предметы на время, чтобы учащиеся могли снять с них копии или зафиксировать их в любом другом виде. Студенты записывали свои наблюдения по быту местного населения, фиксировали произведения устного народного творчества (песни, стихи, анекдоты), составляли планы домов, делали зарисовки их внутреннего убранства, фотографировали людей и значимые объекты.

Историко-этнографические экспедиции формировали у студентов навыки работы с людьми и умение анализировать полученную информацию. Беседы со старожилами помогали лучше понять исторические процессы, взглянуть на них глазами современников этих событий. Умение критически оценивать сведения и сопоставлять полученные факты – еще один полезный навык, который приобретали учащиеся в процессе прохождения практики. Здесь уместно привести цитату из рабочего дневника сотрудника Тайшетской экспедиции 1981 г. А. А. Кузнецова о беседе с местным старожилом: «Рассказывал охотно. О событиях судит со своей точки зрения и точки зрения местных жителей. Поэтому многие факты объясняет неправильно, субъективно» [1].

Студентам было необходимо как можно точнее записать воспоминания, а затем повторно обработать полученный материал с использованием общенаучных методов, таких как анализ, синтез, моделирование и др. Все это позволяло учащимся самостоятельно составить общий историко-краеведческий обзор исследуемых регионов. Несмотря на наличие четкого утвержденного списка вопросов, собеседники нередко отклонялись от заданного курса беседы и в дальнейшем студентам приходилось структурировать все это по форме. Здесь будущие исследователи должны были проявить такие навыки как терпение и сосредоточенность, ведь от их работы зависела объективность и достоверность информации. В рабочем дневнике руководителя Минусинской историко-этнографической экспедиции 1970 г. С. Ф. Коваля содержится запись о том, что воспоминания не всегда удавалось зафиксировать полностью: «Потом уже, при обработке записей (черновых), обнаруживаются эти пробелы, часть которых восполняется контрольными записями другого или даже повторным обращением к автору воспоминаний, а некоторая часть остается не восполненной» [1].

Участники экспедиций использовали полученный опыт и собранные материалы для докладов на конференциях и при написании крупных научных работ. Из воспоминаний Л. Я. Подольской: «Мы прошли по всем памятным местам бывшей коммуны [братьев Егоровых в селе Холмушино] и постарались записать наблюдения в наши экспедиционные тетради. По этим материалам Тамара Чупина сделала интересный доклад на научной студенческой конференции» [3].

В своих собственных воспоминаниях, студенты отмечали полезность и важность того, чем они занимались. Цитата из рабочего дневника этнографической экспедиции 1973 г. Н. С. Солоповой: «Для студентов исторического факультета работа в экспедиции принесла существенную пользу <...> Мы многому научились, научились беседовать с людьми, сопоставлять полученные факты, работать с архивными материалами, вести обработку материалов экспедиции» [1].

Деятельность студентов во время историко-этнографических экспедиций имела большое значение для исторической науки в целом. Благодаря им удалось собрать большое количество материалов по истории и этнографии. Практика сочетала в себе учебную, научную и профессиональную функции, тем самым расширяя знания учеников путём самостоятельного сбора и обработки информации. В процессе этих полевых исследований происходило личностное и профессиональное становление учащихся.

Историко-этнографические экспедиции при лаборатории истории Сибири ИГУ давали возможность студентам принять непосредственное участие в процессе сохранения исторической памяти, проявить себя как будущего научного деятеля и применить на практике полученные знания и умения. На сегодняшний день еще не все собранные материалы обработаны и опубликованы, что представляет большие возможности для привлечения к этой работе современных студентов.

Научный руководитель Л. М. Дамешек

Литература

1. Антоник В. Г. «Сохранение памяти»: научно-исследовательский проект исторического факультета ИГУ (1958–1989) // Музей истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова. URL: <https://clck.ru/YFZHK> (дата обращения: 15.10.2021).
2. Оглезнева Г. В., Шапова Л. В. Лаборатория истории Сибири ИГУ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/laboratoriya-istorii-sibiri-igu> <https://clck.ru/YFZHK> (дата обращения: 15.10.2021).

3. Подольская Л. Я. Педагог и воспитатель // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2011. № 1 (1). С. 205–218.

4. Сохраненная память. Сборник воспоминаний старожилов Иркутской области: по материалам архива лаборатории истории Сибири исторического факультета Иркутского государственного университета (1963–1989). Иркутск, 2019. 203 с.

К. А. Лонгольф

Восточно-Сибирский институт МВД России

ОБЛАСТЬ ДОНСКИХ КАЗАКОВ ПОД УПРАВЛЕНИЕМ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И А. М. КАЛЕДИНА (1917–1918 гг.)

Советская Россия перестала существовать 30 лет назад, но формировавшийся десятилетиями советский идеологизированный взгляд на многие исторические процессы всё ещё продолжает существовать. Тем не менее, сейчас многие события российской истории пересматриваются и оцениваются уже не через призму советской идеологии, а по-новому, иначе. В данной работе предпринята попытка дать объективную оценку действиям казаков и советской власти по отношению к ним в годы Гражданской войны.

Казачество было одним из активных участников Гражданской войны. Казаки долгое время находились на особом счету, именно им доверяли охрану глав государства.

С февраля 1917 г. на Дону, как и по всей России, события разворачивались непредсказуемо. Вскоре после свержения царя там были сформированы четыре властные структуры, которые пытались сосредоточить управление единолично в своих руках. Это были: комиссары временного правительства; советы рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов; Донской Войсковой Круг; органы городского управления – городские думы и их исполнительные органы.

До октябрьского переворота главное значение имел Донской Исполнительный Комитет, который представлял власть Временного правительства. Но из-за непринятия казаками его реформ, преимущественно аграрной, согласно которой земля должна была перераспределиться между казаками и крестьянами, они выступали против исполкома. По переписи 1897 г. из 2,5 млн человек, проживавших на Дону, казаков было чуть более 1 млн человек (около 39 % населения региона), крестьян – 1,2 млн человек (около

47 %) [6]. При этом к 1917 г. казакам принадлежало 64,5 % земли, а крестьянам – 3,9 %, 12,8 % составлял войсковой запас [4].

Казаки пытались отстаивать свои интересы, эти попытки были демократичными и насилие не применялось. Казаки лоббировали свои интересы через выборные органы власти, так называемые общеказачьи съезды и войсковые круги. Как считает доктор исторических наук А. И. Козлов [5], катализатором такой тенденции послужил I общеказачий съезд, который состоялся в конце марта 1917 г. На нем было поддержано Временное правительство, осуждено использование казаков в подавлении волнений, но при этом вся земля с недрами и другими прилегающими ресурсами объявлялась исторической собственностью. Позже был создан общий войсковой круг, по итогам которого было принято решение о расширении автономии, и выборе нового главы – генерала А. М. Каледина. В целом до октябрьского переворота на Дону никаких активных действий в плане политики больше не принималось.

После октябрьских событий в Петрограде атаман Каледин объявил на Дону военное положение, поставил первостепенной задачей ликвидацию власти большевиков, объявил власть Советов незаконной и параллельно открыл набор в Добровольческую Армию, а также начал мобилизацию только что вернувшихся с фронта полков и сотен.

Большевики после прихода к власти пытались привлечь казаков на свою сторону, но те выступали против полного разоружения, передела земли и уравнивания их статуса с не казаками, что порой перерастало в открытое противостояние.

После возвращения с фронтов Первой мировой войны многие казаки придерживались нейтралитета в отношении новой власти. По оценкам историка А. В. Венкова, красных поддержала только одна пятая донских казаков: преимущественно те, кто прошел Первую мировую войну, из полков, состоявших из выходцев Хоперского и Усть-Медвединского округов [2, с. 73]. Остальные казаки после окончания войны возвращались домой, не желая вникать в политику.

Первые попытки правительства оказать давление на казаков были предприняты еще в пути с фронтов Первой мировой войны в родные станицы. Тогда поступил негласный указ разоружить казачество, чтобы обезопасить действующий режим от дальнейших выступлений казаков. Это удалось выполнить лишь отчасти, поскольку многие казаки под лозунгом «не вы нам винтовку выдавали не вам ее и забирать!» отказывались отдавать оружие и с боями про-

рывались домой. Здесь нужно уточнить, что оружие в казацкой культуре значит очень многое, и сабли и винтовки могли передаваться из поколения в поколение. Позже большевики открыли Южный революционный фронт под командованием Антонова-Овсиенко, и с этого момента уже начались активные боевые действия.

Вскоре после начала боевых действий рядовые казаки начали пересматривать свою позицию. Их тянуло к своим родным станицам, многие из них только два месяца назад еще вели бои с немцами в Пруссии. Также казаков совсем не устраивала идея о том, что в скором будущем война может обернуться против всей России. К тому же большевики вели активную агитацию, обещая казакам оставить все их права. Поэтому уже к началу января большинство казаков самостоятельно покинули фронт и вернулись в свои станицы.

Правительство Каледина со своей задачей не справилось, оно не смогло реформировать систему государственного управления, сформировать идеологическую базу, понятную и привлекательную для рядовых казаков, чтобы те знали, за что воюют, не смогли остановить надвигающийся кризис. По мнению А. В. Венкова, правительство Каледина отличалось очень сильной бюрократизацией, что погубило молодую Донскую республику [1, с. 19].

После установления своей власти большевики сразу нарушили все свои обещания, выпустив декреты «О разоружении» и «О земле». К этому прибавилась и оккупация западной части Дона Германией, и казаки буквально в конце месяца уже подняли первое восстание.

Большевики пытались подавить выступления казаков, но экспедиционный корпус не справлялся, потому что восстания становились делом повсеместным. К тому же, на помощь казакам пришли немцы. Немецкие части, не потерявшие дисциплину и набравшиеся боевого опыта, очень быстро расправлялись с группами наспех организованных и плохо вооруженных рабочих. Вскоре красногвардейцы вовсе наотрез отказывались вступать в бой с немецкими частями.

Как итог, можно сказать, что в этот период времени и Временное правительство, и большевики боялись казачьих выступлений, поскольку это была самая боеспособная часть общества на тот момент. Но и обстановка того времени требовала коренных изменений во всех сферах жизни, в том числе в отношениях собственности. По мнению исследователя К. Е. Долгова [3, с. 165], аграрная революция на Дону, попытки которой были предприняты Временным правительством, а позже и большевиками, должна была состоять в полном разрушении экономического базиса казачества, поскольку

вся войсковая земля становилась общенародной и распределялась равномерно. Так можно было сделать казачество менее опасным слоем общества.

Научный руководитель А. В. Данчевская

Литература

1. Венков А. В. Вешенское восстание. М. : Вече, 2012. 336 с.
2. Венков А. В. Красные донские казаки в 1918 году // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. № 4. С. 71–83.
3. Долгов К. Е. Большевики и донское казачество в 1918–1920 гг. // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 74–1. С. 164–170.
4. Донское казачье войско // Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М. : Сов. энцикл., 1969–1978.
5. Козлов А. И. Дон в Февральской революции 1917 г. // Научно-культурологический журнал. 2001. № 11 (65). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=722&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 10.09.2021).
6. Область войска Донского. Т. 12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. 1905. 255 с.

И. В. Макаров

Томский государственный университет

МЕТРИЧЕСКАЯ РЕФОРМА В ТОРГОВЛЕ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ БЮЛЛЕТЕНЕЙ ТОВАРНОЙ БИРЖИ)

В данной статье рассматривается переход на метрическую систему мер в торговле Иркутской губернии. В качестве основного источника при работе использовались бюллетени Иркутской товарной биржи, издававшиеся в 1923–1927 гг. и хранящиеся в Научной библиотеке ТГУ, а именно:

- «Биржевой бюллетень Иркутской товарной биржи» (июль 1923 г., с сентября 1924 г. по октябрь 1925 г.);
- «Бюллетень Иркутского губернского статистического бюро и Иркутской товарной биржи» (с июля 1923 г. по апрель 1924 г.);
- «Экономический бюллетень Иркутской товарной биржи» (с апреля по сентябрь 1924 г.);
- «Бюллетень Иркутской товарной биржи» (с октября 1925 г. по январь 1927 г.).

В первую очередь отметим, что в июле 1923 г. все товары, ука-зывавшиеся в котировках Иркутской товарной биржи, измерялись

в русской системе мер. Сделки по всем товарам, кроме мануфактуры, также совершались на бирже с использованием русской системы [1, с. 1–2; 2, с. 5–8; 3, с. 2–6]. Можно сказать, что летом 1923 г. метрическая реформа в торговле губернии не была начата.

Схожая ситуация наблюдается в большинстве котировок и сделок, которые фиксировались в бюллетенях в течение более года, с лета 1923 г. по осень 1924 г. В котировках Иркутской товарной биржи за сентябрь 1924 г. можно видеть, что в метрических мерах по-прежнему указывается только часть текстильных товаров (мануфактура), все остальные товары обозначаются, как и ранее, в русской системе мер. В рамках рубрики «Местная промышленная хроника» все сведения о масштабе тех или иных производств и результатах их работы также помещаются в русских мерах [4, с. 1–2; 5, с. 1–2; 6, с. 1].

Первые меры по переводу торговли на использование метрической системы мер предпринимаются в начале 1925 г. Так, к концу марта Иркутская товарная биржа перевела на метрическую систему частично или полностью котировки таких товаров, как хлебофуражные, мясные, молочные, бакалейные и текстильные [7, с. 1]. В то же время сделки (как биржевые, так и внебиржевые) на эти товары зачастую продолжали заключаться в русских мерах, с пересчётом этих мер в метрические. Так фиксировались сделки купли-продажи на 8,19 тонн [500 пудов] овса, 8,19 тонн пшеничной муки, 16380 кг [1000 пудов] керосина и 4916 кг [300 пудов] сала и т. д. [7, с. 3; 8, с. 1; 9, с. 1, 3]. В целом к весне 1925 г. на бирже в метрических мерах оформлялось примерно 4/5 от всех сделок, которые изначально заключались в русской системе мер.

Кроме того, предпринятые биржевым комитетом меры на тот момент фактически не влияли на местные рынки. Так, в сообщениях о ценах на манзурском базаре и в Тулуновском обществе потребителей, в качестве веса и меры за редкими исключениями (мануфактура) употребляется русская система мер [8, с. 1]. Учитывая сказанное выше о форме заключения сделок в метрических мерах, можно заключить, что на тот момент метрические меры только начали вводиться в торговле губернии и существовали во многом только на бумаге.

В июне 1925 г. в русских мерах на бирже торговались хлебофуражные товары (мука ржаная и пшеничная, крупчатка и отруби), химические товары, мыло, слюда, сода, кровельное железо, бумага, гвозди и т. д., а метрические меры в данных обо всех заключенных биржевых сделках являлись результатом пересчёта с русских мер

[10, с. 1; 11, с. 1; 12, с. 1]. Кроме того, использование русских мер сохранялось в полной мере и на местных рынках [12, с. 2].

В течение осени 1925 г., зимы 1925–1926 гг. и весны 1926 г. существенных изменений не происходит – котировки также публикуются в метрических мерах, информация о спросе и предложении публикуется как в русских, так и в метрических мерах (при помощи пересчёта), биржевые сделки оформляются в метрических мерах, полученных при помощи пересчёта.

В мае 1926 г. на использование метрической системы переходят местные рынки. В большинстве случаев в качестве единиц измерения берутся метр либо килограмм, однако, при купле-продаже хлебофуражных товаров и картофеля в качестве единицы измерения фактически используется пуд, приравненный к 16 кг [13, с. 2, 14, с. 2]. В июне метрические меры начинают использовать при заключении биржевых сделок и при опубликовании данных о спросе и предложении [15, с. 1; 16, с. 1]. В августе рынки и базары г. Иркутска начинают переходить на центнер при продаже хлебофуражных товаров [17, с. 2].

К январю 1927 г. все сведения о спросе и предложении, о заключённых биржевых сделках и о котировках публиковались в бюллетене биржи исключительно в метрических мерах. Однако в некоторых случаях продолжала использоваться практика, получившая широкое распространение в начале 1925 г., когда сделка заключалась в русских мерах, а оформлялась в метрических мерах при помощи пересчёта. Так, можно обнаружить сделки на продажу 1638 кг [100 пудов] пакли, 8190 кг [500 пудов] омуля, 8190 кг олифы, 1392 центнера [8500 пудов] крупчатки и т. д. [19, с. 1].

Таким образом, можно отметить, что в результате перехода, датируемого 1925–1926 гг., торговля Иркутской губернии в целом перешла на метрические измерения к зиме 1926–1927 гг. Однако данный переход нельзя считать полностью завершённым, поскольку, несмотря на полный перевод котировок на метрическую систему, публикацию всех данных о заключённых сделках, а также о спросе и предложении, в биржевых и внебиржевых сделках продолжали использоваться русские меры.

Научный руководитель В. В. Шевцов

Литература

1. Биржевой бюллетень Иркутской товарной биржи. 1923. № 44 (89). 3 июля.
2. Бюллетень Иркутского губернского статистического бюро и Иркутской товарной биржи. 1923. № 131 (1). 7 июля.

3. Бюллетень Иркутского губернского статистического бюро и Иркутской товарной биржи. 1923. № 132 (2). 11 июля.
4. Экономический бюллетень Иркутской товарной биржи. 1924. № 67 (247). 11 сентября.
5. Экономический бюллетень Иркутской товарной биржи. 1924. № 68 (248). 18 сентября.
6. Биржевой бюллетень Иркутской товарной биржи. 1924. № 1. 25 сентября.
7. Биржевой бюллетень Иркутской товарной биржи. 1925. № 18 (32). 26 марта.
8. Биржевой бюллетень Иркутской товарной биржи. 1925. № 19 (33). 28 марта.
9. Биржевой бюллетень Иркутской товарной биржи. 1925. № 20 (34). 2 апреля.
10. Биржевой бюллетень Иркутской товарной биржи. 1925. № 38 (52). 10 июня.
11. Биржевой бюллетень Иркутской товарной биржи. 1925. № 39 (53). 13 июня.
12. Биржевой бюллетень Иркутской товарной биржи. 1925. № 42 (56). 24 июня.
13. Бюллетень Иркутской товарной биржи. 1926. № 39 (146). 26 мая.
14. Бюллетень Иркутской товарной биржи. 1926. № 41 (148). 2 июня.
15. Бюллетень Иркутской товарной биржи. 1926. № 45 (152). 23 июня.
16. Бюллетень Иркутской товарной биржи. 1926. № 46 (153). 30 июня.
17. Бюллетень Иркутской товарной биржи. 1926. № 53 (160). 18 августа.
18. Бюллетень Иркутской товарной биржи. 1927. № 3 (182). 19 января.

Е. С. Назимов

Иркутский государственный университет

ЛИКВИДАЦИЯ ВЛАСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦАРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ИРКУТСКЕ И СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ИРКУТСКОМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВЕ В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

В 1917 г. в России произошла Февральская революция, выявившая несостоятельность и ознаменовавшая полный крах старой царской системы власти в Российской империи. Наиболее полно картина происходивших событий вырисовывается, если обратиться к изучению влияния российской Февральской революции на местные, региональные процессы.

Несомненно, в Иркутске главным действующим лицом в тех далеких событиях являлся иркутский генерал-губернатор. Александр Иванович Пилыц получил эту должность во многом благодаря удачному стечению обстоятельств. В 1910–1916 гг. он являлся главноначальствующим в Могилевской губернии. В 1915 г. Ставка Верховного главнокомандующего была перенесена из Барановичей в Могилев вследствие «великого отступления» русской армии.

Именно тогда в поле зрения Николая II, взявшего на себя командование всеми вооруженными силами, попал местный губернатор, отличавшийся своей исполнительностью и порядочностью. С этого момента камер-фурьерский журнал начал фиксировать возрастающее количество приглашений Пильца к высочайшему столу. Так, по мнению иркутских горожан, своему карьерному взлету он был обязан личному знакомству с императором и его покровительству [2, с. 103].

Как итог, уже в марте 1916 г. кандидатура Пильца утверждается высочайшим указом в качестве нового Иркутского генерал-губернатора. Н. С. Романов в своей летописи фиксирует его прибытие в Иркутск 11 апреля 1916 г. Причем за столь короткое время, до Февральской революции оставалось чуть более полугода, он сумел отметиться несколькими своими инициативами: в транспортной сфере, по продовольственному вопросу, по линии местного управления и, наконец, в сфере образования. По ряду объективных причин ни одна из вышеперечисленных инициатив не была воплощена в жизнь [2, с. 104].

Как известно, 2 марта император Николай II отрекся от престола. В течение суток Пильцу удавалось сдерживать поступление сообщений в Иркутск, благодаря организованной им информационной блокаде. Однако на следующий день всем все было уже ясно: местная печать обнародовала сведения о свершившемся государственном перевороте.

После того, как местное население было проинформировано о свершившемся отречении императора Николая II, Пильцу ничего не оставалось, кроме как признать поражение и начать переговоры с руководителями революционных масс по поводу передачи власти в их руки. Он собрал у себя в резиденции представителей различных общественных организаций, политических партий и прессы и сделал соответствующее объявление. Между ними было достигнуто соглашение о формировании нового органа власти: им стал Комитет общественных организаций во главе с меньшевиком И. Г. Церетели, отбывавшим в это время ссылку в Усолье и вызванным в Иркутск в связи с началом Февральской революции. Тем самым, в Иркутске удалось избежать волнений и пресечь саму возможность появления вакуума власти и отсутствия управления в регионе [1, с. 37–38].

Параллельно со становлением Комитета общественных организаций формировались Советы рабочих и солдатских депутатов. Следовательно, в данном случае уместно говорить об установлении двоевластия. Только Комитет общественных организаций олицетворял собой четко организованный орган, полномочия которого

были подтверждены бывшими царскими управленцами, что, по мысли его создателей, легитимизовало их детище в глазах иркутян. Совет рабочих и солдатских депутатов, напротив, возник стихийно на волне революции. Весной 1917 г. главную роль, и в Комитете, и в Совете играли представители партий эсеров и меньшевиков. Между ними наблюдалось взаимопонимание, оба органа выражали полное доверие Временному правительству. Таким образом, в Иркутске установилось двоевластие, представленное буржуазным по своему составу Комитетом общественных организаций, за исключением все того же И. Г. Церетели и его соратников, и социалистическим по характеру своей деятельности Советом рабочих и солдатских депутатов [1, с. 37–38].

Достигнутое соглашение между «старой» и «новой» властью обеспечило бескровный переход к новому управлению. Первым мероприятием Комитета общественных организаций при полном одобрении со стороны Совета рабочих и солдатских депутатов стал арест представителей царской администрации: генерал-губернатора, губернатора, начальника жандармского управления, командующего Иркутским военным округом и главного инспектора народных училищ. Вскоре все они покинули город. Незадолго до отъезда Пилыц сказал местным революционным предводителям: «Сколько дней идет в Иркутске революция, и до сих пор не сломано здесь ни одного оконного стекла!» [3, с. 40–41]. Высшая власть в Иркутском генерал-губернаторстве перешла в руки краевого комиссара Временного правительства, власть которого распространялась на территории Иркутской, Енисейской губерний, Забайкалья и Якутии.

Таким образом, передача власти в Иркутском генерал-губернаторстве была обеспечена мирными средствами, беспорядков удалось избежать благодаря готовности царских управленцев к диалогу с представителями общественности.

Научный руководитель А. С. Маджаров

Литература

1. Синиченко В. В., Кавецкий Д. Б. Падение власти самодержавия в России и события конца февраля, начала марта 1917 г. в Иркутске // Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 24–25 окт. 2019 г. Иркутск : Оттиск, 2020. С. 102–109.
2. Шиловский Д. М., Шиловский М. В. Последний иркутский генерал-губернатор А. И. Пилыц // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3 (86). С. 35–43.
3. Шишкин В. И. Февральская революция в Сибири (2–10 марта 1917 г.) // Вестник Омского университета. 2016. № 4 (12). С. 31–41.

А. В. Саранчук

Иркутский государственный университет

КИНОИНДУСТРИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЖИЗНЬ ИРКУТЯН В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Из всех развлечений для иркутян самым популярным во время Гражданской войны становится кинематограф. Об этом говорят сохранившиеся афиши кинопремьер. И судя по их количеству, иркутяне с большой охотой на эти представления ходили.

Весьма любопытными представляются данные о жанровом разнообразии кинофильмов Иркутска того времени. Интересом пользовались так называемые видовые съемки (или съемки с натуры), которые помогали иркутянам увидеть наиболее притягательные и отдаленные для них уголки мира. К примеру, 12 ноября 1917 г. были показаны фильмы «Красоты Италии», «Руины Египта» [3, 12 нояб. 1917].

Помимо видовых картин популярностью пользовались и документальные фильмы, в которых демонстрировались последние события, происходящие в стране и за рубежом. 26 ноября 1917 г. в Иркутске демонстрировали документальную картину «Последние события в Москве» [3, 26 нояб. 1917].

Однако наибольшей любовью пользовались именно художественные фильмы абсолютно разных жанров. Драматические фильмы с различными спецэффектами назывались боевики. Так, 25 октября 1917 г., в Иркутске вышел боевик «Яма под красным фонарем» по Куприну [3, 25 окт. 1917].

Большим успехом пользовались фильмы иностранного производства, а иностранные актеры становились любимцами публики. Весьма популярной актрисой того времени была датчанка Бетти Нансен, ее имя весьма часто встречалось на афишах иркутских кинотеатров. Летом 1918 г. вновь в прокат вышел фильм с ее участием «Жизнь — обман, любовь — мгновение».

Из иностранных актрис с Бетти Нансен могла конкурировать только итальянская звезда немого кино Франческа Бертини, которая блистала на экранах в начале XX в. В газетах ее называли «королева экрана Италии». Весьма большой популярностью среди иркутской публики пользовался фильм с ее участием «Без права на счастье». Об его успехе говорит то, что фильм демонстрировался несколько дней и вызывал большой интерес у аудитории [2, 12 дек. 1918].

В этот период среди иркутских зрителей начинают завоевывать популярность фильмы голливудского производства, их начинают активно завозить в Иркутск. Значительное количество афиш с

фильмами американского производства начинает встречаться на страницах иркутских газет.

Из отечественных актеров в это время начинает набирать огромную популярность знаменитая Вера Холодная. Иркутяне также были покорены ее талантом и красотой. С большим успехом в городе прошел показ последнего фильма с участием актрисы «Молчи грусть... молчи!» 27, 28, 30 и 31 октября 1923 г. Реклама фильма была достаточно яркой: фильм представлялся как самое главное достижение российской кинематографии за все время ее существования, перечислялись самые популярные актеры, сыгравшие в этом фильме. Фильм был настолько популярным, что устроителям пришлось даже выделять отдельный день на предварительную продажу билетов, чтобы в дни показа у кинотеатра не было столпотворения и давки [1, 24 окт. 1923].

Иркутянам демонстрировались и весьма актуальные на тот момент политические картины, которые осуждали монархический строй, что было вполне объяснимо после революции. Помимо этого, в фильмах продолжали высмеивать немцев, с которыми до марта 1918 г. еще велась война. 15 ноября 1917 г. в Иркутске в прокат вышел фильм «Шакалы власти», в котором речь шла о немецких шпионах и их связи с членами императорского правительства [3, 15 нояб. 1917].

Помимо киносеансов для взрослой аудитории, в иркутских кинотеатрах постоянно проходили специальные детские сеансы, которые шли с 12 до 16 часов. Показывались художественные фильмы. К примеру, 10 ноября 1918 г. в такой день демонстрировался фильм «Дети капитана Гранта», а затем показывалась комедия с великим актером немого кино Чарли Чаплином – «Чарли Чаплин под дождем» [2, 10 нояб. 1918].

После прихода большевиков, интерес к кино со стороны горожан не прекращается. Все так же идет демонстрация киноновинок отечественного и иностранного производства, которые продолжают собирать большое количество зрителей.

Большевики ратовали за то, чтобы кино стало одним из средств просвещения, агитации и пропаганды. С таким тезисом выступил нарком просвещения А. В. Луначарский. Он говорил о том, что ничто не сможет сравниться с кино по своей силе агитации. Большевики попытались претворить данный тезис в жизнь по всей стране, в том числе и в Иркутске.

На начало 1920-х гг. в городе функционировало шесть кинотеатров. Три из них принадлежали государственным учреждениям –

Губвоенкомату, ПУОКРу и Губполитпросвету. Правда, стоит отметить, что они не выдерживали никакой конкуренции с частными кинотеатрами, особенно, с кинотеатром А. Донателло.

Государство стало активно с этим бороться: начинают снимать большое количество агитационно-просветительских фильмов. Однако они пока еще не выдерживали конкуренции с иностранными и российскими фильмами других, более легких жанров [1, 21 дек. 1922]. О том, что конкуренция была проиграна, мы можем судить, глядя на страницы иркутских газет: только единицы из агитационных и просветительских фильмов попадали на афиши. Подавляющее большинство газетных афиш представляли именно художественные фильмы. Это говорит о том, что в первой половине 1920-х гг. именно они пользовались большим интересом среди публики. Вероятно, это было связано с тем, что жители города в непростых условиях войны нуждались в более простом и понятном кино, направленном на развлечение, нежели в непростом для восприятия агитационном.

Поскольку кино пользовалось большой популярностью, власти города решили использовать это в своих целях. К примеру, в январе 1923 г. была объявлена специальная неделя Красного флота, когда цены на все билеты в кинотеатры были увеличены на 25 %. Вся вырученная сумма пошла в комиссию распорядителей недели и дальнейшее распоряжение деньгами происходило по их усмотрению [1, 31 янв. 1923].

Таким образом, на основе вышесказанного можно сделать вывод, что киноиндустрия пользовалась очень большой популярностью в Иркутске в период Гражданской войны. Несмотря на военные действия, которые коснулись и Иркутска, любовь и внимание иркутян к киноновинкам не иссякали.

Кино расширяло границы для людей того времени. Именно здесь люди могли увидеть актеров из Дании, Италии, США, узнать чуть больше о жизни вне своего города, познакомиться с мировыми достопримечательностями, которые, скорее всего, они никогда не смогли бы увидеть воочию. Кино шло нога в ногу со временем и изменялось подобно тому, как изменялся сам человек. Все эти факторы привлекали внимание зрителей.

Научный руководитель И. Л. Дамешек

Литература

1. Власть труда / ред. Н. Ф. Насимович. Иркутск, 1918–1930.
2. Новая Сибирь : газ. обществ.-полит. и лит. Иркутск, 1912–1919.
3. Сибирь : ежедн. газ. Иркутск, 1914–1916.

О. А. Суховеркина*Иркутский государственный университет*

СТОЛКНОВЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНТЕРВЕНЦИИ

Гражданская война 1917–1922 гг. занимает важное место в нашей отечественной истории. Раскол общества привел к кровопролитной войне, в которой не было ни победителей, ни проигравших [4].

Ситуация в стране до начала военных действий оставалась нестабильной, несмотря на то, что Россия обладала устойчивой экономикой, мощной армией и имела статус влиятельного государства на международной арене. Трагические события были обусловлены следующими причинами: обострение накопившихся социально-экономических и политических противоречий, действия противоборствующих партий после свержения последнего представителя царской династии и участие Российской империи в Первой мировой войне 1914–1918 гг., послужившей детонатором крупнейших революций.

Геополитическая ситуация в мире существенно изменилась. С приходом к власти представителей большевистского движения и после подписания Брестского мирного договора, согласно которому Россия отказывалась от продолжения борьбы и от всех своих преференций, теряя около 1 млн кв. км территории, международное положение государства значительно ухудшилось. Заключение сепаратного мирного договора с Германией позволило странам Антанты рассматривать Россию как нового противника, не выполняющего союзнические обязательства [1, с. 17]. В связи с этим, иностранные державы приняли план разделения территорий России на «зоны ответственности» во время Парижской конференции 1918 г. под предлогом предотвращения распространения большевизма [2, с. 35]. Таким образом, влияние России на берегах Тихого океана было поставлено под сомнение.

Когда в Центральной части России в ходе Гражданской войны развернулись военные столкновения, слабозаселенный Дальний Восток был занят США, которые стремились использовать территорию для внедрения своих компаний. Это было сделано, в том числе, для того, чтобы противостоять своему восточному конкуренту – Японии, претендовавшей на тот же регион. Правящие круги Японии, руководствуясь «Планом национальной реорганизации Япо-

нии», считали, что Россия незаслуженно владела огромными территориями, поэтому присоединение Дальнего Востока было делом принципа, а начавшаяся Гражданская война послужила отличным поводом для перехода к решительным действиям [2, с. 38]. В это время Соединенные Штаты, желая реализовать свои геополитические интересы, не спешили вступать в открытый конфликт и занимали выжидательную позицию, продолжая финансирование участников Белого движения и интервенции [2, с. 37].

Впоследствии США получили от Верховного совета Антанты особые права на создание консульств во всех крупных городах Зауралья и права на открытие торговых учреждений для того, чтобы создать независимые от России государства, в которых экономические позиции Соединенных Штатов будут максимально укреплены. Для этих целей Дальневосточная республика, как слаборазвитое государственное образование, отлично подходила. Но вскоре выяснилось, что события на Дальнем Востоке развиваются не так, как планировало руководство США. У них не вышло использовать вооруженные силы Японии для борьбы против «красных» и, следовательно, упростить себе задачу в присвоении ДВР. Поэтому Вашингтон начал проводить политику миротворца, покровительствуя буржуазно-либеральному режиму «белых». И даже после изменения соотношения сил в Гражданской войне в пользу «красных» он продолжал выступать за территориальную целостность России, понимая, что главный враг кроется в лице Японии. Вскоре США начали переговоры с большевиками и весной 1920 г. вывели свои войска с территории ДВР, обеспечив себя значительными политическими выгодами.

Также и Япония не оставляла свои попытки единоличного ведения дел в Дальневосточном регионе. В японской газете «Ничи-Ничи шимбун» было опубликовано следующее высказывание: «Америка должна понять, что во Владивостоке и вдоль Восточно-Китайской и Сибирской железных дорог Япония не должна игнорироваться <...>. Мы надеемся, что Америка не будет препятствовать осуществлению нашего плана» [3]. Но способы достижения своих целей, среди которых были прямые военные столкновения и использование лиц, относящихся к представителям Белого движения и имеющих сепаратистские устремления, не нашли отклика у общественности. Против политики Японии выступили вооруженные силы ДВР, а уровень доверия среди представителей Белого движения значительно снизился.

Согласно заявлению, поступившему от В. И. Ленина, Советская власть признавала всю значимость Дальневосточного региона для ведения как внутренних, так и внешних дел [2, с. 35]. К концу 1922 г. ДВР воссоединилась с РСФСР, что говорило о нереализованных планах Японии, убедившейся в том, что ее территориальный рост показался США и странам Западной Европы более угрожающим, нежели восстановление целостности России, из-за чего геополитические устремления Японии сместились в сторону Китая.

При столкновении американских и японских интересов следует отметить разницу между целями и подходами обеих стран к установлению контроля на территории Дальневосточной республики. США отдавали предпочтение экономической экспансии, тогда как Япония стремилась к полному захвату территории. А особенность конфронтации США и Японии заключалась в ведении борьбы против одного врага в лице Советской власти, которая по окончании военных действий Гражданской войны заняла лидирующие позиции и не дала полностью реализоваться планам ни одной из противоборствующих сторон.

Научный руководитель В. А. Шаламов

Литература

1. Авакова Э. Б., Гончаренко Л. Н. Великие потрясения 1917 г. в России: внешнеполитические последствия и новые международные реалии // Грамота. 2007. № 12 (86). С. 13–19.
2. Волынчук А. Б., Фролова Я. А. Столкновение геополитических интересов на российском Дальнем Востоке в годы Гражданской войны // Россия и АТР. 2010. № 3. С. 33–41.
3. Никифоров П. М. Записки премьера ДВР. М. : Политиздат, 1974. 191 с.
4. Томарева А. Э. Гражданская война в истории России // Вестник научных конференций. 2016. № 4–5 (8). С. 218–219.

С. А. Тигунцев

Иркутский государственный медицинский университет

РАЗВИТИЕ СПОРТА В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Еще в предвоенное время, с середины 1930-х гг., большое внимание руководства Комитета по физической культуре и спорту при Иркутском облисполкоме было сосредоточено на военно-физической подготовке населения, направленной на выполнение боевых задач. С началом Великой Отечественной войны этой работе стало придаваться первостепенное значение. Была срочно перестроена работа всех областных, городских, районных комитетов по физической культуре и спорту, Добровольных Спортивных Обществ (ДСО). Массово и повсеместно создавались секции по стрельбе, плаванию, гранатометанию, велоспорту, легкой атлетике, сдаче норм комплекса БГТО, ГТО и «Ворошиловский стрелок».

Особое внимание уделялось развитию штыкового и рукопашного боя, фехтования, бокса и борьбы. Так, в Иркутске с июня 1941 г. шла подготовка более 100 инструкторов и руководителей физической культуры, которые регулярно занимались повышением технических навыков по рукопашному бою под руководством инструктора по тяжелой атлетике областного комитета по делам физкультуры и спорта Вадима Петровича Хардина (основателя послевоенной школы бокса в Иркутске) и непосредственно председателя Иркутского городского комитета физкультуры Петра Васильевича Кирия [2]. В дальнейшем П. В. Кирий с руководящей должности ушел добровольцем на фронт, во время войны за свои подвиги был награжден медалями «За отвагу» и «Боевые заслуги». На семинарах проходили обучение представители Иркутской, Читинской областей и Бурят-Монгольской АССР. В программу обучения вошли, помимо рукопашного боя без оружия, приемы штыкового боя, бой большой и малой лопатками, бой невооруженного с вооруженным, преодоление препятствий (рвов, канав, заборов и т. д.), все способы гранатометания [3]. В дальнейшем инструкторы, прошедшие курсы, занимались обучением резервов Рабоче-Крестьянской Красной Армии на территории Иркутской и в прилегающих к ней областях.

В 1942 г. Всесоюзный Комитет по делам физкультуры и спорта и Народный комитет просвещения РСФСР приняли совместное решение о развитии массовой внеклассной военно-спортивной работы

в школах. В каждой начальной школе образовывались кружки и спортивные секции: ПВХО (Противовоздушной и химической обороны), санитарной помощи, стрелковые, связи, сапёрные, топографии, рукопашного боя, бокса, борьбы, и т. д. В школах проводились массовые спортивные соревнования. Из-за отсутствия кадрового состава было принято решение начать подготовку общественных инструкторов спорта из самих учащихся школ [4].

Продолжала активную работу и Иркутская областная детская спортивная школа, в которой проходило обучение по таким видам спорта, как гимнастика, лыжи и рукопашный бой (45 человек) [1, с. 139]. Активно развивался детско-юношеский спорт в годы войны в рамках Военно-спортивного отдела Иркутского Дворца пионеров под руководством Е. А. Степанова. В секции бокса работал с молодежью, энтузиаст и талантливый педагог, воспитавший целую плеяду известных боксеров, Игорь Борисович Кирзнер. Под его руководством начинали заниматься трехкратный чемпион СССР, заслуженный мастер спорта СССР Аскольд Лясота, семикратный чемпион РСФСР, мастер спорта СССР Закарья Мигеров и заслуженный тренер РСФСР Антон Атарханов [1, с. 159].

С 1942 г. проводятся соревнования по рукопашному бою в рамках ежегодных фабрично-заводских спартакиад физкультурников на предприятиях, в учреждениях и в учебных заведениях [8]. Лучших результатов в подготовке бойцов-рукопашников достигли физкультурные организации Слюдянского, Култукского и Голоустненского районов [9]. Из ДСО отличалось спортивное общество «Локомотив», количество занимающихся рукопашным боем в нем превышало 1500 человек [7]. Летом 1942 г. в Иркутске по поручению Всесоюзного комитета физкультуры и спорта прошел учебный сбор инструкторов-руководителей по рукопашному бою, в котором участвовали представители из Иркутска, Черемхово, Тайшета [1, с. 139].

Несмотря на трудности военного времени (скудность материально-технической базы, нехватка продуктов питания и тяжелые условия труда на производстве), в конце августа 1943 г. сборная команда Иркутской области в количестве 38 человек приняла участие в Спартакиаде физкультурных организаций Сибири в Новосибирске. В программу соревнований входили: военизированный переход, легкая атлетика, баскетбол, футбол, штыковой и рукопашный бой. В соревнованиях принимали участие команды Новосибирской, Омской, Кемеровской и Иркутской областей. По итогам соревнований по рукопашному бою, иркутяне заняли II командное место, а спортсмен В. Ершов – I место в личном зачете [6].

Во время Великой Отечественной войны в Иркутске на стадионе «Динамо» на регулярной основе проводилась Спартакиада воинских частей НКВД Сибири и Дальнего Востока и соревнования пограничников Забайкалья. В них принимали участие команды воинских подразделений из Иркутска, Хабаровска, Читы, Красноярска и Новосибирска. Соревнования проходили по легкой атлетике, стрельбе, гранатометанию, пешему переходу, плаванию, баскетболу, футболу, фехтованию, боксу, борьбе и другим видам [5].

В целом в годы войны учебно-тренировочная и спортивная работа в Иркутской области велась в узкоспециализированном военно-прикладном аспекте. Основную роль сыграли тренеры-энтузиасты, которые, несмотря на практически полное отсутствие необходимого инвентаря, материальной поддержки и специального образования, смогли сохранить и приумножить секционную работу. Из занимающихся школьников и учащихся профтехучилищ был создан значительный потенциал для дальнейшего развития спорта в регионе.

Научный руководитель А. П. Санников

Литература

1. Азербает Э. Г. Иркутский спорт в XX веке: Литературно-документальная летопись. Иркутск : Облмашинформ, 2003. 512 с.
2. Военно-спортивные состязания в школах // Восточно-Сибирская правда. 1943. 11 июня.
3. Подготовка физкультурных кадров // Восточно-Сибирская правда. 1941. 18 сент.
4. Семинар по рукопашному бою // Восточно-Сибирская правда. 1942. 26 янв.
5. Спартакиада воинских частей // Восточно-Сибирская правда. 1943. 29 авг.
6. Спартакиада физкультурников Сибири // Восточно-Сибирская правда. 1943. 20 авг.
7. Спортивные хроники // Восточно-Сибирская правда. 1944. 29 июля.
8. Фабрично-заводские спартакиады физкультурников // Восточно-Сибирская правда. 1942. 4 июля.
9. Физкультурно-массовая работа в школах // Восточно-Сибирская правда. 1943. 16 июня (№ 113). С. 4.

И. И. Фатыхова*Кемеровский государственный университет*

**ПОДГОТОВКА КАДРОВОГО СОСТАВА
ФИЗКУЛЬТУРНЫХ РАБОТНИКОВ
В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД
(НА ПРИМЕРЕ ФАКУЛЬТЕТА ФИЗИЧЕСКОГО
ВОСПИТАНИЯ КЕМЕРОВСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА)**

Кемеровский педагогический институт был организован 1 сентября 1953 г. в соответствии с приказом Министерства Просвещения РСФСР № 655 от 2 сентября 1952 г. До 1964 г. в составе института работали два факультета: русского языка и литературы, физики и математики. В 1964 г. было принято решение о создании факультета физического воспитания.

Причины открытия нового факультета крылись в недостатке кадров для обеспечения работы сферы физической культуры и спорта в области. В Кузбассе во второй половине XX в. не существовало образовательных организаций, готовящих педагогов по физической культуре. Первый набор студентов на факультет был осуществлен в количестве 50 человек. В 1965–1966 учебном году на факультете обучалось 111 студентов дневного отделения. В 1970–1971 учебном году на факультете обучалось уже 222 студента. План приема студентов на обучение по специальности «Учитель физической культуры» выполнялся стабильно, факультет пользовался популярностью у абитуриентов, как дневная форма обучения, так и заочная. К 1967 г. на заочном отделении факультета физического воспитания обучались 99 студентов.

Факультет физического воспитания стремительно развивался, при этом ощущалась острая нехватка кадров. Так, 25 марта 1966 г. ректор Кемеровского пединститута обратился с письмом к начальнику ГУВУЗа Министерства Просвещения РСФСР товарищу И. И. Овсянникову по поводу выделения ставки декана факультета физического воспитания и спорта. В записке было сказано: «Факультет развивается. Его руководство уже второй год осуществляется на общественных началах. С 1 сентября на очном и заочном отделении будет обучаться 250 студентов. Специфика факультета требует от декана разнообразной деятельности – учебной, воспитательной, организации лагерных сборов, соревнований и т. д.» [1,

с. 16]. Также было отмечено, что выделение ставки необходимо для правильной организации всего учебно-воспитательного процесса.

В 1968 г. кадровый состав факультета не был полностью укомплектован. Об этом говорит запись в Протоколе Совета института от 28 февраля 1968 г.: «Нужно доукомплектовать спортивный факультет, там большая очень нагрузка» [4, с. 35]. К 1969 г. планировалось завершить доукомплектование кафедр факультета.

На молодом факультете физической культуры и спорта работали в основном молодые преподаватели. Ректорат в некоторой степени был этим обеспокоен. Об этом говорит письмо ректора Кемеровского педагогического института Н. Н. Чистякова заместителю начальника ГУВУЗа товарищу Т. В. Воликовой. Ректор писал: «Ответственность ректората и всего преподавательского состава в подготовке учителей физкультуры в связи с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 августа 1966 г. «О мерах по дальнейшему развитию физической культуры и спорта» значительно возросла. Однако у ректората возникли сомнения в плане правильности организации на факультете учебно-воспитательной и методической работы». В переписке с Министерством Просвещения по учебной и научной работе за 1966 г. отмечено, что ректорат включил в план работы Ученого Совета института вопрос «О состоянии профессиональной подготовки и воспитательной работы на факультете физического воспитания» [1, с. 47]. Обсуждение вопроса планировалось на 30 ноября 1966 г. Для этого ректорат просил направить специалиста, который бы возглавил комиссию по проверке состояния дел на факультете физического воспитания. Осуществить подобную проверку своими силами не представлялось возможным «ввиду отсутствия специалистов» [1, с. 47].

Учебная работа на факультете сталкивалась с рядом трудностей: недостаточным контролем за деятельностью преподавательского состава, слабой материальной базой. Так, в Отчете о работе деканатов за 1966–1967 учебный год сказано, что «преподавание лекционного материала велось на хорошем уровне, общим недостатком лекционных, практических занятий является недостаточное использование наглядности, отсутствие звукотехнического оснащения» [3, с. 422].

В Отчете о работе деканатов за 1966–1967 учебный год отмечалось, что «существенным недостатком при проведении практических занятий являлось отсутствие преподавателей по спортивным играм, волейболу, хоккею, конькам, легкой атлетике, гимнастике,

плаванию, музыкальной ритмике» [3, с. 422]. Ведение ряда практических дисциплин было затруднено «из-за отсутствия спортивных баз (борьбы, художественной гимнастики, легкой атлетики) [3, с. 422]. Курс плавания в зимний период не проводился и был перенесен на период летних лагерных сборов, что затрудняло проведение занятий в этот период из-за большой физической нагрузки на организм студента [3, с. 422].

Анализ архивных документов позволяет сделать вывод, что развитие факультета физической культуры в Кемеровском педагогическом институте было сопряжено с большим количеством трудностей. Перед преподавателями и руководством стояла задача наладить работу факультета по многим направлениям. Однако развитие некоторых направлений не зависело от усилий и воли кадрового состава. Так, например, институт не имел возможности выделить аудитории для дополнительных занятий, а с «развитием спортивного факультета институт был вынужден перейти на трехсменные занятия дневного отделения, с выводом вечернего в школы города» [2, с. 5]. В Отчете о работе Кемеровского педагогического института за 1965–1966 учебной год сказано, что сложность заключалась в составлении расписания: «Ибо в его основе лежало одно требование – втиснуться в имеющийся аудиторный фонд. Поэтому лекции часто проходили последними часами. У студентов и преподавателей имелись окна, поэтому рабочий день «искусственно затягивался» [2, с. 8]. Институту требовалось расширение площадей.

Стоит отметить, что и спустя 8 лет, по состоянию на 1972–1973 учебный год, факультет физического воспитания испытывал значительные трудности с аудиторным фондом. В Протоколе Совета КГПИ за 1972–1973 учебный год сохранилась запись: «Пока мы будем находиться в скученном помещении, до тех пор не будет настоящих кабинетов. У нас нет помещения для кабинетов. <...> Учебный процесс надо упорядочить сверху, только тогда будет работа» [5, с. 3].

Трудности, стоявшие на пути развития факультета, носили временный характер, напрямую зависели от политического и экономического развития государства. В 1974 учебном году Кемеровский педагогический институт получил статус Кемеровского государственного университета. В этой связи начался переход на новые университетские учебные планы, что потребовало коренной перестройки учебного процесса. На факультете физического воспитания начался новый виток развития и совершенствования.

Научный руководитель А. Н. Худолеев

Литература

1. ГКУКО ГАКОН Ф. 104. Оп. 1. Д. 73. Л. 57. Переписка с министерством просвещения по учебной и научной работе 1966 год.
2. ГКУКО ГАКОН Ф. 104. Оп. 1. Д. 128. Л. 81. Отчет Кемеровского ГПИ за 1965/66 учебный год.
3. ГКУКО ГАКОН Ф. 104. Оп. 1. Д. 140. Л. 439. Отчеты о работе деканатов 1966/67 учебный год.
4. ГКУКО ГАКОН Ф. 104. Оп. 1. Д. 160. Л. 197. Протоколы заседаний Совета института 1968 г.
5. ГКУКО ГАКОН Ф. 104. Оп. 1. Д. 211. Л. 60 Протоколы совета КГПИ 1972–1973 год.

Д. В. Шишкин

Европейский университет в Санкт-Петербурге

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУЛЬТ И. Н. СМИРНОВА В СИБИРИ

О культовом характере изображения вождей коммунистической партии в Советской России 1920-х гг. писали многие исследователи. Чаще всего предметом анализа становились образы В. И. Ленина и И. В. Сталина, реже – Л. Д. Троцкого и других деятелей из центрального руководства страны. Создание политических культов, основанных на личной харизме руководителей и их идеализации, являлось составляющей деятельности по легитимации новой власти. Сакрализации подвергались не только образы руководителей партии и государства, но и образы вождей в провинции. Примером тому может служить И. Н. Смирнов, первый председатель Сибирского революционного комитета, высшего органа административной власти в Сибири, и его образ на страницах периодической печати.

Несмотря на то что И. Н. Смирнов становился героем репортажей и заметок не часто и не принимал активного участия в написании материалов для прессы, его представление на страницах газет и журналов несло элементы культа, свидетельства о практиках и попытках сакрализации. Через четыре месяца после занятия Томска Красной армией в городе открывается воинский клуб им. И. Н. Смирнова (впоследствии ему было присвоено имя Н. Н. Яковлева) [1, с. 3]. В 1922 г. именем Смирнова был назван Сибирский коммунистический университет – высшее учебное заведение в области политического просвещения; неоднократно предпринима-

лись попытки переименовать Новониколаевск (резиденцию центральных сибирских органов власти) в Смирновск. Следует отметить, что большая часть из перечисленных действий приходится на время после отъезда Ивана Никитича из Сибири осенью 1921 г.

Поводами для упоминания Смирнова в прессе становились масштабные собрания или торжества, в которых принимал он участие. Чаще всего о значимости Смирнова для политической жизни Сибири можно было судить по темам публикуемых докладов («О промышленном положении Сибири» [2, с. 2], «О международном положении» [3, с. 4], «Хозяйственное строительство и задачи РКП» [4, с. 3]), их месте среди других докладов (как правило, открывающие и заключительные) и степени их цитирования в репортажах. В отдельных случаях «стенограмма» его выступления занимала половину от общего размера статьи, посвященной той или иной конференции, либо статья целиком состояла из стенограммы речи Смирнова.

Знаки уважения, проявляемые по отношению к Смирнову народными депутатами, можно разделить на две категории: приветственные телеграммы и избрание в качестве почетного председателя (почетного члена) президиума собрания. В публикуемых сибирскими органами печати телеграммах имя Смирнова, как правило, стоит после имен других вождей – Ленина, Троцкого, Зиновьева [5, с. 3; 6, с. 4].

Особый характер репрезентации образа И. Н. Смирнова как во время его пребывания в Сибири, так и после отъезда был обусловлен рядом факторов. В их числе – необходимость легитимации деятельности органов Сибирского центра: Сибревкома и Сиббюро ЦК. На протяжении шести лет главенства указанных органов в Сибири существовал конфликт интересов губернских органов и «сибов». Сибревкому и Сиббюро ЦК необходимо было продемонстрировать оправданность своего существования, и одним из аспектов представления этих органов стал образ первого председателя Сибревкома. При обосновании причин, по которым Новониколаевск, резиденция Сибирского ревкома и Сибирского бюро ЦК, должен был быть переименован в Смирновск, авторы предложения указывали на его заслуги в должности главы сибирской администрации.

Важную роль в построении образа Смирнова сыграла его биография, точнее – революционная деятельность на территории Сибири, в Томской губернии, а также работа в политотделе 5-й армии, завершившей разгром колчаковских войск. В воспоминаниях революционеров о событиях в Томске в 1916–1917 гг. Иван Никитич

представлен одним из главных действующих лиц, организатором и «душой» Военно-социалистического союза, в одном ряду с более легендарной для всей Сибири личностью – погибшим Н. Н. Яковлевым [7, с. 3]. Смирнову приписывается «руководство Красной армией» в кампании против Колчака, ему присваивается статус «старейшего члена партии в рядах Красной армии» [8, с. 3], «организатора победы над Колчаком» [9, с. 3].

Не менее важным фактором формирования культового образа И. Н. Смирнова стала деятельность его соратников. Образ первого председателя Сибревкома, в особенности после его отъезда создавался В. М. Косаревым, В. Репиным [10, с. 26], В. Д. Вегманом [11, с. 111], М. И. Сумецким и другими, знавшими Смирнова до революции и оказавшимися в начале 1920-х гг. на административных и партийных должностях в Сибири.

Таким образом, в публичном образе председателя Сибревкома И. Н. Смирнова отчетливо прослеживаются элементы политического культа. Среди факторов, способствовавших его появлению, можно отметить политическую ситуацию, сложившуюся в Сибири после прихода большевиков; наличие «легендарного» прошлого, связанного с регионом – основание для составления политической агиографии; деятельность конкретных людей – соратников Смирнова, занимавших руководящие посты в «сибах» и губернских органах.

Научный руководитель Б. И. Колоницкий

Литература

1. Открытие гарнизонного красноармейского клуба им. И. Н. Смирнова // Знамя революции. 1920. 14 апр.
2. Сибирское совещание председателей губкомов Р.К.П. // Известия Сибирского областного бюро РКП. 1920. 3 нояб.
3. Третий горюездный съезд советов // Советская Сибирь. 1921. 29 июня.
4. Первая Омская губернская конференция РКП // Советская Сибирь. 1920. 9 дек.
5. Уездная конференция Р.К.П. // Знамя революции. 1920. 10 июня.
6. 1-й Новониколаевский Губсъездпрофсоюзов // Советская Сибирь. 1921. 17 нояб.
7. Косарев В. От Февраля до Октября в Сибири / В. Косарев // Советская Сибирь. 1921. 7 нояб.
8. Предсъездное армейское совещание (1 день) // Красный стрелок. 1919. 29 окт.
9. Торжественное открытие 1-го Омского коммунистического совета // Советская Сибирь. 1920. 24 апр.
10. Репин В. Военно-социалистический союз // Былое Сибири. 1923. № 2.
11. Вегман В. Партийно-советская пресса в Сибири // Три года борьбы за диктатуру пролетариата (1917–1920) : сб. ст. Омск : Сиб. гос. изд-во, 1920.

12. Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский» : антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа», март – июнь 1917 года. М. : Новое лит. обозр., 2017. 512 с.
13. Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве / авториз. пер. с англ. Н. Эдельмана. М. : Новое лит. обозр., 2010. 495 с.
14. Резник, А. В. Политическая агиография Льва Троцкого и сакрализация революции: случай Георгия Устинова // Политизация языка религии и сакрализация языка политики во время революции и гражданской войны : сб. ст. СПб. : Лики России, 2018. С. 99–121.
15. Шишкин, В. . Председатель сибирского Совнаркома // Сибирские огни. 1990. № 2. С. 122–134.
16. Энкер, Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе / пер. с нем. А. Г. Гаджикурбанов ; науч. ред. Е. Ю. Зубков. М. : Росспэн ; [Б. м.] : Президент. центр Б. Н. Ельцина, 2011. 438 с.
17. Marquez, X. The mechanisms of cult production : an overview // Ruler Personality Cults from Empires to Nation-States and Beyond : Symbolic Patterns and Interactional Dynamics / eds.: K. Postoutenko, D. Stephanov. London ; New York : Routledge, 2021. xiv, 279 p.

АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И ИСТОРИЯ РЕЛИГИЙ

М. Е. Абрашина

*Иркутский государственный университет
Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТИПОЛОГИИ РУБЧАТОЙ КЕРАМИКИ БРОНЗОВОГО ВЕКА СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ*

Вопросы классификации и атрибуции керамических материалов являются основополагающими в исследованиях стоянок Байкало-Енисейской Сибири и играют важную роль в осуществлении культурно-хронологической интерпретации древности. В рамках изучения Северного Приангарья большинство проблем связаны с атрибуцией керамических комплексов палеометалла, в особенности – бронзового века.

Основную массу керамических комплексов бронзового века Северного Приангарья составляет так называемая рубчатая керамика с «жемчужинами»¹. Несмотря на то что в археологическом сообществе часто отмечается неоднородность данных комплексов, проблема их типологии до сих пор не решена [5, с. 119; 6, с. 159; 7,

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Иркутского государственного университета для молодых ученых № 091-21-324 «Анализ планиграфии археологических комплексов компрессионных объектов Северного Приангарья (ранний неолит – раннее средневековье)».

¹ «Жемчужины» — это выдавленные с внутренней стороны сосуда ямочки, образующие на поверхности сосуда выпуклые округлые рельефные шарики, названные так по аналогии с жемчугом.

с. 100; 11, с. 22]. Вопреки этому была предпринята попытка объединить всю жемчужно-рубчатую керамику в единый «керамический пласт» [1]. Однако эта концепция подверглась критике и в окончательном итоге не была принята научным сообществом [5].

Данная работа является попыткой определить основные проблемы и перспективы в области разработки типологии рубчатой керамики Северного Приангарья, с целью обозначить основные векторы дальнейших исследований и наметить предварительные задачи для создания новой культурно-хронологической схемы бронзового века.

Тезисно основные проблемы можно представить следующим образом:

- До сих пор в исследовательской практике «жемчужно-рубчатая» керамика Байкало-Енисейской Сибири зачастую рассматривается как единый комплекс. Однако данное обобщение построено лишь на двух морфо-технических атрибутивных признаках: наличие пояса «жемчужин» в приустьевой части и рубчатый технический декор на поверхности сосудов [1; 2, с. 75; 9, с. 65; 10, с. 88–92].

- Большой объем различного керамического материала, полученного за короткий период времени в ходе интенсивного строительства в 2000-х гг., повлек за собой его накопление без проведения комплексной атрибуции. Поэтому большая часть материалов остается неопубликованной, либо опубликована в обзорном виде, так как атрибутирована частично и без применения комплексного технико-технологического анализа, который является основополагающим для разработки типологии.

- Малочисленность четко стратифицированных объектов на территории Северного Приангарья или смешанный характер голоценовых горизонтов также ограничивает возможности хронологического расчленения археологического материала [3, с. 73; 8, с. 102].

- Отсутствие необходимого числа надежных датировок [1, с. 189; 3, с. 73; 8, с. 102; 9, с. 65].

Исходя из указанных проблем, можно выделить основные перспективы. В этом отношении основным положением является тот факт, что разработка типологии бронзового века по керамическим комплексам в настоящее время представляется единственным решением, поскольку анализ и интерпретация остальных категорий археологического материала (погребения, бронзовые изделия, каменные орудия) ввиду различных специфик на данный момент являются менее информативными [3, с. 55; 6, с. 149, 159; 11].

На основе пока неопубликованных данных комплексов с рубчатой керамикой со стоянки Генералова, которая составляет 2 620 фрагментов минимум от 68 сосудов, предварительно можно выделить 5 групп сосудов, отличающиеся технико-технологическими характеристиками и как следствие, вероятно, своими культурными истоками. На основании немногочисленных опубликованных данных по комплексам с рубчатой керамикой также возможно выделение нескольких типобразующих групп. Так, коллекция «рубчатой» керамики с памятников Сергушкин 1 и 3 демонстрирует практически полную идентичность с комплексами стоянки Генералова, поэтому на данном этапе может быть включена в список дополнительных источников для разработки предварительной типологии [5].

Нередки случаи распространения данного вида керамики на сопредельных к Северному Приангарью территориях Прибайкалья, Канско-Рыбинской котловины и Красноярской лесостепи [7; 9; 11]. Широта распространения данных комплексов также является важным фактором для решения проблемы типологии и культурно-хронологической атрибуции комплексов рубчатой керамики.

Ввиду отсутствия необходимого числа датировок, керамика также обладает преимуществом в виде её органического происхождения, так как для датирования комплексов можно использовать нагар или органику из формовочной массы сосудов (если такая присутствует) без риска потерять хронологический контекст из-за использования для этой цели других органических остатков (кость, почва, уголь и др.) [4].

Таким образом, вопрос типологии рубчатой керамики в настоящее время требует внимания, так как является первым шагом на пути к разработке культурно-хронологической схемы бронзового века как этапа истории Северного Приангарья и Байкало-Енисейской Сибири, в целом. Обозначение проблем и перспектив необходимо для привлечения внимания к данной тематике и определения последующих действий в области изучения этого вопроса.

Научный руководитель В. В. Бобров

Литература

1. Гурулев Д. А., Максимович Л. А. Керамика бронзового века Северного Приангарья // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая : материалы VII Междунар. науч. конф. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. С. 185–194.
2. Керамические комплексы Усть-Ковинского геоархеологического района в Нижнем Приангарье (по материалам работ 2008–2011 годов) / Н. И. Дроздов, В. П. Леонтьев В. П., Д. А. Гурулёв, К. В. Бирюлева // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 5 : Археология и этнография. С. 69–81.

3. Дударёк С. П., Лохов Д. Н. Погребальные комплексы бронзового века Северного Приангарья. Вопросы хронологии и культурной принадлежности // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 7. С. 54–80.
4. Кулькова М. А. Радиоуглеродное датирование древней керамики // Самарский научный вестник. 2014. № 3(8). С.115–122.
5. Леонтьев С. Н., Герман П. В. Керамика эпохи бронзы памятников острова Сергушкин (Северное Приангарье) // Древности Приенисейской Сибири. 2019. Вып. 10. С. 108–122.
6. Макаров Н. П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы красноярской лесостепи // Известия лаборатории древних технологий. 2005. Вып. 3. С. 149–170.
7. Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Керамические комплексы бронзового века нижней Ангары: проблемы хронологии и культурной принадлежности // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). 2019. С. 98–101.
8. Печенин С. А., Дударек С. П., Лохов Д. Н. Проблемы выделения бронзового века на территории Северного Приангарья // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты. 2018. С. 101–103.
9. Пупаева Л. А., Фокин С. М. Материалы бронзового века с поселения-могильника Скородумный Бык // Древности Приенисейской Сибири. 2015. Вып. 7. С. 59–67.
10. Стоянка Пашина в Северном Приангарье (исследования 2008–2009 годов) / А. Е. Гришин, Ж. В. Марченко, Ю. Н. Гаркуша, Д. А. Гурулев, С. В. Шнайдер, Н. А. Кулик, С. К. Васильев, Е. А. Кребс. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. 168 с. (Тр. Богучан. археол. экспедиции ; т. 2)
11. Тимощенко А. А., Савельев Н. А. Бронзовый век Канско-Рыбинской котловины (современное состояние проблемы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, № 5. С. 19–27.

Д. С. Кошкина

Иркутский государственный университет

ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ III КУЛЬТУРОСОДЕРЖАЩЕГО ГОРИЗОНТА МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ ОСТРОВ ЛИСТВЕНИЧНЫЙ (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)

Исследование планиграфии представляет собой многокомпонентный анализ пространственной организации культурных остатков, который направлен на получение сведений для изучения и реконструкции палеоэкологической адаптации, социально-экономических и хозяйственно-бытовых аспектов жизни древнейшего населения, а также помогает реконструировать поведенческие модели [3, с. 3]. В современных исследованиях изучение планиграфии играет большую роль, и часто ее данные комбинируются с другими методами (стратиграфическими, трасологическими и т. д.) для получения различной дополнительной информации об объекте и специфике деятельности древнейшего населения.

В данной работе дается краткая характеристика планиграфии III культуросодержащего горизонта стоянки Остров Лиственичный.

Стоянка Остров Лиственичный открыта в 2007 г. Усть-Илимским отрядом археологической экспедиции ИГУ под руководством Е. О. Роговского во время рекогносцировочных работ в зоне затопления Богучанского водохранилища. Археологический объект располагался на одноимённом острове, вписанном в Като-Ёдарминское расширение долины р. Ангары. Спасательные работы на стоянке проводились вплоть до 2012 г., после остров был полностью затоплен. В ходе раскопок на объекте было выявлено семь уровней стратификации археологических материалов, охватывающих периоды от позднего палеолита до раннего железного века. Наиболее многочисленными по количеству находок и информативными для исследователей являются III и V культуросодержащие горизонты, относящиеся к периодам раннего и среднего голоцена соответственно. По III к. г. были получены радиоуглеродные даты ~7,2–7 тыс. л. н., а основные датировки V культурного слоя относятся примерно к 8,5 тыс. л. н. [2, с. 92]

III культуросодержащий горизонт является наиболее богатым по количеству находок, общее количество которых составляет 11164 единицы. Коллекция данного горизонта представлена разнообразным каменным инвентарем, представительным набором изделий

из кости и развалами керамики, возраст которой маркирует нижнюю границу появления керамического производства на территории Северного Приангарья. Также в ходе раскопок в III культуросодержащем слое было зафиксировано 13 кострищ разных размеров и форм.

В ходе исследования был проведен отбор и анализ коллекции III культуросодержащего горизонта стоянки Остров Лиственичный, после чего была составлена планиграфия. В данной работе используется точечный принцип визуализации результатов исследований, т. е. единица материала отображается как точка на плоскости, спроецированная на план раскопа. Планы распределения материала по рассматриваемому участку стоянки были построены и оформлены с помощью программ Surfer 16 и Adobe Illustrator CC 2018.

Обратившись к данным планиграфии, можно увидеть, что общее распределение археологического материала III горизонта в раскопе неравномерное и определяется отдельными крупными участками концентрации материала. Большинство участков концентрации приурочено к кострищам, и они располагаются не только как пятна по контуру, но и, в некоторых случаях, в заполнении кострищ. Материал, составляющий заполнение, чаще всего представляет собой многочисленные мелкие фрагменты неопределимых костей и дебитаж.

Исходя из того, что скопления археологического материала являются отражением деятельностной активности древнего населения [1, с. 188], на территории стоянки можно предположить существование специализированных зон деятельности.

В северной и северо-восточной части раскопа (пикеты 1 и 2) выделяются две зоны, которые можно интерпретировать как хозяйственно-бытовые. Концентрация находок и состав определимых остатков в данных зонах отличаются друг от друга. Если основную часть остатков в хозяйственно-бытовой зоне в пикете 1 составляет ихтиофауна, а сами находки не так сильно сконцентрированы, то в зоне, расположенной в пикете 2, несмотря на наличие в ней каменных артефактов, все же преобладают фрагменты неопределимых костей, а концентрация материала довольно высока.

Также на территории стоянки имеется достаточно большое количество участков, которые можно обозначить как производственные центры. В указанных участках основной категорией находок является каменный инвентарь, но при этом в них присутствуют в различных количествах и соотношениях костяные артефакты и керамика. Большинство производственных центров расположены

неподалеку от кострищ, однако, есть несколько участков, которые к ним не приурочены. В целом каменные артефакты и керамика распределены по площади стоянки преимущественно равномерно.

Таким образом, планиграфия III культурного горизонта стоянки Остров Лиственичный представляет выраженную специфическую картину, которая показывает некоторые особенности деятельности и хозяйства древнего населения данной стоянки. Наиболее ценными представляются наблюдения относительно дифференциации хозяйственно-бытовых зон в пикетах 1 и 2, что уже на данном этапе исследования говорит о некотором разграничении хозяйственной деятельности, которая связана с обработкой продуктов рыболовства и охоты и с вероятным диахронным формированием этих скоплений.

В дальнейших исследованиях данные планиграфии могут быть использованы в совокупности с трасологическим и технологическим анализом каменных и костяных индустрий, а также применены при технико-технологическом анализе керамики.

Научный руководитель Н. А. Савельев

Литература

1. Кузнецов А. М., Роговской Е. О. Планиграфический анализ раннеголоценовых культурных слоев стоянки Остров Лиственичный (Северное Приангарье) // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2019. № 62. С. 180–191.
2. Кузнецов А. М., Роговской Е. О. Некоторые аспекты жизнедеятельности населения Северного Приангарья в финальном мезолите (на примере стоянки Остров Лиственичный) // Экология древних и традиционных обществ : материалы V Междунар. науч. конф., г. Тюмень, 7–11 нояб. 2016 г. / под ред. Н. П. Матвеевой. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2016. С. 91–93.
3. Леонова Н. Б. Современное палеолитоведение: методология, концепции, подходы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.06. М., 1994. 40 с.

Д. А. Мархаева

Иркутский государственный университет

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КЕРАМИКИ ПОСОЛЬСКОГО ТИПА ПРИОЛЬХОНЬЯ*

Изучение керамики посольского типа берет свое начало с исследований Б. Э. Петри многослойной стоянки Улан-Хада I в 1913 г. В опубликованной в 1916 г. работе «Неолитические находки на берегу Байкала», основанной на материалах 1913 г., была предпринята попытка классификации керамики на основе пяти техник нанесения орнамента (I – использование штампа; II – наложение материала; III – орнаментация стеками; IV – пальцевые и ногтевые зацепы; V – прокол или выдавливание) [3, с. 13]. Петри не исключал, что в одном сосуде может встречаться несколько типов. Так, в IX средненеолитическом слое фиксируется керамика, охарактеризованная использованием техник I, II и V, что соотносится с посольской гончарной традицией.

В начале 20-х гг. XX в. П. П. Хороших открывает ряд стояночных комплексов (Итырхей I, Бурлюк I, Будун VI, Нюргон I), в материалах которых залегает керамика с утолщенным венчиком. Далее следует десятилетие, характеризующееся закрытием историко-археологических учреждений, арестом исследователей и, как следствие, все тематические исследования были прерваны вплоть до начала 1950-х гг.

Между тем в свет выходит фундаментальный труд А. П. Окладникова «Неолит и бронзовый век Прибайкалья», где ставится проблема периодизации культур неолита и бронзового века на основе сравнения стояночных и погребальных комплексов (исаковской, серовской, китойской и глазковской) [2, с. 158]. Огромное внимание было уделено коллекции ранее упомянутой стоянки Улан-Хада I. Автор в своем исследовании сопоставил материалы Улан-Хады с выделенными культурами неолита и бронзового века Прибайкалья: XI–IX слои – с позднесеровской, VIII–III слои – с раннекитойской, а II и I слои – с глазковской культурами. Таким образом, IX слой, в котором Б. Э. Петри отмечал керамику с утолщенными венчиками (посольский тип), был отнесен к серовской культуре. Продолжая свои исследования, А. П. Окладников, уже на основе

* Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2021-631 от 08.06.21. «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров».

находок с территорий Среднего Енисея, сопоставляет посольскую керамику с ансамблями конца китойского и раннеглазковского времени, что противоречит его прежним суждениям.

В 1950-х гг. в Приольхонье возобновляются археологические исследования: учитель-краевед Н. М. Ревякин открывает новые объекты, в подъемных материалах некоторых из них (Сарайская I, Шаманский Мыс II, Эдор) отмечена керамика посольского типа. Отряд в составе П. П. Хороших, Э. Р. Рыгдылона и В. В. Свирина проводит сбор подъемных материалов на ранее выявленных местонахождениях Будун VI и Нюргон I – на этих стоянках была зафиксирована керамика с налепным валиком вдоль венчика, композиция, мотивы и техника нанесения орнамента которой была схожа с описанной Б. Э. Петри в 1916 г.

В связи с наполнением водохранилища Иркутской ГЭС, ожидалось увеличение уровня воды оз. Байкал, что угрожало сохранению его археологического наследия. Летом 1959 г. силами 10 отрядов Иркутской экспедиции ЛО ИА АН СССР под общим руководством М. П. Грязнова, практически по всему побережью оз. Байкал проводились работы по спасению археологических памятников. Приоритетным объектом исследований была всем известная стоянка Улан-Хада I, работы на которой проходили под руководством М. П. Грязнова и М. Н. Комаровой. Авторами было отмечено, что в слое Г/1 (IX по Б. Э. Петри) керамика не однородная, она принадлежит к трем разным орнаментальным типам (в том числе керамика с утолщенными венчиками). Вторым раскопанным в Приольхонье объектом, на котором зафиксирована керамика с утолщенными венчиками, является Шаманский Мыс II (Бурхан – по Н. К. Качаловой, автору раскопок).

Более детальное описание керамики IX слоя стоянки Улан-Хада (раскопки Б. Э. Петри) были проведены Л. П. Хлобыстиным в 1960-х гг. Им выделено четыре группы керамики. На основе этих материалов Л. П. Хлобыстин полагал, что IX слой Улан-Хады содержит разновременные культурные остатки – позднесеровские, китойские и раннеглазковские. Автор статьи провел сравнение III группы керамики IX слоя Улан-Хады I (сосуды с утолщенным венчиком, над которым проходит ряд сквозных отверстий; орнамент состоит из гребенчатых оттисков и линий, выполненных отступающей лопаточкой; стенки сосудов прямые, выбитые рубчатой лопаточкой) с материалами Посольской стоянки (раскопки Е. А. Хамзиной 1959 г.), содержащей богатую коллекцию гончарных изделий,

подобных улан-хадинским [5, с. 29]. Поскольку, по мнению исследователя, Посольское местонахождение имело черты китойской культуры, то им была выдвинута гипотеза о хронологической принадлежности данной керамики к вышеозначенной культуре, что согласовывалось с мнением А. П. Окладникова. Впоследствии Л. П. Хлобыстин выделяет эту керамику в отдельный тип – посольский, поскольку на одноименной стоянке она была зафиксирована в наибольшем количестве [4, с. 97].

С 1970-х гг. исследованиями в Приольхонье занимаются А. П. Окладников и И. В. Асеев, в составе отряда ИИФФ СО АН СССР, и отряд КАЭ ИГУ под руководством О. И. Горюновой и Н. А. Савельева. В этот период были обнаружены и исследованы новые стоянки, в том числе и содержащие керамику посольского типа (Саган-Заба II: 1974–1975 гг., Восточный Куркут I: 1977 г., Шаманский мыс II: 1972–1973, 1975 гг.; Улан-Хада I: 1974, 1979, 1982 и 1990 гг., Итырхей I: 1975–1976 гг., Тышкинэ III: 1979–1980 гг.).

На основе корреляции и синхронизации материалов с многослойных стоянок О. И. Горюновой была предложена региональная схема периодизации древних культур Приольхонья, включая эпоху неолита. Комплексы, аналогичные по составу IX слою Улан-Хады I (сочетающие керамику посольского типа с пунктирно-ребенчатыми орнаментами, с различными штамповыми вдавлениями и с оттисками сетки-плетенки), рассматривались как культурно смешанные, существующие в одном хронологическом срезе, и были отнесены к развитому неолиту. Анализируя керамику посольского типа из IX слоя Улан-Хады I, О. И. Горюнова впервые отметила два варианта керамики этого типа: с внешним утолщением венчика и с внутренним его утолщением [1, с. 16]. При этом отмечено, что орнаментация сосудов и в том, и в другом случае однотипна.

В 1980–1990-е гг. Маломорским отрядом КАЭ ИГУ (О. И. Горюнова) были открыты и исследованы новые пункты с керамикой посольского типа: в подошве I слоя Кулары III (1984, 1986, 1991 гг.), в пещере Тонта (1987 г.), III слой Бурлюка I (1991 г.), Хужир-Нугэ V (2001 г.).

В 2006–2008 гг. были проведены работы на объекте Саган-Заба II отрядами Российско-Канадской археологической экспедиции (совместный проект ИГУ, Россия, и Университета Альберта, Канада), под руководством О. И. Горюновой, А. В. Вебера и А. Г. Новикова. В результате исследований была отмечена детальная стратификация

культуросодержащих неолитических отложений; выявлен «чистый» комплекс с керамикой посольского типа – V верхний слой. На основе этих данных комплексы с посольской керамикой отнесены к среднему неолиту.

В последние годы активный поиск и раскопки многослойных стоянок Приольхонья проводят отряды совместной ИЛАП ИАЭТ СО РАН – ИГУ. Открыты и исследованы новые и ранее известные неолитические стоянки с керамикой посольского типа: в кровле I слоя Шракшуры III (2017 г. О. И. Горюнова, А. Г. Новиков), в подошве II слоя Улярбы, пункт 2 (2007 г. О. И. Горюнова, А. Г. Новиков) и Итырхей I (2018 г. А. Г. Новиков, О. И. Горюнова).

Таким образом, более чем за столетний период исследования неолитических стоянок Приольхонья посольская керамика отмечена на 16 объектах. Значимыми для определения хронологии являются материалы трех мультислойчатых стоянок: V верхний слой Саган-Забы II, III слой Итырхей I, III слой Бурлюка I. В настоящее время комплексы с посольской керамикой относятся к среднему неолиту и датируются в пределах 6750–6310 кал. л. н.

Научный руководитель А. Г. Новиков

Литература

1. Горюнова О. И. Многослойные памятники Малого Моря и о. Ольхон : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1984. 17 с.
2. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья . М. : Изд-во АН СССР, 1950. Ч. 1–2. 412 с. (Материалы и исследования ; № 18).
3. Петри Б. Э. Неолитические находки на берегу Байкала. Предварительное сообщение о раскопках стоянки Улан-Хада // Сборник Музея антропологии и этнографии АН. 1916. Т. 3. С. 113–132.
4. Хлобыстин Л. П. Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // КСИА. 1978. Вып. 153 : Памятники эпохи неолита. С. 93–99.
5. Хлобыстин Л. П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале: (по материалам Б. Э. Петри) // КСИА. 1964. Вып. 97. С. 25–32.

В. П. Михалева

Иркутский государственный университет

ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ III КУЛЬТУРОСОДЕРЖАЩЕГО УРОВНЯ МНОГОСЛОЙНОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ УСТЬ-ЁДАРМА II (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)

Северное Приангарье является одним из интереснейших районов для изучения в области археологии, этнографии и истории. Изучение культур бронзового века, раннего железного века и раннего средневековья Восточной Сибири поднимает многие вопросы этногенеза палеообществ и современных коренных народов.

В данной статье уделяется внимание планиграфическому анализу одного из важнейших многослойных археологических объектов Северного Приангарья – местонахождения мультислойчатого типа Усть-Ёдарма II, которое на данный момент затоплено водами Богучанского водохранилища.

Главной целью планиграфического анализа является характеристика особенностей распределения артефактов в изучаемом культурном горизонте. Это позволяет определить и реконструировать деятельность древних народов. Изучение особенностей пространственного распределения комплекса археологических материалов в настоящее время является одной из важнейших исследовательских археологических процедур.

В третьем культуросодержащем уровне Усть-Ёдармы II комплексы археологических материалов зачищались по площади. Чаще всего материал залегал одиночными находками, рассеянными по площади, а также скоплениями на отдельных участках территории [1, с. 156].

Общее количество учтенных артефактов в третьем культуросодержащем уровне составило 9321 единицу. В составе археологической коллекции представлены фрагменты керамических сосудов, изделия из камня,debitажи литопроизводства, изделия из кости и их фрагменты, костные остатки.

Планиграфический рисунок на местонахождении представляет собой большую площадь с распространением на ней участков с высокой концентрацией артефактов и участков с отдельными находками. Имеется набор кострищ. Материал обнаружен в 8 из 20 кострищ.

Кострище № 5 фиксировалось на границе пикетов 202 и 203 (кв. 5410, 5411). Размеры кострища: длина 1,5 м, ширина 0,36 м, толщина разреза – до 0,03 м. Кострище неправильной сильно вытянутой формы. Цвет пятна прокала – ярко-оранжевый. Края кострища слегка потревожены кротовинами. Рядом с кострищем был зафиксирован археологический материал, представленный небольшим скоплением каменного инвентаря.

Кострище № 6 находилось в пикете 182 (кв. 4810, 4910). Размеры кострища: длина 0,50 м, ширина 0,38 м, толщина в разрезе – до 0,03 м. Контуры кострища неправильные, цвет – черно-серый. Заполнение кострища представлено мелкими фрагментами отдельностей горных пород, которые были разрушены в результате термического воздействия. Помимо археологического материала, внутри контуров кострища был зафиксирован палеонтологический материал.

Кострище № 7 было зафиксировано в пикете 282 (кв. 7108, 7109, 7208, 7209). Размеры кострища: длина 0,80 м, ширина 0,49 м, толщина в разрезе – до 0,07 м. Контур пятна кострища неправильной вытянутой формы, прокал оранжевого цвета со скоплением угольков в северо-восточной части кострища. Внутри кострища и рядом с ним был зафиксирован археологический материал.

Кострище № 13 фиксировалось на границе пикетов 202 и 203 (кв. 5410, 5411). Размеры кострища: длина 1,5 м, ширина 0,36 м, толщина разреза – до 0,03 м. Кострище неправильной сильно вытянутой формы. Цвет пятна прокала – ярко-оранжевый. Края кострища слегка потревожены кротовинами. Рядом с кострищем был зафиксирован археологический материал.

Кострище № 14 находилось в пикете 182 (кв. 4810, 4910). Размеры кострища: длина 0,50 м, ширина 0,38 м, толщина в разрезе – до 0,03 м. Контуры кострища неправильные, цвет – черно-серый. Заполнение кострища представлено мелкими фрагментами отдельностей горных пород, которые были разрушены в результате термического воздействия. Внутри контуров кострища был зафиксирован археологический и палеонтологический материал.

Кострище № 15 было зафиксировано в пикете 282 (кв. 7108, 7109, 7208, 7209). Размеры кострища: длина 0,80 м, ширина 0,49 м, толщина в разрезе – до 0,07 м. Контур пятна кострища – неправильной вытянутой формы, прокал – оранжевого цвета с скоплением угольков в северо-восточной части кострища. Внутри кострища и рядом с ним был зафиксирован археологический материал.

Кострище № 19 находилось в пикете 290 (кв. 7348, 7349, 7448, 7449) и имело неправильную вытянутую форму. Размеры кострища: длина 0,91 м, ширина 0,42 м, толщина в разрезе – до 0,04 м. Прокал серо-черного цвета с большим количеством включений угольков. В северной части кострище разрушено кротовиной. Внутри кострища и вокруг него в большом количестве был зафиксирован археологический материал.

Кострище № 0 также располагалось в пикете 290 (кв. 7247, 7248) и имело овальную форму. Размеры кострища: длина 0,55 м, ширина – 0,42 м, толщина в разрезе – до 0,04 м. Прокал серо-черный, пятнистый. Как внутри прокала кострища, так и вокруг него отмечался археологический материал.

В пикете 143 (кв. 3715) был зафиксирован развал керамического сосуда усть-мильского типа.

Наибольшее количество артефактов было зафиксировано в пикетах 290, 309, 369, 370, в которых культуросодержащий уровень был пройден практически полностью, в отличие от остальных пикетов, которые были законсервированы [2, с. 213].

В целом анализ планиграфической ситуации местонахождения Усть-Ёдарма II позволяет говорить об отсутствии намеренно организованных участков узко специализированной производственной деятельности, археологический материал чаще всего распространяется равномерно по площади.

Планиграфический анализ археологического материала и зафиксированные разнообразные по форме «конструктивные» единицы позволяют говорить о том, что правый мыс р. Ёдармы использовался древним населением на протяжении многих тысячелетий. Можно предположить, что небольшие группы охотников-рыболовов использовали это место в качестве кратковременной, возможно, «сезонной» стоянки.

По результатам проведенного анализа, можно говорить о том, что в бронзовом веке территория местонахождения осваивалась очень интенсивно. Об этом говорят значительное количество фрагментов, развалов керамической посуды, каменного инвентаря, остеологических остатков и обнаруженные кострища.

Научный руководитель Д. Н. Лохов

Литература

1. Об археологических раскопках многослойной стоянки Усть-Ёдарма II Усть-Илимского района Иркутской области в 2009 г. : отчет / Иркутский государственный университет ; Лохов Дмитрий Николаевич. Новосибирск, 2009. 645 с.
2. Об археологических раскопках многослойного местонахождения Усть-Ёдарма II в Усть-Илимском районе Иркутской области в 2010 г. : отчет / Иркутский государственный университет ; Роговской Евгений Олегович. Новосибирск, 2010. 1038 с.

З. С. Соловьева

Иркутский государственный университет

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СПОСОБ КОММУНИКАЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ (ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПУБЛИКАЦИЙ)

Использование информационно-коммуникационных технологий дает ряд преимуществ для различных сфер науки, в том числе и для специалистов в области археологии и истории, упрощает поиск сторонних специалистов и процесс обмена полученными данными, помогает в создании профильных сайтов. Но рассматривать важность ИКТ технологий начали только недавно. Поворотным периодом, после которого начали говорить об информационно-коммуникационных технологиях, как о способе для массовой коммуникации приходится на 80-е и 90-е гг. прошлого столетия [6, с. 20]. И в первую очередь это связано с развитием компьютеризации и появлением Интернета. В связи с ростом влияния современных технологий на общество специалисты в области истории и археологии тоже стали активно использовать компьютерное и интернет-пространство для реализации своих проектов. Это привело к теоретическому осмыслению данного процесса.

Наибольший вклад в изучение информационно-коммуникационных технологий внесли иностранные исследователи. Так, в сборнике, который был опубликован в октябре 2008 г. в рамках международного симпозиума, посвященного информационным технологиям в сохранении культурного наследия, была опубликована статья Жуана Барсело под названием «Интерпретация археологических данных. Подход к искусственному интеллекту». Автор статьи рассматривает виртуальные технологии как способ «увидеть, распознать, понять и симулировать прошлое в настоящем» [1, с.19]. Главный смысл статьи состоит в том, что виртуальные технологии помогают не только в представлении и визуализации предметов прошлого, но и их моделировании, например, моделирование ландшафта местности, утраченного архитектурного наследия или внешности человека. Статья достаточно информативно и последовательно представляет возможности виртуальных технологий и их преимущества для специалистов разных областей.

В 2011 г. под редакцией Эрика Канзы, Итана Уотролла и Сары Уитчер вышла книга «Археология 2.0: новые подходы к общению и сотрудничеству». В издании рассматривалось то, как интернет помогает в профессиональной деятельности археологов и их коммуникации со специалистами других сфер, в том числе и с историками. Рассматривались возможности разработки новых технологий для археологии посредством информационной коммуникации. В своем труде исследователи описывают не только позитивные стороны современных технологий, но и негативные, такие как чрезмерная информационная насыщенность сети, частые проблемы с дезинформацией и техническими неполадками. Данное исследование состоит из четырех основополагающих разделов. Но раздел, который важен для нашего исследования – третий, он посвящен управлению археологическими данными и коллаборациями, так как именно в нем рассматриваются возможные пути обмена данными между специалистами различных сфер, а также привлечения специалистов по истории, геологии и другим научным направлениям в проекты, которые связаны с археологией. Поднимается тема важности интернет-платформ для популяризации археологических знаний. Данное издание интересно с точки зрения обсуждения видов и возможностей коммуникаций специалистов истории и археологии. Но оно носит обзорный характер и не слишком углубляется в проблематику.

Еще одна иностранная публикация, на которую мы можем опираться, «История и Интернет: возможные связи», написана Нусией Александрой Сильвой де Оливейра. Статья была опубликована в 2019 г. в научном журнале «Tempo&Argumento». В публикации рассмотрены возможные формы связей при взаимодействии исторической науки и Интернета. В качестве одного из видов коммуникации в ней представлена интеграция археологических и исторических знаний на популярных платформах, таких как «Youtube», в формате образовательных лекций для популяризации исторического наследия. Автор исследования приводит не только положительные стороны использования ИКТ технологий для изучения и популяризации истории и его наследия, не только описывает разные пути цифровой истории, но и говорит о важности использования исторических методов при работе в Интернете.

Небольшое пособие, выпущенное в 2020 г. под названием «Виртуальная археология делает невидимое видимым» издала группа немецких исследователей: Кристоф Лобингер, Кристин Сплисгарт

и Петра Марикова. В своем исследовании они рассмотрели возможности использования 3D технологий и визуализации в сохранении археологического наследия и сотрудничества с другими специалистами при помощи данных технологий. За основные ступени в сохранении наследия авторы принимают: во-первых, научные статьи и публикации исторической и археологической направленности; во-вторых, использование информационных технологий и взаимодействие специалистов, которые в том числе будут популяризировать науку. В данном пособии больше рассматриваются частные примеры и описание самих технологий. Вопрос же коммуникации скорее затрагивают, как дополнительную функцию информационных технологий, а не основную.

Публикации наших соотечественников, к сожалению, представлены в меньшем объеме и в основном в формате научных статей. Так, можно выделить статью сотрудника Эрмитажа Д. Ю. Гука «Виртуальная археология и сохранение объектов культурного наследия», опубликованную в 2011 г. Наиболее важное для нас в этой статье – упоминание главных принципов при использовании информационно-коммуникационных технологий: историческая достоверность, подлинность и научно-образовательная ценность. Данная статья не отображает в полной мере тему коммуникации историков или археологов, но документирует основные положения при использовании ИКТ, на которые мы должны опираться при рассмотрении нашей темы.

Таким образом, мы видим, что за последние два десятилетия тема информационно-коммуникационной технологии активно развивается и изучается в основном за счет публикации работ зарубежных исследователей. В России эта тема только начинает изучаться и является важной для дальнейшего развития исторической и археологической науки.

Научный руководитель Л. М. Дамешек

Литература

1. Барсело Ж. Интерпретация археологических данных. Подход к искусственному интеллекту // Информационные и коммуникационные технологии в культурном наследии : материалы Междунар. Симп. в рамках INTERREG III B, AR-CHIMED. Янина: Graphic Arts, Ioannina, 2008. С. 19–34. URL: https://books.google.ru/books?id=e_UWDeEca0lC&printsec=copyright&hl=ru#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 08.10.2021).

2. Гук Д. Ю. Виртуальная археология и сохранение объектов культурного наследия // Информационно-коммуникационные технологии с сфере культуры : сб.

науч. тр. по итогам Междунар. науч.-метод. конф. Саратов, 19–24 сент. 2011 г. Саратов : Изд-во СГСЭУ, 2011. С. 95–96. URL: https://rusmuseumvrm.ru/data/events/2011/09/seminar_ikt_v_sfere_kulturi/3509_file_2.pdf (дата обращения: 07.10.2021).

3. Канза Э., Канзп С., Уотролл И. Археология 2.0: новые подходы к общению и сотрудничеству. Калифорния : Изд-во Ин-та археологии Котсена, 2011. 280 с.

4. Лобингер К., Сплисгарт К., Марикова П. Виртуальная археология делает невидимое видимым. Дрезден, 2020. 63 с.

5. Сильва де Оливейра Н. А. История и Интернет: возможные связи // *Revista Tempo e Argumento*. 2019. № 28. С. 23–53.

6. Фролова Н. Х. Становление информационно-коммуникационных технологий // *Символ науки*. 2018. № 12. С. 19–23.

А. Д. Торохова

Иркутский государственный университет

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ СТОЯНКИ-МОГИЛЬНИКА ОТИКО-I (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)

Керамика является наиболее массовым археологическим материалом, который можно обнаружить как на стояночных, так и в погребальных комплексах неолита и более поздних периодов.

Стоянка-могильник Отико-I впервые была обнаружена в 1974 г. в ходе работы Кежемского отряда Северо-Ангарской экспедиции Красноярского музея. Отряд под руководством Н. И. Дроздова проводил разведку по р. Ангаре в Кежемском районе Красноярского края и Усть-Илимском районе Иркутской области. По результатам этой разведки было выявлено 11 памятников, отнесённых к эпохе неолита, бронзы и железного века, в том числе и стоянка-могильник Отико-I [3, с. 443].

Материал, использованный для этой статьи, был получен в ходе спасательных археологических работ 2011–2012 гг., приуроченных к строительству Богучанской ГЭС.

Всего на территории стоянки было выделено два культуросодержащих горизонта (далее по тексту – к. г.): I к. г. можно отнести к широкому хронологическому диапазону от раннего железного века (V–VI вв. до н.э.) до периода этнографической современности (XV–XVIII вв.), II к. г. к эпохе бронзы – неолиту (II–V тыс. до н. э.).

В 2011–2012 гг. общее количество полученной керамики составило 7343 экз., часть из которых достоверно удалось отнести к 217 сосудам.

Керамическая коллекция I и II к. г. стояночного комплекса местонахождения Отико-I включает в себя материалы, которые относятся к широкому временному диапазону от неолита до средневековья. В неё входят сосуды усть-бельского, хайтинского, посольского и аплинского типов, сосуды с техническим декором «сетка-плетёнка» и «шнур», а также многочисленные сосуды, орнаментированные разнообразным по форме и размеру зубчато-гребенчатым и гладким штампами, налепными и примазочными валиками. Наличие разных типов керамики, имеющих широкий разброс во времени, свидетельствует о том, что на территории стоянки-могильника Отико-I проживали различные группы населения.

Неолитическая группа сосудов, представленная сетчатой керамикой, а также керамикой хайтинского, усть-бельского, посольского и аплинского типов, не столь многочисленна.

Самой ранней считается ранненеолитическая сетчатая керамика, она имеет датировку в интервале ~8700–6200 кал. л. н. Сетчатая керамика местонахождения Отико-I в подавляющем большинстве случаев относится к ранненеолитической: она отличается отсутствием какого-либо орнамента, если не считать пояса из ямочных вдавлений или прочерченной линии, имеет простую форму.

В керамической коллекции имеется два сосуда с техническим декором «сетка-плетёнка», но по совокупности прочих признаков они были отнесены к аплинскому типу керамики.

Один из данных сосудов имеет аналогии с сосудом со стоянки им. Генералова [1, с. 76]. Время существования такого типа керамики можно примерно определить в интервале от ~6000 до ~4300 кал. л. н., хотя точной даты по C14 пока что нет. Специалисты отмечают её схожесть как с усть-бельским типом керамики, так и с ранненеолитической сетчатой керамикой. Данный тип керамики представляет особый интерес для исследований в силу того, что ареал распространения этих сосудов не выходит за рамки Северного Приангарья. От ранненеолитической сетчатой керамики его отличает наличие характерной орнаментации – прочерченной в зоне венчика линии, внутри или под которой выполнена цепочка глубоких круглых ямочных вдавлений или отверстий. Ниже линии располагается несколько горизонтальных рядов округлых вдавлений.

Один из сосудов принадлежит хайтинскому типу керамики – это фрагмент тулова с оттисками тонкого шнура и орнаментированного параллельными прочерченными линиями. Хайтинский тип керамики относится к тому же временному диапазону, что и ранне-неолитическая сетчатая керамика.

Также один из сосудов был отнесён к усть-бельскому типу, имевшему распространение на территории всей Байкало-Енисейской Сибири. Хронологические рамки ранее были определены в пределах 6600–4100 л. н., более точная дата соответствует ~7500–4400 кал. л. н. [2, с. 27].

Наибольшее число сосудов (14 экз.) из неолитической группы относится к посольскому типу керамики, датированному в интервале ~7900–4400 кал. л. н. Данная группа керамики местонахождения Отико-I имеет широкие аналогии, в том числе и с уже упомянутой стоянкой им. Генералова. Находки керамики посольского типа известны из раскопок местонахождений Среднего Енисея, Приангарья, Верхней Лены, Прибайкалья и Забайкалья.

Сосуд, который входит в группу с рубчатой керамикой, можно отнести к комплексам бронзового века.

Отдельные сосуды были отнесены к цапаньской культуре, характерной для раннего железного века.

Керамика лесосибирского типа, представленная в археологической коллекции 6 сосудами, имеет широкие аналогии с материалами объектов на территории Северного Приангарья и Ангара-Енисейского бассейна, в целом. Данный тип керамики достаточно неоднороден с точки зрения морфологии и типологии, хотя и имеет весьма схожий декор. Лесосибирский тип керамики хронологически относится к периоду XI–XIV вв., что соответствует времени средневековья.

Среди исследованной коллекции был встречен один сосуд-дымокур – это фрагмент венчика с налепным ушком, которое служило для подвешивания сосуда.

В группу сосудов, орнаментированных различными по форме налепными и примазочными валиками, входят сосуды с тонкими налепными валиками, именуемые в литературе «шевронами» или «арками». Традиция украшения керамических сосудов тонкими валиками появляется с эпохи раннего железного века и исчезает к развитому средневековью. В целом сосуды с подобной орнаментацией можно датировать примерно ~2000–1000 л. н.

Таким образом, комплексный анализ керамической коллекции I и II культуросодержащих горизонтов позволил выделить культурно-хронологические группы и провести аналогии с материалами Северного Приангарья.

Научный руководитель Д. Н. Лохов

Литература

1. Бердников И. М., Лохов Д. Н. Сетчатая керамика аплинского типа // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. Иркутск, 2013. № 2 (3). С. 72–83.
2. Хронология неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири: основные идеи и новые данные / И. М. Бердников, О. И. Горюнова, А. Г. Новиков, Н. Е. Бердникова, И. В. Уланов, Н. Б. Соколова, М. Е. Абрашина, К. Е. Крутикова, Е. О. Роговской, Д. Н. Лохов, С. А. Когай // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. Иркутск, 2020. Т. 33. С. 23–53.
3. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) / А. П. Деревянко, А. А. Цыбанков, А. В. Постнов, В. С. Славинский, А. В. Выборнов, И. Д. Зольников, Е. В. Деев, А. А. Присекайло, Г. И. Марковский, А. А. Дудко. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 1. 564 с.

СЕКЦИЯ

МИРОВАЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Г. П. Воротнев

Новосибирский государственный университет

ДИСКУРС ПО ВОПРОСУ СОЗЫВА ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТОВ 1789 г. (ПО МАТЕРИАЛАМ «НОВЫХ ЗАМЕЧАНИЙ О ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТАХ» Ж.-Ж. МУНЬЕ)

Жан-Жозеф Мунье (1758–1806 гг.) являлся французским памфлетистом, депутатом Генеральных Штатов 1789 г. от третьего сословия, одним из авторов клятвы в зале для игры в мяч, президентом Национального собрания. Позднее он стал последователем роялизма и сторонником Наполеона.

«Новые замечания о Генеральных Штатах» Ж.-Ж. Мунье позволяют представить мнение определенной группы депутатов от третьего сословия, которых называют «monarchiens». Нередко их еще называют «англоманами», так как в своих суждениях они зачастую опирались на опыт Славной революции 1689 г. в Англии и английскую систему институтов власти. Кроме того, данный документ дает возможность проследить влияние либеральной идеологии английской партии вигов на предреволюционные идеи во Франции.

Лейтмотивом всего произведения является отстаивание индивидуального голосования и совместных обсуждений – принципов, «неотделимых от благополучия нации». На протяжении всего памфлета рассматривается история института Генеральных Штатов с древнейших времен. В созывах разных столетий Мунье постоянно искал аргументы для обоснования необходимости совместных заседаний, так как проводимые раздельно обсуждения с одной стороны, «порождали бы соперничество между сословиями» [1, р. 181], а с

другой, «несомненно, ставили бы под угрозу права нации» [1, р. 181], так как существенно уменьшали бы возможности ее участия в законодательном процессе. К тому же, по его мнению, сословия не могли отделяться друг от друга по той простой причине, что представляли единую нацию [1, р. 236].

Довольно значимой для понимания общественной мысли накануне Французской революции, на наш взгляд, является тема развития конституционализма в данном памфлете. Так, Мунье утверждает, что «конституция не должна быть неопределенной и непостоянной». Это нужно для того, чтобы принципы государственного управления и осуществления государством законодательных функций были известны всем. Также в памфлете говорится, что конституцию нужно создать таким образом, чтобы ее «нельзя было слишком легко изменить или уничтожить» [1, р. 267]. Конечно, данные суждения о принятии конституции выглядят абстрактно, однако, они уже уводят от простых эмоциональных оценок необходимости принятия данного документа. К примеру, в памфлете графа д'Антрега «Записка о Генеральных Штатах» отсутствуют какие-либо конституционные предложения. Лишь говорится о восстановлении «былой конституции королевства». На основе данной интерпретации слова «конституция» мы уже можем убедиться, что во французском обществе конца Старого порядка не было единого понимания этого термина. Действительно, многие люди того времени подразумевали под «конституцией» некую совокупность норм обычного (неписаного) права, хранителями которой традиционно считались провинциальные парламенты [2, с. 17].

Принципиальным отличием работы Мунье в вопросе о конституции от других работ была предметность. Он не говорил о принятии конституции в коннотации ее «установления», как это делали многие представители третьего сословия. Также им отвергались выражения «восстановления» или «защиты» конституции, которые встречаются в дворянских памфлетах. Жан-Жозеф Мунье давал гораздо более четкую формулировку, указывая на то, что конституция должна быть «сформирована» [1, р. 218]. В другом месте он писал, что ее необходимо «добыть» [1, р. 242], то есть разработать: «Народ, который не имеет конституции, — отмечал он, — и стремится к ней, должен собраться в составе нации, или, по меньшей мере, ее представителей» [1, р. 249].

Особого внимания в памфлете заслуживает идея двухпалатного парламента. Стоит отметить, что именно из-за отказа большинства принять данную идею для складывающегося французского парламента Мунье и эмигрировал за пределы Франции.

Нижняя палата парламента, по его мнению, должна состоять из представителей нации, а верхняя палата из представителей высшей судебной власти, которых нация сама назначит. Главное здесь, что «ни один закон не может быть принят без согласия короля и обеих палат» [1, р. 268]. В таком представлении парламентской системы явно угадываются черты английского парламентаризма. Ведь английский парламент представлен двумя палатами: палатой лордов и палатой общин. Также в Англии законы не могли приниматься без согласия двух палат и короля. Очевидно, что Жан-Жозеф хотел распространить эту систему во Франции.

Принятие двухпалатной парламентской системы Мунье обосновывал объединением трех сословий и стиранием граней между ними. Также его аргументы в пользу данной системы вполне соответствуют современным представлениям. Так, он указывает, что нижней палате представителей всегда будет необходим противовес в лице верхней палаты, назначаемой менее демократическим путем. Такие лица будут более близки к исполнительной власти и не позволят палате представителей оставаться один на один с королем и дискредитировать его власть. Составлять же верхнюю палату должны были бы принцы крови, канцлер, потомственные пэры, маршалы и представители дворянства и духовенства [1, р. 271]. Для французского общества конца Старого порядка это явилось бы отличным компромиссом. Таким образом, при принятии конституции, свои позиции в законодательном процессе сохраняли бы первые два сословия, а третье получало бы возможность в нем участвовать.

На основе памфлета Мунье мы можем проследить отход от абстрактных формулировок и целей. Данная работа представляет уже не общие суждения о различных просветительских идеях, будь то «право на восстание против деспотизма» или «теория разделения властей», а конкретные пути развития и способы их реализации. По представлениям Мунье, английская система институтов власти является эталонной, поэтому будет полезно установить нечто похожее и во Франции. Однако делать это следует с национальным акцентом, то есть, учитывая исторический опыт созыва представительных учреждений в стране. Именно таким образом, по мнению автора, должны выглядеть главные ориентиры и цели депутатов Генеральных штатов 1789 г., которые изменят социально-политический порядок во Франции.

Научный руководитель А. В. Журавлев

Литература

1. Mounier J.-J. Nouvelles observations sur les Etats-Généraux. Paris, 1789. 282 p.
2. Бовыкин Д. Ю., Чудинов А. В. Французская революция. М., 2020. 465 с.

А. М. Голикова

Горно-Алтайский государственный университет

ПЛАНЫ АНГЛИЙСКОЙ МОСКОВСКОЙ КОМПАНИИ ПО КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ В XVI в.

В истории колониальной политики Англии малоизвестными остаются планы английской Московской компании середины – второй половины XVI в. установить прямые торговые контакты с Китаем по Северному морскому пути с попутной колонизацией российской Сибири. Обустройство Сибири по английским лекалам имело единственной целью превращение этой огромной территории в транзитную зону и рынок сбыта английских товаров, а местного населения – в обслуживающий персонал. В работе будут рассмотрены планы по колонизации Сибири, а также попытки их осуществления.

Тюдоровская Англия начала – середины XVI в. с относительно быстро развивающейся экономикой остро нуждалась в расширении международных торговых контактов, в источниках сырья, в рынках сбыта своих товаров (преимущественно сукна). Лучшие всего для этого подходили территории в Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии. Однако планы эти казались неосуществимыми: Испания и Португалия уже поделили по Тордесильяскому договору 1494 г. [1] все перспективные территории, а сильный португальский флот господствовал в южных морях, не допуская конкурентов ни в Индию, ни в Китай. Англичане решили добраться до Китая, следуя не вокруг Африки, а Северным морским путем, по Карскому и Баренцеву морям, минуя Новую Землю, с заходом в Обскую губу и плывя далее вверх по Оби.

Эти планы при том уровне географических знаний казались легко осуществимыми. К примеру, Геральд Меркатор в письме к Ричарду Хаклюйту уверял, что плавание в Китай по северному маршруту очень короткое и лёгкое и удивлялся, что никто не пользуется им до сих пор. Англичане считали, что «за островом Вайгахом и Новой Землёй сейчас же простирается громадный залив, замыкаемый с Востока мощным Табинским мысом. В середину залива впадают реки, которые, протекая через всю страну Серику и будучи <...> доступны для больших судов до самой середины материка, позволяют легчайшим образом перевозить любые товары из Китая» [2, с. 179]. Считалось, что Обь – очень широкая река со многими островами, вытекает прямо с территории Китая, а значит, добраться до Китая можно было плывя вверх по реке.

Инициатором и организатором экспедиций по северному маршруту стала Московская компания, история которой начинается в 1553 г. Как известно, Ричард Ченслер – капитан единственного уцелевшего корабля из всей экспедиции (два других корабля трагически погибли во льдах в Мурманском море), имел аудиенцию у Ивана IV, после чего получил от него грамоту с разрешением англичанам торговать в России. На основании этой грамоты английские купцы добились от Марии Тюдор хартии о торговле с Московским государством и с открытыми в последующем землями. Московская компания имела «исключительное право приезжать северным путём, <...> торговать с Персией, <...> торговать и иметь свои дворы во всевозможных городах, <...> право самоуправления в широких размерах» [4, с. 136].

Отправляясь по северному пути, англичане неоднократно прибегали к помощи местных жителей. Так, английский шкипер Стифен Бэрроу, исследуя в 1556–1557 гг. Баренцево море в направлении устья Оби, вынужден был просить помощи у русских моряков, которые указали ему безопасный путь и снабдили продуктами [5].

Самой известной попыткой Московской компании добраться до Китая по северным морям стало плавание кораблей «Джордж» и «Уильям» с капитанами Артуром Пэном и Чарльзом Джэкманом, начавшееся 30 мая 1580 г. Закончилось оно, как и все предыдущие, неудачей: невзирая на поломки, туман и высокий лед англичане добрались 19 июля до острова Вайгач, но затем, после неудачных попыток пройти дальше на восток, были вынуждены повернуть назад. Однако эта экспедиция оставила после себя источники, из которых можно узнать о планах колонизации Сибири.

Уже в Поручении капитанам, данном олдерменами Лондона и управляющими Московской компанией, явственно видна цель экспедиции и планы этой компании. По ходу экспедиции команде предписывалось отмечать географические особенности местности для последующей колонизации, дарить безделушки местным жителям и изучать их уклад, подмечать товары, которые у них имелись [5, с. 162–165]. В будущем предполагалось построить целую сеть укрепленных фортов для защиты обретенных земель от набегов народов Сибири и иностранных купцов. В мирное время форты должны были быть центрами торговли: принимать китайские торговые корабли с товарами и местных жителей, желающих приобрести английские товары. Разумеется, население Сибири к прямым торговым отношениям с Китаем не допускалось. Более того, из контекста документа видно, что и свои, местные товары, они могли бы

покупать только в английских фортах. Примечательно замечание Ричарда Хаклюйта, прекрасно характеризующее отношение англичан к туземному населению. Форты, пишет он, должны питать «эти языческие народы нашими товарами, не закармливая их до отвала и не рискуя, чтобы весь наш товарный фонд был поглощён в кишках этой страны» [6, с. 167].

Сибирь была интересна Московской компании и как рынок сбыта английских товаров. Но для этого необходимо было повысить платежеспособность сибиряков. Делать это предполагалось несколькими путями. Туземцев, живших на плодородных землях, планировалось выучить земледелию, дабы они выращивали нужные англичанам продукты и продавали их в фортах. Те же, кто жил на неплодородных почвах, должны были гнать смолу и деготь, выделывать мачты, строить для англичан дома и изготавливать на продажу деревянные поделки. Продав все это англичанам, и получив деньги, они должны были на эти деньги покупать английские товары [6].

Неудачная экспедиция 1580 г. стала последней попыткой Московской компании открыть Северный морской путь в Китай. Победа над испано-португальской Великой армадой в Гравелинском сражении 1588 г. открыла англичанам путь на Запад, в Новый Свет, где они могли осуществить разработанные ранее планы по колонизации Сибири.

Научный руководитель Ф. И. Куликов

Литература

1. Тордесильяский договор 1494 г. // Хрестоматия по истории международных отношений / сост. Д. В. Кузнецов. В 5 кн. Кн. 2. Средние века. Благовещенск : Благовещ, гос. пед. ун-т, 2013. С. 1168–1169.
2. Письмо Герарда Меркатора в г. Ричарду Хаклюйту в Оксфорде о предположенном путешествии для открытия северо-восточного прохода, 1580 г. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань : Александрия, 2006. С. 179–182.
3. Торговля Московского государства с Западом в XVI и XVII ст. // История русской торговли и промышленности / сост. А. В. Куряев. Челябинск : Социум, 2003. С. 133–163.
4. Плавание в направлении реки Оби и открытия, сделанные шкипером Стифеном Бэрроу, командиром пинассы под названием «Серчсрифт», а также другие обстоятельства, достойные примечания, происходившие в 1556 г. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань : Александрия, 2006. С. 119–152.
5. Инструкции и замечания, весьма полезные и необходимые, подлежащие соблюдению Артуром Пэном и Чарльзом Джэкмэном в путешествии для открытия Китая. Даны г. Уильямом Бэрроу в 1580 г. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань : Александрия, 2006. С. 162–165.

6. Письменное замечание, кроме других, переданное устно, сообщенное в 1580 году г. Ричардом Хаклойтом из Итона в графстве Хирфорд, эсквайром, г-ну Артуру Пэну и г-ну Чарльзу Джэкману, отправленным купцами Московской компании для открытия северо-восточного пролива и пригодные также и для других будущих предприятий по открытию новых стран // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань : Александрия, 2006. С. 166–179.

И. В. Григорьев

Санкт-Петербургский государственный университет

ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА ТРУДЯЩИХСЯ 1917 ГОДА В ИСПАНИИ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Первая мировая война оказала значительное влияние на развитие политических кризисов в России и Испании в 1917 г. Для России участие в войне стало катализатором революционных изменений. Для Испании же, как считают современные исследователи, в долгосрочной перспективе неудачей обернулся нейтралитет в войне, который негативно повлиял на развитие социальных, экономических и политических процессов в королевстве [5, с. 478]. Поначалу Первая мировая война способствовала оживлению испанской экономики: появился внешнеторговый профицит, была покрыта внешняя задолженность, увеличился золотовалютный запас, развивались промышленность и инфраструктура [2, с. 27]. Однако экономический бум военного времени имел и оборотную сторону: рост экспорта продуктов питания и постоянная инфляция привели к тому, что жизнь большинства населения страны в годы войны резко ухудшилась. «Богатые становились еще богаче, а бедные еще беднее» [5, с. 475]. А поскольку король Испании не предпринимал никаких действий, чтобы исправить ситуацию, представители левых сил Испании еще в мае 1917 г. заговорили о возможности осуществления в стране революции снизу по типу той, что произошла в России в феврале 1917 г. И действительно, летом 1917 г. оппозиция активизировалась, а в августе 1917 г. грянула масштабная всеобщая забастовка рабочих. Ее удалось подавить, до настоящей социальной революции дело не дошло, конституционная монархия в Испании сохранилась, но в кортесах увеличилось количество депутатов от левых партий, что показало растущую слабость режима Реставрации [5, с. 477–478]. Таково мнение о событиях 1917 г. в Испании современных историков.

В данном докладе рассматривается взгляд на эти события большевиков на основе анализа тех материалов, которые они публиковали в газете «Правда». История этой газеты как официального печатного органа РСДРП(б) началась в 1912 г. В дальнейшем газета часто меняла название и периодически переставала издаваться, пока 8 июля 1914 г. не была закрыта. После Февральской революции, с 5 марта 1917 г. «Правда» снова начала выходить, знакомя своих читателей с событиями в России и мире и, прежде всего, с рабочим движением в странах Европы [4]. Испанские события, в которых значительную роль играли рабочие, не могли не привлечь внимания ее издателей и читателей.

Как раз в марте 1917 г. и появилось первое сообщение о высоком накале забастовочной борьбы в Испании. В нем говорилось об опасениях испанского правительства относительно готовящейся забастовки и о тех мерах, которые правительство в этой связи готово принять: «Совет министров решил не только прекратить действие конституционных гарантий, но и закрыть Народный дом» [8, с. 6].

Реакционная политика со стороны правительства впоследствии только усиливалась, что следует из опубликованного в «Правде» сообщения Совета министров Испании конца июня 1917 г. «Совет министров счел необходимым издать распоряжение о прекращении конституционных гарантий» [1, с. 7–8], – сообщает газета «Правда», никак это не прокомментировав. Однако из заголовка статьи «В Испании тоже?», который был отсылкой к предыдущей новости о подавлении рабочего движения в Германии, становится ясно, что газета осуждала правительственные силы и сочувствовала трудящимся. В связи с этой напряженной обстановкой на следующий день в газете была опубликована статья Г. Е. Зиновьева, который, говоря о растущем революционном движении в Европе (кричащий заголовок статьи «Будет буря...» явно указывал на это), упоминал и Испанию: «В Испании в виду роста революционного движения отменены конституционные гарантии и введена военная цензура <...> возмущение готово выйти из берегов» [3, с. 2]. Очевидно, что газета «Правда», как орган большевистской партии, не могла не симпатизировать рабочему движению в Испанском королевстве.

Напряжение достигает своего пика 13 августа 1917 г.: в Испании началась всеобщая революционная забастовка трудящихся по инициативе Испанской социалистической рабочей партии (ИСПП) и Всеобщего союза трудящихся (ВСТ). Газета «Правда» не замедлила обратить внимание читателей на это событие. В «Манифесте

Российской социал-демократической рабочей партии» с обращением «ко всем трудящимся, ко всем рабочим, солдатам и крестьянам России» говорилось, в том числе, и о большом значении испанского рабочего движения, причем имелись в виду именно события последней забастовки. «Испания охвачена пламенем революционной схватки классов», — отмечалось в этой статье [6, с. 8]. Через несколько дней вышла и новостная сводка: «А там, в Испании, гроза экономической борьбы, переходя во всеобщую забастовку и в голодные бунты, разрастается в революционное народное восстание, покрывающее Мадрид и Барселону и потрясающее основы испанского трона <...>. В Испании вводится осадное положение и свирепствуют массовые расстрелы...» [9, с. 7], — сообщала газета «Правда», придавая действительно большое значение всеобщей забастовке трудящихся. Это событие преподносилось как нарастание революционного движения, и, безусловно, приветствовалось издателями газеты.

Необходимо отметить, что забастовка действительно носила масштабный характер, а значит, угрожала перерасти в революцию. На радикализацию пролетарского движения повлияли как ухудшение материального положения рабочих, растущий приток бывших крестьян в города и на рудники, политическая деятельность НКТ (Национальной конфедерации труда) и ВСТ, так и известия о Февральской революции 1917 г. в России [5, с. 476]. Однако к концу августа забастовка все-таки была подавлена властями с большими жертвами. Современная историография в этой связи отмечает, что преувеличивать значение кризиса 1917 г. в Испании не стоит [5, с. 478].

Однако, несмотря на умирение правительством волнений, политическое напряжение в Испании снять не удалось, и «Правда» отразила это на своих страницах: «Политический кризис в Испании снова обострился, и кабинет Дато переживает серьезные затруднения, которые ему едва ли удастся преодолеть. Экономическое положение представляется весьма напряженным вследствие мировой войны, хотя Испания и осталась нейтральной. Это обстоятельство вызывает сильнейшее недовольство и <...> осложняет политическое положение» [7, с. 12]. В сложившейся ситуации невозможности достижения единства в правящих элитах страны и неспособности правительства прийти к компромиссу с рабочими, политическая нестабильность, перманентные волнения и забастовки — основные темы в новостных статьях «Правды» об Испании за весь последующий 1917 г.

Несмотря на то что центральное место в газете «Правда» занимали материалы о рабочем движении во Франции и Германии, испанские события не остались незамеченными большевиками. Более того, всеобщая забастовка трудящихся 1917 г. в Испании по сообщениям газеты «Правда» предстает как событие, свидетельствующее о серьезном социальном кризисе. Эта забастовка преподносится как «буря», которая в любой момент может перерасти в революцию. Более того, газета «Правда» не скрывает своей солидарности с испанскими рабочими. Можно констатировать, что освещение всеобщей забастовки 1917 г. в Испании в печатном органе РСДРП(б), было важно для большевиков, так как эта забастовка рассматривалась ими как пример неизбежности установления власти рабочих в странах Европы.

Научный руководитель А. А. Петрова

Литература

1. В Испании тоже? // Правда. 1917. 28 июня, № 82. С. 7–8
2. Волкова Г. И., Дементьев А. В. Политическая история Испании XX века. М. : Высшая школа, 2005. 191 с.
3. Зиновьев Г. Е. Будет буря... // Правда. 1917. 29 июня, № 83. С. 2
4. История газеты Правда // Официальный сайт газеты «Правда». URL: <https://gazeta-pravda.ru/> (дата обращения: 9.10.2021)
5. История Испании. Т. 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века / Ин-т всеобщей истории РАН. М. : Индрик, 2014. 872 с.
6. Манифест Российской социально-демократической рабочей партии // Правда. 1917. 26 авг., № 116. С. 8
7. Политический кризис в Испании // Правда. 1917. 28 окт., № 171. С. 12
8. Революционное движение в Испании // Правда. 1917. 19 марта, № 13. С. 6
9. Рост революции на Западе // Правда. 1917. 30 авг., № 119. С. 7.

Д. Э. Дансарунова

Иркутский государственный университет

КАК И ПОЧЕМУ ПЛЕБС БОРОЛСЯ ЗА «МОРАЛЬНУЮ ЭКОНОМИКУ» В АНГЛИИ XVII ВЕКА?

В Англии в XVIII в. происходил постепенный переход к свободному рынку и индустриальному производству. Этот переход сопровождался внедрением труда наемных рабочих, с одной стороны, и сохранением патерналистских связей между джентри и крестьянином – с другой. В этой связи происходили продовольственные волнения, которые Эдвард Палмер Томпсон, известнейший социальный историк своего времени, в своей работе «Моральная экономика английской черни в XVIII веке», опубликованной в 1971 г. [4], отнес к феномену «моральной экономики бедноты» [2, с. 182]. Выступления бедноты чаще всего были связаны с ценами на хлеб, но это были не только восстания против повышения цен. Природа этих волнений простого народа имеет куда более глубокие причины.

После повышения цен на хлеб, что происходило, как правило, в неурожайные годы, вспыхивали спонтанные и кратковременные волнения. Действия бастующих были основаны на их убеждениях о том, что законно, а что нет, что соответствует требованиям моральной экономики, а что не соответствует. Основные постулаты моральной экономики были основаны на традиционной форме социальных отношений. Зерно следовало продавать там, где оно было произведено, неоднократно слухи о том, что зерно в конце XVII – начале XVIII в. тайно вывозилось во Францию вызывали недовольство или же полноценные восстания. Также народ негативно относился к деятельности посредников, перекупщиков, поскольку те, как считал простой люд, действовали лишь в своих личных, корыстных целях, ради собственной выгоды, в то время как честные пекари и фермеры трудились для общественной пользы. В формирующихся условиях свободного рынка такие правила часто ставились под сомнения. В соответствии с учением Адама Смита, известнейшего экономиста XVIII в., торговля должна осуществляться и развиваться путем естественного взаимодействия спроса и предложения [3, с. 57]. Однако, как отмечает Томпсон, память народа, если говорить о его малообразованных слоях, очень сильна. По этой причине люди, которые сами не участвовали в протестах, тем не менее, относились к бастующим снисходительно или даже положительно.

Народ был уверен в своей правоте и готов был бороться за нее. В свою очередь джентри хотели сохранить свои патерналистские права в отношении крестьян. Это проявлялось, прежде всего, в неприятии свободных наемных рабочих, которых джентри считали бездельниками и тунеядцами. Два полюса одного общества, столь отличных друг от друга, тем не менее нуждались друг в друге и поддерживали традиционные формы социально-экономических отношений.

Моральная экономика в этой связи выступает как часть целостной плебейской культуры. Эта культура представляет собой комплекс определенных ритуалов, традиций и праздников, отличных от общепринятого календаря. Например, каждый нерабочий понедельник мужчина мог использовать для траты всего заработанного за неделю. В данном случае можно говорить о традиции, не зафиксированной ни в каких документах, но действовавшей и исполнявшейся беспрекословно. По какой причине еще несформировавшемуся в полной мере классу удалось обрести свою собственную культуру? Это объясняется, прежде всего, недоверием к церкви, которая не отворачивалась от крестьян, но в то же время, защищала права джентри и аристократов. В результате такого влияния церкви, народ не смог обрести иной способ рефлексии и проведения досуга. Простому народу было недостаточно размышлений о том, в каком месте он окажется после смерти. Ведь то, что интересовало его сейчас — это крыша над головой и еда на обеденном столе, поэтому он так яростно боролся с новой формирующейся экономической системой.

Плебейская культура не носила политического или революционного характера. Народ пытался сохранить традиционные формы экономических отношений: торговля без посредников, прямое поступление зерна в пекарни, а затем на продажу. Все новое при этом воспринималось, как неизвестное, а значит, неправильное, чуждое, можно сказать, безнравственное. Напрашиваются аналогии с деятельностью луддитов, которая разворачивалась веком позже [1, с. 57]. Так же, как луддиты в XIX в. разрушали ткацкие станки, сторонники моральной экономики боролись с посредниками и перекупщиками. Восстания луддитов властям удалось жестко и довольно быстро пресечь, а вот борьба за моральную экономику продолжалась почти весь XVIII в. По мнению Томпсона, возникновение рабочего класса в Англии надо рассматривать не как феномен, автоматически возникающий в ответ на изменения в экономике, в частности, в промышленности, а как развитие целостной, постепенно формирующейся группы людей, активно участвовавшей во всех социально-экономических процессах и часто бросающей им вызов.

И именно вера в моральную экономику становится основой политических амбиций нового класса – класса современных рабочих. Моральная экономика поможет сформировать новую культуру рабочего класса Англии, благодаря которой ее носители будут бороться уже не за прошлое, связанное с традиционализмом, а за будущее.

Научный руководитель Д. В. Козлов

Литература

1. Мортон Л. А., Тэйт Дж. т История английского рабочего класса 1770–1920 / пер. с англ. Н. И. Чернявской. М. : Изд-во иностр. лит., 1959. 418 с.
2. Оболенская С. В. Э. П. Томпсон. Плебейская культура и моральная экономика. Статьи из английской социальной истории XVIII и XIX вв. // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах / сост. Е. М. Михина. М., 1996. 255 с.
3. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Соцэкгиз, 1962. 655 с.
4. Thompson E. P. The Moral Economy of the English Crowd in the XVIII Century // Customs in Common: Studies in Traditional Popular Culture. New York, 1971. P. 185–258.

К. Д. Дементьева

Иркутский государственный университет

РОССИЯ И ПОЛЬША: ДОЛГАЯ ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Русско-польские отношения – специфические, с точки зрения их тысячелетней истории, межгосударственные отношения. Россия и Польша являются славянскими государствами, а также странами, которые на протяжении всей истории существования, будучи соседями, постоянно взаимодействовали. Однако на разных этапах отношения между странами были достаточно противоречивы, а потому для понимания сегодняшних сложностей важно изучение корней этих противоречий.

Изучая историю Польши или России, можно заметить влияние стран друг на друга. Ярким примером является польская интервенция XVII в., которая неразрывно связана с историей смутного времени в России. В качестве примера можно привести также то влияние, которое СССР оказывал на Польшу в рамках социалистического лагеря в ходе холодной войны.

В истории русско-польских отношений можно выделить ряд определяющих дат и событий: X–XI вв., когда русские князья пользовались помощью Польши для утверждения на великокняжеском престоле; заключение Кревской (1385 г.), а затем Люблинской (1569 г.) уний и их последствия; польская интервенция XVII в.; русско-польская война 1654–1667 гг.; разделы Польши 1772–1795 гг.; период существования Царства Польского в составе Российской империи и период совместного существования в рамках социалистического блока во второй половине XX в.

История русско-польских отношений начинается в X–XI вв. с династического брака Святополка и польской княжны, дочери Болеслава I Храброго, а затем обращения его за помощью к полякам в ходе борьбы за Киевский престол.

В конце XIV в. Кревская уния объединила Польшу и Великое княжество литовское под властью одного правителя: литовского князя Ягайло. В этот период начинаются взаимные территориальные притязания России и Литвы, а значит, и союзного государства. В 1569 г. между Великим княжеством литовским и Польшей была заключена Люблинская уния, создавшая сильное единое государство – Речь Посполитую. В ходе Ливонской войны Речь Посполитая демонстрирует свой потенциал, и в 1583 г. Россия терпит поражение, отказавшись от ливонских и белорусских земель.

Следующий период – польская интервенция XVII в., одной из главных причин которой было желание польского короля распространить католическую веру и, тем самым, подготовить почву для усиления геополитических позиций на востоке. В 1604 г. армия Лжедмитрия I, тайно поддерживаемая польским королем, приблизилась к границам Московского государства. Этот конфликт затянулся на долгое время, и по некоторым источникам вторжение поляков стало одной из причин смутного времени в России [5, с. 285]. Долгое время Сигизмунд III претендовал на российский престол и даже смог заключить договор с русскими боярами об утверждении своего сына в качестве русского князя в 1613 г. Однако поставленные боярами условия (например, о незыблемости православия) не были приняты поляками. Русско-польские отношения начала XVII в., таким образом, определяются вмешательством Речи Посполитой во внутренние дела России и последующими военными столкновениями между двумя государствами.

В середине и второй половине XVII в. страны вступают в спор по поводу украинских территорий [2; 5, с. 313]. Одновременно с этим Россия и Речь Посполитая соглашаются на создание военной

коалиции в случае угрозы со стороны Швеции. Такие условия делают русско-польские отношения в середине XVII в. достаточно сложными и противоречивыми.

Следующий важный этап в развитии отношений двух государств – разделы Речи Посполитой 1772–1795 гг. В XVIII в. последняя находилась в шатком положении на международной арене в силу затяжного политического кризиса. Поэтому уже в 1772 г. Россия, Австрия и Пруссия подписали договор о разделе польских земель, по которому Россия получила Восточную Белоруссию. Второй раздел Речи Посполитой связан с внутренним конфликтом 1792 г. между сторонниками новой Конституции, которая была принята с целью укрепить королевскую власть и ослабить власть шляхты и магнатства, мешавшую централизации государственной системы, и Тарговицкой конфедерацией, защищавшей традиционные шляхетские привилегии. Вмешательство в конфликт внешних сил, включая Россию, предопределило дальнейшее ослабление Речи Посполитой и отчуждение ее территорий в пользу России и Пруссии. Поводом для третьего раздела Польши стало национальное восстание против оккупировавших страну соседей. Восстание закончилось полным лишением поляков суверенитета, и Польша окончательно потеряла свою государственность [5, с. 431–461].

XIX век – период жесткого контроля над территорией разделенной Речи Посполитой со стороны России. После поражения Бонапарта в Отечественной войне 1812 г. Герцогство Варшавское было разделено между несколькими странами, в том числе Россией, которая смогла «под своим крылом» образовать Царство Польское. Несмотря на проведенные Александром I либеральные реформы, к 1830 г. в Польше распространяются антироссийские настроения. Польские восстания 1830–1831 и 1863–1864 гг. закончились неудачей, что привело к ужесточению режима управления и политике русификации в Царстве Польском [5, с. 491].

Период 20-х. г. XX в. знаменуются попытками поляков создать централизованное суверенное государство. В это время. отношения между СССР и Польшей заметно усложнились. В Польше главенствовали антисоветские идеи, причинами которых были идеологическая ориентация СССР, а также давние территориальные и межнациональные споры, поэтому в отношениях с Советским Союзом некоторое время Польша поддерживала сторону нацистской Германии [4].

В послевоенное время отношения между Польской народной республикой и СССР стали более теплыми, так как страны придержи-

живались единой идеологии, представляя социалистический лагерь. В 1955 г. был подписан договор о дружбе и взаимной помощи, что обусловило создание Организации Варшавского договора. Кроме того, советское и польское руководство смогли договориться о поставках угля и выплате государственных долгов. Таким образом, к 1980-м гг. [5, с. 579] Польша стала страной, которая играла ключевое геополитическое, военно-стратегическое значение для Советского Союза, потому что связывала СССР с ГДР, на ее территории находилось советское ядерное оружие.

В 1980 г. возникли предпосылки к охлаждению отношений. Москва постепенно отдалялась от польских дел, в то время как в Польской Народной Республике проводились либеральные реформы. Демократические изменения в ПНР стали рычагом для ликвидации ОВД и СЭВ (Совета экономической взаимопомощи). В то же время, именно «новое политическое мышление» М. С. Горбачева привело к пересмотру отношений с Восточной Европой и сделало возможными демократические преобразования в странах советского блока. С 1989 г. новая Польша предпочитала ориентироваться на Запад, в то время как Советский Союз надеялся на русско-польское сотрудничество.

С 1990-х гг. российско-польские отношения приобрели характер сугубо экономических отношений, главным образом по поводу поставок энергетических ресурсов, например, нефти и газа. К 2010 г. между РФ и Польшей выстроился взаимовыгодный обмен товарами и ресурсами, а также немалую роль, в качестве новой сферы межгосударственного взаимодействия, стали играть бизнес-инвестиции и расширение деятельности ТНК (например, LPP, Solaris и др.) [1, с. 586]. Однако до начала 2010-х гг. странами предпринимались попытки политического диалога: ряд взаимных визитов государственных представителей и лидеров, открытие архивных документов, обсуждение дальнейшего сотрудничества. В течение же последнего десятилетия возможности для выстраивания политического диалога значительно сократились. Страна поддерживаются культурные и экономические связи, но присутствуют и «подводные камни», тормозящие развитие двусторонних отношений. Ярким примером являются требования Польши раскрыть все засекреченные материалы, связанные с Катынской трагедией, и отказ от ответственности за нее со стороны официальных российских властей [3].

Русско-польские отношения последнего десятилетия можно охарактеризовать как достаточно трудные: в польских СМИ преобладает антироссийская риторика, в то время как РФ в большей степени проявляет безразличие к делам своего соседа. Польша и РФ поддерживают взаимные санкции и между ними до сих пор возникают споры по поводу истории. Стабильные отношения возможны при желании избежать политического конфликта, а желание в данном случае еле заметно.

Научный руководитель Н. Е. Уткина

Литература

1. Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях : монография / В. Г. Барановский [и др.] ; под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений, Фонд «Экономическое развитие высшей школы». М. : Аспект Пресс, 2010. 824 с. URL: https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2017_belye_pjatna.pdf (дата обращения: 22.09.2021).
2. История России, русско-польская война 1654–1667 // История России. URL: <https://istoriarusi.ru/> (дата обращения: 22.09.2021).
3. Лисякевич Р. Зигзаги польско-российских отношений в посткоммунистический период // Современная Европа. 2019. № 7. С. 38–48. URL: <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2019/7–2019/5.pdf> (дата обращения: 07.10.2021).
4. Советско-польские отношения накануне и во время Второй мировой войны // Военно-политическое обозрение. 2020. URL: <https://www.belvpo.com/16762.html/> (дата обращения: 23.09.2021).
5. Широкоград А. Б. Великие противостояния. Давний спор славян. Россия. Польша. Литва : монография. М. : Хранитель, 2007. 848 с. URL: <https://history.wikireading.ru/47872> (дата обращения: 20.09.2021).

А. Д. Ершов

Российский государственный гуманитарный университет

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В АВСТРИИ 1934 ГОДА

Особое внимание в докладе уделено гражданской войне в Австрии, проходившей между объединёнными силами социал-демократов, коммунистов, республиканского шуцбунда и партией «Отечественный фронт», которую поддерживали правительственные войска и силы хаймвера. Война продолжалась с 12 по 16 февраля 1934 г. Несмотря на то что это событие не приобрело колоссального масштаба, оно сыграло важную роль в укреплении австрофашизма. Гражданская война стала кульминацией в борьбе правых и левых сил в Австрии. Именно после гражданской войны в стране не осталось сил для сопротивления фашистам и нацистам.

Основной задачей доклада является изучение причин возникновения гражданской войны, установление причин поражения левых сил в гражданской войне и подведение итогов внутривнутриполитической борьбы в Австрии после описываемых событий.

Исходя из того, что австрийские представители левых партий были наиболее существенной и серьезной угрозой действующей власти, в начале мая 1933 г. Энгельберт Дольфус сначала издал указ о незамедлительном аресте левых функционеров, а затем окончательно запретил все политические объединения и партии, за исключением правящей. Правительство Христианско-социальной партии очистило органы исполнительной власти, а именно полицию, армию, жандармерию и пр., от представителей левых взглядов и «неблагонадежных элементов». Абсолютно во всех ветвях действующего государственного аппарата начинали значительно преобладать правые консерваторы, которые не могли не разделять позицию правящей партии.

После полного уничтожения парламентской системы и остатков демократии режим Дольфуса полностью контролировал положение в стране. Деятельность левых функционеров была сведена к минимуму, и они были вынуждены уйти в полное подполье. Однако, несмотря на все действия режима Дольфуса, социал-демократия всё ещё продолжала занимать высокие позиции в австрийской политике и иметь значительный вес.

Вместе с тем продолжалось бегство из страны огромного числа несогласных граждан, завершилось установление определенной государственной идеологии, которая, в свою очередь, оказала огромное воздействие на граждан страны и позволила практически безболезненно принять аншлюс с Германией.

Нужно отметить, что австрийцы видели в аншлюсе с Германией определенный выход из сложившейся после Первой мировой войны сложной ситуации. Даже учитывая все заслуги правительства Австрии, страна не обладала должным экономическим потенциалом, и многие современники считали ее без Венгрии и Чехии нежизнеспособной. К сожалению, для многих австрийцев запрет на аншлюс являлся условием, навязанным странами-победительницами, которые путем Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров ограничили свободу выбора и действий Австрии и Германии на данном историческом этапе.

Предпосылками установления правого диктаторского режима в Австрии стали очень быстро распространившиеся взгляды Хри-

стианско-социальной партии, которые подразумевали создание однопартийного государства под знаменами католической церкви. Речи Игнаца Зайпеля очень быстро распространялись и захлестнули значительную часть консервативного движения Австрии. Также эти взгляды разделяли деятели хаймвера, националистического военизированного объединения, близкого к Христианско-социальной партии. Основной силой этой армии были различные объединения и группы ветеранов Первой мировой войны, а также свой вклад сделали фрайкоры. Практически все эти объединения имели в распоряжении значительные запасы оружия, оставшиеся от разоруженной армии монархии.

Преемником Дольфуса стал Курт Шушниц, который был вторым председателем Отечественного фронта, но до 1936 г. ему приходилось делить власть вместе с Эрнстом Штарембергом, который являлся руководителем партии. Последующая судьба Австрии зависела от влиятельных соседей в лице Рима и Берлина.

Власть австрофашистов начала закрепляться в 1936 г., когда было заключено так называемое «июньское соглашение». В соответствии с этим соглашением, Германия гарантировала независимость Австрии и объявляла австрийский национал-социализм внутренним делом Австрии. По сути, это соглашение являлось реабилитацией нацизма. Также Германия потребовала освободить нацистских заключенных в Австрии. В обмен на поддержку независимости Австрия была обязана объявить себя «немецким государством».

В результате всего этого австрофашисты загнали себя в тупик. Правительство стало терять популярность, а оппозиция была полностью подавлена. На фоне этого доля австрийцев, поддерживающих аншлюс, росла. Экономические успехи Германии поражали австрийцев и казались неоспоримыми.

Уже в феврале 1938 г. состоялась встреча Адольфа Гитлера и Курта Шушница в Берхтесгадене. Во время проведения встречи имели место быть немецкие угрозы со стороны Гитлера о скором военном вторжении в Австрию. В итоге, Шушниц, не имея альтернативы, был вынужден уступить Гитлеру и ввести в правительство на должность министра внутренних дел австрийского национал-социалиста Артура Зейсс-Инкварт. На данном этапе все уже понимали, что единственной возможностью выхода из возникшего кризиса был референдум о сохранении независимости страны или аншлюс.

Научный руководитель Е. В. Пчелов

Литература

1. Абрамов К. П. Это не повторится: Из истории захвата Австрии гитлеровской Германией в 1938 г. М. : Соцэкгиз, 1961. 128 с.
2. Акунов В. В. Воспоминания об аншлюсе. URL: <https://proza.ru/2014/03/16/1337> (дата обращения: 01.06.2021).
3. Акунов В. В. Фрайкоры. Повесть о германских добровольцах. М. : Рейттаръ, 2004. 208 с.
4. Вальдхайм К. Австрийский путь. М. : Прогресс, 1976. 231 с.
5. Воцелка К. История Австрии. Культура, общество, политика. М. : Весь Мир, 2007. 512 с.
6. Auster A. Ein Requiem in Rot-Weiß-Rot. Aufzeichnungen des Häftlings Dr. Auster. Amstutz. Zürich : Amstutz, Herdeg & Co., 1946.

Е. С. Кузнецов

Воронежский государственный университет

«АКТЫ ГЕНУЭЗСКИХ НОТАРИЕВ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ ГАЗАРИИ И ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

«Акты генуэзских нотариев, составленные в Каффе и в других городах Причерноморья в XIV–XV вв.» – обширный сборник исторических источников, составленный под редакцией С. П. Карпова большим коллективом авторов. Предполагается, что среди таковых источников можно найти данные, которые бы обогатили новой информацией исследования по проблеме торговых взаимоотношений генуэзских колоний Северного Причерноморья и Золотой Орды.

В силу своего географического положения черноморские колонии Генуи были теснейшим образом связаны с Золотой Ордой, а затем с ее государствами-преемниками. Проникновение Генуи в акваторию Черного моря началось с Нимфейского договора республики и Византийской империи 1261 г. и разрешения ханом Оран-Тимуром, племянником хана Золотой Орды Менгу-Тимура и правителем Крыма, основать колонию в Каффе в 1266 г. Среди значимых политических событий последовавших пятидесяти лет стоит упомянуть о войне Генуи и Венеции, отразившейся также и на Газарии. Кроме того, наследник Менгу-Тимура, хан Тохта, в 1307 г. атаковал Каффу и в следующем году взял и разорил ее [3, с. 87–88]. Разрыв отношений с Ордой продолжался вплоть до смерти Тохты в 1312 г. и воцарения хана Узбека. С его прощением генуэзцы вновь вернулись к посредничеству в торговле на Черном море [2, с. 207–210].

Именно к этому периоду относятся наиболее ранние из рассматриваемых в источнике актов – записи нотарииев Филиппо Фашето и Франческо да Сильва, датированные 1314–1315 гг. Однако они не способны предоставить информацию по основной теме, так как посвящены организации похода генуэзского флота из Симиссо для патрулирования Черного моря.

Следующие акты, принадлежащие различным нотариам, составлены уже в самой Каффе. Среди них находится два документа, которые могут пролить свет, с одной стороны, на работоторговлю в Каффе, а с другой – на торговлю обычными товарами. Это, во-первых, акт продажи неким греком Стилианом своего раба-кумана Боролата, датированный 6 декабря 1351 г. [1, с. 224]. Он показывает не только разнообразный этноконфессиональный состав населения Каффы, но и тесные торговые связи с Золотой Ордой, так как только из ее земель могли поступать рабы куманского происхождения. Далее в сборнике приводится акт завещания купца Бартоломео де Монтальдо от 12 августа 1366 г. [1, с. 226–229]. Среди прочего, он занимался транзитной торговлей рисом, импортируемым, скорее всего, из золотоордынских земель. Бесспорно, что основным поставщиком зерновых и других продуктов питания, за исключением средиземноморских культур, для Каффы и генуэзской черноморской торговли были земли под контролем монголов – степи Северного Причерноморья и Кавказа.

Последним из актов XIV столетия в сборнике, содержащим свидетельство о связанной с Ордой работоторговле, является расписка о перепродаже татарской рабыни Каталины, датированная 11 ноября 1394 г [1, с. 288–289]. Он входит в комплекс дел, который вел нотариий Бартоломео де Паверио в 1394–1395 гг.

Во втором разделе источника, посвященном документам XV в., также можно найти некоторые свидетельства связей Причерноморья и Орды, составляющие, впрочем, как и для предыдущего столетия, лишь небольшую часть от общего комплекса документов. Первым из нотарииев, чьи записи сохранились, является Джованни Бальби, который работал в 1402–1403 гг. Два его акта о сборе некоторой суммы денег для «торговли в районах Таны» датированы 25 июля и 22 августа 1403 гг. [1, с. 343–344]. Тана же, часть современного Азова, была настоящими воротами в монгольское государство, так как именно там происходили основными торговые сделки между монгольскими и европейскими купцами. Кроме того, Тана, в отличие от других частей Газарии, долгое время находилась внутри Орды под непосредственным управлением монгольского наместника Азака [4, с. 143–144].

Следующие акты этого раздела принадлежат нотарию Джованни де Лабайно, который работал в Каффе с 1410 по 1412 г. Ряд косвенных фактов в документе от 13 ноября 1410 г. договоре, которым регулируются денежные взаимоотношения Андреа де Кармо с торговым партнером его умершего сына, по операциям в Тане – свидетельствуют о частых сношениях этих купцов-партнеров с монгольскими торговцами [1, с. 393–395]. Вновь упоминание Таны мы встречаем в акте от 10 декабря того же года – в нем фигурирует переводчик из Таны Джакомо ди Негро [1, с. 401], который, судя по всему, специализировался на отношениях между европейцами и монголами. Кроме того, формулировка «для ведения торговли в Тане и Черном море» встречается еще раз в актах этого же нотариуса – в деле Амброджо Гримальди от 13 апреля 1412 г. [1, с. 454–455]. Кроме того, следует отметить, что в них под записью от 18 июня 1411 г. нашла свое отражение и работорговля, жертвой которой стал представитель подвластного Орде народа – алан – Антонино, бывший рабом некого Лукетто Грилло [1, с. 418].

После группы разрозненных актов и актов Мануэле Гранелло, увы, бесполезных для исследования заявленной проблемы, в источниках изложены документы за авторством нотариуса Терамо де Каstellацио. Из них интерес представляет лишь один, описывающий отъезд Анджело Джованни Скварчафико из Каффы в Геную по суше и датированный 19 июня 1473 г. Среди прочего имущества Анджело везет с собой 11 рабынь-славянок [1, с. 618–621], которые могли поступить в Каффу только через посредничество ордынских торговцев. Таким образом, этот акт является очередным косвенным свидетельством развитой работорговли в Причерноморье. Вскоре, впрочем, в Крыму многое изменится – уже через два года, в 1475 г., Каффа и побережье будут захвачены турками-османами [5, р. 267], а крымский хан Менгли Гирей станет вассалом султана Османской империи [3, с. 422–425].

Подводя итоги анализа сборника источников, необходимо сказать, что, в рамках исследования поставленной проблемы, приведенные в данном издании источники способны дать только ограниченное представление о ее сущности. Они предоставляют лишь ряд прямо или косвенно связанных с нею сведений и не формируют общей целостной картины. Поэтому считаем, что излагаемая этими документами информация неизбежно требует дополнения и расширения другими комплексами источников.

Научный руководитель Ю. В. Селезнёв

Литература

1. Акты генуэзских нотариусов, составленные в Каффе и в других городах Причерноморья в XIV–XV вв. / Карпов С. П. [и др.]. М. ; СПб. : Алтейя, 2018. 760 с.
2. Бартлетт Р. Становление Европы: Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры. 950–1350 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2007. 432 с.
3. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 479 с.
4. Почекаев Р. Ю. Азакский улус Золотой Орды: особенности правового положения транзитного центра на Великом Шелковом пути // Оазисы шелкового пути: исторические истоки интеграционных процессов в Евразии : материалы VI Междунар. Золотоорд. форума и круглого стола. Воронеж, 2020. С. 143–152.
5. Monumenta Hungariae Historica // Acta externa. Budapest, 1875–1878. Vol. 4, N 187.

М. С. Мищенко

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Иркутский государственный университет*

ИСТОКИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ КОФУН В ПЕРИОД МЭЙДЗИ

Период Кофун (III–VII вв. н. э.) в истории Японии – это время колоссальных перемен во всех сферах жизни общества, в результате которых на территории японского архипелага не только было основано государство Ямато, но и возникла воистину уникальная курганная культура, не имеющая аналогов во всем мире. Кофун переводится с японского как «древний курган». Эта форма погребений членов японской императорской семьи и наиболее знатных членов общества была распространена от острова Кюсю до севера острова Хонсю вплоть до начала VIII в. Императорские курганы, имевшие форму «замочной скважины», могли достигать в длину почти 500 м [8, с. 132]. Всего за период Кофун по разным оценкам было возведено от 10 до 20 тыс. курганов разных размеров и форм [1, с. 34].

В связи со столь широким распространением на территории Японии курганы с давних пор привлекали внимание японского народа. Однако объектом изучения кофун стали только в период Мэйдзи (1868–1912), когда позади были оставлены несколько веков сёгуната. В первую очередь возросший интерес к курганам был связан с необходимостью повысить престиж императорской власти на фоне разгоревшихся еще в конце периода Эдо (1603–1868) дискуссий о роли императора в жизни японского народа.

Представление об императорах, как о воплощении божеств и потомках солнечной богини Аматаэрасу, сложилось еще в период Кофун [2, с. 8]. Однако за период правления сёгунов представление народа о роли императора в жизни японцев и истории их страны претерпело некоторые изменения: в середине XIX в. многие социальные группы (низкораноговое самурайство, горожане, зажиточные крестьяне) были против реставрации монархии [2, с. 40]. По этой причине уже на закате эпохи сёгуната даймё Тода Тадаюки (1809–1883) собрал группу исследователей для изучения кофун, чтобы выявить последовательность возведения императорских захоронений и организовать реставрационные работы, что положило начало историческим исследованиям японской курганной культуры [7, с. 140].

В изолированной от внешнего мира еще с XVII в. Японии не могли самостоятельно появиться специалисты, способные заниматься изучением курганной культуры, опираясь на научную методологию. Даже работы описательного характера представляли собой огромную редкость, хотя результаты исследований курганов под руководством Тода Тадаюки были опубликованы Танимори Ёсиоми (1817–1911) в книге «Общие признаки императорских усыпальниц» [7, с. 140]. После окончания политики самоизоляции Японии в 1850-е гг., и особенно после реставрации Мэйдзи, на территории японских островов стали прибывать иностранцы, которые обладали необходимыми для исследования японской культуры навыками.

Одним из первых иностранцев, занявшихся исследованием кофун, стал Уильям Говланд (1842–1922), которого стали называть отцом японской археологии. По профессии Говланд был химиком; он 16 лет (1872–1888) проработал на императорском монетном дворе в городе Осака, в котором находятся скопления крупных императорских курганов в форме «замочной скважины». Несмотря на то что Говланд не был профессиональным археологом и историком, ему удалось не только исследовать несколько десятков кофун в Западной Японии, но и создать множество схем, планов, рисунков кофун, которые вместе с некоторыми артефактами из курганов были после возвращения на родину переданы им в Британский музей [5, с. 5–7]. Первая публикация Говланда о культуре Кофун вышла уже в Великобритании: в 1897 г. в журнале «Археология» Общества антикваров была опубликована работа «Дольмены и курганы Японии» [4, с. 17].

В начале XX в. У. Говланд прочел несколько лекций, посвященных периоду Кофун в истории Японии. Кофун он называл императорскими мавзолеями, а особое внимание уделял гробницам, обозначенным и охраняемым правительством Мэйдзи как места упокоения первых императоров Ямато и членов императорской семьи [4, с. 18]. Вопрос о соотношении кофун с конкретными правителями древней Японии (в том числе с легендарными императорами) был спорным, так как точно определить личность захороненных было невозможно. Правительство Мэйдзи произвело соотношение крупнейших курганов в виде «замочной скважины» и правителей, описанных в первых японских письменных хрониках «Кодзики» и «Нихон сёки», скорее, для того, чтобы лишний раз подчеркнуть, насколько важна была фигура императора для японского народа, чем для установления истины.

Эрнест Сатоу (1843–1929), британский ученый и дипломат, также в известной мере занимался изучением культуры Кофун в конце XIX – начале XX в., находясь в Японии на дипломатической службе. В дневниках Сатоу осталось немало сведений о состоянии кофун в японских городах и мерах, принимаемых правительством Мэйдзи для их сохранения [3, с. 370]. Сатоу поставил проблему отсутствия литературы, посвященной кофун: в личной переписке за 1882 г. он упоминает, что не встречал книг, где были бы представлены описания японских погребальных курганов, хотя их немало в городе Нара и в Сакаи [6, с. 69].

У. Говланд и Э. Сатоу заложили основы для развития исторических исследований курганной культуры в Японии. Вслед за иностранными специалистами в Японии начинают появляться собственные археологи, антропологи и историки, занимающиеся изучением культурного достояния эпохи Кофун. Основной проблемой, с которой столкнулись ученые в самом начале своего пути, стал запрет на раскопки императорских курганов с 1874 г., в связи с чем культуру Кофун были вынуждены изучать по материалам раскопок небольших курганов местной знати.

Среди первых японских исследователей курганной культуры стоит отметить Цубои Сёгоро: (1863–1913), получившего биологическое образование в Токийском университете и с конца XIX в. занимавшегося сравнительным анализом погребальных камер и погребального инвентаря, найденного в курганах. Цубои Сёгоро: провел три года за границей, приобретая исследовательский опыт в Великобритании и Франции, что помогло ему в поиске методов

для изучения японской культуры [7, с. 143]. Таким образом, методология исследования кофун, воспринятая у иностранных ученых, на японской почве быстро приобрела собственные черты и получила мощное развитие в XX в.

Научный руководитель Л. В. Курас

Литература

1. Иофан Н. Культура древней Японии. М. : Ломоносовъ, 2020. 224 с.
2. Сила-Новицкая Т. Г. Культ императора в Японии: мифы, история, доктрины, политика / Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения. М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1990. 206 с.
3. A Diplomat in Japan. In two parts. Part 2. The Diaries of Ernest Satow, 1870–1883. Morrisville : Lulu Press, 2010. 528 p.
4. Edgington-Brown L. The international origins of Japanese archaeology : William Gowland and his Kofun collection at the British Museum. Norwich : University of East Anglia, 2016. 425 p.
5. Harris V., Kazuo Goto. William Gowland: The Father of Japanese Archaeology. Tokyo ; London : Asahi Shinbunsha ; British Museum Press, 2003. 199 p.
6. Sir Ernest Satow's Private Letters to W. G. Aston and F. V. Dickins: The Correspondence of a Pioneer Japanologist from 1870 to 1918. Morrisville : Lulu Press, 2010. 346 p.
7. Кофун дзидай-но кэнкю = Исследования периода Кофун. В 13 т. Т. 1. Со:рон. Кэнкю:си = Введение. История изучения. Токио : Ю:дзанкаку сюп-пан, 1993. 169 с. (на яп. яз.).
8. Мидзуно Масаёси. Тэнно рё: : со:ран = Захоронения императоров : общий обзор. Токио : Синдзинбуцу:райся, 1994. 481 с. (на яп. яз.).

СЕКЦИЯ

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ:
ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

К. М. Бобров

Иркутский государственный университет

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПОВЕСТКЕ
ГЕНЕРАЛЬНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО
КОНСОРЦИУМА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Актуальность политической коммуникации как феномена в современном научном сообществе имеет особое значение. Причина очевидна – современные социальные отношения трансформируются под влиянием развития и распространения информационных технологий, а следовательно, меняются формы взаимодействия населения и политических акторов. Политическая коммуникация в условиях информационного общества приобретает всё большее значение.

С 2001 г. по 2021 г. Европейский консорциум политических исследований организовал 15 генеральных конференций. Политическая коммуникация нередко становилась не просто объектом обсуждения, но и тематикой отдельных секций и целых направлений. В сентябре 2003 г. Генеральная конференция Европейского консорциума политических исследований (ЕСPR) проводилась в Марбурге. Вопросам политической коммуникации была посвящена секция «Политическая коммуникация и средства массовой информации», в рамках которой были проведены заседания восьми панелей: 1. «Будущее государственного вещания в Европе»; 2. «Политики и пресса: От сотрудничества к противостоянию?»; 3. «Переход к развлекательному характеру политической информации»; 4. «Полити-

ческая реклама в Европе»; 5. «Как СМИ, помимо определения ежедневной повестки, влияют на общественное мнение и процесс голосования»; 6. «Сравнительные перспективы медиафрейминга»; 7. «Консенсус и разнообразие в персональной коммуникации»; 8. «Представления Европы: влияние освещения европейской политики в средствах массовой информации на легитимность и демократию в ЕС» [1].

Особо важной темой обсуждения в рамках представленных панелей стали такие сравнительно новые явления, как использование сети интернет в политической коммуникации и использование медиафрейминга в политических целях. Основной фокус докладов этой конференции в рамках рассматриваемой тематики – определение характера взаимодействия политической коммуникации и СМИ.

В августе 2011 г. в Рейкьявике на конференции была организована работа секции «Политическая коммуникация», на которой анализировался ряд проблем, связанных с коммуникацией различных субъектов политической жизни в современных европейских государствах. Так, на конференции определялась роль СМИ в политической коммуникации как роль центрального игрока, а также ставились вопросы о дифференциации подхода в информировании общественности со стороны СМИ. Особое внимание докладчиков привлекла тема использования политическими акторами новых информационных технологий в качестве средства вовлечения в политическую жизнь общества новых участников или мобилизации уже существующей аудитории [2].

Вопросы взаимодействия интернета и политики стали предметом изучения секции «Политическая коммуникация» на конференции ЕСРР в 2014 г., проводившейся в Глазго. Председателем секции выступил Даррен Лиллекер из Борнмутского университета, а вице-председателем стал Петер Ван Альст из университета Антверпена. Трансформация традиционной тематики конференций в области политической коммуникации происходит по линии повышения внимания к конкуренции между классическими СМИ и новыми «интернет-СМИ» в лице социальных сетей. Так, на конференции был проведён системный анализ эмпирического опыта политической коммуникации при помощи социальных сетей (в особенности «Twitter»). Ещё одним интересным аспектом стало обобщение современного опыта политической коммуникации на примере взаимодействия политических акторов и СМИ в ходе референдума о независимости Шотландии [3].

Особо колоритное название секции «Политическая коммуникация на распутье», посвящённой вопросам политической коммуникации, появляется на конференции 2015 г. в Монреале. Председателями секции выступали Маарья Люхисте (университет Ньюкасла) и Мария Лаура Судулич (университет Эссекса). Программа секции строилась на обсуждении крайне острой проблематики: 1. влияния новых СМИ на демократию в информационном пространстве; 2. взаимодействия политических элит и общества в интернет-пространстве; 3. информационного изобилия и его последствий [4].

На конференции в Осло в 2017 г. в рамках заседания секции «Анти-политика и политика постправды – это лицо новой политической коммуникации?», под председательством тех же Марии Лауры Судулич и Маарьи Люхисте, рассматривается опыт политической коммуникации в ходе президентских выборов в США в 2016 г. Исследователи ставят острый вопрос о влиянии дезинформации в социальных сетях на ход политической кампании и весь характер современной политической коммуникации. Особый вопрос, волнующий участников конференции – «Утрачивают ли избиратели компетентность?» [5].

В 2018 г. в Гамбурге на заседании секции «Упадок гейткипинга? Политическая коммуникация в тяжёлые времена» подводится черта под трансформацией исследовательских подходов к изучению политической коммуникации – новые технологии ставят под угрозу саму суть политической коммуникации, что выражается во всё более популистском характере ведения политических кампаний в информационном пространстве при помощи новых технологий. Так, если в 2017 г. лишь ставился вопрос «Наступила-ли эпоха постправды?», то в Гамбурге исследователи констатируют, что изучают особенности политической коммуникации в эпоху постправды [6].

Системный анализ программ генеральных конференций Европейского консорциума политических исследований, как одной из ведущих мировых ассоциаций исследователей в области политики, позволяет сделать вывод о трансформации характера взаимодействия СМИ, интернет-СМИ, политических акторов и общественности на протяжении последних двадцати лет. Так, если в 2003 г. на конференциях только обсуждались перспективы развития политической коммуникации с появлением и распространением такого инструментария как интернет, то к середине второго десятилетия XXI в. интернет-СМИ уже рассматриваются как оказывающие большое влияние на политические процессы в Европе и США, а к

началу второго десятилетия XXI в. ведущие европейские исследователи опасаются того, что прежняя политическая коммуникация исчезнет под давлением социальных сетей и новых политических технологий. Таким образом, мы можем сделать вывод и о кардинальном изменении предмета исследований, представлявшихся на генеральных конференциях ЕСРР в области развития и трансформации политической коммуникации в XXI в.

Научный руководитель М. Л. Рыбалко

Литература

1. ECPR: Political Communications and the Media. 2003. URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/SectionDetails/317> (дата обращения: 29.09.2021).
2. ECPR: Political Communication. 2011. URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/SectionDetails/126> (дата обращения: 30.09.2021).
3. ECPR: Political Communication. 2014. URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/SectionDetails/243> (дата обращения: 01.10.2021).
4. ECPR: Political Communication at Cross-Roads. 2015. URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/SectionDetails/441> (дата обращения: 02.10.2021).
5. Are Anti-Politics and Post-Truth the New Face of Political Communication? 2017. URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/SectionDetails/688> (дата обращения: 03.10.2021).
6. The Decline of the Gatekeepers? Political Communication in Challenging Times. 2018. URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/SectionDetails/723> (дата обращения: 04.10.2021).

В. С. Волков

Иркутский государственный университет

СОВРЕМЕННАЯ ИРКУТСКАЯ ЭЛИТА: ФАКТОРЫ КОНФЛИКТНОСТИ

Иркутская область представляет интерес для изучения из-за конкурентной местной политики. Во многом это связано с особенностями взаимодействия элит разных уровней в регионе. Из-за большого объема и разнообразия ресурсов, находящихся на территории области (золото, нефть, газ, уголь и др.) регион находится на пересечении интересов крупных федеральных групп, что порождает политические конфликты [3, с. 499]. Местной элите приходится встраиваться в конфигурацию противоборства, так как «федералы» стараются ради получения преимущества сформировать коалицию с «регионалами». При этом некоторые из федеральных

групп имеют «родственные» связи в Иркутской области, что позволяет им использовать уже имеющиеся позиции для сохранения региона в орбите своих интересов. Классическим примером борьбы федеральных групп в области являются выборы 2001 г., в ходе которых поддержанный РУСАЛОм Б. А. Говорин противостоял ставленнику компании «Интеррос» В. Е. Межевичу [5, с. 25].

При наличии большого количества муниципалитетов и высокого уровня урбанизации области элитарные разногласия получили свое развитие в формировании противостояния «городских» и «районных» групп. «Богатые» (города) хотят добиться перераспределения средств таким образом, чтобы большая часть их денег оставалась в городских бюджетах и шла на собственное развитие, а не на поддержку «бедных» (районов) [6].

Сильная урбанизация области также является причиной складывания определенных городских групп элиты (противостояние «иркутских» и «братских»), что переходит в систему взаимоотношений «север – юг». Более развитый в инфраструктурном плане, получающий больше средств и бюджетных программ «юг» области противостоит находящемуся в кризисе «северу». Примером такой борьбы может служить попытка закрепления «братчанина» Серебрянникова в г. Иркутске во время выборов мэра в 2010 г. при поддержке правительства губернатора С. Ф. Мезенцева. Результатом действий стало сильное противодействие иркутской элиты «чужаку», что привело к победе кандидата от КПРФ («своего») В. И. Кондрашова [5, 38].

Риски возникновения элитарного конфликта по линии глава области – мэр областного центра остаются возможными в регионе. Мэр Иркутска не раз становился лидером оппозиции по отношению к губернаторам. Был выработан консенсус, но любое изменение в межэлитарных договоренностях может привести к возобновлению «войны между Серыми домами» [3, с. 496].

Системы взаимоотношений «север – юг», «Иркутск – Братск», «город – район» трансформируются на уровне региона в областную систему «свой – чужой», что проявляется в большинстве случаев в противодействии законодательной и исполнительной ветвей власти в регионе. В частности, речь идет о противостоянии губернатора А. Г. Тишанина и Законодательного Собрания Иркутской области по вопросам бюджета, назначения в правительство и т. д. [5, с. 32].

Разделение на группы наблюдается и в отраслевой сфере, где существуют условные «золотовики», строители, лесозаготовители

и т. д. Наиболее показательно влияние «строительного лобби», являющееся одним из главных акторов политического процесса в области в течение последних десяти лет. Несмотря на имеющуюся неоднородность и конкурентность, во многом группа выступает однородно в соответствии с позицией авторитетного лидера. И, конечно, сильную роль в политических процессах в области занимают силовые структуры. Громкие коррупционные дела, аресты, расследования и т. п. стали неотъемлемой чертой политической реальности области, являясь частью борьбы внутри элитарных групп [3, с. 499].

Современная иркутская элита пришла к состоянию складывания в регионе режима клановости, что, в частности, продемонстрировали выборы в 2019 г. в Думу г. Иркутска [2]. Под этим понятием стоит понимать систему взаимодействия корпоративно-семейных групп, которые обладают определенным властно-экономическим потенциалом, стремятся к обособлению и закрытию своей структуры для защиты, сохранения и передачи своих интересов и позиций в текущей политической реальности. В качестве одного из признаков этого явления можно назвать формирование политических династий, когда на первую роль выходит уже второе поколение их представителей. Дальнейшее взаимодействие элит в Иркутской области, и ее взаимоотношения с Москвой в лучшем варианте должны происходить через систему «центр – глава региона – кланы». Среднее звено в этой цепи должно стать с одной стороны арбитром и хранителем системы сдержек и противовесов в системе властных отношений в самой Иркутской области, а с другой – вести диалог с центром с позиции привлечения на территорию инвестиций для реализации инфраструктурных проектов развития. Попытку формирования подобной системы сейчас пытается предпринять текущий глава региона И. И. Кобзев [4].

Построение клановой системы станет важным шагом на пути прекращения политических войн в Иркутске. Во многом это связано с сохранением личностного фактора во взаимоотношениях внутри иркутских элит, где не происходит анализа политических рисков при начале тех или иных конфликтов, совершении определенных действия для укрепления своих властных позиций. Клановая система может стать сдерживающим противовесом в том числе к конфликтам, происходящим из амбициозности тех или иных акторов областного процесса.

Механизмы формирования элиты в Иркутской в целом не отличаются от общероссийской практики. Так же как и в других регионах, их рекрутирование происходит посредством:

- 1) карьерного продвижения (отбор);
- 2) занятия должностей при неформальной помощи (наследование);
- 3) выборной практики формирования легислатур (выборы);
- 4) неформальных практик в обмен на предоставление выгод (подкуп).

Основные типы рекрутирования остаются прежними даже несмотря на формирование клановой системы, но пропорционально снижается механизм выборной практики, в отличие от того же карьерного продвижения, которое хоть и становится более затруднительным, но остается важным каналом для пополнения элиты [1, с. 14].

Подводя итог, можно отметить, что в третье десятилетие XXI в. иркутская элита входит в состоянии незавершенности процесса создания клановой системы. Для региона это может стать неплохой базой для консолидации региональных элит при выстраивании отношений с центром, основой для прекращения политических войн в области. Таким образом, в регионе должен сложиться смешанный политический режим «сообщества элит, ведущих войну по правилам» [3, с. 493].

Однако многие проблемы остаются еще нерешенными и будут продолжать являться точками бифуркации элитарных конфликтов («север – юг», «Иркутск – Братск», «район – город», «свой – чужой»). К тому же остаётся актуальным вопрос взаимоотношений с финансово-промышленными группами (ФПГ) на территории области, которые могут выстраиваться как на основе сценария противостояния, так и в соответствии со сценарием выработки консенсуса. Сильная региональная элита во взаимодействии с федеральной может создать возможность привлечения и инвестирования значительных средств в область, в том числе в рамках создания крупных инфраструктурных проектов.

Научный руководитель М. Л. Рыбалко

Литература

1. Жуков Д. С., Сельцер Д. Г. Системно-динамическая модель рекрутирования региональной административно-политической элиты: симуляции и результаты // ProNunc. Современные политические процессы. 2018. № 2. С. 7–42. URL: <https://clck.ru/TSMMT> (дата обращения: 22.07.2021).
2. Клановая борьба и безразличие к избирателю: эксперты о позиционном балансе сил в Иркутске // ИА IrkutskMedia: сайт. 2019. 14 авг. URL: <https://clck.ru/TSGHc> (дата обращения: 22.09.2021).
3. Орлова И. В., Перфильев, Ю. С. Типологизация регионального политического режима Иркутской области // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. № 4. С. 491–502. URL: <https://clck.ru/UumXb> (дата обращения: 25.09.2021).

4. Перекроил команду: почему врио губернатора Кобзев сменил главу правительства и своего первого зама? // Региональные комментарии : сайт. 2020. 16 марта. URL: <https://clck.ru/TSGk7> (дата обращения: 22.09.2021).

5. Современная история Иркутской области: 1992–2012 годы. В 2 т. Т. 2, ч. 1 : учеб. пособие / [Ю. А. Зуляр и др.] ; под ред. Ю. А. Зуляра. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. 201 с. URL: <https://clck.ru/Uu4t3> (дата обращения: 19.09.2021).

6. «Уйти от раздачи слонов»: мэр Черемхово высказал своё мнение по поводу перераспределения денег муниципалитетам // ИА IrkutskMedia : сайт. 2021. 20 апр. URL: <https://clck.ru/Y2hUX> (дата обращения: 22.09.2021).

Н. С. Ганжа

Иркутский государственный университет

ЭФФЕКТИВНОСТЬ РАСХОДОВАНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ НА ПРЕДВЫБОРНУЮ АГИТАЦИЮ ИРКУТСКИМИ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ОТДЕЛЕНИЯМИ ПАРТИЙ «ПАРЛАМЕНТСКОЙ ЧЕТВЕРКИ» НА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ ВОСЬМОГО СОЗЫВА

Прошедшие выборы в Государственную Думу ещё долго будут служить предметом для анализа исследователей. Некоторые партии улучшили свой результат, некоторые ухудшили, однако все они тратили средства на агитацию из своих избирательных фондов. Выявление эффективности затрат в контексте итогового числа полученных голосов избирателей – цель настоящей работы.

Итоговых финансовых отчетов региональных отделений политических партий в открытом доступе пока нет, но есть предварительные данные на 16 сентября 2021 г. (т. е. на «день тишины», когда агитация в принципе запрещена), именно их и можно проанализировать. К сожалению, данные есть только по партиям «парламентской четверки» – это партии «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия – за правду».

Начнём с победителей гонки – с «партии власти». Партия «Единая Россия» в Иркутской области получила и потратила 35 млн руб. Из них 17,5 млн руб. это пожертвования от юридических лиц на сумму более 50 тыс. руб. 7 млн руб. поступило от «Иркутского фонда поддержки регионального сотрудничества и развития», ещё 7 млн руб. от «Национального фонда поддержки регионального сотрудничества и развития» и 3,5 млн руб. от «Бурятского фонда поддержки регионального сотрудничества и развития». Об остальных источниках финансирования информация отсутствует.

Основными статьями расходов являлись:

1) оплата других работ (услуг), выполненных юридическими лицами или гражданами РФ – 8 млн 17 тыс. 14 руб.;

2) выпуск и распространение печатных материалов, изготовление и распространение аудиовизуальных и других информационных материалов – 16 млн 199 тыс. 95 руб.;

3) предвыборная агитация через организации телерадиовещания – 3 млн 743 тыс. 45 руб.;

4) предвыборная агитация через сетевые издания – 101 тыс. руб.

Руководство регионального отделения партии отдало предпочтение «классическим формам агитации» – выпуску и распространению агитационно-пропагандистских материалов (АПМ), хотя немалые средства были пущены на агитацию на ТВ и радио. Результат партии по итогам выборов в Иркутской области – 244 554 голоса или 35,53 %. В итоге ЕР «потратила» примерно 143 руб. за голос.

Основной оппонент «Единой России» – «Коммунистическая партия Российской Федерации» имела гораздо более скромный бюджет – по данным избиркома партия получила и потратила 739 тыс. 63 руб. Единственное юридическое лицо, пожертвовавшее больше 50 тыс. руб. ЗАО «Байкал Консалтинг» (от них поступило 136 тыс. 30 руб.), также четверо граждан пожертвовали (на сумму, превышающую 20 тыс. руб.) в общей сложности 447 тыс. 10 руб. Остальные источники поступления средств не указаны. По итогам избирательной кампании за КПРФ проголосовали 191 469 человек (27,81 %). Следовательно, один голос за Компартию «стоил» около 3 руб. 85 коп.

«Либерально-демократическая партия России» потратила на выборы 300 тыс. руб., источники поступления средств не указаны. Все эти деньги были израсходованы на выпуск и распространение печатных материалов, изготовление и распространение аудиовизуальных и других информационных материалов. За партию было отдано 59 044 голоса (8,58%), это примерно 5 руб. за один голос.

Иркутское региональное отделение партии «Справедливая Россия – за правду» получило и потратило 16 млн 769 тыс. руб. Практически всю сумму (16 млн 634 тыс. руб.) партии пожертвовали 28 граждан РФ. Основные статьи расходов:

1) выпуск и распространение печатных материалов, изготовление и распространение аудиовизуальных и других информационных материалов – 12 млн 871 тыс. 53 руб.;

2) предвыборная агитация через организации телерадиовещания – 787 тыс. 20 руб.;

3) предвыборная агитация через редакции периодических печатных изданий – 358 тыс. 80 руб.;

4) предвыборная агитация через сетевые издания – 113 тыс. руб.

Наиболее консервативный подход к агитации продемонстрировали эсеры, которые не только большую часть средств потратили на выпуск АПМ, но и единственные вложились в агитацию в периодических печатных изданиях. Эти усилия вылились в 45 948 голосов по итогам выборов (6,67%). Это даёт нам «цену» одного голоса за СРЗП в размере 364 руб. 95 коп.

Наиболее эффективно своими средствами распорядились коммунисты, «потратив» менее 4 руб. за один голос и получив в итоге второй результат в регионе. На втором месте расположились либерал-демократы с 5 руб. Единороссы и справедливороссы потратили большие суммы, однако это не вылилось в значительный приток голосов. «Цена» голоса у первых – 143 руб., а у вторых – почти 365 руб. Это может свидетельствовать о низкой эффективности распределения денежных средств в рамках иркутских региональных отделений. При этом можно наблюдать относительно невысокую «отдачу» от вложений в традиционные методы коммуникации (выпуск агитационных печатных материалов или оплата агитации на ТВ, радио и в газетах) по сравнению с итоговым результатом.

Научный руководитель М. Л. Рыбалко

Литература

1. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва. Текст: электронный // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации : [сайт]. 2021. URL: <http://www.irkutsk.vybory.izbirkom.ru/region/irkutsk?action=show&global=1&vrn=100100225883172®ion=38&prver=0&pronetvd=0> (дата обращения: 07.10.2021).
2. Сведения о поступлении средств в избирательные фонды региональных отделений политических партий и расходовании этих средств. Текст: электронный // Избирательная комиссия Иркутской области : [сайт]. 2021. URL: <http://www.irkutsk.izbirkom.ru/vybory-i-referendумы/vybory-2021/edg-19092021/vybory-deputatov-gd/finansirovanie-vyborov/> (дата обращения: 07.10.2021).

И. А. Григорьева

Иркутский государственный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Происходящие изменения в социально-экономической, политической, духовной сферах обусловлены многими факторами, которые находят отражение и в ценностных ориентирах граждан страны. Актуальными для изучения являются молодежные ценности, являющиеся своеобразным идентификатором развития общества. Проследить трансформацию ценностных установок можно с помощью анализа социологических исследований, проводимых на территории России. Цель статьи – проанализировать изменения ценностных установок студенческой молодежи в XXI в. Основной используемый метод – вторичный анализ данных.

Для анализа был выбран период с 2000 по 2020 г. Первое анализируемое нами исследование проводилось среди студентов городов Казани, Набережных Челнов и Нижнекамска в 2000, 2008 и 2016 гг. Выборка составляла 309 человек (177 девушек и 132 юноши), 303 человека (171 девушка и 132 юноши) и 291 человек (172 девушки и 118 юношей) соответственно. Социологические опросы показали возрастание значимости таких ценностей как: «сохранение среды обитания», «жизнь и безопасность человека», «истина», «справедливость», «семья», «разнообразие жизни» и «саморазвитие». Но противоположная ситуация наблюдалась для следующих приоритетов: «экономический и научно-технический прогресс», «благополучия и могущества родины», «красота», «мощь (сила)», «любовь», «дружба», «статус» [1, с. 935–936]. Таким образом, за промежуток времени с 2000 по 2016 г. молодежь стала больше ценить «внутренние» ценности («благополучие близких людей»), но меньше – «внешние» («благополучие и могущество родины»), что позволяет нам сделать вывод о снижении значимости политических ценностей.

Следующее анализируемое исследование проводилось среди студентов городов Пензы, Ульяновска, Саранска и Казани в 2010 и 2012 гг., выборка составляла 1254 человека. Рассматривая данные этих опросов, можно отметить, что за «два года несколько возросла ценность свободы и законности, но одновременно снизился идентификатор ценности работы для студенческой молодежи» [2, с. 294–

295]. В большей степени увеличилась роль семьи как базовой установки, что, возможно, обусловлено переживавшимся тогда кризисом духовности и нравственности. Необходимо отметить, что в 2010 г. среди студенчества выделялся запрос на правовую основу демократического государства («равенство всех граждан перед законом, независимость ветвей власти друг от друга, возможность влиять на действия чиновников, законность») [Там же]. По мировоззрению среди опрошенных студентов выделялись модернисты (43 %), традиционалисты (44 %) и представители смешанного типа (41 %). Это говорит о том, что взгляды на жизнь отвечают за формирование тех или иных ценностных установок, политических в том числе [Там же].

Таким образом, проанализированные исследования показывают, «что фундаментом ключевых ценностей студентов являлись: семья, жизнь человека, общение, затем шла свобода и законность. Все это связано с оптимизацией и улучшением уровня различных показателей жизнеобеспечения по стране, в том числе повышением качества жизни населения, обеспечения благоприятных условий для жизни, улучшения общественного положения и уровня удовлетворения социально-экономических и духовных потребностей» [Там же].

В 2017 г. в двух московских вузах (МГТУ им. Н. Э. Баумана, Московский филиал РМАТ) проводилось исследование о представлениях современных российских студентов. В ответе на вопрос о жизненных ценностях респондентов выделялись 17 критериев. Наибольшее значение имели: здоровье (42 %), власть (31,8 %), семья и дети (27,3 %), престиж и слава (21,6 %), общение (17,6 %). Наименьшим спросом пользовались профессионализм и мастерство (10,2 %), деньги и материальные блага (9 %), реализация способностей (8,2 %). Все это свидетельствовало о прочности традиционных ценностей в картине мира молодежи, включая здоровье [3, с. 153–154].

Таким образом, семейные ценности у опрошенных студентов занимают одно из главных мест, поскольку благодаря семье индивид может удовлетворить практически все базовые потребности. Последующие инструментальные ценности (власть, престиж, слава, деньги) имеют добавочный характер, так как на их основе можно успешно решить задачи интеграции в общество, приспособления к новой социальной среде, к ее требованиям и условиям. В том числе посредством ценностей происходит и профессиональная

адаптация молодежи в рамках получения среднего и высшего образования, участия в работе студенческих объединений (студенческих советов, профкома студентов, волонтерского движения и т. п.).

Следующим для анализа было выбрано исследование, проводившееся среди студентов Санкт-Петербургского политехнического университета им. Петра Великого с 6 мая по 17 июня 2017 г., выборка составляла 1500 респондентов. Опрос включал три блока тем: политическая активность молодежи и новые медиа; понимание и пути решения социально-политических проблем; политическая грамотность как фактор формирования патриотизма. Все блоки, так или иначе, можно соотнести с политическими ценностями. В соответствии с выводами исследования, в среде студентов присутствует тренд на изменение политической культуры с помощью новых медиа, так считали 49 % опрошенных. Кроме того, у молодежи есть потребность оказывать влияние на происходящие политические процессы в стране, эту позицию разделяют 42 % респондентов. Наконец, студенты имеют понимание о ключевых проблемах государства. Среди последних респондентами выделяются: экология (36 %), низкое качество судебной власти и неравенство людей перед законом (63 %), незаинтересованность чиновников в реформах (50 %), закрытость и неподотчетность власти (42 %) [4, с. 100–101].

Таким образом, исследование 2017 г. показало, что студенты города федерального значения (Санкт-Петербург) демонстрировали явный интерес к политике. Среди актуальных политических ценностей можно выделить свободу слова, возможность открыто выражать свое мнение и патриотизм. Необходимо отметить тот факт, что для студенческой аудитории важно развитие политической культуры, молодежной политики и политической коммуникации для своей социализации и включения в российские политические процессы.

В 2020 г. проводился всероссийский репрезентативный опрос среди молодежи в возрасте от 18 лет на предмет выявления политических ценностей, выборка составляла 1600 человек. Результаты исследования показывают, что наибольшее значение для молодежи имеют такие ценности как мир (72,6 %), права человека (72,2 %), безопасность (69,4 %), справедливость (67,9 %) и свобода (67,8 %). Эти ценности носят универсальный характер с точки зрения политической науки. Отрицательное или негативное значение у национализма (21,4 %), коллективизма (7,5 %), толерантности (6 %) и традиционности (5,4 %). Это, скорее всего, обусловлено менталитетом представителей российской молодежи, родители которых родились и выросли в СССР [5, с. 24].

Таким образом, политические ценности молодежи представляют пеструю и мозаичную картину. Это указывает на то, что ценностные установки в целом носят вербально-декларативный характер. Ключевым субъектом является государство, а не сама молодежь. Следовательно, она ожидает обеспечения безопасности жизни, законности, порядка и соблюдения прав и свобод человека. Необходимо отметить тот факт, что выделенные ценности уже сформированы и у них может быть изменено только содержательное наполнение. Саму систему ценностей индивида изменить невозможно.

Обобщая все результаты проведенных с 2000 по 2020 г. исследований, можно резюмировать, что такая ценность как безопасность жизнедеятельности остается актуальной для молодежи разных времен. На втором месте стоит собственное благополучие и забота о близких. Ценностные установки можно назвать семейными. Но начиная с 2017 г., у студенческой молодежи постепенно возрастает интерес к политической сфере и семейные ценности понемногу отходят на второй план. Возможно, это связано с выборами президента России 2018 г. В 2020 г. такая ценность как безопасность по-прежнему являлась одной из самых значительных. Это указывает на то, что собственная защита и сохранность окружающего выступают основой политических установок и ценностных ориентиров студенческой молодежи.

Научный руководитель Р. Ю. Зуляр

Литература

1. Алишев Б. С. Изменения в структуре ценностей студенческой молодежи в начале XXI века // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. 2016. Т. 158, кн. 4. С. 929–940. URL: <https://clck.ru/XqLh3> (дата обращения: 28.09.2021).
2. Кошарная Г. Б., Рожкова Л. В. Трансформация базовых ценностей современной студенческой молодежи // Вопросы современной науки и практики. 2012. № 3 (41). С. 290–296. URL: <https://clck.ru/XqMLu> (дата обращения: 28.09.2021).
3. Малолетнева И. В., Жираткова Ж. В., Элиарова Т. С. Трансформация ценностей студенческой молодежи: миф или реальность? // Вестник РМАТ. 2018. № 2. С. 150–155. URL: <https://clck.ru/XqMMx> (дата обращения: 28.09.2021).
4. Танова А. С., Обухова Ю. О., Танова А. Г. Трансформация политических установок и ценностных ориентаций студенческой молодежи Санкт-Петербурга // Коммуникология. 2019. № 3. С. 94–104. URL: <https://clck.ru/XqMRz> (дата обращения: 28.09.2021).
5. Селезнева А. В. Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. № 3. С. 20–32. URL: <https://clck.ru/VBfvs> (дата обращения: 29.09.2021).

А. А. Жохова*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова*

ПРОБЛЕМА «ГЕНДЕРНОГО РАЗРЫВА» В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Гендерная проблематика в политических процессах является важной темой в связи с сохранением и актуализацией проблем гендерного неравенства в начале XXI в. В работе акцент делается на особенностях политического процесса в либеральных западноевропейских государствах, для которых сохраняются тенденции «гендерных разрывов» в различных проявлениях [7, с. 50]. В современной политике дискриминация женщин во власти, отсутствие «политической» ставки на женскую долю населения проявляются в различных показателях не только политического участия, но и активного представительства женщин. Соответственно, возникает необходимость изучать причины «гендерного разрыва» и особенности его проявления с целью выявления способов предотвращения кризиса. В XXI в. устранение гендерных стереотипов и проявлений любого рода дискриминации по половому признаку в политических процессах современных государств рассматриваются с точки зрения культурного и интеллектуального развития наиболее развитых стран [4, с. 210–211], что подтверждает актуальность исследуемой проблематики.

Политический процесс в исследовании рассматривается не только в качестве совокупности политических событий и явлений, установлении определенных политических институтов, связанных между собой последовательно внутри единой политической системы, но также в качестве сочетаемых с этими событиями и явлениями различных действий разнообразных субъектов политики (в наибольшей степени влияющих на трансформацию установленной политической системы), борющихся за власть с целью реализации в обществе собственных интересов [1; 2, с. 61; 3; 9, с. 288; 11]. Необходимость исследования особенностей политических процессов стоит связывать, прежде всего, с перспективой реформирования политических институтов [11], что, в свою очередь, может обеспечить оптимальные модели политических систем с учетом мнения различных социальных групп [10, р. 1] и привести к минимизации последствий «гендерного разрыва».

С исторической точки зрения, вплоть до XIX в. в западных государствах женщины были ограничены в своих политических правах. В связи с возникновением идей о свободе и неотъемлемых правах человека в эпоху Просвещения и распространением либеральных идей в XIX в. в Великобритании, Франции, США, с конца XVIII в. можно говорить о начале самой яркой страницы в истории женских движений – суфражистском движении, борьбе за избирательные права женщин. Активная борьба женщин за их политические права, развернувшаяся преимущественно в XIX – начале XX в., стала отправной точкой для массовой трансформации политических систем многих развитых государств. В обстановке широкого подъема женского движения и принятия в ряде стран законодательства, наделявшего женщин правом политического голоса, электоральная судьба многих политиков, общественных движений и партий стала зависеть от мнения и голосов женщин.

Относительно XIX в., в течение которого женщины активно боролись за свои политические права, преимущественно в западноевропейском мире, XX в. стал важным, прежде всего, с точки зрения законодательного закрепления политического равенства полов. Однако после того, как женщины активно начали входить в высшие эшелоны власти и иным образом проявлять свою политическую активность и интерес к политике, стереотипы о женском лидерстве в политике не только не исчезли, но и усугубились [13, р. 64]. Такие тенденции были характерны для второй половины XX в. Эта проблема была связана с тем, что после иллюзии «успешного» завершения борьбы женщин за их права, тематика гендерного равенства перестала активно обсуждаться, и во многих развитых государствах ее значимость сошла практически на «нет». Вновь гендерная проблематика стала актуальной и обсуждаемой на Западе только в начале XXI в. в политических науках [12, р. 121–134], когда специалисты все чаще стали заявлять о том, что гендерное неравенство в политическом процессе продолжает существовать, стереотипы в обществе по отношению к женщинам-лидерам широко распространены, а имидж современного политика, в том числе, зависит и от его гендерной принадлежности, с чем связан ряд проблем, возникающих в политических системах развитых государств.

При изучении женского лидерства в политическом процессе необходимо понимать, что влияние гендерного фактора на формирование имиджа политика остается весьма высоким и в начале XXI в. Политическим имиджем можно считать стереотипный образ, выстроенный в ходе разработки программы действий и влияющий

на политическую карьеру любого лидера [5, с. 142]. Специфика формирования политического имиджа женщины-лидера заключается в более пристальном внимании к личной жизни женщины-политика, к ее внешнему облику и психологическому типу, а также к ее прошлому (до прихода в политику), образованию, происхождению.

О том, способны ли женщины управлять государством, а также о том, какими политическими лидерами они могут быть, до сих пор ведутся споры. Так, Г. Г. Силласте заявляет о том, что женщины являются самостоятельной силой и играют весомую роль в государственном управлении, в политических системах разных государств, а также в общественной жизни [8, с. 5–14]. Будучи совершенно отдельной социальной общностью, женщины являются не просто субъектом, но и движущей политической силой, т.к. во многих развитых странах в современном мире они обладают такими же возможностями влиять на политическую жизнь государства, как и мужчины. В частности, именно благодаря женскому электорату в политическую повестку включаются вопросы об интересах детей, улучшении условий выплаты алиментов, вопросы усыновления и т. п. [8, с. 5–14]. Хотя следует сразу оговориться, что присутствие женщин в высших политических эшелонах власти необходимо не только для решения «женских/социальных» вопросов, но и для решения общих проблем, связанных с экономической, межнациональной и политической перспективами, для гуманизации общества [6].

Таким образом, существующие гендерные проблемы в политических процессах остаются весьма значимыми для современных государств. Проблема неравного доступа участников политического процесса к высшим эшелонам власти в развитых государствах существовала вплоть до начала XX в. Только с этого времени можно говорить о предоставлении женщинам первых политических прав преимущественно в развитых государствах. Однако даже после того, как женщины начали активно занимать политические посты на рубеже XX–XXI вв., стереотипы о женском лидерстве лишь закрепились в общественном сознании, что повлекло за собой кризисные явления в современных политических процессах для современных развитых государств. Политический «гендерный разрыв» может стать причиной проявления различных проблем и привести к деградации политической системы.

Научный руководитель Н. С. Григорьева

Литература

1. Буржуазное общество в поисках стабильности / отв. ред. Галкин А. А. М., 1991. 267 с.
2. Дяттерев А. А. Основы политической теории: Учеб. пособие / Ин-т «Открытое о-во». М. : Высш. шк., 1998. 239 с.
3. Ильин М. В. Ритмы и масштабы перемен (О понятиях «процесс», «изменение» и «развитие» в политологии) // Политические исследования. 1993. № 2. С. 57–68.
4. Кавеев К. А., Пазинич Н. В. Политика гендерного равенства в скандинавских странах // Управленческое консультирование. 2009. № 4. С. 210–217.
5. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием [Manipulation of conscience]. М. : Эксмо. 2007. 490 с.
6. Нипорка Е. В. Общественное мнение о женщинах в политике: современная ситуация // Женщина в российском обществе. 2007. № 3. 4 с.
7. Салменниemi С. Гендерное равенство в скандинавских странах: случай Финляндии. // Женщины. История. Общество: Сборник научных статей под общей редакцией В. И. Успенской. Вып. 2. ОГУП «Тверское областное книжно-журнальное издательство», 2002. 320 с.
8. Силласте Г. Г. Женщины. Политика. Власть // Женщины – политика – власть (Материалы «Круглого стола») / Клуб «Реалисты» Информационно-аналитический бюллетень. М., 1996. № 18. С. 5–14.
9. Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов / А. И. Соловьев. М. : Аспект Пресс, 2006. 574 с.
10. Caren N. Political Process Theory. Blackwell Encyclopedia of Sociology. 2007. 5 p.
11. Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven and London : Yale University Press. 1968. 488 с.
12. Ritter G., Mellow N. The state of Gender Studies in Political Science // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 571(September, 2000). P.121–134.
13. Squires J. Gender in Political Theory. Cambridge & Malden, MA : Polity Press, 1999. 255 p.

ИНСТИТУТ ГУБЕРНАТОРА В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Губернатор как глава региона является главным политическим институтом, вовлеченным в региональный политический процесс. Этот институт за последние десятилетия подвергся значительной трансформации. Наибольшим изменениям подверглась сфера рекрутирования в губернаторский корпус. Так, на современном этапе модель рекрутирования менялась трижды. До 2005 гг. губернаторы избирались в ходе прямого, тайного и равного голосования. Это законодательно закреплялось поправками в Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [11]. С 2005 по 2012 г. губернаторы назначались законодательными органами субъектов РФ по представлению Президента России. Существующую с 2012 г. по настоящее время схему назначения можно охарактеризовать как модель прямых выборов с использованием «муниципального фильтра». Эта модель закреплялась № 40-ФЗ от 2 мая 2012 г. «О внесении изменений в ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» [10, с. 140]. По этому закону возвращались прямые выборы губернаторов, но вводились ограничения для кандидатов в связи с необходимостью прохождения муниципального фильтра.

К другому каналу формирования губернаторского корпуса в РФ можно отнести модель отбора управленцев, созданную куратором внутренней политики РФ С. В. Кириенко, при помощи управленческих конкурсов, таких как «Лидеры России». И если в Сибирском федеральном округе (далее СФО) социальный лифт пока не оказал влияния на губернаторский корпус, такой вероятности нельзя отрицать в будущем. Конкурс привел к изменениям в других регионах: благодаря ему главой Ямало-Ненецкого автономного округа стал Д. А. Артюхов, а главой Амурской области – В. А. Орлов [1; 12].

Благодаря изменениям в модели рекрутирования губернаторов, за последние два десятилетия в СФО можно было наблюдать исключительную ситуацию: наличие глав регионов, чье вхождение во

власть происходило совершенно различными путями. Здесь мы можем видеть таких губернаторов как А. С. Тулеев в Кемеровской области, В. М. Кресс в Томской области, Л. Н. Полежаев в Омской области, которые пополнили губернаторский корпус еще в 90-е гг. XX в., таких глав регионов как Ш. В. Кара-оол в Тыве и А. В. Бердников в Республике Алтай, которые пришли к власти уже в XXI в. [2–4; 8; 13]. Показательно, что всех перечисленных региональных лидеров можно назвать губернаторами-долгожителями. С другой стороны, в СФО можно выделить феномен Иркутской области, в частности, здесь можно наблюдать высокую сменяемость глав регионов. Так, с начала XXI в. в области сменились шесть губернаторов: Б. А. Говорин; А. Г. Тишанин; И. Э. Есиповский; Д. Ф. Мезенцев; С. В. Ерошенко; С. Г. Левченко [5, с. 123–126; 9, с. 883]. И. И. Кобзев, выигравший 18 сентября 2020 г. выборы, стал седьмым по счету [6].

Следующей особенностью, оказывающей влияние на формирование губернаторского корпуса в СФО в XXI в., можно назвать высокую протестную активность в регионе. В качестве примера можно привести: избрание на должность губернатора Иркутской области в 2015 г. коммуниста С. Г. Левченко; избрание главой Республики Хакасия В. О. Коновалова; конфликт губернатора Иркутской области А. Г. Тишанина и Законодательного Собрания области, которое закончилось отставкой губернатора [9, с. 883; 7; 14, с. 39].

Важным игроком, оказывающим влияние на губернаторский корпус в СФО, можно назвать федеральные промышленные группы (ФПГ). Большое многообразие природных ископаемых и ценных ресурсов делают регион привлекательным для ФПГ, и тем самым он становится ареной борьбы за сферы влияния, что не может не отражаться на губернаторском корпусе. Губернаторам приходится участвовать в борьбе ФПГ в регионе и лавировать между сложившимися лоббистскими интересами. Примерами здесь могут служить конфликт, произошедший на выборах в Иркутской области в 2001 г. в ходе которого губернатор Б. А. Говорин при поддержке РУСАЛа вошел в конфронтацию с В. Е. Межевичем, ставленником компании «Интеррос», а также столкновение главы Республики Алтай с представителями «Сбербанка». Последнее получило свое развитие в 2019 г., когда на форуме в Сочи зампред правления «Сбербанка» С. К. Кузнецов в присутствии федеральных министров раскритиковал А. В. Бердникова за провал федеральной целевой программы и обвинил администрацию Алтайской Республики в коррупции [14, с. 25; 15].

Таким образом, на территории СФО на протяжении двух десятилетий в совокупности выработались интереснейшие особенности, неполный список которых был приведен выше. При этом все выше-указанные аспекты накладываются как на этническое многообразие регионов СФО, так и на экономический контекст. Эти факторы, сложившись вместе, создали любопытную в политическом плане картину, которая повлияла на формирование института губернаторства в региональном политическом процессе, что делает изучение объекта весьма актуальным и заслуживающим дальнейшего внимания для будущих исследований.

Научный руководитель М. Л. Рыбалко

Литература

1. Артюхов Дмитрий Андреевич // ТАСС : сайт. 2021. <https://clck.ru/Y32Ab> (дата обращения: 30.09.2021).
2. Бердников Александр Васильевич. // ТАСС : сайт. 2021. URL: <https://clck.ru/Uum8i> (дата обращения: 10.04.2021).
3. Биография Амана Тулеева // ТАСС : сайт. 2018. 1 апр. URL: <https://clck.ru/SKL27> (дата обращения: 27.03.2021).
4. Биография бывшего главы Тувы Шолбана Кара-оола // ТАСС : сайт. 2021. 7 апр. URL: <https://clck.ru/UuZ7j> (дата обращения: 10.04.2021).
5. Зуляр Ю. А. История и политика иркутских постсоветских губернаторов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2-1. С. 121–128. URL: <https://clck.ru/UumS6> (дата обращения: 27.02.2021).
6. Кобзев Игорь Иванович // ТАСС : сайт. 2021. URL: <https://clck.ru/Uums7> (дата обращения: 28.09.2021).
7. Коновалов Валентин Олегович // ТАСС : сайт. 2021. URL: <https://clck.ru/Y2zC4> (дата обращения: 30.09.2021).
8. Кресс Виктор Мельхиорович // ТАСС : сайт. 2021. URL: <https://clck.ru/UugUX> (дата обращения: 10.04.2021).
9. Кынев А. В. Губернаторы в России: между выборами и назначениями. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2020. 1034 с. URL: <https://clck.ru/UuCn5> (дата обращения: 01.10.2021).
10. Кынев А. В. Феномен губернаторов-«варягов» как индикатор рецентрализации (опыт 1991–2018 гг.) // Полития. 2019. № 2 (93). С. 125–150. URL: <https://clck.ru/UuLD8> (дата обращения: 27.01.2021).
11. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федер. закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ // Гарант : справочная правовая система.
12. Орлов Василий Александрович // ТАСС : сайт. 2021. URL: <https://clck.ru/Y33qj> (дата обращения: 30.09.2021).
13. Полежаев, Леонид Бывший губернатор Омской области // Lenta.ru : сайт. 2014. URL: <https://clck.ru/UukvX> (дата обращения: 01.05.2021).
14. Современная история Иркутской области: 1992–2012 гг. В 2 т. Т. 2, ч. 1 : учеб. пособие / [Ю. А. Зуляр и др.] ; под ред. Ю. А. Зуляра. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. 201 с. URL: <https://clck.ru/Uu4t3> (дата обращения: 11.09.2021).
15. Топ-менеджер Сбербанка об алтайском губернаторе Бердникове: «Им наплевать на туризм, задача – освоить деньги» // МК.Ru : сайт. 2019 г. URL: <https://clck.ru/Uue6o> (дата обращения: 29.09.2021).

К. Р. Кузьминых*Иркутский государственный университет*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2000–2021 гг.

На сегодняшний день на территории Российской Федерации насчитывается более 12 тыс. особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ). Из них 298 – федерального значения, и более 11 тыс. регионального и местного. Начиная с 2010 г. их количество медленно уменьшается по ряду причин [2]. К числу особо охраняемых природных территорий федерального значения принято относить заповедники, национальные парки, заказники и памятники природы. ООПТ регионального и местного значения к этому перечню добавляют природные парки, дендрологические парки и ботанические сады, лечебно-оздоровительные местности и курорты. Актуальность изучения темы заключается в том, что в последние два десятилетия государство старается продвигать политику повышения экологической грамотности населения и сохранения природного наследия, а его главными помощниками в этом выступают ООПТ. Цель статьи вытекает из актуальности – выявить способы, с помощью которых государство на современном этапе содействует развитию основных сфер деятельности ООПТ.

Основная деятельность ООПТ развивается в четырех направлениях: охрана территории; научно-исследовательская деятельность; экологическое просвещение; познавательный туризм. Эти направления являются факторами развития ООПТ. Они управляются, контролируются и финансируются Министерством природных ресурсов и экологии РФ – основным специально уполномоченным органом, осуществляющим государственную политику в области охраны окружающей среды и природопользования [3].

Разберем отдельно каждый вид деятельности, в котором реализует себя и развивается любая ООПТ.

Охрана территории – одно из направлений деятельности ООПТ, в рамках которого осуществляется патрулирование территории, борьба с браконьерством, тушение лесных пожаров, проведение учетных работ, сбор научной информации, проведение профилактических бесед с местным населением и т. д.

Научно-исследовательская деятельность – основная сфера деятельности ООПТ, наряду с охраной территории. В рамках этого

направления производится определение состояния природных комплексов на момент образования ООПТ, отслеживание последующих изменений, изучение, мониторинг и инвентаризация флоры и фауны, допустимой антропогенной нагрузки на территорию, накопление научных знаний для последующей разработки методов и рекомендаций для сохранения, восстановления и приумножения уникальных природных комплексов.

Экологическое просвещение – это распространение, популяризация и повышение уровня экологической культуры, экологических знаний и ответственности населения. В основном это работа с подрастающим поколением, проведение эколого-просветительских акций и мероприятий, сотрудничество с образовательными организациями, разработка познавательного фото- и видео-контента, развитие волонтерства и др.

Познавательный туризм подразумевает создание экологических маршрутов, объектов инфраструктуры, с помощью которых возможно знакомство населения с экологией, природой, особенностями, проблемами, историей, уникальными объектами той или иной территории [1].

Каким образом государство способствует развитию этих направлений деятельности?

Первый аспект – экономический. Финансирование играет очень важную роль в работе ООПТ и осуществляется с использованием следующих пяти источников:

- государственный бюджет (государственное задание), то есть средства, выделенные государством на развитие в России именно сферы ООПТ;

- ФЦП (федеральная целевая программа) – целевые деньги для реализации определенных проектов, в рамках каждого из вышеперечисленных направлений деятельности ООПТ;

- внебюджетные (собственные) средства – деньги, заработанные ООПТ от продажи сувенирной продукции, оказания каких-либо услуг;

- пожертвования (благотворительные программы);

- гранты (Министерство природных ресурсов и экологии РФ, Правительство РФ организуют большое количество конкурсов, на которые можно подать проект развития какой-либо территории/исторически значимого места и т. д. и, защитив его должным образом, получить финансирование).

Второй аспект – политический. Например, национальный проект «Экология», реализуемый в период с 1 октября 2018 г. по 31 декабря 2024 г., включает в себя глобальные долгосрочные мероприятия, направленные на улучшение состояния водных и земных объектов, воздуха, развитие экологического туризма, сохранение и восстановление лесов и др. В рамках национального проекта «Экология» на территориях ООПТ государством проводятся масштабные экологические акции по сбору мусора, набирает популярность идея раздельного сбора и переработки отходов, осуществляются волонтерские проекты. Их участники не только определенный промежуток времени помогают в работе ООПТ, но и реализуют там свои идеи по увеличению эффективности их работы, обмениваются опытом для его дальнейшего использования в своем регионе [3].

Третий аспект – правовой. Вся деятельность и полномочия ООПТ целиком и полностью зависят от прав и обязанностей, которые возлагает на них государство с помощью ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» и других подзаконных актов. В каждой сфере допустимые полномочия ООПТ различны и их развитие проходит в рамках дозволенного [4].

Четвертый аспект – экологический. Под этим подразумевается территориальное расположение ООПТ. Вполне логично, что на территории с большим разнообразием реликтов/эндемиков/краснокнижных видов будет развиваться научная деятельность. А там, где есть уникальные объекты, разные природные зоны, контрастная флора и фауна – это познавательный туризм, экологическое просвещение. На ООПТ с высокой плотностью животных упор будет делаться на овладение передовыми технологиями в области охраны территории.

Таким образом, государство играет ключевую роль в развитии особо охраняемых природных территорий, так как для каждого из вышеперечисленных видов деятельности ООПТ требуется определенная финансовая поддержка, грамотное нормативно-правовое регулирование, без которого невозможна деятельность любого учреждения, ну и, конечно же, правительство страны должно быть заинтересованно в развитии данной сферы, принимать соответствующие политические решения и осуществлять необходимые реформы.

Научный руководитель Р. Ю. Зуляр

Литература

1. Байкальский государственный природный биосферный заповедник, Республика Бурятия : [офиц. сайт]. URL: <https://baikalzapovednik.ru> (дата обращения: 01.10.2021).
2. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2017 году». // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://gosdoklad-ecology.ru/2017/biologicheskoe-raznoobrazie/osobo-okhranyaemye-prirodnye-territorii/> (дата обращения: 01.10.2021).
3. Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации : [офиц. сайт]. Москва. URL: <https://www.mnr.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2021).
4. Об особо охраняемых природных территориях : федер. закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ (действ. ред.) // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/ (дата обращения: 01.10.2021).

А. А. Лунченкова

Иркутский государственный университет

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

В разные исторические периоды мировое сообщество сталкивается с вызовами, преодоление которых необходимо для успешного развития государств. Важным элементом в такой системе является сфера здравоохранения, ведь именно здоровье населения служит ключевым показателем экономического и социального развития любого государства, сфера охраны здоровья населения обеспечивает уровень национальной безопасности страны. Цель статьи – рассмотрение государственной политики в сфере здравоохранения на примере Иркутской области в настоящее время.

Государственная политика в сфере здравоохранения представляет собой многоступенчатый процесс, основанный на выявлении и анализе проблем, и последующей целенаправленной деятельности органов власти, ориентированной на решение проблем и достижение общезначимых целей по развитию медицины и по улучшению здоровья граждан. Политика в сфере здравоохранения на сегодняшний день вызывает значительный исследовательский интерес, поскольку современное состояние российского здравоохранения характеризуется весьма неоднозначно из-за существующих

проблем, которые во многом явились последствиями непродуманной политики государства в 90-е гг. XX в. В последнее время вопросы, связанные с системой здравоохранения, имеют важное значение в политической повестке, в частности это вызвано пандемией COVID-19, выявившей множество проблем в области здравоохранения.

Реализация государственной политики в сфере охраны здоровья производится и регулируется согласно законодательству здравоохранения Российской Федерации, закрепляющему права граждан на качественную медицинскую помощь и иные вопросы здравоохранения. Ключевыми документами, регулирующими работу системы здравоохранения, являются нормы международного права по вопросам здравоохранения, Конституция РФ и Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3], суть которого заключается в определении основополагающих установок работы сферы здравоохранения как важного элемента в развитии государства.

Для эффективного функционирования сферы здравоохранения необходимо качественное формирование современной системы регионального здравоохранения, так как в отдельных регионах страны наблюдается депопуляция населения, сокращение рождаемости и увеличение уровня смертности, что и определяет тенденции социально-экономического развития регионов Российской Федерации [1, с. 3].

На территории Иркутской области функции по реализации государственной политики и управлению в сфере охраны здоровья населения Иркутской области, согласно вышеуказанным нормативно-правовым актам, осуществляет Министерство здравоохранения Иркутской области. Кроме того, на территории области действуют региональные законы, приказы и постановления. В частности, действует Постановление Правительства Иркутской области от 6 ноября 2018 г. № 816-пп, в котором утверждается государственная программа Иркутской области по развитию здравоохранения в период с 2019 по 2024 г. [4].

В структуре Минздрава Иркутской области выделяют 122 подведомственные медицинские и образовательные организации, оказывающие медицинскую помощь населению, в том числе в состав больничных учреждений входят фельдшерско-акушерские пункты, которых на территории Иркутской области насчитывается 676, и 8 фельдшерских пунктов [Там же]. Медицинская помощь населению Иркутской области оказывается и федеральными медицинскими организациями, и частными медицинскими учреждениями.

Оценивая состояние сферы здравоохранения в Иркутской области, необходимо иметь в виду демографические показатели региона. В 1992–2021 гг. численность населения области сокращается, связано это с демографическими потоками, но в первую очередь с сокращением рождаемости. Так, в 2020 г. в области родилось на 1310 человек меньше, чем в 2019 г. Смертность, напротив, увеличивается, такая тенденция и неблагоприятная обстановка задает вектор сокращения численности населения региона [5].

Основные проблемы системы здравоохранения в области отличаются многообразием. Распространены такие проблемы, как неудовлетворенность граждан доступностью и качеством медицинской помощи, нехватка медицинских кадров, старение населения, высокий уровень развития неинфекционных заболеваний, недостаточный уровень развития медицинской инфраструктуры, наличие труднодоступных районов в области, где медицинская помощь не оказывается своевременно. Необходимо отметить и высокие показатели заболеваемости ВИЧ-инфекцией в Иркутской области.

Исходя из вышеперечисленных проблем в сфере здравоохранения, региональными органами государственной власти проводятся мероприятия, направленные на оптимизацию работы медицинских организаций на основе имеющейся в стране законодательной базы [4]. Согласно Стратегии развития здравоохранения, в Иркутской области ежегодно утверждается Территориальная программа, закрепляющая и гарантирующая бесплатное оказание медпомощи населению в государственных медицинских учреждениях.

Региональной властью выделяются приоритетные направления политики в области здравоохранения на период 2019–2024 гг., к таким направлениям относятся:

- 1) улучшение демографических тенденций с помощью улучшения состояния здоровья населения;
- 2) снижение смертности от различного рода болезней;
- 3) обеспечение граждан доступной и качественной медицинской помощью;
- 4) развитие системы территориального планирования;
- 5) повышение кадрового потенциала;
- 6) повышение эффективности территориального управления [2].

С 2019 г. в регионе осуществляется реализация национальных проектов «Здравоохранение» и «Демография», для их реализации утверждены региональные проекты Иркутской области. Таким образом, проекты определяют направления развития сферы здравоохранения региона: развитие первичной медицинской помощи,

развитие детского здравоохранения в регионе, создание цифрового контура в здравоохранении, развитие экспорта медицинских услуг [1], укрепление общественного здоровья и др. Но стоит отметить, что в условиях пандемии коронавирусной инфекции реализация многих региональных проектов затруднена, как и оказание медицинской помощи населению региона.

В 2021 г. органы государственной власти Иркутской области выделили ряд задач в системе здравоохранения, связанных с цифровизацией деятельности системы здравоохранения, для этого необходимо обеспечить, во-первых, открытость и прозрачность системы; во-вторых, доступность информации; в-третьих, управляемость потоков информации [2].

В здравоохранении широко распространена тенденция обращения граждан по вопросам тестирования на COVID-19, оказания медицинской помощи, медицинского страхования и по кадровым вопросам, отсюда можно сделать вывод о том, что системе здравоохранения необходимы развитые каналы коммуникации между органами государственной власти и населением. В качестве примера такой коммуникации служит проведение прямых эфиров, экспертами которых выступают представители региональной власти, медицинские работники и деятели науки, но такой канал коммуникации подходит не для всех жителей региона.

Характеризуя государственную политику, можно резюмировать, что ее эффективность зависит от рационального использования необходимых ресурсов и грамотного планирования, развития нормативно-правовой базы, которая регулирует процессы, проходящие в системе здравоохранения, и определяет контур развития социально-экономической составляющей государства. Исходя из наличия указанных проблем и общей ситуации в здравоохранении Иркутской области, отметим, что сфера нуждается в реформировании и незамедлительном решении насущных вопросов, поскольку нарастающие проблемы и новые вызовы препятствуют эффективной государственной политике в отрасли, а это сказывается на демографических и иных показателях. Региональные органы власти должны признать обоснованную концепцию в сфере здравоохранения в качестве приоритетной и уделить должное внимание вопросу разработки системы мониторинга за состоянием и тенденциями развития системы здравоохранения с учетом необходимой специфики.

Научный руководитель Р. Ю. Зуляр

Литература

1. Лобачев В. В. Эффективное управление региональной системой здравоохранения : автореф. дис. ... канд. экон. наук. : 08.00.05. Курск, 2018. 24 с. URL: https://swsu.ru/upload/iblock/07e/lobachevvv_avtoref.pdf (дата обращения: 17.09.2021).
2. О состоянии здоровья населения и здравоохранения Иркутской области в 2020 году и задачах на 2021 год / М-во здравоохранения Иркутской области. Иркутск. 2021. 38 с. URL: <https://www.minzdrav-irkutsk.ru/upload/iblock/a8e/aq1q4yhcvu9qrpxb1ck4xi2bc1no0qo.pdf> (дата обращения: 18.09.2021).
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
4. Стратегия социально-экономического развития Иркутской области на период до 2036 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/f6a0ffcdb4a24f5820251593766271a7/irk_obl.pdf (дата обращения: 18.09.2021).
5. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области : офиц. сайт. URL: <https://irkutskstat.gks.ru/folder/45697?print=1> (дата обращения: 15.09.2021).

Р. Ю. Мурашов

Иркутский государственный университет

ФЕНОМЕН СМЕШАННОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ

Партийные системы – одна из актуальных и значимых тем для изучения в политической науке. Значимость этого феномена как части политической системы объясняется его ролью во взаимодействии политических институтов. Партийная система в узком смысле, согласно М. Дюверже – это форма и способы сосуществования нескольких партий рассматриваемой страны [3]. В более широком значении, партийная система – это часть политической системы, которая в свою очередь является определенным единством политических институтов, политических норм, политического сознания, политических отношений.

Истории российского парламентаризма и сопутствующей истории развития партий уже более века. После перехода России к модели представительной демократии прошло уже тридцать лет, в течение которых протекали процессы, формирующие современную партийную систему России. Как российская многопартийная модель полностью не обеспечивает представительство всех социальных групп и не отражает в полной мере структуры социально-по-

литических размежеваний, так и сами партии и партийно-политическое противостояние не отражают действительных идейных и социальных конфликтов. В частности, речь идет об идейных конфликтах между левыми и правыми или об институциональном конфликте между обществом и бюрократией.

Складывающаяся российская партийная система оценивается исследователями неоднозначно [2]. Во многом это следствие действующей в России избирательной системы. На взаимовлияние партийной и избирательной систем впервые указал М. Дюверже. С теоретической точки зрения такой подход можно назвать институциональным, он предполагает зависимость развития партийных систем от ключевого объективного фактора. Также этот подход предполагает возможность выбора той или иной избирательной системы, имеющей воздействие на партийную систему.

Другой фактор влияния на политические системы – политическая культура, подвергался анализу в работах С. Липсета и С. Rokkana. Эти авторы разработали структуру размежеваний внутри партийных систем и между предпочтениями избирателей. Социальные размежевания в их теории обуславливаются социальными установками и моделями поведения человека в обществе. Таким образом, в традиционном понимании речь идет о социальной стратификации [4]. В рамках российских реалий в идейно-партийном пространстве можно выделить такие общественные размежевания как противостояние «коммунистов» и «демократов» или же адептов власти и сторонников оппозиции.

Среди иных направлений в исследовании формирования партийных систем сравнительно новым считается направление, в котором главными факторами, формирующими партийные системы, являются элементы системы политической, то есть политический режим, модель территориально-административного устройства, форма государственного правления.

В целом следует отметить, что на конфигурацию партийной системы воздействуют различные факторы и параметры. Особенно интересным следует признать вопрос об измерении степени влияния тех или иных факторов на формирование партийных систем. По мнению автора, наиболее существенный показатель – это форма избирательной системы. С избирательными моделями проще работать, проводя замеры и сопоставляя их с другими показателями.

Идея Мориса Дюверже о генезисе партийных систем гласит, что мажоритарная избирательная система приводит к формирова-

нию модели с двумя организационно сильными партийными структурами. Происходит это благодаря тому, что политическая конкуренция устроена так, что оппозиция не способна выиграть борьбу, будучи разделенной, таким образом, происходит «естественный отбор», в результате которого в странах с такой избирательной системой формируется партийный дуализм. В пропорциональной же системе к процессу перераспределения власти может допускаться множество партийных организаций, что приводит к формированию многопартийности.

В современной России большую часть времени действует смешанная параллельная избирательная система. Это означает, что конечное перераспределение мандатов происходит независимо от результатов выборов в мажоритарных округах и по партийным спискам. Это откладывает свой отпечаток на систему соперничества российских партий. Итак, первые четыре созыва Государственной Думы избирались по смешанной системе с пятипроцентным барьером. В 1993 г. в парламент попали 8 партий по спискам и еще 5 партий представляли одномандатники, в 1995 г. – 4 и 19 партий, в 1999 г. – 6 и 8 партий, а в 2003 г. – 4 и 11 партий соответственно [1]. Причем в Думу второго созыва не прошли партии, набравшие в сумме 45 % голосов, не преодолев по отдельности барьер в 5 % голосов. Данные свидетельствуют о широком спектре политических размежеваний, что логично на фоне падения советского режима с однопартийной системой. Таким образом, в постсоветской России, по классификации Дж. Сартори, складывается многопартийность крайнего плюрализма.

Выборы в Государственную Думу пятого и шестого созывов связаны с экспериментальным введением пропорциональной избирательной модели с семипроцентным барьером, которое привело к полной ликвидации депутатов-одномандатников. В результате закрепили электоральные успехи лишь 4 партии: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия». Несмотря на то что систему с четырьмя конкурентными партиями можно отнести к схеме многопартийности умеренного плюрализма, важно заметить, что «Единая Россия» набрала абсолютное большинство в Думе, получив за два электоральных цикла 315 и 238 мандатов соответственно [1]. Постепенно формируется система с доминирующей партией, которую Дж. Сартори охарактеризовал так: «фиксируется факт длительного пребывания у власти какой-либо крупной партии при относительно свободном политическом климате» [5].

Седьмой и восьмой созывы характеризуются возвращением к смешанной системе, в результате чего в парламент вернулись одномандатники. В 2016 г. в Думу прошли те же четыре парламентских партии плюс двое одномандатников от других партий. Ситуацию незначительно изменили выборы в 2021 г., когда впервые с 1999 г. увеличилось количество парламентских фракций до пяти, благодаря попаданию в Думу партии «Новые люди», по одномандатным округам же прошли три представителя иных партий [1].

В целом можно констатировать, что партия власти продолжает удерживать лидирующие позиции, благодаря чему российскую партийную систему, скорее, стоит охарактеризовать как систему с доминирующей партией, чем как многопартийную. Смешанная избирательная система с возможностью избраться по партийным спискам в случае преодоления пятипроцентного барьера не даст возможности сформировать двухпартийную систему в англо-саксонском стиле. В связи с падением рейтингов партий ЛДПР и СР, можно представить теоретическую возможность трехпартийной модели, где консервативный блок – это «Единая Россия», левый блок – КПРФ и либеральный – «Новые люди».

Научный руководитель М. Л. Рыбалко

Литература

1. Архив избирательных кампаний. Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации : офиц. сайт. URL: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/ (дата обращения: 06.10.2021).
2. Афанасьев М. В России по-прежнему нет сложившейся партийной системы // Политический журналъ. 2007. № 11/12. С. 154–155. URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=6793&issue=190> (дата обращения: 05.10.2020).
3. Дюверже М. Политические партии. М. : Акад. Проект, 2000. 538 с. URL: http://igf.chuvsu.ru/bibl/Dyuverzhe_M_Politicheskie_partii.pdf (дата обращения: 03.10.2020).
4. Lipset S., Rokkan S. Cleavage structures, party systems and voter alignments: An introduction // Lipset S. M., Rokkan S. Party systems and voter alignments. N. Y., 1967. 554 p.
5. Sartori G. Parties and party system: A framework for analysis. Cambridge et al. : Cambridge university press, 1976. 370 p.

А. А. Нечкина

Иркутский государственный университет

РАЗВИТИЕ ОППОЗИЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРТНЫХ ИНТЕРВЬЮ)

Актуальность изучения феномена политической оппозиции в Российской Федерации в настоящее время обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, становление и развитие демократического государства и гражданского общества невозможно без наличия политической оппозиции. Во-вторых, оппозиционные блоки в настоящий момент переживают ряд трансформаций, связанных с укрупнением старых и появлением новых оппозиционных акторов, признанием экстремистскими организациями ряда внесистемных сил. В-третьих, отечественные исследователи уделяют недостаточное внимание вопросам изучения политической оппозиции на региональном уровне [1]. Иркутская область является непростым регионом с точки зрения изучения происходящих в ней процессов, связанных с политической оппозицией. Целью исследования является анализ мнения экспертов относительно развития оппозиционного движения на территории области, что позволит определить наиболее острые проблемы и состояние данной сферы.

Хронологические рамки исследования определены периодом с декабря 2020 г. по апрель 2021 г. В исследовании приняли участие четырнадцать экспертов федерального и регионального уровней. Экспертами были: пять представителей научного и образовательного профессионального сообщества (Новосибирск, Воронеж, Улан-Удэ, Иркутск); девять представителей партий и политических движений Иркутской области (КПРФ, «Справедливая Россия – Партии – За Правду», ЛДПР, «Гражданская платформа», Либертарианская партия, «Яблоко», «Союз марксистов»).

Интервью были основаны на анкете с открытыми вопросами, суть которых заключалась в определении: взаимоотношений власти с оппозицией; наличия ресурсов влияния у оппозиции; проблем и перспектив оппозиции; факторов развития и тенденций в оппозиционном движении.

Эксперты, характеризуя взаимоотношения власти с системной оппозицией, в своих мнениях разделились на три лагеря. Часть экспертов, представлявших внесистемную оппозицию, отказывались принимать факт существования системной оппозиции, считая

ее «марионеткой» в руках ЕР. Вторая группа экспертов отметила, что взаимоотношения между двумя сторонами выстраиваются в комфортном режиме сотрудничества. Большинство независимых экспертов считают, что в целом отношения между властью и оппозиций протекают в конструктивных рамках. По словам одного из экспертов (представитель науки и образования), для системной оппозиции «есть определенные правила игры, которых придерживаются партии».

На вопрос о взаимоотношениях власти с внесистемной оппозицией были получены неоднозначные ответы. Представители внесистемной оппозиции единогласно ответили, что взаимоотношения отсутствуют, и власть всячески пытается их подавить. Представители системных партий отметили трудности взаимодействия с подобными политическими силами. Один из экспертов (политический журналист, представитель науки и образования) подчеркнул две особенности: во-первых, региональная внесистемная оппозиция находится в противостоянии с городской Думой Иркутска, которая запрещает им проводить публичные мероприятия; во-вторых, в Иркутской области была традиция сотрудничества КПРФ с представителями «Штаба Навального».

Что касается вопроса о наличии у системной оппозиции ресурсов для того, чтобы влиять на решения власти, то эксперты дали следующие ответы:

- у партий есть ресурсы, но они не могут пользоваться ими в полной мере, так как «играют по определенным правилам» и ведут себя аккуратно;
- у партий совершенно отсутствуют ресурсы, с помощью которых можно было повлиять на ситуацию.

С возможностью влияния на власть еще труднее дела обстоят у внесистемной оппозиции, которая никак напрямую не может этого сделать.

Тема перспектив развития оппозиции на региональном уровне остается дискуссионной. Одни эксперты утверждают, что перспективы совершенно отсутствуют у всех представителей оппозиции. Другие эксперты сходятся во мнении, что перспективы есть, и их реализация зависит от состояния социально-экономической сферы в стране и регионе.

Эксперты выделили проблемы, с которыми сталкивается оппозиция. Проблемы системной оппозиции сходны с теми, что существуют и на федеральном уровне: отсутствие внятной идеологии,

запрос на обновление руководящего состава. Проблемы внесистемной оппозиции состоят в следующем: возбуждение уголовных дел против активистов, запреты на проведение публичных мероприятий, недопуск до участия в избирательных кампаниях, разобщенность, нехватка ресурсов.

Рассуждая о факторах, которые могут поспособствовать развитию оппозиции на региональном уровне, эксперты видят необходимость в партийных реформах на федеральном уровне, которые приведут к качественным изменениям всей политической вертикали.

Вопрос о наличии каких-либо тенденций в развитии оппозиционного движения в Иркутской области не вызвал у региональных экспертов споров, было выдвинуто единое мнение, согласно которому подобных тенденций в настоящее время не прослеживается. Один из экспертов (представитель науки и образования) видит тенденцию в том, что в последние годы оппозиция повсеместно привлекает в свои ряды маргинальных представителей общества.

Поднимая вопрос о фактах влияния оппозиции на какие-либо управленческие решения в регионе, подавляющая часть партийных представителей указала на отсутствие подобного опыта. Оппозиционеры утверждают, что реализовать подобную практику невозможно, они имеют возможность только способствовать торможению нежелательных политических процессов.

Исходя из результатов анализа экспертных интервью, можно сделать ряд выводов:

1. системная оппозиция и власть находятся в комфортном режиме взаимодействия, стороны работают в рамках поставленных задач. Системная оппозиция имеет определенный «коридор возможностей», очерчивающий допустимые и недопустимые действия с ее стороны. В целом всем парламентским партиям знакомы «правила политической игры» в рамках существующей системы;
2. конструктивное взаимодействие власти с внесистемной оппозицией сводится к нулю;
3. оппозиция не имеет достаточно ресурсов, чтобы оказывать серьезное влияние на решения органов власти;
4. перспективы развития оппозиционных сил, прежде всего, связываются с ухудшением социально-экономической обстановки в регионе и в стране;
5. оппозиция сталкивается с рядом проблем: несменяемость партийных лидеров, «застой кадров», внутренние противоречия и расколы, недостаток ресурсов, отсутствие здравых предложений и

идеологии, полицейское давление, отказы в регистрации для участия в выборах, политическая пассивность населения, отказы в проведении публичных мероприятий;

6. развитие оппозиции зависит от многих факторов, из которых наиболее важным является проведение «внутреннего обновления» партий на федеральном уровне, что приведет к подобным изменениям и на региональном уровне;

7. видимых тенденций дальнейшего развития регионального оппозиционного движения эксперты не выделяют.

Научный руководитель Р. Ю. Зуляр

Литература

1. Елисеева Е. А., Нечкина А. А., Зуляр Р. Ю. Молодежь Иркутской области: протестный потенциал и отношение к политической оппозиции // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2021. Т. 36. С. 67–75.

А. А. Панова

Иркутский государственный университет

ВНЕДРЕНИЕ СИСТЕМЫ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: МНЕНИЯ ЭКСПЕРТОВ

В настоящее время благодаря интернет-технологиям, облегчающим поиск, передачу, получение и переработку большого количества информации, люди все активнее пользуются сетью Интернет.

Почти в каждой сфере общественной жизни стремительно развиваются информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). Отдельного внимания заслуживает феномен применения этих технологий в политической сфере. В современном мире стал применяться такой способ проведения государственных выборов, как электронное голосование.

Электронное голосование – это голосование, которое проходит при помощи использования электронных средств, обеспечивающих подсчет и подачу голосов. Проще говоря, граждане для того, чтобы сделать свой выбор, могут либо прийти на избирательный участок и проголосовать с помощью специально установленного технического оборудования, либо воспользоваться любым устройством,

имеющим доступ к глобальной сети Интернет. Система обеспечивает анонимность и неизменность волеизъявления, но при этом бюллетени доступны только тем, кто обладает активным избирательным правом.

Системы интернет-голосования завоевали популярность и используются чаще всего зарубежными странами, такими как Великобритания, Эстония, Канада, США, Франция и др. В России также начался процесс внедрения системы дистанционного электронного голосования (ДЭГ).

Портал ДЭГ был создан Центральной избирательной комиссией РФ в целях облегчения процесса проведения голосования и предотвращения распространения коронавирусной инфекции COVID-19. Для того чтобы получить возможность проголосовать удалённо, избирателю необходимо подать заявление на портале Госуслуг, которым пользуются почти все жители России. После подтверждения статуса участника ДЭГ, в любой из дней проведения голосования достаточно подтвердить свою личность и получить доступ к электронному бюллетеню на портале vybory.gov.ru.

Впервые электронное голосование в России применили в 2019 г. на выборах в Московскую городскую Думу, но проводилось оно только в нескольких избирательных округах. Использование онлайн-голосования привлекло большое количество избирателей: «явка составила 92%, а в общей сложности – 21,77%» [5]. Из этого можно сделать вывод о том, что обкатка процедуры увенчалась успехом, несмотря на попытки взлома, которые были вовремя пресечены.

В мае 2021 г. прошли масштабные «испытания» системы ДЭГ. В их рамках избиратели получили возможность принять участие в 1020 проводимых голосованиях в 85 субъектах Российской Федерации. По результатам апробации в ЦИК было принято решение проводить дистанционное электронное голосование всего лишь в 7 субъектах: Курской, Мурманской, Нижегородской, Ростовской, Ярославской областях, а также Москве и Севастополе [3].

Мнения экспертов касательно внедрения системы дистанционного электронного голосования разнятся. Некоторые видят в такой системе новые возможности для развития применения электронных технологий в политической сфере, а кто-то считает, что она может использоваться в качестве инструмента масштабных фальсификаций.

За внедрение ДЭГ ратует председатель правления Фонда развития гражданского общества Константин Костин, который утверждает, что «эта система более надежна, чем традиционное голосование. Бывают ситуации, когда нарушена тайна голосования, а при

дистанционном голосовании такое просто невозможно, алгоритм не совершает человеческих ошибок» [4]. По его словам, за этой системой будущее российского демократического процесса.

Промежуточную позицию занимает председатель ЦИК РФ Элла Памфилова, по мнению которой «электронное голосование никогда не заменит полностью традиционный вид голосования» [2]. По ее мнению, оно будет являться неким дополнением, которое может расширить для граждан возможности голосовать.

Противоположной позиции придерживается оппозиция. Так, представители партии КПРФ негативно восприняли результаты электронного голосования. В основе их критики лежит разница в цифрах при подсчете голосов, которые были поданы на участках и в электронном виде. Геннадий Зюганов после проведения выборов в Государственную Думу РФ 2021 г. стал настаивать на отмене дистанционной системы. Согласно его точке зрения, онлайн-выборы – это «мошенническая схема, которая уничтожает всякое доверие к власти. Это безобразие» [1].

На основании вышеизложенных мнений можно сделать следующий вывод – у ДЭГ системы есть свои плюсы, облегчающие проведение процесса голосования и увеличивающие явку на выборах в целом. Основным минусом является то, что не все граждане смогут перейти на электронный формат из-за нехватки навыков использования интернет-технологий. Поэтому на сегодняшний день целесообразным представляется постепенное внедрение ДЭГ с сохранением традиционного голосования на избирательных участках.

Научный руководитель С. А. Себекин

Литература

1. Геннадий Зюганов прокомментировал аудит электронного голосования в Москве. URL: <https://govoritmoskva.ru/news/288456/> (дата обращения: 14.10.2021).
2. Памфилова считает, что электронное голосование никогда не заменит традиционное. URL: <https://tass.ru/politika/12328003/amp> (дата обращения: 14.10.2021).
3. Портал ДЭГ. URL: <https://vybory.gov.ru> (дата обращения: 14.10.2021).
4. Электронное голосование. Мнения за и против. URL: <https://www.bfm.ru/amp/news/481967> (дата обращения: 14.10.2021).
5. Электронное голосование: быстро, надежно и безопасно. URL: https://m.gazeta.ru/politics/2020/06/18_a_13121947.shtml (дата обращения: 14.10.2021).

Е. А. Попова

Иркутский государственный университет

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ РАКУРСЫ

Ни для кого не секрет, что наиболее передовой и энергичной социальной группой во все времена и во всех странах является молодежь. Молодежь – это будущее государства. Она является хранителем опыта прошлых поколений, и параллельно с этим создателем различного рода новшеств во всех сферах общественной жизни. Поэтому важно знать, какие ценности преобладают у молодого поколения, какие цели оно преследует, и что более всего оказывает влияние на моральные и поведенческие установки молодежи. Цель статьи – исследование социально-значимых качеств современной российской молодежи на примере молодежи Иркутской области.

В Российской Федерации, согласно федеральному закону «О молодежной политике в РФ», молодыми считаются люди в возрасте 14–35 лет [5; 8]. По данным Росстата на 1 января 2021 г., в Иркутской области проживало 602 937 человек в возрасте 14–35 лет [9], что составляет 25 % от общей численности населения области и 1,7 % от числа молодых людей в РФ.

Согласно данным ВЦИОМ за 2020 г., на первом месте по значимости у молодежи стоят Интернет и социальные сети. 62,6 % респондентов признают собственную зависимость от социальных сетей и Интернета. Лишь 5,9 % проводят в них 1–2 часа в день. Почти 68 % чувствуют зависимость от популярного ресурса «Инстаграм». 60 % опрошенных хотели бы «оказаться на месте известного блогера». При этом достаточно высок уровень доверия блогерам: 35,5 % опрошенных прислушиваются к их мнению и следуют их советам; 81,1 % считают, что «творчество является неотъемлемой частью человечества» [4].

Согласно докладу Министерства по молодежной политике Иркутской области 50 % представителей молодого поколения используют интернет-ресурсы 3–6 часов в сутки, а 31% более 6 часов в сутки. В первую очередь Интернет используется для поиска полезной информации – 18,36 % опрошенных. Далее следуют «чтение, прослушивание музыки и просмотр фильмов» – 17,99 % респондентов. 16,45 % респондентов используют Интернет и социальные сети для общения и знакомства с людьми. 15,12 % молодых людей про-

водят время в Интернете, чтобы лучше осваивать учебный материал, а 11,78 % респондентов используют Сеть для дистанционного обучения. Наконец, 10,61 % опрошенных используют Интернет для просмотра новостных сайтов [3, с. 76].

Второе место по значимости для молодежи занимает работа. 81,3% опрошенных считают трудоустройство серьезной проблемой. В связи с этим молодежь мигрирует – лишь 34 % остаются в своём городе [4].

Третье место по значимости для молодежи занимает экология и в целом «зелёная экономика». 78,6 % опрошенных считают, что уже видны изменения климата в связи с глобальным потеплением, 92 % считают, что природе наносит вред деятельность человека [Там же]. Но при этом, согласно данным того же ВЦИОМ, всего 7 % россиян знают о существовании и деятельности различных экологических организаций. Какова в этом проценте доля молодежи, сказать сложно [10].

Далее идет спорт: 90 % считают, что спортом нужно заниматься обязательно, «ведь это модно и актуально в XXI веке» [4]. Согласно данным ВЦИОМ за 2021 г., 71 % молодых людей в возрасте 18–24 года активно занимаются спортом [6]. Но при этом 32,3 % пробовали запрещённые вещества, 66 % пробовали алкоголь и употребляют его в настоящее время [4]. А согласно данным Главного управления по контролю за оборотом наркотиков МВД России в 2020 г., 6 млн россиян употребляли наркотики, при этом 60 % – это молодые люди в возрасте 16–30 лет [7].

Следующая категория ценностей – толерантность во всём. Например, 72,2 % относятся нейтрально, а 13,9 % – положительно, к людям, имеющим большой вес [4].

Говоря о морально-нравственном аспекте ценностей современной молодежи, можно отметить следующее: согласно исследованиям Института социологии РАН за 2020 г., современная российская молодежь демонстрирует достаточно высокий морально-нравственный уровень. Большинство представителей современной российской молодежи считает неприемлемым публичное проявление неприязни к представителям других национальностей, обогащение за счет других. Кроме того, более половины молодых людей считают абсолютно недопустимыми хамство, грубость и использование нецензурной лексики, пьянство и алкоголизм, проституцию, деловую необязательность. Довольно строга молодежь по отношению к нормам семейной жизни [1, с. 177].

Тем не менее, рыночные реалии современной жизни накладывают определенный отпечаток на практическую реализацию моральных норм. Так 46 % молодых людей считают, что многие моральные нормы уже устарели и не имеют права на существование в современном обществе. А 55 % представителей молодежи признают, что их жизненный успех во многом зависит от умения вовремя закрыть глаза на моральные нормы и принципы. Позиция пятьдесят на пятьдесят (от осуждения к оправданию) складывается по отношению к уклонению от уплаты налогов, даче или получению взяток и т. п. действиям. У 75 % представителей российской молодежи вообще отсутствуют какие-либо идеалы [Там же], а 63,3 % не желают проходить военную службу [4].

Необходимо отметить, что согласно государственному докладу Министерства по молодежной политике Иркутской области 35,11 % молодых людей заявляют о том, что ходят на выборы, поскольку это их гражданский долг; а 18,22 % ходят на выборы, если есть время. Т. е. 53,33 % представителей молодежи являются потенциальными (а в ходе избирательной кампании и реальными) избирателями. Однако достаточно большое количество респондентов относится к выборам довольно скептически (33,22 %). Согласно этому же докладу, более 8 % респондентов являются действующими членами политических партий и общественных движений, а чуть менее трети респондентов потенциально готовы к участию в подобных движениях [3, с. 87].

Но если мы посмотрим на явку во время выборов в Государственную Думу по Иркутской области, то увидим, что слова и поступки молодежи – это абсолютно разные вещи. Так, согласно данным Избирательной комиссии Иркутской области общая явка на выборах в Думу в сентябре 2021 г. составила 36,59 %. Даже если предположить, что представители молодого поколения составляют треть от этой цифры, это будет в разы меньше результата, полученного в ходе опроса [2].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что молодежь представляет собой достаточно разностороннюю и противоречивую социальную группу, слова и поступки которой по многим позициям не совпадают. Но это вовсе не означает, что современная молодежь «плохая». Нет, она нормальная. Она является продуктом своего времени, идет в ногу с ним и активно пользуется всеми ресурсами, ей предоставляемыми.

Научный руководитель Р. Ю. Зуляп

Литература

1. Горшков М. К., Шереги Ф. Е. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦПРАН, 2020. 688 с. URL: https://vk.com/doc266487971_571995372?hash=c765fb2d53af142e5f&dl=4768b176bb77287699 (дата обращения: 28.09.2021).
2. Итоги выборов // Избирательная комиссия Иркутской области : [официальный сайт]. URL: <http://www.irkutsk избирком.ru/docs/7618/> (дата обращения: 07.10.2021).
3. Молодежь Иркутской области : гос. докл. / М-во по молодежной политике Иркут. обл. ; ОГКУ «Центр социальных и информационных услуг для молодежи» ; под ред. Мегапринт. Иркутск : 2020. 476 с.
4. На первом месте по значимости для молодежи стоит тема «Интернет и социальные сети» // Всем ВЦИОМ : [Telegram-канал]. URL: <https://t.me/WCIOMofficial> (дата обращения: 29.09.2021).
5. О молодежной политике в Российской Федерации : федер. закон № 489-ФЗ : [принят Государственной думой 23 декабря 2020 г. : одобрен Советом Федерации 25 декабря 2020 г.]. URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 30. 09. 2021).
6. Спортивная Россия // ВЦИОМ : [официальный сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sportivnaja-rossija> (дата обращения: 06.10.2021).
7. Статистика по наркозависимым в России в 2020 году, последние цифры исследований. URL: <https://спарта74.рф/news/detail/statistika-po-narkozavisimym-v-rossii-2020/> (дата обращения: 06.10.2021).
8. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // Росстат. 2021. URL: <https://clck.ru/Xs9uE> (дата обращения: 29.09.2021).
9. Численность постоянного населения // Иркутскстат. 2021. URL: <https://clck.ru/Xs9Yw> (дата обращения: 26.09.2021).
10. Экологическая повестка: за десять месяцев до выборов в Госдуму // ВЦИОМ : [официальный сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/ehkologicheskaja-povestka-za-desjat-mesjacev-do-vyborov-v-gosdumu> (дата обращения: 06.10.2021).

А. Л. Ручин

Иркутский государственный университет

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ГЛАВ СУБЪЕКТА ФЕДЕРАЦИИ И АДМИНИСТРАТИВНОГО ЦЕНТРА: НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Иркутская область последние десять лет является объектом пристального внимания политологов России. Именно здесь в указанный период происходили большие политические «метаморфозы». К примеру – непредсказуемый исход выборов губернатора в 2015 г., когда неожиданно для многих победил оппозиционный кандидат в губернаторы – коммунист Сергей Левченко, но не менее интересным выглядит противостояние губернатора-коммуниста с мэром Иркутска из партии «Единая Россия» Дмитрием Бердниковым.

В Иркутской области вполне обыденным явлением стало противостояние мэров областного центра и губернаторов. Приведем в качестве примера Владимира Якубовского. За время нахождения в должности мэра он стал очень весомой фигурой, и существует мнение, что его отправка с помощью губернатора Дмитрия Мезенцева в Совет Федерации в 2009 г. это своего рода способ смещения с насиженного места для снижения конкуренции между мэром и губернатором. Однако особо интересным было «все же противостояние» губернатора Сергея Левченко и мэра Дмитрия Бердникова.

Так в чём же заключалось противостояние главы субъекта федерации и административного центра? Изначально после смены областной власти отношения Д. Бердникова и С. Левченко были вполне нормальными. Мэр стал выстраивать положительные и конструктивные отношения с губернаторской командой [3]. Если рассматривать фигуру Дмитрия Бердникова, то стоит отметить, что общественность Иркутска не смогла радушно и без оговорок принять его в должности мэра. Такая реакция была вызвана его молниеносным восхождением в политической сфере. Он был молод и не имел административного опыта во власти, но самым главным изъяном считалось то, что его избрали мэром не посредством прямых выборов, а опосредованно. Через некоторое время горожане изменили свое мнение, так как увидели, что Д. Бердников относится неравнодушно к проблемам города.

Изменения же в отношениях с губернатором начались после одобрения законодателями инициативы Д. Бердникова о передаче части налоговых сборов муниципалитетам. В 2016 г. в результате многодневного противостояния, информационных войн и нелегких переговоров региональный парламент одобрил законодательные инициативы Д. Бердникова. Региональные власти пытались до последнего противостоять этому решению, используя самые различные инструменты давления на находящиеся в финансовой зависимости от них глав территорий, не пренебрегая дезинформацией.

Несмотря на то что принятое решение воспринималось всеми участниками как компромисс, по своей сути оно стало критическим моментом в политической жизни Иркутской области. Именно с этого момента на нормальных взаимоотношениях между губернатором и местным самоуправлением был поставлен крест.

Новый мэр не только встал во главе местной оппозиции, которая стихийно сформировалась на основании гневного протеста против недальновидной политики правительства С. Левченко, но и до-

вел начатый процесс до первого «юридического результата» – одобрения законодателями передачи 30% налоговых сборов муниципалитетам. «Ведь передача с 1 января 2017 года 30% отчислений по УСН муниципальным бюджетам – это стартовый камень, который мэры вытащили из этой порочной, остававшейся незыблемой в течение длительного времени системы, когда все доходы местных бюджетов изымаются подчистую, а потом возвращаются в качестве подачки на бедность» [1].

После этого С. Левченко и его сторонники стали проводить ответные действия против Д. Бердникова. Первым шагом стало обвинение мэра в том, что он ставит под угрозу срыв принятия бюджета 2017 г. и, как следствие, выполнение всех социальных обязательств. После этого Д. Бердникова пытались лишить «поддержки других мэров и подговорить против него глав сельских территорий» [1]. В ход также пошла и фейковая информация, которую придумывали соратники С. Левченко, но все было безуспешно. Региональные власти преувеличили свои силы и оказалось не готовыми к организованному сопротивлению. В поддержку Д. Бердникова выступили не только мэры и Ассоциация муниципальных образований, но и практически вся общественность Иркутска, которая изначально не воспринимала его как мэра – народного избранника.

Как же это повлияло на образ Сергея Левченко? Любая проблема, возникавшая во время его нахождения в должности, была политизирована. Для того чтобы избежать этой ошибки, ему стоило «переключиться на язык экономики, из коммуниста превратиться в хозяйственника, как сделали его товарищи по партии, губернаторы в других регионах, и начать наконец трудиться на благо жителей Иркутской области» [1]. Из этого можно сделать вывод о том, что «красный» губернатор представлялся настоящим антиподом мэра, хотя он и был избран в результате демократических выборов.

Описанное противостояние по линии «губернатор-мэр» интересно тем, что в результате у иркутской общественности сформировался определенный образ обоих политиков: избранный губернатор воспринимался как тот, кто не думает о своем регионе и жителях, а мэр, которого выбрали депутаты Думы, наоборот, – как тот, кто отстаивает позицию города и области и занимается их развитием.

Научный руководитель Н. Ф. Васильева

Литература

1. Иркутский парадокс. URL: <https://baikal.mk.ru/amp/articles/2016/12/15/irkutskiy-paradoks.html> (дата обращения: 09.10.2021).

2. Межбюджетное противостояние в Приангарье аукнулось в рейтинге «Петербургской политики». URL: <https://irkutskmedia.ru/news/amp/554156/> (дата обращения: 09.10.2021).

3. Сергей Шишкин: Иркутской области нужен прочный мир. URL: https://m.altairk.ru/new/mass_media/irkutsk_region_needs_lasting_peace (дата обращения: 09.10.2021).

4. Сибиряки такого не любят. URL: <https://meduza.io/feature/2020/08/05/sibiryaki-takogo-ne-lyubyat> (дата обращения: 09.10.2021).

Н. С. Солоненко

Иркутский государственный университет

ИТОГИ ВЫБОРОВ 2021 г. ДЛЯ КПРФ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: ЛЕВЧЕНКО ВОЗВРАЩАЕТСЯ

После того, как Сергей Левченко покинул пост губернатора Иркутской области, его позиции как лидера и руководителя пошатнулись. В 2020 г. Сергей Левченко хотел выставить свою кандидатуру для участия в выборах губернатора Иркутской области, но это ему не удалось. Из-за этого кандидат на пост губернатора от партии КПРФ Михаил Щапов с запозданием начал свою предвыборную кампанию. После этого многие задались вопросом о том, сможет ли Левченко восстановить свои позиции как сильный лидер?

17–19 сентября 2021 г. в Российской Федерации прошли выборы в Государственную Думу VIII созыва. В Иркутской области Коммунистическая партия Российской Федерации набрала 28,3 % голосов [4]. На прошлых выборах в Государственную Думу в 2016 г. у КПРФ было 24,75 % голосов [1]. Позиции КПРФ укрепились в Иркутской области примерно на 4 %.

Возглавил партийный список бывший губернатор Иркутской области Сергей Левченко. Кампанию ему составили Михаил Щапов, он выдвигался в Госдуму по Иркутскому одномандатному округу, Андрей Андреев – по Братскому одномандатному округу, Андрей Ахмадулин – по Ангарскому одномандатному округу, а депутат Законодательного Собрания Виктор Кондрашов – по Шелеховскому одномандатному округу. Из всех представленных кандидатов, лишь Михаил Щапов победил в своем округе, набрав 51,9 % голосов [4].

Всего девять месяцев назад было не ясно, кто возглавит партийный список в Иркутской области. Информация о кандидатах, выдвинутых Коммунистической партией на выборах в Государственную Думу от региона, была противоречивой. Первый секре-

тарь Иркутского областного комитета КПРФ, экс-губернатор Сергей Левченко, ранее заявлял, что вопрос о выдвижении его кандидатуры будет подниматься на съезде партии. В то же время, в некоторых Telegram-каналах появлялась информация о том, что Сергей Георгиевич, возможно, не станет участвовать в выборах в Госдуму, а возглавит партийный список Михаил Шапов.

По мнению политолога Сергея Шмидта, в Иркутском обкоме КПРФ перед выборами сложились две группы, первая из которых не поддерживала Сергея Левченко, а вторая не поддерживала Шапова: «Между Левченко и Шаповым никаких хороших, внутрипартийных отношений не существует. Это было видно во время губернаторской избирательной кампании. Они старались вообще не пересекаться. Каждый на этих выборах вел свою собственную игру. То есть внутрипартийная борьба между ними существует, хотя они стараются это не выплескивать наружу» [6].

С. Ф. Шмидт предположил, что вопрос о том, кто возглавит партийный список в Иркутской области от КПРФ, должно было утверждать федеральное руководство партии: «Это решение КПРФ все-таки зависит от федерального центра. И если это так, то у Шапова больше шансов. Потому что, судя по тому давлению, которое оказывается на семью Левченко, в руководстве партии сделали вывод о его неадекватности» [6].

В региональном обкоме КПРФ также посчитали, что арест Андрея Левченко, сына Сергея Левченко, должен был помешать избранию бывшего главы субъекта федерации в депутаты Государственной Думы. В партии заявили, что «грязная кампания и преследование» экс-губернатора Сергея Левченко и его семьи были связаны с выборами, а Левченко-младший был арестован «по сфабрикованным обвинениям». Было отмечено, что власти до сих пор не смогли смириться с победой Сергея Левченко на губернаторских выборах 2015 г., а также пытаются лишить его «политической перспектив».

Когда Сергей Левченко был переизбран первым секретарем Комитета Иркутского областного отделения КПРФ, некоторые отнеслись к этой новости с разочарованием и посчитали что реализация программы коммунистов в регионе будет сталкиваться с системными сложностями.

По мнению политтехнолога Розы Абдулиной, Сергей Георгиевич не видел результатов своей работы, которые привели его к отставке с поста губернатора. У КПРФ рейтинги падали с тех самых пор, отметила Абдулина, как Левченко перестал быть главой региона: «Токсичность нарастала постепенно, подливали масла в огонь коррупционные скандалы во время его работы на посту губернатора, неспособность быстро реагировать на изменения, истории с

уголовным делом против его сына». По ее мнению, Сергей Левченко продемонстрировал неспособность работы с электоратом, не будучи на посту губернатора он не имел тех инструментов, какими он пользовался, имея в распоряжении региональный бюджет. Говоря о предстоявших еще тогда выборах в Госдуму 2021 г., она считала что, может быть, в Иркутской области коммунисты и наберут 10 %, но это уже будет не история триумфа, а о 20–25 %, которые они когда-то набирали, можно забыть: «По сути, представители КПРФ в регионе сами себя утопили, поскольку Левченко не является лидером уже ни для кого. Если взглянуть на ситуацию трезвым взглядом, то, по-моему, изменить ее на областном уровне сейчас сможет лишь Михаил Щапов, учитывая его политическую самостоятельность» [5].

Итоги выборов показали, что КПРФ набирает даже больше голосов, чем в прошлые выборы в Госдуму. «Мы укрепили наши позиции не только в Иркутской области. В Республике Саха наша компартия опередила Единую Россию, в Магадане показала двукратный рост», – заявил первый секретарь Иркутского обкома Компартии Сергей Левченко, который на выборах возглавлял территориальную группу, сформированную из этих трех регионов. Левченко выразил уверенность, что результат выборов по данным регионам позволяет коммунистам рассчитывать на два мандата [2].

Подводя итоги, можно сказать, что Сергей Левченко возвращается в большую политику, хотя по прогнозам его там никто не ждал. Мы видим, что несмотря на антирейтинг бывшего губернатора, рейтинг КПРФ не снизился. Михаил Щапов ожидаемо выиграл в своем округе. В целом КПРФ в Иркутской области провела хорошую предвыборную кампанию и еще больше укрепила свои позиции в регионе.

Научный руководитель Н. Ф. Васильева

Литература

1. Выборы-2016: как голосовала Иркутская область. URL: <https://www.ogirk.ru/2016/09/20/vybory-2016-kak-golosovala-irkutskaya-oblast/> (дата обращения: 09.10.2021).
2. Выборы с коммунистическим приветом. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4996280> (дата обращения: 09.10.2021).
3. Госдур-2021. Победитель Левченко. URL: <https://www.babr24.com/?IDE=219209> (дата обращения: 09.10.2021).
4. Избирком Иркутской области озвучил итоги голосования в Госдуму. URL: <https://www.irk.ru/news/20210920/electoral/> (дата обращения: 09.10.2021).
5. Иркутск: история победы КПРФ, которую можно забыть. URL: http://vybor-naroda.org/vn_exclusive/190140-irkutsk-istoriya-pobedy-kprf-kotoruju-mozhno-zabyt.html (дата обращения: 09.10.2021).
6. Левченко или Щапов: у кого больше шансов возглавить думский список КПРФ в Иркутской области. URL: <http://club.rf.ru/38/detail/4807> (дата обращения: 09.10.2021).

К. Д. Терентьева*Иркутский государственный университет*

РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2020–2021 гг.

Институт местного самоуправления (далее – МС) является необходимым и важным инструментом управления в современном государстве. Исторически к первым формам МС в России принято относить вече, крестьянское самоуправление, земство, городское самоуправление. Высокий уровень интенсивности формирования системы МС в нашей стране приходится на вторую половину XIX – начало XX вв. Весь период своего существования институт подвергался реформированию, например, формировались земские и городские учреждения, а в советский период институт МС пытались ликвидировать. Новый виток развития МС приходится на период после 1993 г., когда после принятия новой Конституции в нем стали видеть одну из основ конституционного строя государства. В период с 1993 по 2020 г. происходит ряд институциональных и структурных изменений института МС, и в настоящее время (2021 г.) мы наблюдаем очередную трансформацию его структуры. Цель работы: проанализировать процесс трансформации института МС в РФ в период с 2020 по 2021 г.

На сегодняшний день в системе МС сформировался ряд проблем, которые не дают полноценно работать муниципалитетам, среди этих проблем наблюдаются: отсутствие взаимодействия органа управления и граждан, отсутствие путей взаимодействия государства и муниципалитетов, а также то, что круг обязанностей органов местного самоуправления не соответствуют ни бюджету, ни ресурсам, которые есть у местных органов власти [6]. Стоит заметить, что эти проблемы носят самый разнообразный характер, от экономических до внешнеполитических.

Политики высказывают разные мнения по накопившимся проблемам института МС, при этом подчеркивая его значения для развития государства. В частности, экс-мэр Якутска С. В. Авксентьева отмечает: «местное самоуправление – основа власти в нашей стране. Обязательно должны быть прямые выборы мэров. Обязательно общий доступ к выборам. Это – основа диалога власти и общества» [1]. Исследователи считают, что представители власти на федеральном уровне имеют слабое представление о том, что такое

реальное МС, и в связи с этим, проблемы, которые существуют, не решаются. Таким образом, органы МС нужно совершенствовать и не приуменьшать значимости данного института власти.

По словам президента В. В. Путина, МС является самым близким к населению органом власти, что порождает огромную ответственность при работе данного института [7]. Глава государства отмечает, что «общей задачей является обеспечить эффективность местного самоуправления, устранить разрывы, несогласованность между регионами и муниципалитетами» [7] и призывает начать разработку проекта новых основ государственной политики в сфере развития института МС на период до 2030 г. Стоит также отметить высказывание президента о том, что важно обеспечить единство всех уровней публичной власти и что на выполнение вышеперечисленных задач следует ориентироваться всем уровням власти в РФ.

На сегодняшний день в ст.132 Конституции Российской Федерации органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти и должны взаимодействовать с друг другом для более эффективной работы в отношении интересов граждан [5]. Например, если раньше компенсация дополнительных расходов местного самоуправления, возникших в результате решений органов государственной власти, полагалась только в том случае, если так решит сам орган государственной власти, то теперь в ст. 133 говорится о том, что компенсация может быть выплачена и в результате выполнения муниципалитетами во взаимодействии с органами государственной власти задач, имеющих государственное значение [2].

При внесении поправок в Федеральный закон № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131) [8] в 2020 г. главной задачей было введение двух уровней организации местного управления, что должно привести к стандартизации муниципалитетов [9]. Учитывая все вышеперечисленные проблемы в системе МС, в 2020 г. президент В. В. Путин инициировал изменения в работе системы местных органов. Начали формироваться положительные условия для местной власти, такие как: стабильность выделяемых средств; принятие ряда документов и программ, которые дают широкие возможности для муниципалитетов по совершенствованию системы управления (Земельный кодекс, Федеральная целевая программа «Жилищное строительство», Программа развития бюджетного федерализма); расширение участия гражданского общества в деятельности местного самоуправления.

1 января 2021 г. ФЗ № 131 был дополнен ст. 26.1 «Инициативные проекты». В статье обозначены требования к тому, что в себе должен содержать данный проект, как проходит предварительное обсуждение, а впоследствии внесение проекта в местную администрацию и его рассмотрение, которое происходит «в течение 30 дней со дня, по результатам которого должно быть принято решение, либо поддержать инициативный проект и продолжить с ним работу, либо отказать в поддержке проекта, указав причины отказа», которые также прописаны в законе [8].

Изменения в системе МС в Иркутской области также планируются на осень 2021 г. В основу предполагаемых изменений ставится ликвидация двух уровней муниципальных образований. Райцентр теперь является одновременно городским и сельским поселением, создаются муниципальные округа. Таким образом, на территории Иркутского района, например, остаются: райцентр, одна Дума, один мэр (глава муниципального района). Райцентр – это главный населённый пункт, который в связи с реформой является официальным центром на территории всего Иркутского района. Если раньше населенные пункты, которые находились на одной общей территории являлись отдельными муниципальными образованиями, то после проведения реформы муниципальные образования первого уровня (города и поселки), теперь будут объединены в один муниципальный округ. Например, Усть-Кут и Усть-Кутский район теперь будут объединены в один муниципалитет. Первыми в очереди на преобразования стоят Усть-Кутский, Шелеховский, Слюдянский и Киренский районы, в которых будут создаваться округа. Власти вышеперечисленных районов разделились на тех, кто выступает «за» и «против» преобразований. Если, например, в Усть-Кутском районе многие поддержали изменения и готовы помогать с их внедрением, то в Шелеховском районе большинство мэров и дум категорически против реформы [4].

Стоит разобраться, почему реформа сталкивается с критикой и негодованием. Ответ прост: если будут созданы округа, то будет потеряна часть налоговых поступлений, которые идут в орган местного самоуправления. В качестве примера можно взять создание Слюдянского муниципального округа, в результате которого будут ликвидированы муниципалитеты в Слюдянке, Байкальске и т. д., что повлияет на внутренний бюджет округа.

Исходя из всех попыток проведения реформ по объединению структур государственной власти и местного самоуправления в еди-

ную публичную власть, ликвидации уровней муниципальных образований, можно ожидать, что за этим последует отмена прямых выборов мэров МО, которых будут избирать в окружных думах из граждан, предложенных самим руководством Иркутской области. По мнению исследователя В. И. Васильева, стремление к усилению государственной вертикали в сфере местного самоуправления объективно и, скорее всего, связано с централизаторскими традициями российского государства [2].

В заключение стоит отметить, что развитие системы местного самоуправления в России проходило сложный путь в течение последних тридцати лет, на протяжении которых отмечалась как положительная, так и отрицательная динамика. Длительный период времени главной идеей преобразования органов МС являлось создание единой вертикали публичной власти, и с 2020 г. институт МС официально включен в такую вертикаль [3]. Мы можем резюмировать, что современная модель местного самоуправления продолжает развиваться, ФЗ № 131 дополняется новыми изменениями, такими, например, как возможность реализации инициативного проекта или объединение в рамках единой публичной власти органов местного и государственного управления.

Научный руководитель Р. Ю. Зуляр

Литература

1. «Видится так, что я предала оппозицию»: Сардана Авксентьева о том, ушла ли она с поста мэра Якутска под давлением // Дождь : сайт. URL: https://tvrain.ru/teleshov/harddaysnight/sardana_avksenteva-529876/ (дата обращения: 15.09.2021).
2. Васильев В. И. К вопросу о территориальных уровнях местного самоуправления // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 80–91.
3. Волгушева А. А. Местное самоуправление в 2020–2021 году // Центр управления финансами : сайт. URL: <https://center-yf.ru/data/stat/mestnoe-samoupravlenie-v-2020-2021-godu.php> (дата обращения: 15.09.2021).
4. Иркутск. Дальше некуда // Телеграм : сайт. URL: https://tgram.me/irk_24 (дата обращения: 15.09.2021).
5. Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12.12.1993 г. : офиц. текст (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 22.02.2021).
6. Степанов М. М. Местное самоуправление в контексте конституционной реформы 2020 года // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 5. С. 35–41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie-v-kontekste-konstitucionnoy-reformy-2020-goda> (дата обращения: 15.09.2021).
7. Путин призвал муниципальную власть выйти из кабинетов к людям // Российская газета : сайт. URL: <https://rg.ru/2020/01/30/reg-cfo/putin-prizval-municipal-nuiu-vlast-vyjti-iz-kabinetov-k-liudiam.html> (дата обращения: 22.09.2021).

8. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.03.2021) // Консультант Плюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 23.02.2021).

9. Ховалкин И. А. Реформирование системы местного самоуправления в 2020 году: нормативно-правовые вопросы, финансовое обеспечение и регулирование // Молодой ученый. 2020. № 52 (342). С 256–259.

М. В. Тирских

Иркутский государственный университет

СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Значительное место в совершенствовании человеческих качеств занимает одна из самых важных сфер в жизни – сфера физической культуры и спорта. В XXI в. физическая культура и спорт получили невероятное распространение, произошла институционализация и дифференциация в плане их содержания. Преимущественными направлениями реализации спортивной политики в Российской Федерации являются: воспитание населения, оздоровление нации, внедрение массового спорта, который является необходимым аспектом повышения имиджа России на мировой политической арене [1, с. 61]. На современном этапе в РФ уделяют большое внимание нормативно-правовой базе в области физической культуры и спорта, в том числе и её совершенствованию. Спортивная деятельность должна мотивировать граждан придерживаться здорового образа жизни, способствовать нравственному воспитанию, служить в качестве профилактики заболеваний и вредных привычек [7].

Целью исследования является выявление аспектов реализации государственной физкультурно-спортивной политики в Российской Федерации на региональном, муниципальном и межмуниципальном уровнях. Актуальность представленной темы выражена в том, что физическая культура, спорт и спортивные мероприятия являются мощнейшим фактором развития государства. Привлечение населения к соревновательной деятельности становится приоритетным направлением работы по совершенствованию сферы физической культуры и спорта в Российской Федерации.

Спортивные соревнования, показательные выступления, которые проводятся в присутствии зрителей, являются основными составляющими проведения физкультурно-спортивного мероприятия. В ст. 41 (в Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека) и в ст. 72 (в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся общие вопросы физической культуры и спорта) Конституции РФ, государство закладывает основы для дальнейшего развития спорта в стране, в связи с этим, важно не создавать препятствия, а наоборот, обеспечивать все условия для занятий физкультурно-оздоровительной деятельностью [2].

В соответствии с Федеральным законом «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», на современном этапе в стране функционируют несколько типов организаций, специализирующихся на спортивной деятельности, например, общероссийские общественные организации и региональные спортивные федерации. Подобные организации, так же, как и все прочие, для функционирования на территории страны проходят государственную аккредитацию, после которой они имеют право заниматься развитием одного или нескольких видов спорта на территории РФ, организацией и проведением спортивных мероприятий.

Также стоит отметить деятельность некоммерческих организаций – физкультурно-спортивных обществ, целью которых является постоянное стремление удовлетворить потребности и спортивные интересы различных категорий населения в физкультурно-спортивных услугах, которые объединяются по определенным категориям и видам. Таким образом, можно заключить, что целью Российской Федерации в области физической культуры и спорта является создание условий, обеспечивающих возможность гражданам систематически заниматься физической культурой и спортом, а также повышать эффективность подготовки спортсменов в спорте высших достижений [4].

Сфера физической культуры и спорта Российской Федерации имеет разнообразные источники финансирования. Бюджет субъектов РФ для обеспечения проведения спортивных мероприятий формируется после утверждения планов с перспективой на будущее, которые разрабатываются на разных уровнях, от федерального до муниципального. Стратегическое планирование в сфере физической культуры и спорта позволяет выполнять множество задач, таких как:

- разработка приоритетных программ для развития физической культуры и спорта в стране для использования их как на постоянной, так и на временной основе;
- назначение ответственного аппарата управления физической культурой и спорта;
- поддержка и контроль развития массового и профессионального спорта;
- выделение материальных ресурсов, за счет которых проводятся все включенные в планирование мероприятия [3].

Составленные Правительством стратегии развития физической культуры и спорта предполагают формирование государственного бюджета на спортивные мероприятия. Финансирование наиболее значимых для государства направлений происходит за счет федерального бюджета РФ. Распределение финансовых ресурсов рассматривается и в дальнейшем утверждается Государственной Думой РФ. Если бюджет на поддержку спортивных движений утвержден, то в дальнейшем документ одобряется Советом Федерации и подтверждается подписью Президента РФ [3]. В то же время в соответствии со ст. 8 Закона о спорте законодательством не предусмотрены полномочия субъекта РФ по расходным финансовым вопросам обеспечения, подготовки и проведения спортивных мероприятий. Региональное законодательство показывает, что не во всех регионах разработан порядок по данному вопросу. Это позволяет сделать заключение о том, что бюджетная политика государства в области физической культуры и спорта носит стимулирующий и регулирующий характер в социально-экономическом развитии российского общества, поэтому контролю бюджетной сбалансированности и обеспеченности должно уделяться высокое внимание. Для снижения зависимости от бюджетной системы, требуется модернизация действующей системы финансирования в пользу диверсификации источников финансирования в сторону развития государственно-частного партнерства и спонсорства [4].

В целях эффективной экономии временных и финансовых затрат регионов Минспортом России внесены изменения в Порядок включения мероприятий в ЕКП (Единый календарный план) [6] и Положение о ЕВСК (Единая всероссийская спортивная классификация) [5], предусматривающие новый статус межрегиональных соревнований, не являющихся чемпионатами или первенствами федеральных округов. Однако данные решения не сглаживают про-

блему отсутствия соответствующего Порядка включения физкультурных и спортивных региональных и межмуниципальных мероприятий в календарный план региона.

Минпросвещения России совместно с Минспортом каждый год утверждают Всероссийский сводный календарный план физкультурных и спортивных мероприятий, которые направлены на развитие физической культуры и спорта в различных организациях. На современном этапе одними из самых массовых мероприятий являются Всероссийские спортивные соревнования школьников «Президентские состязания», а также «Президентские спортивные игры». Массовость мероприятия обусловлена тем, что и в 2018, и в 2019 гг. к участию в мероприятии «Президентские состязания» было привлечено свыше 11,1 млн учащихся 1–11-х классов, а в «Президентские спортивные игры» – более 6,2 млн учащихся 5–11-х классов. Начиная с 2018 г. Минпросвещения России проводит Всероссийские спортивные игры школьных спортивных клубов. В 2019 г. в муниципальном этапе Игр приняли участие более 300 тыс. обучающихся [8].

Отдельно необходимо отметить проведение мероприятий с целью активизации физкультурно-спортивной работы с населением. Минспортом России совместно с органами исполнительной власти субъектов РФ в области физической культуры и спорта проводятся крупные физкультурные и пропагандистские мероприятия спортивной направленности: «Лыжня России», «Кросс нации», «Оранжевый мяч», День физкультурника, «Оздоровительный спорт – в каждую семью». В качестве акций проводятся физкультурно-спортивные мероприятия на стадионах и спортивных площадках, по месту жительства, а также в местах массового отдыха граждан. Все желающие, независимо от уровня спортивной подготовки, могут принять участие в мероприятиях: мастер-классах по различным видам спорта, соревнованиях по футболу, баскетболу, волейболу, настольному теннису, шахматам, массовых зарядках и т. д. [8, с. 82].

Таким образом, благодаря многоуровневой системе происходит развитие социально-политического управления в сфере спорта. Разные уровни власти отвечают за определенный круг задач, например, федеральные контролируют и обеспечивают нужными ресурсами спортивные движения, региональные обладают высоким уровнем автономии и реализуют спортивные программы, исходя из своих возможностей и потребностей населения. Государственный аппарат в сфере спорта имеет множество полномочий, в том числе и по реализации государственных программ в области

спорта, организации спортивных мероприятий различных уровней, контролю общероссийских спортивных федераций и проведению мероприятий для мотивации граждан к ведению спортивного и здорового образа жизни. В Российской Федерации необходима эффективная система управления, которая будет поощрять проведение «открытых» спортивных соревнований, увеличение количества зональных соревнований и совершенствование подготовки спортивного резерва как на уровне субъектов РФ, так и на муниципальном уровне.

Научный руководитель Р. Ю. Зуля

Литература

1. Глинчикова Л. А. История физической культуры : учебное пособие. Уфа : Изд-во БГПУ, 2011. 215 с.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. : офиц. текст. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
3. Курочкин В. В. Финансирование физической культуры и спорта в России // Экономика. 2016. С. 137–140. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansirovanie-fizicheskoy-kultury-i-sporta-v-rossii/pdf> (дата обращения: 07.10.2021).
4. О физической культуре и спорте в Российской Федерации : федер. закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
5. Об утверждении положения о Единой всероссийской спортивной классификации : приказ Минспорта России от 20 февраля 2017 г. № 108 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
6. Об утверждении Порядка включения физкультурных и спортивных мероприятий в Единый календарный план межрегиональных, всероссийских и международных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий : приказ Минспорта России от 30 ноября 2017 г. № 1034 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
7. Фискалов В. Д. Социальные аспекты практики спорта : учеб. пособие. Волгоград : ФГБОУ ВО «ВГАФК», 2018. 140 с.
8. Цинченко Г. М., Орлова И. С. Государственная политика Российской Федерации в сфере развития физической культуры и спорта // Менеджмент. 2019. № 3. С. 76–87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-rossiyskoy-federatsii-v-sfere-razvitiya-fizicheskoy-kultury-i-sporta/pdf> (дата обращения: 05.10.2021).

В. А. Хабибулина*Иркутский государственный университет*

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ

Правительство Иркутской области является постоянно действующим высшим государственным органом в регионе, относится к исполнительной ветви власти. Большое значение для его работы имеет политическая коммуникация – взаимодействие Правительства с жителями области посредством разнообразных каналов и площадок, в частности, в интернете. Особую актуальность проблема политической коммуникации органов власти с обществом в сети Интернет приобрела в период пандемии. «Интерфакс» заявил, что во время пандемии Интернетом стали пользоваться 78 % россиян. До этого заместитель руководителя Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации А. К. Волин заявил, что число пользователей интернета в России приблизилось к отметке в 100 млн человек [1].

Автор статьи ставит цель проанализировать интернет-ресурсы Правительства Иркутской области по следующим критериям: легкость нахождения, регулярность наполнения информацией, качество текстового и визуального контента, уровень вовлеченности аудитории.

На сайте Правительства Иркутской области размещена вся необходимая базовая информация: контактные данные, которые население может использовать, чтобы оставлять обращения, нормативно-правовая документация. Вкладки с информацией об эпидемиологической обстановке и горячей линии по коронавирусу присутствуют. Есть и сводка последних новостей, добавлена дополнительная вкладка с информацией по строительству и реставрации дамбовых сооружений после наводнений 2019 г. [3]. На сайте представлена официальная информация о Губернаторе Иркутской области Игоре Ивановиче Кобзеве, можно найти материалы его обращений к гражданам и властям.

У сайта есть версия для слабовидящих. Пользователь может выбрать размер шрифта и цвет сайта. Мобильная версия сайта удобна и позволяет загрузить необходимые изображения и документы.

На странице указаны ссылки на социальные сети («Одноклассники», «ВКонтакте», «Инстаграм», «Фэйсбук»). Исходя из вышеперечисленных критериев, самыми неудачными стали аккаунты Правительства в «Инстаграм» и «Фейсбук».

Аккаунт в «Инстаграме» найти проблематично, учитывая, что о причастности к Правительству в нем не сказано. У аккаунта с названием «Иркутская область» 2 760 подписчиков, на момент анализа последняя публикация была сделана 20 сентября [2]. Максимальное количество публикаций – 2 публикации в неделю. ER у аккаунта (уровень вовлеченности аудитории, рассчитывается по формуле: (лайки/охваты+комментарии)/кол-во подписчиков×100%) низкий – 0,06 %, в то время как оптимальный – хотя бы 2–3 %.

Сам контент носит информационный характер, тексты и визуальные материалы стандартные. Комментарии пользователей не обрабатываются и остаются без ответа, что превращает канал коммуникации в обычный канал распространения информации. Поэтому можно резюмировать, что возможность взаимодействия Правительства области с жителями региона не используется.

В «Фейсбук» контент полностью дублируется и ведется аналогично, но в нем отклик от аудитории нулевой: отметок «нравится» и комментариев почти нет, на страницу подписаны всего 83 человека [4].

Нельзя не отметить, что хоть «Инстаграм» и является частью холдинга «Фейсбук», аудитория этих социальных сетей совершенно разная. Следовательно, должна отличаться и форма подачи материала, но такой подход адаптации контента под целевую аудиторию не прослеживается, что и делает материалы в «Фэйсбук» неинтересными для пользователей этой социальной сети.

«ВКонтакте» отличается от предыдущих социальных сетей, аудитории у официальной страницы Иркутской области больше, а именно – 312 032 подписчиков. Комментариев под контентом больше, но ненамного, и они также остаются без ответа. Постинг более частый, но время постинга беспорядочно [5]. Из «ВКонтакте» контент дублируется в «Одноклассники», там аудитория более вовлеченная, активно делится и комментирует публикации. Группа Правительства в социальной сети имеет 31 515 подписчиков [6]. В «Одноклассниках» и «ВКонтакте» много видеоконтента, инфографики, такой контент быстро становится вирусным.

Делая вывод по интернет-ресурсам Правительства, можно отметить, что сайт является исчерпывающим источником информации, в то время как социальные сети ведутся «для галочки». Сообщества делают комментарии открытыми, чтобы пользователи

могли давать обратную связь и задавать вопросы. Но если взаимодействие с аудиторией не предусмотрено, то лучше и вовсе закрыть комментарии, а не игнорировать их.

Социальные сети нужны для интерактивного общения с аудиторией, Правительство Иркутской области же публикует только информационный контент, который не вызывает большого интереса у пользователей, в особенности, у молодежи. Аудитория может элементарно не понимать пользу публикуемой информации. Факт встречи министра А и министра Б не дает пользы читателю. Если же простым и понятным языком будет рассказано, для какой цели встретились министры и какую конкретно пользу от этой встречи и от этой информации получит читатель, то ценность контента и отклик аудитории заметно повысятся. Текст, в первую очередь, должен быть понятным читателю и нести пользу для него. Разумеется, официальные аккаунты выдерживают определенную долю официальности в повествовании, но излишний официоз следует оставить для политических встреч и переговоров, а не для обыкновенных читателей.

Для увеличения охвата и отклика от жителей области на материалы, публикуемые в социальных сетях, следует делать акцент на вещах, которые волнуют жителей региона, рассказывать, спрашивать мнение. Если контент не вызывает отклика у аудитории, алгоритмы социальных сетей рассматривают его как неинтересный, поэтому информацию видит еще меньше пользователей: система ставит неинтересный контент в конец новостных лент. Другими словами, каналы политической коммуникации должны выполнять свои функции, только тогда они эффективно работают, в этом и заключается смысл регистрации в социальных сетях. Но помимо поддержания видимости коммуникации все эти каналы не выполняют поставленной перед ними задачи, и мы можем резюмировать, являются неэффективными площадками диалога государства и общества.

Научный руководитель Р. Ю. Зуляр

Литература

1. Интерфакс : информ. агентство. URL: <https://www.google.ru/amp/s/www.interfax.ru/amp/727863> (дата обращения: 07.10.2021).
2. Иркутская область // Instagram : сайт. URL : <https://www.instagram.com/irkobl.ru/> (дата обращения: 07.10.2021).
3. Правительство Иркутской области : офиц. сайт. URL : <https://irkobl.ru/index.php> (дата обращения: 07.10.2021).
4. Правительство Иркутской области // Facebook : сайт. URL: <https://www.facebook.com/irkobl.ru> (дата обращения: 07.10.2021).
5. Правительство Иркутской области // ВКонтакте : сайт. URL: <https://vk.com/irkutskgov> (дата обращения: 07.10.2021).
6. Правительство Иркутской области // Одноклассники : сайт. URL: <https://ok.ru/group/57727527813296> (дата обращения: 07.10.2021).

Т. Р. Хугаев

Иркутский государственный университет

ПРАВИЛО ЦИПФА КАК СПОСОБ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ

В данной статье будет рассмотрено использование правила Ципфа для оценки социально-экономической дифференциации субъектов Российской Федерации. Само правило, представляющее собой математическое описание закона Парето (правило 80/20), является методом точной количественной оценки. В ходе исследовательской работы были проведены расчёты по демографической, бюджетной и экономической дифференциации регионов России.

Несмотря на то что закон Ципфа был открыт ещё в 1908 г. и с тех пор получил широкую известность, он достаточно редко применялся как научный метод. В российской науке он был использован в отдельных работах, среди которых были работы, посвященные анализу межстрановой дифференциации, межрегиональных различий в ВРП и долях занятого населения. За рубежом метод, прежде всего, использовался как инструмент оценки городских иерархий и нашёл своё подтверждение в работах таких исследователей как Х. Оверман, Б. Берри, А. Окулич-Козарин, В. Зигин [1].

Закона Ципфа можно выразить следующей формулой: $y = kx^{-\alpha}$ (2), где k – константа; x – количество; α – экспонента степенного закона. Формула демонстрирует, что чем больше показатель степени экспоненты на графике, тем сильнее проявляется дифференциация значений [3].

Для оценки различных уровней дифференциации субъектов РФ в статье были использованы данные таких статистических источников как Федеральная служба государственной статистики (Росстат) и Министерство финансов Российской Федерации. На основе полученных данных можно выделить следующие типы дифференциации:

1. Демографическая дифференциация: она была рассчитана по численности населения на 01.01.2020 по данным Росстата (рис. 1) [4].

Показатель степени составил 0,9, что позволяет говорить об очень высокой дифференциации в демографическом плане. В Москве и Московской области проживает столько же человек (20,3 млн, что составляет 13,8 % от всего населения страны) сколько в 35 наименее населенных субъектах. С учётом постоянной миграции

населения в столичный регион можно говорить о том, что со временем разрыв будет увеличиваться ещё сильнее.

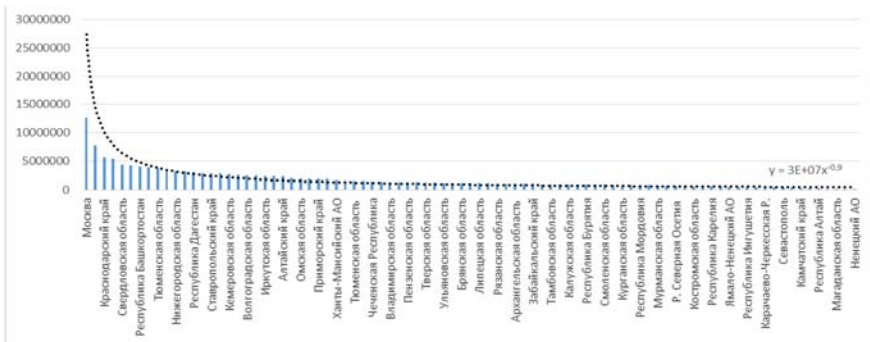

Рис. 1. Дифференциация регионов по населению (на 01.01.2020)

2. Социальная дифференциация: она была рассчитана по размеру средней заработной платы на основании данных Росстата (рис. 2) [4].

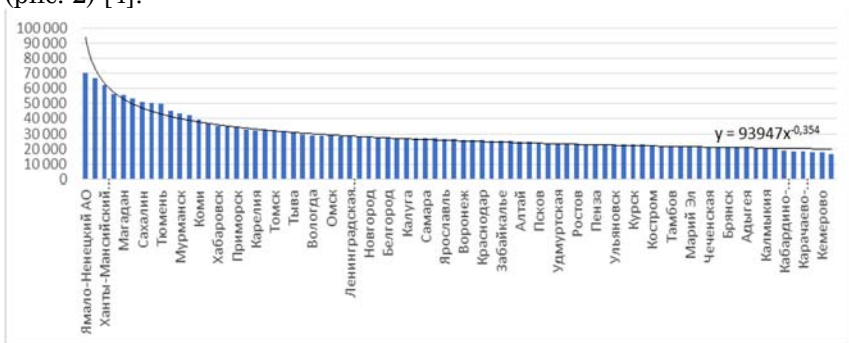
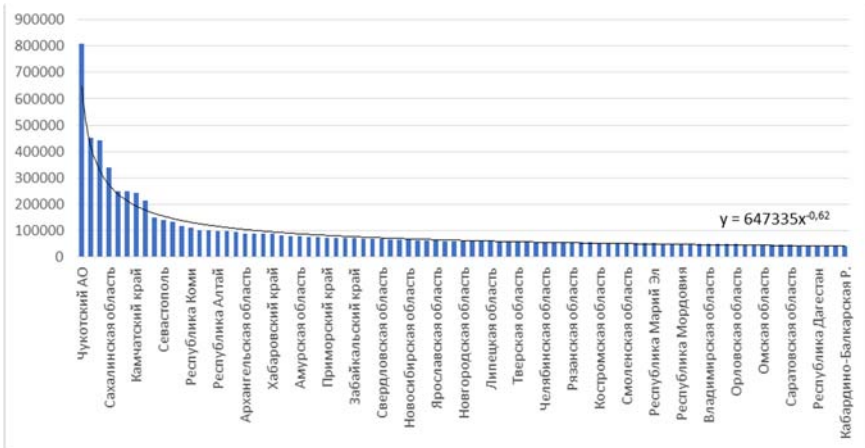
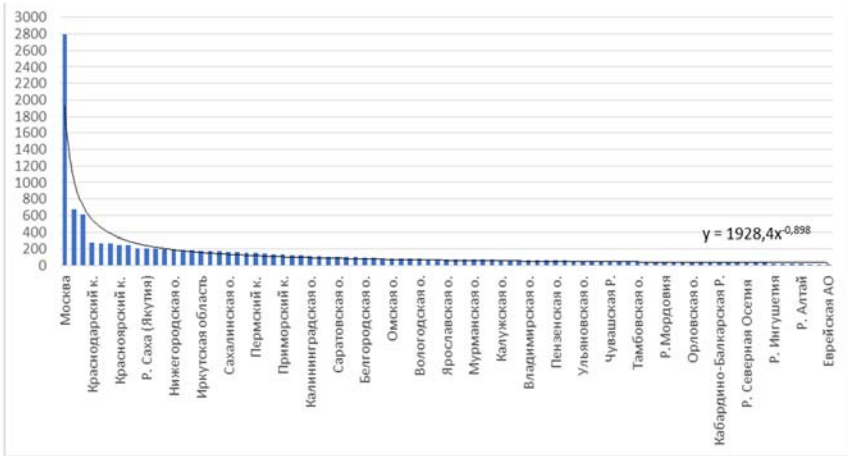

Рис. 2. Дифференциация регионов по уровню средней заработной платы (на 01.01.2020)

В данном случае значение составило 0,35 что могло бы указывать на достаточно небольшую дифференциацию, но это можно объяснить тем, что в расчете были задействованы усреднённые значения по регионам, что уже сглаживает различия [6].

3. Бюджетная дифференциация: выражена в фактических и душевых доходах консолидированных бюджетов субъектов по данным Минфина России (рис. 3, 4) [2].

Равно как и с демографическими показателями, в бюджетном аспекте можно наблюдать крайне высокую дифференциацию, которая, правда, немного смягчается, если рассматривать доходы на душу населения. В данном случае на Москву и Московскую область в сумме приходится 16,7 % (3416 млрд руб.) от суммарного дохода бюджетов регионов, что равняется доходу 56 наименее богатых субъектов РФ.

Анализируя показатели, можно говорить о достаточно большой дифференциации в социально-экономических показателях субъектов Российской Федерации и о большой концентрации людских и финансовых ресурсов Москве и Московской области, что, как правило, не характерно для федеративных стран и более характерно для излишне централизованного государства, перенаправляющего все ресурсы в центр.

Научный руководитель А. Н. Фартышев

Литература

1. Манаева И. В., Канищева А. В. Закон Ципфа: межстрановой анализ // Экономический анализ: теория и практика. 2018. № 7 (478). С. 1337–1351. DOI: 10.24891/ea.17.7.1337.
2. Минфин России : офиц. сайт. URL: <https://www.minfin.ru/ru/document/orders/printable.php> (дата обращения: 07.10.2021).
3. Фартышев А. Н. Идентификация уровня межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации с помощью правила Ципфа // География и природные ресурсы. 2020. № S5 (164). С. 221–226. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2020-5(221-226).
4. Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 13.10.2021).

М. Г. Чернов

Иркутский государственный университет

РАЗВИТИЕ ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ОРГАНАМИ ВЛАСТИ

Развитие профсоюзного движения на территории России в сравнении с западными профсоюзными организациями имеет ряд особенностей. Это обусловлено социально-политическими условиями появления профсоюзных движений. Профсоюзы в Европе и США появились в эпоху зарождения политических партий и монополизации рынка, развитие же профсоюзного движения в России происходило в революционное время, что накладывало на него определенные особенности. Так, профессиональные союзы в революционной России занимали определенную нишу, стали объединяющим фактором для пролетариата. События 1905–1907 гг. подтолкнули к созданию профессиональных союзов во многих городах Российской империи, большинство из них было легализовано, но ликвидировано в дальнейшем. Можно отметить, что профсоюзное движение в России в момент своего зарождения имело латентный характер, ведь оно не поддерживалось официальными органами

власти, а существовавшие нормативно-правовые документы не отвечали запросам населения.

Новым витком развития профсоюзного движения стали события 1917 г., а именно Октябрьская революция. После установления советской власти профессиональные союзы были полностью легализованы и получили поддержку со стороны государства, ведь они стали основой представительства рабочего класса, помогали пролетариату защищать свои социальные, экономические и политические права. В 1918 г. был учрежден первый Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС), на котором были приняты основные нормативные документы деятельности профсоюзов, в дальнейшем орган объединил все профессиональные союзы на территории страны.

Можно заключить, что профессиональные союзы заняли важнейшую нишу в политической системе страны. С одной стороны, профсоюзы стали самым многочисленным объединением рабочих, которые выражали и защищали их интересы, с другой стороны, они влияли на принятие политических решений, которые касались социальных, экономических и политических прав рабочих. Необходимо отметить, что основная деятельность профессиональных союзов происходила на конкретных предприятиях. Так, в послереволюционные годы профессиональные союзы стали бороться с тотальной безграмотностью среди рабочих, боролись с безработицей на территории функционирования предприятия, стали обеспечивать продуктами и предметами первой необходимости рабочих и их семьи. В советский период профессиональные союзы своей деятельностью охватывали практически все население, ведь не существовало предприятий, где бы не было представительных органов профсоюзов [2, с. 14].

Если говорить о значимости самой организации в масштабах страны, то Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов владел значительными ресурсами. Так, в его собственности находились здания и учебные помещения, санаторно-курортные комплексы, детские лагеря летнего или полного цикла и т. д. Отдельно стоит отметить, что ВЦСПС выпускал газету «Труд», которая была самой популярной среди населения страны. Так, к 1990 г. газета имела тираж свыше 21 млн единиц. Все это указывает на масштабность и значимость профсоюзного движения на территории страны. С одной стороны, оно становилось субъектом государственной политики на местах, осуществляя восстановление народ-

ного хозяйства и мотивацию рабочих в послевоенное время. С другой стороны, профсоюзы стали основным инструментом защиты и представительства интересов рабочих, как на местном уровне, так и на государственном, ведь влияние и масштабность ВЦСПС не позволяла органам власти игнорировать их запросы.

Новым важнейшим этапом развития профессиональных союзов на территории России стали события 1991 г. распад СССР. Демонтаж советской власти не мог не затронуть деятельность профессиональных союзов. Так, изменения в социальной, экономической, культурной и политической сферах привели к масштабной безработице, невыплате заработной платы рабочим, сокращению возможностей санаторно-курортного отдыха/лечения, общей незащищенности социально-экономических прав рабочих. Эти социальные процессы ставили перед профессиональными союзами новые вызовы, «ведь их авторитет и влияние постепенно падали» [4, с. 42]. Рассматривая взаимодействие с органами государственной власти в 90-х гг. XX в., можно отметить, что профессиональные союзы остались без поддержки со стороны власти, а сама их деятельность была сильно ограничена. Поэтому в ВЦСПС решили отделить административные функции на предприятиях от своих функций, что привело к созданию новых, альтернативных структур, выполняющие данные задачи.

В дальнейшем перестроение системы управления профессиональными союзами, переосмысление их задач и функций, новые кадровые и финансовые решения привели к созданию Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР). Организация является правопреемницей ВЦСПС, функционирует на сегодняшний день и объединяет большинство отраслевых профессиональных союзов. ФНПР в 1996 г. «насчитывала в своем составе около 122 организаций и около 24 млн членов, что охватывало около 88,5 % от числа работающих» [1, с. 114]. Необходимо отметить, что большое количество профессиональных союзов не входят в состав ФНПР и действуют самостоятельно. Общая численность профессиональных союзов на момент 2019 г. составляла 20 066 зарегистрированных организаций [3, с. 175].

Рассматривая современный этап развития профессиональных союзов в России, можно резюмировать, что они расширяют зону своего влияния и налаживают систему социального партнерства. Модернизация деятельности профессиональных союзов совпала с перестроением государственной системы в России. Так, развитие тру-

догового законодательства поставило перед профессиональными союзами новую задачу – осуществление экспертизы новых законопроектов, касающихся Трудового Кодекса Российской Федерации. Анализируя взаимодействие профсоюзов с органами государственной власти можно заметить определенную двойственность. С одной стороны, профессиональные союзы занимаются прежними задачами, к которым относятся содействие в поиске работы, разработка механизмов сокращения безработицы, создание и развитие системы мер социальной поддержки и защиты рабочих. Однако с другой стороны, профессиональные союзы попали в зависимость от органов государственной власти, ввиду слабого политического плюрализма.

Научный руководитель М. Л. Рыбалко

Литература

1. Трудовое право: учебник / Н. А. Бриллиантова [и др.] ; под ред. О. В. Смирнова. М. : ТК Велби : Проспект, 2004. 528 с. URL: <https://clck.ru/YNbT4> (дата обращения: 18.10.2021).
2. Гнетова Л. В. Эволюция советского законодательства, регламентирующего рабочее время и время отдыха: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства, история учения о праве и государстве» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. 23 с. URL: <https://clck.ru/YNbnZ> (дата обращения: 18.10.2021).
3. Россия в цифрах. 2019: Краткий статистический сборник. М. : Росстат, 2019. 549 с. URL: <https://clck.ru/YNbqQ> (дата обращения: 18.10.2021).
4. Соколенко Н. Н. Профсоюзы как универсальные представители работников // Кадровик. 2016. № 6. С. 38–44.

И. С. Широков

Байкальский государственный университет

РОЛЬ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ В ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Современный технологический прогресс создаёт новые формы взаимодействия между людьми. С начала 2000-х гг. традиционные средства коммуникации утрачивают свою актуальность на фоне возросшей популярности интернета и сетевых технологий. Важной особенностью интернет-коммуникации является её открытость в странах с устоявшимся демократическим режимом. Демократическая делиберация предполагает прямое вовлечение граждан в процессы обсуждения политических решений, создание инструментов

для восприятия гражданского мнения и для установления открытой политической коммуникации. Этому способствуют механизмы электронной демократии и пространство, создаваемое инновационными технологиями для полноценной политической коммуникации граждан. Описание эмпирической опоры делиберативной политики предложено Ю. Хабермасом: «Эмпирическую опору понятие делиберативной политики получает при учёте всех форм коммуникации, в которых совместная воля образуется при помощи этического самосогласия, за счёт уравнивания интересов и достижения компромисса, за счёт целерационального выбора средств, морального обоснования и проверки на юридическую связность» [3, с. 391].

Механизмы демократии и её модифицированной формы – электронной демократии, ставят критическую задачу оптимизации народовластия и выбора группы представителей для принятия решений от имени более широкого сообщества людей. Примеры решения такой задачи представлены в странах представительной демократии: выборы в представительные органы государственной власти на национальном и региональном уровне; выборы в профсоюзы; выборы исполнительных должностных лиц или советов неправительственных организаций. Для электронной демократии на текущем этапе развития менее интересна представительная форма демократии. При этом одной из важных концепций для представительной демократии является концепция пропорционального представительства, описанная в работах Джона Стюарта Милля («Соображения о представительном правительстве», 1862 г.) [2].

С точки зрения электронной демократии, плебисцитарная форма предоставляет право гражданам онлайн, при помощи электронного голосования, принимать или отвергать подготовленные правительством решения, и прямая форма демократии предоставляет право гражданам на непосредственное участие в процессе подготовки, обсуждения и принятия политических решений при помощи онлайн-пространства.

Можно отметить некоторые положительные аспекты вовлечения граждан при помощи инструментов электронной демократии в решение политических вопросов. Прежде всего – это создание гражданского общества, способного выполнять функцию ограничения произвола власти высших должностных лиц, или снятие вопроса о равноправии политических голосов и/или мнений. Интересно мнение по этому вопросу, высказанное Д. С. Миллем, предлагавшим отдавать голоса пропорционально ряду интеллектуаль-

ных параметров человека (количество голосов в соотношении с показателями компетентности). Особенностью же демократии является моральное равенство людей, отражённое в политической плоскости, при этом онлайн-возможности также укрепляют моральное равенство. Следуя выводам Ю. Хабермаса, при определении условий эмпирической опоры делиберативной политики, моральные обоснования особенно важны, что ещё раз доказывает значение морали в политике. Не стоит забывать о добродетельности гражданского общества (рассматривая его как неделимую часть политических процессов). Это не менее важно, чем политическая компетентность, так как политические элиты не могут быть гарантированно добродетельны, о чём писал Никколо Макиавелли [1].

Инструменты электронной демократии поддерживают и усиливают моральное равенство и добродетельность в гражданском обществе при помощи общественного обсуждения политико-социальных решений в стране. Все вышеперечисленные аспекты актуализируют возможности использования электронной демократии.

При этом возможности электронной демократии могут быть востребованы только при демократизации общества и политических институтов. Процесс демократизации можно понимать как внедрение принципов демократии в политическую систему, общество, культуру. Предпосылки демократизации системы отношений «власть – население» могут быть экономическими, социальными и политическими.

Социальные условия демократизации предполагают готовность со стороны общества к принятию новых условий, что становится возможным при наличии значительной прослойки среднего класса, образованности населения и сглаживании социального неравенства.

Политическими условиями демократизации являются: разделение власти на исполнительную, законодательную и судебную; признание государственной власти как представительной и закрепление основного источника власти за народом, а народа – как правомерного носителя верховной власти; наличие развивающегося или развитого гражданского общества; равенство государства и общества перед законом, наличие гарантий соблюдения прав и свобод; распространение прав на всех граждан и институты. И такие предпосылки предполагают создание правового демократического государства.

Экономическими условиями являются: свободная конкуренция в рамках рынка и отсутствие монополий или их ограничение; обеспечение равных условий для предпринимателей со стороны регулятора; товарное производство; защита участников рынка регулятором от недобросовестной конкуренции.

Только наличие данных условий позволяет на практике внедрять принципы демократии, новые каналы коммуникации и новые формы электронной демократии и на этой основе демократизировать систему отношений «власть – население».

Научный руководитель А. В. Шалак

Литература

1. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М. : Попурри, 2020. 672 с.
2. Милль Д. С. Соображения по представительному правительству путем Джон Стюарт Милль. 1-е изд., Нью-Йорк : Генри Холт и компания. 1861. 270 с.
3. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю. С. Медведева ; под ред. Д. В. Складнева. 2-е изд., стереотип. СПб. : Наука, 2001. 417 с.

К. П. Юрьев

Иркутский государственный университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ И ПРИРОДООХРАННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В XXI в.

Зарождение глобальных экологических проблем современности пришлось на конец XIX в. и совпало с широкомасштабной мировой индустриализацией. В отечественной практике одни из первых экологических движений появились на территории Иркутской области. На протяжении XX в. на территории области формировались свои традиции и принципы экологической работы, совершенствовались принципы взаимодействия общества и государства в экологической сфере. Распад СССР в конце XX в. привел к кардинальным изменениям во всех сферах общественной жизни. Цель статьи – рассмотреть деятельность экологических движений и природоохранных организаций в начале XXI в. и их современное состояние.

Начиная с 2000-х гг. экологические организации начали принимать новую форму – форму некоммерческих организаций. Взрыв социальной активности в конце XX в. обусловил массовый рост

НКО, в том числе экологических. Среди них можно выделить организации, которые занимаются экологическим просвещением и воспитанием населения, осуществляют надзор и контроль за природными объектами в регионе, напрямую содействуют сохранению памятников природы и природных объектов Иркутской области. С 2002 г., когда началось ведение учета НКО, по 2021 г. на территории Иркутской области было образовано более 100 НКО экологической направленности [8].

Свою деятельность продолжают такие основополагающие экологические организации как «Иркутское областное отделение Русского географического общества» (председатель Л. М. Корытный), и Иркутское областное отделение Общероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны природы» (председатель В. М. Шленова). Их деятельность направлена на решение экологических проблем Иркутской области, их научное изучение и формирование практического подхода [5; 6].

Существует и функционирует в настоящее время и другой известный проект «Большая Байкальская Тропа». Официально организация была создана в 2003 г., но ее деятельность начинается с 1997 г., когда на Байкале развивался проект «Bed and Breakfast» в рамках проекта ROLL Агентства США по международному развитию (USAID). В 2001 г. высокопоставленные чиновники из Службы леса США посетили Байкал и изучили проект «Большой Байкальской Тропы». В 2003 г. проект получил первое финансирование на разработку строительных планов. Изначальная идея проекта – создание микрोगостиниц и единой пешей тропы вокруг всего озера Байкал. С 2010 г. организация проводит экологические уроки по всей территории Иркутской области. В 2019 г. был получен президентский грант на реализацию проекта «Сохраняем природу, работая для людей». В настоящее время ББТ продолжает свою работу и активно реализует новые проекты на территории Иркутской области и республики Бурятия. Всего за период существования организации было реализовано более 180 волонтерских проектов [3].

Развитие экологических НКО в Иркутской области массово продолжалось до 2012 г. После этого их количество стало стремительно уменьшаться. Причины разные, но основная – отсутствие поддержки и неоднозначная позиция властей по отношению к экологическим организациям. По состоянию на 2021 г. только одна экологическая организация получает субсидии из областного бюджета – это Иркутское областное отделение Общероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны природы» [7].

Отдельного упоминания заслуживает экологическая организация «Байкальская экологическая волна». Она была создана в 1990 г. группой молодых ученых и студентов, интересующихся экологической тематикой. Деятельность организации имела широкий спектр: работала собственная видеостудия, где снимали фильмы про Байкал, пропагандировалась забота об экологии, велась издательская деятельность – ежеквартально издавался экологический журнал «Волна», структура занималась привлечением грантовых средств для создания экологических проектов, защищала права граждан на безопасную окружающую среду и следила за действиями властей. Главной целью организации являлось экологическое просвещение и экологический общественный контроль [1].

Организация активно участвовала в решении кризисных экологических ситуаций в Иркутской области, помогала жителям поселений и городов отстаивать свои права и обращала внимание на нерешаемые вопросы. 10 ноября 2015 г. организацию внесли в список «иностранных агентов влияния», после чего она перестала существовать. Основная причина – иностранные гранты и денежные поступления, организация митингов по экологической проблематике [2].

С началом XXI в. продолжилась совместная работа Байкальского экологического движения. Крупномасштабные экологические проблемы не исчезали сами собой и для их решения требовались серьезные меры. За 20 лет XXI в. произошло два крупных экологических конфликта. Участники движения активно боролись против строительства нового трубопровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» и решали проблему загрязнения озера Байкал Байкальским целлюлозно-бумажным комбинатом [4].

Таким образом, можно сказать, что современные экологические движения Иркутской области в целом сохранили богатое наследие первых экологических движений СССР и Байкальского экологического движения, в частности. Появились и новые формы работы в виде создания эконоКО и экологических общественных объединений, которые проводят широкомасштабную работу в экологической сфере.

Научный руководитель Р. Ю. Зуляр

Литература

1. Байкальская экологическая волна // Академик : сайт. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/617803> (дата обращения: 05.10.2021).
2. Байкальская экологическая волна: Мы не продавали Родину // Ирсити.ру : сайт. URL: <https://ircity.ru/articles/9097/> (дата обращения: 05.10.2021).
3. Большая Байкальская Тропа : [сайт]. Иркутск, 2021. URL: <https://greatbaikaltrail.org/> (дата обращения: 05.10.2021).

4. Булатова С. Н. Байкальское движение 2006 г.: исторический и коммуникационный аспекты // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2017. № 2(28). С. 68–73. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29898508> (дата обращения: 05.10.2021).
5. Иркутское областное отделение Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны природы»: [сайт]. Иркутск, 2021. URL: <http://voopirk.ru> (дата обращения: 05.10.2021).
6. Иркутское областное отделение Русского географического общества: [сайт]. Иркутск, 2021. URL: <https://www.rgo.ru/ru/irkutsk> (дата обращения: 05.10.2021).
7. Реестр некоммерческих организаций – получателей поддержки // Правительство Иркутской области: сайт. URL: <https://irkobl.ru/sites/ngo/sonko/> (дата обращения: 05.10.2021).
8. Сараев В. Г. Экологические некоммерческие организации Иркутской области: факторы функционирования // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 12(115). С. 98–105. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24504209> (дата обращения: 05.10.2021).

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Е. В. Заикина

Алтайский государственный университет

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

С начала 2000-х гг. Российская Федерация и Китайская Народная Республика активно развивают двусторонние проекты и соглашения, направленные на укрепление торгово-экономических связей и создание совместных предприятий в приграничных регионах. Для китайской стороны территории Сибири и Дальнего Востока являются источником дешевого сырья, необходимого для дальнейшего стимулирования промышленного производства в северо-восточных провинциях. При этом в восточных областях России существует давняя проблема нехватки профессиональных кадров в ряде отраслей экономики. Именно поэтому необходимо обратить внимание на сотрудничество РФ и КНР в области миграционной политики, выявить факторы, оказывающие влияние на демографическую обстановку, и возможные перспективы регионального развития.

В первую очередь актуальной темой остается стремительный темп роста населения в КНР, несмотря на политику контроля со стороны властей. При этом идет массовая миграция из села в город, которую на местном уровне пытаются сдерживать административными методами. Поэтому китайское правительство давно занимается регулированием потока переселенцев в соседние государства, в том числе и в Россию [1]. В нашей стране происходит обратная

ситуация. Остается актуальной демографическая проблема, на восточные регионы оказывается экономическое давление, что требует расчёта допустимого уровня китайской миграции.

В качестве второго фактора выступает стремительное увеличение китайского внешнеполитического влияния, которое приходится учитывать при реализации российских проектов в Азиатско-Тихоокеанском регионе [2]. Во многом политическая стратегия государств АТР зависит от КНР, поэтому Россия заинтересована в мирных отношениях с соседней страной.

Третий фактор – активный рост китайской экономики, нуждающейся в сырьевых ресурсах Сибири и Дальнего Востока. Потребность в сотрудничестве привела к созданию основы для проектов по поставке российских энергоресурсов в приграничные провинции КНР, китайских инвестиционных вложений в лесоразработки и модернизации инфраструктуры Дальнего Востока.

Отдельно выделим влияние на миграционные процессы образовательного аспекта. Многие российские и китайские студенты едут учиться в вузы двух стран по совместным программам профессиональной подготовки. После окончания обучения они могут получить диплом, который дает им возможность в дальнейшем трудоустроиться по широкому кругу профессий от научно-технической до лингвистической направленности. Многие устраиваются на работу в качестве переводчиков и документоведов на совместных производствах, учат китайский язык, так как на нем зачастую ведется делопроизводство на совместных предприятиях. Благодаря подобной академической мобильности, налаживаются тесные связи между двумя государствами, происходит обмен научным опытом и подготовка квалифицированных кадров для Сибири и Дальнего Востока.

Приоритетом российской внешней политики является восточное направление, которое может способствовать расширению деловых контактов в Азиатско-Тихоокеанском регионе [3].

Проблема заключается не в увеличивающемся количестве мигрантов из КНР, а в коррумпированности российских властей, коммерциализации и криминализации системы миграционного контроля. Отечественная миграционная политика носит охранительно-запретительный характер [4]. Её суть заключается преимущественно в выполнении паспортно-визовых процедур: квотировании, регистрации, учете, оформлении виз и пр. В нашей стране нет ответственности организаций за прием иностранной рабочей силы и обеспечение трудовой деятельности, а также отсутствуют меры адаптации мигрантов к условиям жизни в российских регионах.

Существуют претензии и к работе Главного управления по вопросам миграции и других государственных ведомств, занимающихся вопросами оформления въездных документов и таможенного регулирования.

В КНР с 1 августа 2012 г. начало действовать Постановление Государственного Совета № 620, в котором прописаны вопросы регулирования найма китайских работников и отправки их на работу за границу. Положение «Об управлении международным трудовым сотрудничеством» предоставляет право на подобную деятельность только китайским организациям и обязывает их охранять права и законные интересы трудовых мигрантов за рубежом, оказывать поддержку их деятельности посредством профессиональной подготовки, страхования, контроля, оформления документов и возлагает на них юридическую ответственность за ненадлежащее исполнение данных обязанностей [5].

Для упорядочивания потоков китайской рабочей силы на Дальний Восток, необходимо координировать работу профильных государственных органов на всех уровнях и контролировать миграционные процессы в приграничных районах. Поэтому в России начали разрабатывать ряд законодательных актов, которые предусматривают упорядочивание приема иностранных специалистов на работу и их взаимоотношений с начальством.

Перспективы сотрудничества в миграционной области зависят от двух факторов. Первым фактором выступает сохранение интереса граждан КНР, особенно из северо-восточных провинций, к рабочей деятельности в регионах Сибири и Дальнего Востока, несмотря на экономический рост и увеличение уровня урбанизации. Второй фактор – усиление потока квалифицированных рабочих из приграничных районов в европейские страны и США.

Особое влияние также оказывает миграционное законодательство России и Китая. Обе стороны начали проводить совместные мероприятия по упорядочиванию миграции из КНР, а также активизировалась борьба с незаконной миграцией и трудовой деятельностью. На межгосударственном уровне начали проводить регулярные консультации в рамках рабочей группы, занимающейся миграционными вопросами. Оптимизация китайской миграции – залог для будущего развития социально-экономического положения приграничных регионов. В качестве приоритета российской политики выступает привлечение отечественных специалистов на Дальний Восток при наличии сбалансированного иммиграционного законодательства. В подобной стратегии необходимо дать

оценку объема и структуры отечественной и иностранной рабочей силы, а также создать систему отбора кадров на региональном уровне. В первую очередь для этого необходимо создавать условия для активизации внутренней миграции, которой могут поспособствовать грамотная социальная политика и финансовые инвестиции.

Научный руководитель П. К. Дашковский

Литература

1. Бабаян Д. Демографический компонент российско-китайских отношений: вызовы и выгоды // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 6. С. 14–19.
2. Бояринцев И. Демографический аспект российских геополитических интересов в Северо-Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 6. С. 70.
3. Ван Гохун. Перспективы Российско-китайского сотрудничества в области трудовой миграции // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 61–68.
4. Занданова О. Ф. К вопросу об экономической эффективности привлечения и использования иностранной рабочей силы // Приоритетные направления социально-экономического развития Байкальского региона и Востока России в условиях глобальных и региональных вызовов : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 20–22 июня 2013 г. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. С. 180–185.
5. Ларин А. Г. Российско-китайские отношения и китайские мигранты в оценке россиян // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. С. 121.

А. А. Калюга

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН*

РОССИЯ И СТРАНЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Юго-Восточная Европа на сегодняшний день остается местом пересечения интересов большого количества стран и интеграционных группировок. При явном политическом крене в сторону евроатлантической интеграции регион остается открыт к экономическому и гуманитарному сотрудничеству. В нем сосредоточены интересы России, Европейского союза, Великобритании, Соединенных Штатов, Китая и Турции.

Российская Федерация исторически оставалась важным партнером для Балкан, в особенности для Сербии. Однако перспективы влияния России на полуострове выглядят туманно. Сейчас перед российским руководством стоит острый вопрос по обновлению своей политики в регионе.

До недавнего времени стратегия РФ в Юго-Восточной Европе сводилась к использованию минимально необходимых ресурсов для поддержания рабочей атмосферы на межгосударственном уровне и сохранения имеющихся материальных активов. Важной составляющей стратегии было недопущение расширения НАТО в регионе.

В целом подход оказался малоэффективным. В 2017 г. в НАТО вступила Черногория, а в 2020 г. тридцатым членом Североатлантического альянса стала Северная Македония [1]. Последними странами вне атлантического блока остаются Сербия и Босния и Герцеговина, но и здесь заметны тенденции по сближению с НАТО. Босния и Герцеговина с 2010 г. является участником плана действий по членству в Альянсе, а в начале 2021 г. страна учредила Комиссию по сотрудничеству с НАТО [4]. Единственной преградой для вступления государства в военный блок остается позиция одного из двух энтитетов – Республики Сербской, ориентированной на Белград. Сербия, в свою очередь, несмотря на приверженность военно-нейтральному статусу, сотрудничает со структурами НАТО и принимает участие в совместных военных учениях [5].

За последние семь лет Россия постепенно теряла свои позиции в регионе. Большую роль здесь сыграл кризис в отношениях между Западом и РФ после 2014 г. Резко ухудшились отношения с Грецией (в 2018 г.) и Черногорией (в 2016 г.). Отношения с Хорватией и Болгарией остаются сложными и непредсказуемыми, способными кардинально измениться (вспомним жесткую позицию в отношении российского газового проекта «Южный поток» со стороны болгарских властей в 2014 г. и последующую поддержку уже «Балканского потока», его запуск в начале 2021 г.).

Помимо евроатлантической интеграции интересам России в Юго-Восточной Европе угрожает активизация новых акторов в лице Китая и Турции. КНР с переменным успехом продвигает формат «17+1», с помощью которого реализует свои инфраструктурные проекты в регионе, являющиеся частью инициативы «пояса и пути». Турция инвестирует в своих главных «подопечных» в регионе, Албанию и Боснию и Герцеговину. Широкое взаимодействие Турция смогла наладить с Северной Македонией и Сербией. Те, в ответ на экономическую помощь, охотно выдают турецкому правительству беглых «гюленистов», которых Р. Эрдоган обвинил в попытке государственного переворота. 1 сентября 2021 г. на открытии генконсульства в Сербии Эрдоган заявил, что Турция уничтожит все структуры движения «Хизмет» на Балканах [3].

Важным элементом политики в регионе последние годы становится энергетическая составляющая. В начале 2021 г. Россия все-таки смогла запустить «Балканский поток», продолжение «Турецкого потока», который проходит по территории Болгарии до границы с Сербией и оттуда продолжается до границы с Венгрией. Запуск и начало коммерческого использования трубопровода – это значимое достижение России в регионе, к которому она шла в том или ином виде с 2007 г. Однако РФ – не единственная страна, развивающая здесь свои энергетические проекты. Идет активная эксплуатация Трансадриатического газопровода с участием азербайджанского и европейского капиталов. В свою очередь, США продвигают идею строительства СПГ-терминала в регионе. В начале 2021 г. был достроен СПГ-терминал на о. Крк в Хорватии, началась его эксплуатация. Таким образом, Юго-Восточная Европа в ближайшем будущем станет важным транзитным регионом для разнообразных международных энергетических проектов.

Несмотря на все вышеперечисленные вызовы, у России остается окно возможностей. Пока что расширение Евросоюза поставлено на паузу. Страны ЕС так и не смогли оправиться от последствий кризиса зоны евро, с учетом Брексита и пандемии COVID-2019 интеграционная структура ЕС столкнулась с новой волной экономической рецессии. В этих условиях дальнейшее расширение Европейского союза за счет стран Юго-Восточной Европы представляется нецелесообразным. Первый «звоночек» произошел в 2019 г., когда на Евросаммите не смогли согласовать начало переговоров с Северной Македонией и Албанией о вступлении в ЕС [2]. На сегодняшний день лишь у Черногории и Сербии есть возможность вступить в ЕС к 2025 г. Однако с учетом мирового кризиса эти сроки с большой вероятностью будут отодвинуты, в том числе, в связи с наступившей политической турбулентностью в Черногории и провалом диалога между Белградом и Приштиной.

Так, у России появляется шанс, на фоне нерешительных и туманных заявлений европейских лидеров о дальнейшей интеграции региона, взять инициативу в свои руки. Для этого РФ необходимо в краткосрочной перспективе изменить свой формалистский дипломатический подход в регионе, ориентированный на «эксклюзивное» партнерство лишь с избранными странами. Кроме того, России следует взять на себя роль государства-гаранта безопасности и активнее включиться в решение территориальных проблем в регионе, которые остаются одним из главных источников европейской нестабильности.

Одним из инструментов взаимодействия РФ и стран Юго-Восточной Европы должна стать площадка Евразийского экономического союза (ЕАЭС). На сегодняшний день заключено соглашение о зоне свободной торговли между Сербией и ЕАЭС. Появление конкретных результатов сотрудничества ЕАЭС и Сербии могут создать позитивный прецедент и для других балканских государств. Важным элементом сотрудничества России и стран в регионе может стать гуманитарное сотрудничество. Необходимо развивать взаимодействие в сфере культуры и образования. На сегодняшний день филиалы института Пушкина, продвигающие русский язык и культуру, представлены в Хорватии, Болгарии и Сербии.

Таким образом, перед Россией стоит непростая задача. Если она не сможет обновить свою внешнеполитическую стратегию в регионе, то в среднесрочной перспективе РФ будет «выдавлена» более активными акторами международной системы. Возможно, российской дипломатии стоит рассмотреть варианты ситуативных альянсов с Китаем или Турцией для усиления и создания единой региональной повестки. Ситуация в регионе в ближайшие годы будет усложняться, и все будет зависеть от того, сможет ли Россия показать себя в качестве гибкого и решительного игрока.

Научный руководитель И. В. Олейников

Литература

1. Государства-члены НАТО // НАТО : офиц. сайт. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_52044.htm (дата обращения: 12.10.2021).
2. ЕС не начнёт переговоры о вступлении Албании и Северной Македонии // Радио Свобода . URL: <https://www.svoboda.org/a/30223700.html> (дата обращения: 12.10.2021).
3. Турция зачистит Балканы от гюленистов // EA Daily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/09/01/turciya-zachistit-balkany-ot-gyulenistov> (дата обращения: 12.10.2021).
4. Relations with Bosnia and Herzegovina // NATO : official site. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49127.htm (date of access: 12.10.2021).
5. Relations with Serbia // NATO : official site. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_50100.htm (date of access: 12.10.2021).

Е. Л. Кичатинова

Иркутский государственный университет

ИРКУТСК И ПФОРЦХАЙМ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПОБРАТИМСКИХ КОНТАКТОВ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI в.)*

Российско-германские отношения в конце XX – начале XXI в. столкнулись с рядом стимулов и ограничений: с одной стороны, после распада СССР наблюдался стремительный рост взаимной заинтересованности в сотрудничестве, с другой стороны, отсутствие согласия по ключевым политическим вопросам наметило тренд на охлаждение отношений между странами.

Несмотря на неоднозначность взаимоотношений, ФРГ остаётся для РФ вторым торговым партнёром по объёму товарооборота после КНР (по данным статистики за 2020 г. товарооборот между странами составил 41,9 млрд долл. США), вторым направлением по импорту (23,4 млрд долл. США) и четвёртым по экспорту (18,5 млрд долл. США) [5]. В 2021 г. в результате роста спроса на углеводороды стороны успешно сотрудничают по вопросам энергетики, достигнуто соглашение по «Северному потоку – 2».

В условиях отсутствия согласия по ключевым политическим вопросам, со стороны представителей власти и общественности двух государств всё больше звучат призывы о необходимости поиска новых форматов сотрудничества, взаимодействия в других сферах. Одним из решений на региональном и муниципальном уровне является более активное использование инструмента «народной дипломатии», примером которого можно считать историю побратимского сотрудничества Иркутска и Пфорцхайма. Так, мэр Иркутска Р. Болотов в марте 2021 г. на встрече с Генеральным консулом ФРГ в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах Б. Финке отметил, что считает важным развитие «народной дипломатии», называя среди приоритетных сфер сотрудничества туризм, культуру, образование и медицину. Стороны договорились об обмене опытом по развитию инфраструктуры, взаимных визитах и совместных мероприятиях [2].

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Иркутского государственного университета для молодых ученых № 091–21–320 «Иркутск и Пфорцхайм: аналитический обзор побратимских контактов (конец XX – начало XXI вв.)».

Несмотря на превалирование в силу территориальной близости азиатско-тихоокеанского направления в структуре побратимских контактов Иркутской области, взаимодействие Иркутска и Пфорцхайма, точкой отсчёта которого принято считать 1989 г. (Соглашение о расширении дружбы и сотрудничества между муниципалитетами подписано в 1999 г., в 2007 г. соглашение о партнёрстве между городами) [4], остаётся одним из ключевых на европейском направлении. Это подтверждается следующим: в марте 2021 г. в Иркутске состоялась вышеупомянутая встреча Р. Болотова с Б. Финке, а летом на пересечении улиц Чкалова и Степана Разина был открыт сквер, посвящённый побратимским связям Иркутска и Пфорцхайма (в появлении которого свою роль сыграли немецкая сторона и Русско-немецкое общество «Иркутск-Пфорцхайм») [2]. Эти факты свидетельствуют об актуальности сотрудничества между городами даже в эпоху ограничений в связи с пандемией COVID-19.

Муниципалитеты связаны общим историческим прошлым – первые губернаторы Иркутской губернии и известные в Иркутске архитекторы имели немецкое происхождение, регион был местом депортации немцев Поволжья. Развиваются культурные связи, побратимы являются научно-образовательными центрами. Эти общие черты, несмотря на различную экономическую специализацию городов-побратимов (производство ювелирной и часовой продукции в Пфорцхайме и гидроэнергетика, авиастроение и продукты питания в Иркутске), закладывают основы для реализации практик обмена опытом.

История породнённых городов начинается с 1989 г., когда иркутский театр кукол «Аистёнок» гастролировал в Пфорцхайме. Далее неформальные практики сотрудничества в культурной, общественной, образовательной и научной сферах привели к череде официальных визитов и подписанию соглашений 1999 и 2007 гг. За эти годы был реализован проект «Содействие семье» по работе с воспитанием детей-сирот в приёмных семьях (1997–1998 гг.), ряд школьных (с 1999 г. Лицей № 3, Школа № 64 и другие учебные заведения Иркутска), культурных и языковых обменов. В 1999, 2000 и 2001 гг. Иркутск представлял Россию на Международном молодёжном семинаре в Пфорцхайме с участниками из городов-побратимов, где обсуждались планы по двустороннему сотрудничеству в сфере туризма, экологии и молодёжным обменов. В 2000–2010-е гг. шли обмены и стажировки с проживанием в российских и немецких семьях, в 2010 г. состоялись обмены молодёжными музыкальными группами, в 2013 г. в Иркутске по проекту обмена побывали члены молодёжной добровольной пожарной охраны Пфорцхайма [3, с. 42–43].

С 2014 г. начал работу совместный проект по обмену опытом и подготовке молодых специалистов в области деревянного зодчества, строительства и реставрации между Иркутским техникумом архитектуры и строительства и Профессиональной школой им. Альфонса Керна в Пфорцхайме. Проект действовал на долгосрочной основе, в результате к 355-летию в Иркутске был установлен деревянный детский комплекс.

В 2017 г. Иркутск стал единственным из российских городов, прошедших в финал конкурса Фонда «Живые Города», где совместно с Пфорцхаймом получил награду за второе место (премия «Самое живое партнёрство между городами») [4]. На развитие партнёрских отношений в настоящее время положительно влияет деятельность общественных организаций, таких как Русско-немецкое общество «Иркутск-Пфорцхайм» и Иркутская областная общественная организация российских немцев «Возрождение».

Многое о сотрудничестве между Иркутском и Пфорцхаймом может рассказать «Иркутская немецкая газета», издававшаяся на двух языках. В четвёртом выпуске за 2011 г. есть календарь прошедших событий и сюжеты про лесопильный завод в Сибири, немцев в истории Иркутска, деятельность фирмы KNAUF в Иркутске, граффити в сквере им. Кирова, немецкую кухню в Иркутске, Союз женщин «Ангара», первый интерактивный экологический центр и евангелическо-лютеранскую церковь в Иркутске, Русско-немецкий факультет БГУЭП (сейчас – БГУ), визит мэра Пфорцхайма в Иркутск и празднование 350-летнего юбилея Иркутска в Пфорцхайме [1].

Рассмотренные примеры позволяют сделать вывод о разнообразии практик неформального сотрудничества между городами-побратимами. Тем не менее, несмотря на непрекращающееся взаимодействие даже в период коронавирусных ограничений, его интенсивность оставляет желать лучшего – контакты проходят в основном по официальной и гуманитарной линии, практически нет общих проектов в экономической сфере.

Таким образом, представленный обзор может способствовать расширению границ научного знания относительно истории побратимских связей Иркутска и Пфорцхайма в конце XX – начале XXI в., проблем и перспектив такого взаимодействия. Результаты могут быть использованы при составлении более широкой картины международных контактов городов и регионов России, анализа российско-германского сотрудничества.

Научный руководитель И. В. Олейников

Литература

1. Irkutsker Deutsche Zeitung = Иркутская немецкая газета. Иркутск, 2011. Июль (№ 4). 20 с.
2. Мэр Иркутска встретился с Генконсулом Германии в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах // Информационное агентство «Сибирские новости». URL: <https://snews.ru/news/mer-irkutska-vstretilsya-s-genkonsulom-germanii-v-sibirskom-i-dalnevostochnom-federalnyh> (дата обращения: 4.10.2021).
3. Олейников И. В. Грани сотрудничества: особенности реализации молодежных обменов между Иркутском и европейскими партнерами // Молодежь Европы и России. Европа и Европейский союз глазами ученых : материалы Междунар. науч. конф., 17–19 мая 2018 г., г. Томск. Томск : Изд-во ТГУ, 2018. С. 41–45.
4. Официальный портал города Иркутска. URL: <https://admirk.ru/> (дата обращения: 1.10.2021).
5. Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 01.10.2021).

В. С. Морозов

Иркутский государственный университет

РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРЕДВЫБОРНЫХ ПРОГРАММАХ 2021 г. ВЕДУЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ГЕРМАНИИ

26 сентября 2021 г. в Германии состоялись выборы в Бундестаг. В них приняли участие 47 политических партий, в том числе ведущие: Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), «Союз» («Христианско-демократический союз Германии» (ХДС) и «Христианско-социальный союз в Баварии» (ХСС)), «Союз 90/Зелёные», Свободная демократическая партия (СвДП), «Альтернатива для Германии» (АдГ), «Левая». Внешняя политика в предвыборной дискуссии партий не занимала первостепенного положения [1]. Тем не менее, в связи с актуальными вызовами и проблемами, все они, так или иначе, затрагивали вопрос отношений с Россией и включали его в политическую повестку.

СДПГ в своей программе ставила на первое место необходимость сотрудничества с Россией для достижения общего прогресса, но при этом отмечала «неоднократные нарушения международного права» с ее стороны. Партия указывала на то, что рассчитывает на готовность России к диалогу. Это подразумевает соблюдение Минских соглашений и является необходимой предпосылкой для работы по снижению напряжения. Большое внимание партией уделялось контактам с российским гражданским обществом [5, с. 59–60].

Блок ХДС/ХСС обозначал в качестве своей цели восстановление европейского мирного порядка, подорванного в результате аннексии Крыма Россией, урегулирование конфликта на востоке Украины, и возвращение к международно-правовому статусу Крыма; а пока Россия не готова к этому, «Союз» заявлял о том, что планирует сохранять санкции в ее отношении. Вместе с тем отмечалась агрессивная настроенность России, которая прибегает к «открытым угрозам союзникам по НАТО, кибератакам, дезинформации и пропаганде» [4, с. 9]. Однако программа партии подчеркивает и стремление к диалогу в областях совместных интересов, таких как защита окружающей среды и экономическое сотрудничество [4, с. 10].

«Союз 90/Зелёные» отмечал усиление авторитарных тенденций в России, внешняя политика которой «угрожает демократии, стабильности и миру» в Европе [3, с. 229]. Вместе с тем партия видела распространение демократических тенденций на территории страны и выражала намерение поддержать гражданское общество и углубить с ним культурный, политический и научный обмен. Партия, подобно «Союзу», ориентирована на поддержание санкций против России и даже, при необходимости, на их усиление. Зеленые требовали от России выполнения Минских соглашений и остановки проекта «Северный поток – 2», указывая на его направленность против «энергетических и геостратегических интересов Европейского союза, угрозу стабильности Украины и отсутствие в нем содействия решению проблем глобального потепления» [3, с. 230].

СвДП большое внимание уделяла политике в области энергетики, в контексте которой ЕС необходимо сотрудничество с Россией, но призывала к мораторию на строительство «Северного потока – 2» до гарантии обеспечения всестороннего расследования российским правительством дела Навального [6, с. 49]. Партия всецело поддерживала санкции, служащие инструментом для восстановления порядка, и выражала требование прекращения насилия в Восточной Украине и «противоречащей международному праву» аннексии Крыма [6, с. 53]. Партия осуждала методы, используемые в России для борьбы с политической оппозицией, и указывала на усиление авторитаризма, к развитию которого, по мнению ее сторонников, прямое отношение имеет Владимир Путин. Однако саму Россию партия видела тесно связанной с Германией в человеческом, культурном и экономическом плане и заявляла о стремлении к развитию контактов с гражданским обществом.

АдГ – молодая партия, с которой связываются новые возможности российской внешней политики в направлении Германии. Она видит ослабление напряжения в отношениях с Россией важнейшей предпосылкой устойчивого мира в Европе и выступает за возобновление регулярных дискуссий в рамках совета Россия – НАТО, за отмену санкций ЕС и расширение экономических отношений с Россией. Завершение и ввод в эксплуатацию «Северного потока – 2», по мнению АдГ, необходимо [2, с. 64–65].

«Левая» считает, что Германия нуждается в «политике разрядки» в отношениях с Россией вместо дальнейшей эскалации. В ходе предвыборной кампании партия требовала роспуска НАТО как пережитка холодной войны и замены его системой коллективной безопасности, главной целью которой было бы разоружение, с участием России. Она призывала к примирению и укреплению дружбы между Россией и Германией [7, с. 137]. Санкции, «бьющие, прежде всего по простому населению», партия предлагала отменить [7, с. 145]. В целом однако, АдГ и «Левые», традиционно настроенные положительно по отношению к России, опасаясь потери популярности, «вели себя осторожно» и почти не поднимали вопроса отношений с Россией [1].

Таким образом, ХДС/ХСС и СДПГ, «народные» партии, занимали достаточно сдержанную, но жесткую позицию по отношению к своему восточному соседу. Более агрессивно были настроены Зеленые и СвДП, критически воспринимающие политический режим в России. АдГ, главная оппозиционная партия, и «Левая» выступали против правительственного курса и выражали заинтересованность в полной нормализации отношений с Россией. Общей чертой для всех партий являлось понимание значимой роли РФ в решении международных проблем и стремление к развитию разноплановых контактов.

Научный руководитель Е. А. Матвеева

Литература

1. Соколов А., Пименова Е., Давыдов А. Выборы в Бундестаг 2021. Путеводитель : доклад / Центр европейских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России // Евразийские Стратегии : [офф. сайт]. 2021. 23 сент. URL: <http://eurasian-strategies.ru/media/insights/vybory-v-bundestag-2021/> (дата обращения: 17.10.2021).
2. Deutschland. Aber normal. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 20. Deutschen Bundestag // AfD : [official site]. 2021. 209 p. URL: <https://www.afd.de/wahlprogramm/> (mode of access: 17.10.2021).

3. Deutschland. Alles ist drin. Bundestagswahlprogramm 2021 // BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN : [official site]. 2021. 271 p. URL: <https://www.gruene.de/artikel/wahlprogramm-zur-bundestagswahl-2021> (mode of access: 17.10.2021).

4. Das Programm für Stabilität und Erneuerung. Gemeinsam für ein modernes Deutschland // CSU : [official site]. 2021. 7 Sep. 139 p. URL: <https://www.csu.de/aktuell/meldungen/september-2021/unsere-programme/> (mode of access: 17.10.2021).

5. Das Zukunftsprogramm. Wofür wir stehen. Was uns antreibt. Wonach wir streben // SPD : [official site]. 2021. 9 May. 65 p. URL: <https://www.spd.de/zukunftsprogramm/> (mode of access: 17.10.2021).

6. Nie gab es mehr zu tun. Wahlprogramm der Freien Demokraten // Freie Demokraten. FDP : [official site]. 2021. 67 p. URL: <https://www.gruene.de/artikel/wahlprogramm-zur-bundestagswahl-2021> (mode of access: 17.10.2021).

7. Zeit zu handeln: Für soziale Sicherheit, Frieden und Klimagerechtigkeit // Die Linke : [official site]. 2021. 161 p. URL: <https://btw2021.die-linke.de/wahlprogramm-2021/> (mode of access: 17.10.2021).

В. А. Мухина

Иркутский государственный университет

МЕГАТРЕНДЫ И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ Д. НЕЙСБИТА

Каждое общество в конкретный промежуток времени находится на определенной ступени развития, характеризующейся чередой явлений, крупномасштабных трансформаций. Эти процессы определяются глобальными тенденциями – мегатрендами. Мегатренды распространяются не на несколько государств, а на весь мир, в том числе, по причине взаимозависимости всех стран в экономическом, политическом, культурном плане. Джон Нейсбит, известный американский писатель и исследователь, провел анализ на основе базы данных Naisbitt Group и Trend Report, что позволило ему оценить и отразить наиболее важные векторы развития США в своей книге «Мегатренды». На примере Соединенных Штатов автор показал основные глобальные тенденции. Рассмотрим их более подробно, не отделяя друг от друга, так как все они взаимосвязаны и представляют собой общую мировую картину.

1. Переход от индустриального общества к информационному. Уже во второй половине XX в. развитие технологий стало ключевым вопросом для обсуждения дальнейшего государственного и международного развития. В тот период экономика все больше стала зависеть от тех, кто работает с информацией – клерков, преподавателей, журналистов и др. Произошли кардинальные изменения на рынке труда: сначала устаревшее оборудование, а затем

и часть работников в отделах разных компаний стали заменяться «роботами» – микропроцессорами, компьютерами, технологиями. Несмотря на негативные настроения работников из-за сокращения вакантных мест, такая перемена стала возможностью для появления новых, более востребованных профессий, в том числе и связанных с фрилансом, т. е. удаленной работой из дома. Создание системы спутниковой связи привело к тому, что передача информации стала осуществляться с рекордной скоростью – за пару секунд, при условии наличия качественной аппаратуры и устойчивого соединения. Обратной стороной увеличения скорости передачи информации стало создание слишком обширного информационного потока, из чего вытекала другая проблема – поиск действительно нужных и полезных ресурсов.

2. Обострившейся проблемой стало то, что молодое поколение стало владеть меньшим количеством практических, прикладных знаний и навыков, применимых в традиционном и индустриальном укладах в сравнении со своими родителями. А компьютерная безграмотность старших поколений служащих вынудила многие крупные компании, такие как IBM, потратить большие бюджеты на проведение обучающих курсов для служащих. Деятельность в современном обществе представляет собой синтез традиционных, индустриальных и постиндустриальных поведенческих схем. Жизнь в информационном обществе сопровождается применимой к ней формулой: высокие технологии – душевный комфорт, что имеет следующее значение: новая технология, появившаяся в обществе, должна иметь противовес в виде традиционных поведенческих практик, иначе она не будет принята обществом. Например, на настоящий момент весьма развиты услуги интернет-магазинов, но мы продолжаем делать часть покупок в существующих торговых точках. С появлением интернета у нас есть широкие возможности присутствия на любых конференциях, но люди предпочитают организовывать их в очном формате. Это происходит, потому что при высоком уровне внедрения технологий в обыденную жизнь, наши социальные потребности остаются не до конца удовлетворенными.

3. В постиндустриальном обществе масштабы экономической активности расширяются, национальные границы перестают быть серьезным барьером, интенсифицируются связи в рамках мировой экономики. При этом страны третьего мира начинают активно развиваться, активизируя деятельность в сфере промышленного производства. Что касается развитых стран мира, то их новая задача –

деиндустриализация, вложение глобальных инвестиций. Разделение труда, расширение торговли стран друг с другом становятся важными формами мировой интеграции, что в перспективе может приблизить «мир во всем мире». Раньше общество не задумывалось о долгосрочном планировании будущего, фокусировало внимание лишь на сиюминутной пользе, что привело к ухудшению состояния экологии. Сегодня эта проблема обострилась, мы всерьез задумались о необходимости восстановления природных ресурсов.

4. Новая эпоха несет изменения и в политической сфере: возникновение децентрализации – в Америке в 1980-е гг. произошел перенос реальной власти от Конгресса на уровень штатов и городов. Параллельно осуществляется принятие партисипативной демократии вместо представительной: граждане, работники и потребители, осознавшие, что должны больше участвовать в принятии затрагивающих их жизни решений, стали иметь больше стремления к наличию права голоса в управлении, бизнесе и на рынке, что повлекло за собой рост инициатив и созыва референдумов в 1970-е гг.

5. Процесс создания сетей, «нетворкинг», заключающийся в развитии связей в социуме, улучшении производительности и условий труда, ускоренном получении нужной информации на основе самопомощи – создания инициативных групп для борьбы с нищетой, отсутствием жилья, преступностью и так далее. Общество перешло от ограниченного выбора в пользу множественного. На сегодняшний день мы стали отходить от стереотипов относительно того, как именно должна строиться семья, какое разделение должно быть в работе у мужчин и женщин. Общество стало более толерантным и терпимым по отношению к людям другой нации. Основным строительным кирпичиком общества стала личность, саморазвитие которой, как единицы, поможет в развитии всего общества.

Таким образом, можно выделить основные тренды. В экономической сфере: рост мировой интеграции, глобальное разделение труда и вложение инвестиций, переход к мировой экономике, деиндустриализация развитых стран и обратный процесс для развивающихся, их вынужденное сотрудничество в мировой торговле, активизация предпринимательства. В духовной сфере: актуализация технической грамотности и знания английского языка, бурное развитие культуры. В социальной сфере: процесс реконцептуализации, приоритет долгосрочного планирования, отсутствие ограничений в выборе, развитие инициативных групп самопомощи, «нетворкинга» и сетевых структур. В политической сфере: развитие подхода изменений «снизу вверх», появление децентрализованной политики, переход к партисипативной демократии.

Резюмируя вышеизложенное, изменения в указанных сферах происходят по главной причине – перехода и приспособления к новой эпохе, эпохе технологий и информации. Констатируем, что большая часть перечисленных выше мегатрендов актуальна на сегодняшний день, так как социум уверенно развивается в формате постиндустриального общества.

Научный руководитель И. В. Олейников

Литература

1. Нейсбит Д. Мегатренды. М. : Изд-во АСТ : Ермак. 2003. 384 с.
2. Джон Нейсбит: «Будущее уже есть в настоящем. Его надо только увидеть» // Частный корреспондент. 2008. URL: <http://www.chaskor.ru/p.php?id=1865> (дата обращения: 12.12.2008).
3. Абрамов А. Мегатренды будущего: какие навыки понадобятся работодателям // РБК. 2020. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5e99a48c9a79477826205b8d> (дата обращения: 20.07.2020).

В. С. Нечаева

Иркутский государственный университет

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ США И «ОФШОРНОЕ БАЛАНСИРОВАНИЕ»: ВЛИЯНИЕ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Международно-политическая система в постиндустриальное время подвергается серьезным трансформациям. Изменения спровоцированы сдвигом внешнеполитических интересов и приоритетов государств. В связи с этим с 70-х гг. XX в. и в теории международных отношений происходит «эволюция классических парадигм». Традиции политического реализма сменяются подходами неореализма (структурного реализма). Основной чертой неореализма можно считать рассмотрение государств как элементов целостной международной системы, структура которой анархична. Неореалисты полагают, что основной сферой сотрудничества стран является именно сфера международной безопасности [3, с. 38]. Во избежание столкновения интересов, приоритетов, цивилизаций, в целом, необходим баланс сил.

Одной из основных целей любой внешнеполитической стратегии является установление международного порядка – системы отношений между всеми государствами. Международный порядок

регулируют установленные правила и нормы, а нормы конструируются акторами, т. е. государствами. В американской традиции неореализма существует мнение, что миропорядок зависит от поведения ведущей державы – США. Соединенные Штаты до 2003 г. придерживались принципа «навязанного консенсуса», т. е. либерально-авторитарного режима, при котором они обеспечивали поддержку своим проектам и идеям в мире, стараясь привлечь союзников на свою сторону уговорами, взаимовыгодными уступками и, в очень редких случаях, принуждением. США «навязывали» свои способы решения проблем международного уровня так, что внешне это было похоже на компромисс или общее согласие.

Постепенно такая стратегия перестала быть эффективной и после 2003 г. был установлен более жесткий режим «авторитарного патернализма». Его суть заключалась в том, что США сосредотачивали всю мощь в своих руках и активно ее демонстрировали через аппарат устрашения, желая обрести подконтрольных союзников. После экономического кризиса 2008 г. такой принцип не может быть успешно реализован, т.к. проявляются все более мощные альтернативные подходы ряда государств к международному миропорядку, формирующие многополярность. На смену жесткому режиму приходит либеральная гегемония, характеризующаяся более мягкими методами управления, но предполагающая насильственное распространение демократической идеологии, что не всегда приветствуется иными странами.

Об изменениях системы отношений на современной международной арене в очередной раз высказались профессор политологии Чикагского университета Джон Миршаймер и профессор мировой политики Школы им. Кеннеди Гарвардского университета Стивен Уолт, опубликовав в 2016 г. во влиятельном журнале «Foreign Affairs» статью, в которой сравнили несколько внешнеполитических стратегий, их цели, задачи и результат [5]. Отдельно рассматривалась концепция офшорного балансирования – именно она, по мнению авторов, является самой выгодной стратегией для США. Эта концепция соответствует положениям структурного реализма и является ее разновидностью.

Преобразования в политической стратегии одного государства влияют на всю мировую систему в силу взаимозависимости. США – сверхдержава, ведущая политику либеральной гегемонии. Либеральная гегемония – внешнеполитическая стратегия, предполага-

ющая продвижение демократии по всему миру. Эту политику поддерживали республиканцы и демократы в течение многих лет, но она не увенчалась успехом.

Насильственное распространение демократии на территории стран с иной идеологией могло провоцировать военные конфликты. В начале 2000-х гг. Соединенные Штаты практиковали превентивные вмешательства [3, с. 80]. Эта практика основана на предотвращении внешней угрозы. Вторжение США и их союзников в Ирак в 2003 г. стало примером превентивного вмешательства. Под предлогом устранения угрозы распространения и применения биологического оружия по всему миру и, в связи с этим, необходимости смены действующей власти в Ираке, коалиция, состоявшая из США, Великобритании и других союзников, вторглась на территорию этой страны. С помощью вмешательств такого рода осуществляется «стратегия смены режимов». Государство-гегемон выделяет «неблагонадежные» государства из числа всех стран мирового сообщества, по отношению к которым применяет меры по свержению действующей власти.

В этих военных столкновениях США порой терпели поражения, что подрывало их международный авторитет. Это означает, кроме того, что Соединенные Штаты тратили ресурсы впустую, и это было крайне невыгодно. Поэтому отсутствие глобальной стабильности является следствием неверной внешнеполитической стратегии великой державы.

Суть подхода офшорного балансирования заключается в том, что Вашингтон фокусирует свое внимание на сохранении господства в Западном полушарии, а также мощи в трех регионах: Европе, Северно-Восточной Азии и Персидском заливе. Эту внешнеполитическую стратегию стоит рассмотреть с помощью трехступенчатой схемы. Во главе – США, великая держава, обладающая мощью и потенциалом, государство-гегемон. Далее находятся подконтрольные региональные гегемоны, остающиеся независимыми, но США могут поручить выполнение определенной задачи подчиняющемуся государству, а в случае необходимости, они предоставят помощь и защиту союзнику. Соединенные Штаты действуют исключительно в своих интересах, государство закрепляет свой статус, налаживает международные связи, которые представляют собой «лекарство от войны». Ниже располагаются государства, сдерживание которых необходимо, как США, так и иным региональным гегемонам. Таким образом, сотрудничество с государствами выгодно для США, т.к. это – укрепление международных контактов и т. д. А региональным гегемонам обеспечивается защита и помощь сверх-

державы от стран-агрессоров в случае столкновения, что весьма выгодно с экономической точки зрения – меньше затраты на оборону и содержание собственных вооруженных сил.

Создание альянса США с Австралией и Великобританией является примером действия концепции офшорного балансирования в наши дни. На сайте «The White House» 15 сентября 2021 г. появилась статья о создании союза AUKUS. Его основная цель – укрепление сотрудничества в области безопасности и обороны в Индо-Тихоокеанском регионе. [4] Это указывает, на то, что концепция офшорного балансирования применима для анализа этой международной ситуации, ведь область безопасности – это ключевая сфера с точки зрения неореалистов. Не менее значимой целью AUKUS является «сдерживание» КНР в Тихом океане. Вашингтон соперничает с Пекином в военно-морской сфере. Китай – стремительно развивающаяся держава, конкурирующая с США. В созданном альянсе AUKUS каждое из трех государств реализует свой интерес, но все они придерживаются единой цели. Соединенные Штаты и есть государство-гегемон, оказывающее помощь членам-участникам AUKUS.

Таким образом, отметим, что США действуют в рамках эффективной внешнеполитической стратегии офшорного балансирования, стремясь установить миропорядок и стабильность в рамках международной системы, уходя из «сложных» стран и регионов и трансформируя реалии системы международных отношений.

Научный руководитель И. В. Олейников

Литература

1. Есин С. Н. Либеральная гегемония или многополярный мир? // Геополитика.RU. 2013. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/liberalnaya-gegemoniya-ili-mnogopolyarnyy-mir> (дата обращения: 25.09.2021).
2. Кортунов А. В. Зарница далёкой грозы. Что означает для России новый союз США, Австралии и Британии // Российский совет по международным делам. 2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zarnitsa-dalekoy-grozy-chto-oznachaet-dlya-rossii-novyy-soyuz-ssha-avstralii-i-britanii/> (дата обращения: 26.09.2021).
3. Современные международные отношения и мировая политика : учебник / [А. В. Торкунов и др.] ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (МГИМО – Университет) МИД России ; отв. ред. А. В. Торкунов. М. : Просвещение, 2005. 990 с.
4. Joint Leaders Statement on AUKUS [Electronic resource] // The White House. Washington, USA, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/joint-leaders-statement-on-aukus/> (дата обращения: 25.09.2021).
5. Mearsheimer J. J., Walt S. M. The Case for Offshore Balancing // Foreign Affairs. 2016. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-06-13/case-offshore-balancing> (дата обращения: 25.09.2021).

С. И. Прохин

Байкальский государственный университет

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

После объявления независимости от СССР (31 августа 1991 г.) перед правительством Киргизской Республики (КР) стояли весьма сложные задачи по определению векторов развития в социальной, политической и экономической сферах, по выявлению и по развитию преимущественных направлений, отраслей в собственной экономике для возможности политического и торгового взаимодействия с другими участниками международных отношений. Для осуществления такого рода задач Киргизии были необходимы финансовые средства в больших объемах, но государство не располагало достаточными ресурсами. Инструментом, которым воспользовалось правительство КР для реализации задач, имеющих стратегическое значение для государства, стало привлечение внешней финансовой помощи, в частности, использование кредитных механизмов и привлечение грантов.

С 1992 по 2020 г. включительно Киргизия подписала соглашения о финансовой помощи на общую сумму 11,48 млрд долл. [4]. Из этой суммы 30 % (3,43 млрд долл.) – это грантовые средства и около 70 % (8,05 млрд долл.) – это кредитные ресурсы. Распределение займов по декадам (1992–2000 гг.; 2001–2010 гг.; 2011–2020 гг.) показывает, что в период с 1992 по 2000 г. средства выделялись в большей степени в форме кредитов – 92 %. В целом на период с 1992 г. по 2000 г. приходится 18 % общей привлеченной помощи (2,1 млрд долл.). На декаду 2001–2010 гг.: 19 %. При этом 40 % привлекалось в виде грантов. Наибольшая сумма финансовой помощи была получена в период с 2011 г. по 2020 г. включительно: 63 % (7,19 млрд долл.). При этом 33 % – на грантовой основе [4].

Внешняя финансовая помощь за период существования независимой Республики была привлечена от 31 донора: 19 правительств или уполномоченных агентств иностранных государств и 12 международных финансовых институтов.

На сегодня госдолг КР составляет 4,2 млрд долл. Основными кредиторами государства являются Экспортно-Импортный Банк Китая (ЭКСИМ Банк Китая) (1,78 млрд долл., что соответствует 42,2 % от объема всего внешнего долга КР); Международная Ассоциация Развития (МАР) – группа Всемирного Банка (676,36 млн

долл.); Азиатский Банк Развития (АБР) (602,07 млн долл.) – 16 % и 14,3 % соответственно [5].

Как видно из приведенных выше данных, наибольшую часть госдолга составляют кредитные обязательства перед ЭКСИМ Банком КНР. Это и вызывает основные опасения Правительства Республики. Банк находится непосредственно под руководством Госсовета КНР, проводя зарубежную денежно-кредитную линию в строительных, технологических, энергетических и других проектах. Так, в лице ЭКСИМ Банка Китая КНР выступает активным кредитором КР с 2008 г. Этому способствовал мировой финансово-экономический кризис того периода, который, с одной стороны, потребовал от правительства КР активных капиталовложений в экономику, снова посредством заимствований, а, с другой стороны, создал спрос на китайские инвестиции и кредиты по причине того, что именно экономика КНР справилась с последствиями кризиса быстрее и смогла актуализировать свое предложение на международном кредитном рынке. В связи со сложившейся ситуацией закономерен вопрос об условиях и специфике предоставления кредитов.

Итак, ЭКСИМ Банк Китая осуществляет кредитование иностранных государственных учреждений в юанях и в долларах США, однако, условия для различных государств могут различаться. Так, например, общие для всех заемщиков ЭКСИМ Банка Китая процентные ставки варьируются от 0,25 % до 6 %, льготные периоды составляют от 2 до 10 лет, сроки погашения от 5 до 25 лет и общие элементы гранта достигают от 10 до 70 % [7]. Банк предоставляет сразу 100 % стоимости проектов, не требуя привлечения дополнительных источников финансирования от государств-получателей. Если сравнивать условия с возможными предложениями от других банков-кредиторов или международных финансовых организаций, то можно утверждать, что КНР предлагает наиболее приемлемые обстоятельства займа. Во-первых, при выдаче средств КНР не создает политической нагрузки на правительство получателя, в отличие от США и ЕС, чьи требования заключаются в проведении реформ в части укрепления институтов демократии, реализации прав человека, независимости судебной ветви власти, верховенства прав и закона, свободы масс-медиа. Во-вторых, требования, например, Всемирного банка чрезвычайно детализированы и конкретны, и во многих случаях слишком громоздки для ясного понимания заемщиками. Требования часто включают в себя трудоемкие, длительные исследования, которые должны проводиться сторонними экспертами (обычно за счет правительства), длительные

консультации, обширные меры по смягчению последствий и обязательные периоды предварительного раскрытия информации. Без них проект не может продвигаться вперед.

Таким образом, Китай открывает кредитную линию быстро и без каких-либо дополнительных экономических и политических требований, связанных с модернизацией или демократизацией, но он регламентирует определенный экономический формат взаимодействия с получателем в рамках выдаваемого кредита. В рамках реализации используются «ЕРС-контракты (от англ. Engineering, Procurement and Construction), согласно которым китайские компании участвуют в реализации крупных инфраструктурных проектов в качестве генеральных подрядчиков, когда подрядчик берет на себя весь комплекс работ, включающих проектирование, инжиниринг, закупки, строительство объекта и сдачу его под ключ» [6]. Именно на условиях такого контракта КР с 2008 г. получила 10 кредитов от КНР. Практически все эти кредиты были выданы под 2 %, на 20 лет, с льготным периодом в 5 лет. Эти кредиты и сейчас составляют долг перед ЭКСИМ Банком Китая: семь – на строительство дорог и три – на обеспечение энергетической безопасности.

Указанные кредиты включают: кредит от 2008 г. на реабилитацию дороги «Ош-Сары-Таш-Иркештам» на сумму 75,3 млн долл.; кредит от 2010 г. на ремонт дороги «Бишкек-Нарын-Торугарт» на сумму 200 млн долл.; два кредита на ремонт двух участков дороги «Ош-Баткен-Исфана» от 2010 г. и «Бишкек-Балыкчы» от 2013 г. на сумму 129,83 млн долл.; три кредита (три участка автодороги) с 2014 г. на строительство альтернативной дороги «Север-Юг» на сумму 690,8 млн долл.; кредит на модернизацию линий электропередач на юге Кыргызстана от 2009 г. на сумму 208 млн долл.; кредит от 2012 г. на строительство ЛЭП «Датка-Кемин» и подстанции «Кемин» на сумму 389,80 млн долл.; кредит от 2013 г. на модернизацию ТЭЦ Бишкека на 386 млн долл. Необходимо подчеркнуть, что в реализации всех автодорожных проектов подрядчиком являлась китайская компания «Чайна Рoad энд Бридж Корпорейшн», дочерняя компания холдинга «Чайна Коммуникэйшнс Констракшн Компани», полностью подчиненная комитету при Госсовете КНР по контролю и управлению государственным имуществом Китая, что позволяет утверждать о реализации ЕРС-контракта. Аналогичная ситуация и с остальными инфраструктурными проектами. Подрядчиком в них выступала компания «Тебиан Электрик Аппаратус» (ТВЕА).

Сложившаяся ситуация привела к тяжелому долговому бремени Республики. В 2020 г. «правительство предприняло попытку

открыть депозитные счета для сбора добровольных денежных средств, которые пошли бы в счет погашения внешнего долга» [1]. Инициирование открытия подобных счетов со стороны государства было и в 2007 г., но поддержки у народа не получило. В 2021 г. правительству все же удалось достичь некоторого успеха, так, Китай дал Киргизии отсрочку по выплате в размере 51,1 млн долл. на 6 лет. На эту сумму предусмотрены процентные ставки в размере 1,5 %, первый год – льготный [3].

Можно резюмировать, что КНР предлагает на первый взгляд весьма выгодные кредитные условия, на основе которых Киргизия может получить средства быстро и без необходимости проведения экономических и политических реформ. Китайские предложения не несут под собой политических требований, но в то же время именно кредиты ЭКСИМ Банка Китая привели к ситуации, когда финансовые обязательства выросли до объемов, напрямую угрожающих суверенитету государства. По словам президента Киргизии Садыра Жапарова, «при невыплате кредитов ряд инфраструктурных объектов (в речи были отмечены ЛЭП Датка-Кемин, ТЭЦ Бишкека, автодорога «Север-Юг») могут отойти Китаю» [2]. По состоянию на октябрь 2021 г., переговоры между Киргизией и Китаем относительно пролонгации или же реструктуризации выплат по кредитам продолжаются.

Научный руководитель И. В. Олейников

Литература

1. Депозитный счет для средств, поступающих в доход бюджета, на добровольной основе. URL: <http://www.minfin.kg/ru/novosti/novosti/depozitnyy-schet-dlya-sredstv--postupayuschikh-v-d> (дата обращения: 13. 10. 2021).
2. Какие объекты в Кыргызстане могут передать Китаю, рассказал Жапаров. URL: <https://kazlenta.kz/30124-kakie-obekty-v-kyrgyzstane-mogut-peredat-kitayu-rasskazal-zhapparov.html> (дата обращения: 14.10.2021).
3. Китай дал отсрочку Кыргызстану на выплату внешнего долга на шесть лет. URL: https://24.kg/vlast/209225_kitay_dal_otsrochku_kyrgyzystanu_navyiplatu_vneshnego_dolga_nashest_let/ (дата обращения: 13. 10. 2021).
4. Кто? Сколько? Когда? – Масштабный обзор внешней помощи Кыргызстану с 1992 по 2020 год. URL: <https://economist.kg/novosti/vneshnyayapomoshh/2021/06/01/kto-skolko-kogda-masshtabny-obzor-vneshnej-pomoshhi-kyrgyzstanu-s-1992-po-2020-gody/> (дата обращения: 11.10.2021).
5. Структура государственного долга Кыргызской республики на 31.01.2021 года // Сайт Министерства экономики и финансов Кыргызской Республики. URL: <http://mineconom.gov.kg/ru/post/6933>
6. Тураева М. О., Глинкина С. П., Яковлев А. А. Каналы проникновения китайского капитала в республики Центральной Азии в рамках инициативы «один пояс – один путь» // Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. Т. 19? № 4. С. 64–78.
7. An African Case Study: CHINA IN AFRICA-A Strategic Overview. URL: https://www.ide.go.jp/English/Data/Africa_file/Manualreport/cia.html.

Н. В. Скипин

Иркутский государственный университет

ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ КОСОВО И МЕТОХИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В этом тексте мы рассмотрим вопрос признания и государственной принадлежности такого беспокойного балканского региона, как Косово, проанализируем ряд недавних событий, используя данные из научных статей, материалы информационных агентств и традиционных СМИ.

Проблема Косово восходит к XIV-XV вв., временам турецкой (османской) экспансии на Балканах. В середине XV в., когда турки-османы разгромили последнюю версию сербской средневековой государственности – Сербскую деспотовину – в Косово проживали сербы [5]. На Косово оказывали влияние самые разные государства: в средние века – Византия, Османская империя, королевство Венгрия; в XIX и XX вв. Сербия, Болгария, Италия, Албания и др. Из-за такого контрастного влияния со стороны других стран и таких факторов как «великое переселение сербов» (две волны – в XVII и XVIII вв. миграции сербов из Османской империи в империю Габсбургов (Австрийскую империю)) и постепенная «албанизация» Косово, сформировалась этническая неоднородность этого региона, которая усугубилась после окончания Второй мировой войны. Этому поспособствовал Иосип Броз Тито, разрешив албанцам, оказавшимся в ходе войны на территории Югославии, остаться в Косово [5]. Некоторые албанцы бежали в Косово уже после войны, будучи привлечены более высоким уровнем жизни в Косово в сравнении с Албанией.

Подлинная драма Косово развернулась во время войн в распадающейся Югославии. В 1998 г. началась косовская война. Межэтнический конфликт между албанцами и сербами, который в скрытой форме длился до этого многие годы, перерос в кровопролитные вооруженные столкновения. Активно наблюдая за конфликтом, НАТО утвердила план военного вмешательства в ситуацию без одобрения Совета безопасности ООН. 24 марта 1999 г. началась военная операция «Союзническая сила». Североатлантический Альянс, осудив действия сербов в Косово и призвав немедленно прекратить там военные действия, в ответ на отказ подверг массированным бомбардировкам югославские города и военные объекты [6]. В результате, оказавшись под сильным давлением, не имея сильных союзников

(Россия в те времена была вынуждена ограничиваться только демонстративной риторикой, пусть и просербской) сербское правительство было вынуждено согласиться на фактическую капитуляцию [6].

В Косово был введён военный контингент НАТО KFOR, а сам край перешёл под управление ООН в соответствии с резолюцией № 1244 СБ ООН от 10 июня 1999 г. Можно предположить, что НАТО произвела такие действия вовсе не для того, чтобы стабилизировать ситуацию в Косово. По мнению российского историка-балканиста Е. Ю. Гуськовой, целями НАТО в войне были: во-первых, переориентация Сербии и Черногории на Запад, смена правительства; во-вторых, превращение Косово в независимое государство; в-третьих, размещение сил НАТО в Косово и ликвидация вооружённых сил Югославии. Ради достижения этих целей и было организовано жёсткое военно-политическое давление со стороны НАТО [3].

В дальнейшем ситуация в Косово относительно стабилизировалась, но встал вопрос о политической принадлежности региона. Большинство стран мира не признают (отдельные отказались от своего признания) Косово. Наиболее влиятельные страны, не признавшие Косово: Россия, Китай, Индия, Бразилия, Казахстан, Аргентина, Монголия, Мексика, Иран и др. (подавляющее большинство стран Азии, Южной Америки и около половины Африканских стран). Среди стран, признавших Косово, наиболее значимыми игроками являются: США, Канада, Великобритания, Франция, Германия, Австралия, Япония и др. (подавляющее большинство стран Европы, страны Аравийского полуострова). Отдельно стоит отметить страны Европы, которые не признают Косово, среди них: Испания, Греция, Словакия, Кипр, Молдавия и Румыния. Испания опасается, что признание Косово может создать опасный прецедент для её собственных сепаратистов в Каталонии, Галисии и Басконии [10]. Румыния и Молдавия придерживаются схожей позиции: признание Косово может спровоцировать волнения в Приднестровье, и волнения среди венгров, проживающих в Трансильвании, желающих «восстановить историческую справедливость» в собственном понимании. Греция же относится с уважением к территориальной целостности государств, демонстрируя это как свой принцип во внешней политике, поэтому Косово она не признала, как и Южную Осетию с Абхазией [4]. Словакия также стоит на своих принципах поддержки целостности и суверенитета других стран, поэтому не намерена признавать Косово [9].

Политика самого Косово неоднозначна. Постоянные провокации со стороны албанцев и притеснения сербов никак не пресекаются Приштиной, более того, Косово и Албания углубляют сотрудничество, вызывая обоснованные подозрения, что рано или поздно на повестке окажется вопрос присоединения Косово (или его части) к Албании для образования так называемой «великой Албании» [1; 2]. Можно ли назвать косовское правительство проалбанским? Безусловно, и подтверждающим это фактом могут служить недавние события в Косово, а именно вторжение косовского спецназа в Косовску Митровицу, когда был открыт огонь по мирному населению [7].

Сербия практически ничего не может сделать в отношении Косово. Несмотря на то что в Конституции Республики Сербия 2006 г., которая была принята в результате общенародного референдума, Косово упоминается в преамбуле как автономия в составе Сербии, она не может ввести туда войска, так как, скорее всего, сразу же окажется под прессингом Запада (США и НАТО), что подрвет все попытки Сербии развиваться в качестве нормальной страны. По сути, Сербия может обратиться за помощью только к KFOR.

Принимая во внимание, что косовский вопрос может являться инструментом внешнеполитической манипуляции Сербией со стороны Запада, можно констатировать, что последний проявляет общую осторожность, формально демонстрируя нейтралитет. Это ярко показывает Вашингтонское соглашение о нормализации экономических взаимоотношений между Сербией и Косово, которое было подписано 4 сентября 2020 г. в Белом Доме. Документ закрепляет двухсторонние отношения при посредничестве третьей стороны (США), но в самом документе не используется название «Республика Косово» или другое наименование, которое указывало бы на то, что Косово является полноценным суверенным государством [8]. Исходя из Конституции Сербии и действующей резолюции 1244 СБ ООН, Косово не является полноценным государством и не имеет права заключать международные договоры [8]. Только выступая как автономный край, Косово может заключать с Сербией определённые соглашения, как, например, федеральный центр России заключал бы какие-нибудь соглашения с ХМАО.

Вопрос принадлежности Косово – обширная и актуальная тема в наши дни. Международное сообщество до сих пор не может прийти к консенсусу в отношении Косово и Метохии, их принадлежности, не говоря уже о политологах и других экспертах, ведущих спор об этом на протяжении многих лет. Нам остаётся только

наблюдать и анализировать напряжённую ситуацию, которая складывается вокруг Косово и Метохии по сей день, так как ни одна из сторон в этом вопросе уступать не собирается.

Научный руководитель С. Ф. Шмидт

Литература

1. Албанские сепаратисты готовят новые провокации против сербского населения Косово // Новый День : [сайт]. URL: <https://newdaynews.ru/balkans/705201.html>.
2. В Москве отреагировали на заявление Албании об объединении с Косовом // Газета.ru : [сайт]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2021/10/11/n_1666.
3. Вилейка, Ганцевичи и безопасность Беларуси // Военное обозрение : [сайт]. URL: <https://topwar.ru/173901-vilejka-gancevichi-i-bezopasnost-belarusi.html>.
4. Греция отказывается признавать независимость Косово вопреки давлению Запада // Балканист : [сайт]. URL: <https://balkanist.ru/greysiya-otkazivaetsya-priznavat>.
5. История конфликта в Косово. Справка // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20090813/180766974.html>.
6. Операция НАТО против Союзной Республики Югославии 1999 года // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20140324/1000550703.html>.
7. Почему балканский кризис может повториться // НТВ : [сайт]. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2620526/>.
8. Сербия стала инструментом игры США против России и Китая // Regnum : [сайт]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3057516.html>.
9. Словакия не намерена признавать суверенитет Косово // Вести.ру : [сайт]. URL: <https://www.vesti.ru/article/2071180#:~:text=+ + + +>.
10. Что нужно знать о независимости Косово? // Дилетант : [сайт]. URL: <https://diletant.media/articles/27881172/>.

СЕКЦИЯ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

К. Е. Кузьмин

Иркутский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Историческая политика в последние годы стала одним из важнейших инструментов управления, используемым государственными акторами во внутренних и внешних делах. Органы власти издают законодательные акты, регулирующие обращение с теми или иными темами прошлого, финансируют проекты и институты, изучающие историю, либо трактующие ее сообразно интересам и воззрениям государства. Развитие исторической политики происходит во многих странах, в том числе, в Китае.

Современная китайская историческая политика имеет ряд особенностей. Во-первых, существует исключительное право партийных и государственных органов КНР на трактовку важнейших исторических событий. Во-вторых, китайское обращение к прошлому избирательно (впрочем, как и любая историческая политика), однако главной особенностью является то, что правом на эту избирательность обладают официальные власти и подконтрольные институты, а общество только принимает ту или иную трактовку событий. В-третьих, еще одной отличительной чертой китайской исторической памяти до недавних пор была «виктимизация» Китая, т. е. утверждение его положения как жертвы, пострадавшей от иностранного вмешательства. Как известно, Китай с 1840-х гг. вплоть до 1945 г. подвергался вторжениям, как западных, так и соседних держав. Это столетие известно в КНР как «век унижений». Такая

трактовка истории Китая сохранилась и даже закреплена в преамбуле Конституции. Однако с приходом к власти Си Цзиньпина режим памяти изменился с «памяти жертвы на память победителя» [4, с. 242]. Показательным примером этого является, в известном смысле, отношение ко Второй мировой войне. Долгие годы упор делался на японской агрессии и страданиях китайского народа, но в последнее время Китай стал позиционировать себя как страну-победительницу, внесшую весомый вклад в разгром японского милитаризма. В 2015 г. по случаю 70-летия окончания Второй мировой войны в Пекине даже прошел военный парад, что является редкостью (парады до этого проводились с 1949 г. трижды и приурочивались к юбилеям образования КНР) [7, с. 76].

Источники и работы по данной проблематике свидетельствуют о том, что историческая политика зиждется на определенных событиях и периодах китайской истории, к которым чаще всего происходит обращение властей. Практически все эти события относятся к «веку унижений». В ряду основных исторических событий стоят обе Опиумные войны, Синьхайская революция, Гражданская война, образование и деятельность КПК, борьба коммунистов с Гоминьданом, Вторая японо-китайская война и победа КПК в Гражданской войне. Данные события упоминаются в основополагающих законодательных актах, отмечены памятными датами и наличием мемориалов и музеев, их годовщины сопровождаются мероприятиями и освещением в СМИ. Также с данными событиями связаны пантеоны и списки героев и «мучеников», утверждаемые официальными властями [3].

Важнейшие исторические события последних полутора веков, являющиеся объектами исторической политики, и их основные трактовки утверждены и закреплены законодательно. Так, в Конституции КНР около половины текста преамбулы посвящено описанию исторического развития страны с 1840 г. по настоящее время. Упоминаются такие события и процессы, как: превращение Китая в полуколониальную державу; Синьхайская революция 1911 г. под руководством Сунь Ятсена; образование КНР в 1949 г.; развитие страны после прихода к власти КПК [2]. Обращение к прошлому имеет место и в главном партийном документе – Уставе Коммунистической партии Китая. В разделе «Общая программа» основного документа партии описывается вклад всех руководителей КПК от Мао Цзэдуна до Си Цзиньпина. Кроме того, в этом разделе говорится о так называемых «двух столетних юбилеях», а именно о 2021 г., как годе векового юбилея КПК и о 2049 г., когда будет отмечаться 100-летие КНР [5].

Кроме того, в Китае существуют узконаправленные законодательные акты, которые регулируют историческую политику. Например, перед 70-летием окончания Второй мировой войны ВСНП было принято несколько постановлений, которые установили 13 декабря как день памяти жертв Нанкинской резни и всех пострадавших в годы японской агрессии, а 3 сентября – как день победы в Войне сопротивления китайского народа японским захватчикам и во Второй мировой войне [7, с. 74]. Причем, внесение последней даты многими исследователями было расценено как очередной шаг Си Цзиньпина к переориентации китайской исторической памяти от позиционирования Китая как жертвы к утверждению себя в роли победителя. Кроме того, в 2018 г. в КНР вступил в силу «Закон Китайской Народной Республики о защите героев и мучеников», цель которого – защита репутации героев и мучеников, которые пожертвовали своими жизнями во имя Китая. Данный законодательный акт утвердил 30 сентября как день памяти мучеников, а также установил ответственность за искажения и оскорбления образов мучеников и героев [3, с. 383–384].

Историческая политика оказывает влияние и на концепции общественного развития, которые принимаются руководителями и властями КНР. Как известно, сегодня Китай развивается по концепции «китайской мечты», выдвинутой Си Цзиньпином в 2013 г. Данная концепция основана на китайской философии, культуре и, что важно для данного исследования, на «коллективной памяти народа». Таким образом, современная концепция развития китайского государства и общества в фундаменте также имеет обращение к исторической памяти о тяжелом прошлом Китая [1].

Особым явлением, которое можно считать инструментом китайской исторической политики, является т.н. «красный туризм», поддерживаемый и культивируемый партией и государством. Д. В. Кузнецов дает этому явлению такое определение: ««Красный туризм» – это направление туризма в современном Китае, подразумевающее посещение памятных мест, связанных с историей Коммунистической партии Китая (КПК), жизнью коммунистических лидеров и событиями революционного прошлого» [3, с. 392]. Существовавший задолго до этого, «красный туризм» был законодательно закреплен как одно из приоритетных направлений развития туристической отрасли в 2004 г. На 2019 г. он составлял около 11 % от всего туристического рынка [6]. Ежегодно памятные места (Шаошань – место рождения Мао Цзэдуна, Шанхай – место основания КПК, Яньань – центр деятельности партии с 1936 по 1948 г.

и т. д.) посещают миллионы китайцев, которые имеют возможность не просто посмотреть достопримечательности, но и испытать «тяготы прошлой революционной жизни» [3, с. 394].

Таким образом, можно утверждать, что на сегодняшний момент историческая политика в Китае, подконтрольная партийным и государственным органам, является важным инструментом управления обществом и выражается в разнообразных формах, от типичных для других государств до особых китайских приемов.

Научный руководитель С. И. Кузнецов

Литература

1. Китайская мечта: китайский дух и китайский путь (на китайском) = 中国梦 : 中国精神与中国道路. URL: <http://theory.people.com.cn/n/2013/1223/c40531-23924632.html> (дата обращения: 05.10.2021).
2. Конституция КНР (в редакции 2018 г.). URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 30.09.2021).
3. Кузнецов Д. В. Национальный пантеон героев Нового Китая. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2021. 542 с.
4. Кузьмин К. Е. Проблема исторической памяти в современных китайско-японских отношениях // Известия лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17, № 2 (39). С. 238–248.
5. Полный текст Устава КПК, принятого с частичными поправками 19-м Всекитайским съездом КПК. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726536_2.htm (дата обращения: 30.09.2021).
6. Струкова П. Объекты красного туризма в Китае. Часть 1. URL: <https://magazeta.com/red-tourism-1> (дата обращения: 06.10.2021).
7. Хубриков Б. О. Историческая память в эпоху Си Цзиньпина // Новое прошлое. 2020. № 1. С. 66–83.

П. Б. Литвиненко

Иркутский государственный университет

СРАВНЕНИЕ РОССИЙСКОЙ И ЯПОНСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

Выборы являются не только технической процедурой для формирования различных органов голосования, но и сложным политическим процессом, в который вовлечены различные группы и слои общества, объединения и партии. Процесс интересен для ученых из различных стран, занимающихся сравнительным анализом мировых избирательных систем, а выводы, формирующиеся в результате анализа, подтверждают то, что единые международные стан-

дарты избирательных систем не могут существовать. Это не означает, что нет смысла в исследованиях, наоборот, анализ такого рода продуктивен, так как он дает возможность определить место страны на международной арене, позволяет увидеть особенности и недостатки той или иной избирательной системы, сообщает о проблемах и возможностях при организации и проведении выборов. Цель данной работы – выявление сходств и различий в избирательных системах России и Японии.

Для начала следует обратиться к общим сведениям и отметить одно из главных отличий России от Японии: Россия является смешанной республикой, Япония же – конституциональная монархия. Отметим, что император Японии выполняет представительные функции, являясь, согласно Конституции Японии, «символом государства и единства народа» [2]. Фактически главой исполнительной власти является премьер-министр Японии – глава кабинета министров. Не стоит забывать и то, что Япония – это унитарное государство, территория которого разделена на 47 префектур [1]. Россия, в свою очередь, является федерацией, разделенной на 85 субъектов. В федеративном государстве, в отличие от унитарного, имеются две системы высших органов власти: федеральные и субъектов федерации. Наряду с федеральной конституцией субъекты федерации издают собственные нормативные правовые акты учредительного характера (например, уставы, основные законы).

Перейдем к процедуре назначения выборов. Так, Россию можно отнести к числу государств, у которых весьма прочная и стабильная избирательная система. Это обусловлено тем, что и выборы депутатов в Думу, и выборы Президента страны всегда проходят в сроки, установленные законом России [5]. Япония же, в свою очередь, по мнению различных исследователей в данной области, пользуется таким политическим инструментом, как досрочный роспуск Палаты представителей и проведение выборов тогда, когда правящая партия имеет больше шансов на укрепление или сохранение своей позиции. Следует отметить и то, что обычно выборы в Японии назначаются на благоприятное для электората время [5]. Так, например, выборы могут проводиться после сбора урожая или в дни празднования религиозных праздников, дабы население страны не было занято на сельскохозяйственных работах.

При анализе российского и японского опыта будет интересен и момент, связанный с избирательными взносами. Так, в Японии при проведении местных выборов, в том числе выборов губернаторов и мэров, вносится избирательный залог в национальной валюте в

размере от 300 иен до 4 млн иен [3, с. 257]. Избирательные залоги при проведении парламентских выборов являются одними из самых высоких в мире (при проведении выборов по пропорциональной части избирательной системы – 6 млн иен) [3, с. 334]. В настоящее время некоторые участники выборов утверждают, что внесение избирательного залога противоречит положениям ст. 44 Конституции Японии, которая предусматривает, что «квалификация членов обеих палат, а также избирателей определяется законом. Однако при этом не должна проводиться дискриминация по мотивам расы, религии, пола, социального положения, происхождения, образования, имущественного положения или доходов» [2]. В России же избирательный залог для кандидата равен умноженному в тысячу раз минимальному размеру оплаты труда, установленному федеральным законом на день официального опубликования (публикации) решения о назначении (проведении) выборов. Избирательный залог для избирательного объединения, избирательного блока равен умноженному в 25 тыс. раз минимальному размеру оплаты труда, установленному федеральным законом на день официального опубликования решения о назначении (проведении) выборов депутатов Государственной Думы [4].

Представляется необходимым провести сравнительный анализ хода голосования в России и Японии. Например, японский избиратель должен собственной рукой вписать зарегистрированного кандидата либо название или аббревиатуру политической партии. При этом незначительная ошибка в написании фамилии кандидата или просто нечитаемый почерк могут явиться достаточным основанием для признания избирательного бюллетеня недействительным [1]. В России же для удобства и экономии времени все кандидаты, либо названия или аббревиатуры политических партий уже напечатаны на бланке, и избиратель лишь должен поставить определенный символ в поле (квадратик) с именем нужного ему кандидата либо названия партии.

Таким образом, констатируем, что выбор той или иной избирательной системы, определение ее конкретных параметров опирается на особенности развития политической культуры государства и его правовые традиции. Следует проводить дальнейшие сравнительные исследования для изучения и возможной адаптации некоторых функций избирательной системы двух государств.

Научный руководитель И. В. Олейников

Литература

1. Избирательная система Японии ; Радиопрограмма «Их выбор» // ЦИК РФ. URL: http://cikrf.ru/banners/vibor/japan_sys.php (дата обращения: 05.10.2021).
2. Конституция Японии от 3 мая 1947 г. // Конституции государств (стран) мира. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=37> (дата обращения: 02.10.2021).
3. Политическая система современной Японии : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Д. В. Стрельцова. М. : Аспект Пресс, 2013. 384 с.
4. Статья 64. Избирательный залог // Федеральный закон от 24.06.1999 N 121-ФЗ (ред. от 21.03.2002) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23539/8d14b8dec9f2afa49f74b5cbe01aaa310cba063c/ (дата обращения: 02.10.2021).
5. Чуров В. Е. Сравнение российской избирательной системы и направлений ее модернизации с зарубежными аналогами // ЦИК РФ. URL: <http://cikrf.ru/activity/relevant/detail/30104/> (дата обращения: 05.10.2021).

А. А. Матвеева

Иркутский государственный университет

ВЛИЯНИЕ ПОП-КУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА «КАВАИИ» НА СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ В ЯПОНИИ

Если взглянуть на статистику последних лет, можно заметить, что во многих развитых странах наблюдаются тенденции к снижению общего коэффициента рождаемости. Молодежь этих стран все реже задумывается о создании семьи и рождении детей, что может повлечь за собой множественные негативные последствия для экономики, для поддержания прежнего высокого уровня жизни населения. Как нигде ярко, эта тенденция проявляется в Японии, правительство которой еще с конца двадцатого столетия предпринимает меры по решению этой проблемы. Невозможно выделить одну конкретную причину демографического кризиса в Японии, но можно рассмотреть отдельные аспекты, повлиявшие на эту ситуацию. Одним из таких является необычная поп-культура страны восходящего солнца.

Массовая культура Японии имеет долгую и особенную историю. В XX в. в повседневную жизнь японцев входит такое понятие как «кавайи». Это понятие постоянно трансформируется в понимании и использовании, но в конечном итоге становится основой современной культуры Японии. Изначально термин «кавайи» в переводе с японского означал что-то крошечное. Но в современном японском

языке этим словом жители страны обозначают те вещи, которые кажутся им милыми. Часто между термином «каваи» и физической привлекательностью ставится знак равенства. Поэтому молодые люди все чаще ассоциируют себя именно с этим понятием [1, с. 81].

Эта погоня за миловидностью и невинностью подогревается и со стороны музыкальной индустрии – многочисленные J-рок- и Idol-группы транслируют в общество иллюзию о том, что ни один из участников не имеет физических или моральных недостатков. Их особенностью является опосредованная объективация и создание почти детских, милых и невинных образов, которые присутствуют во всех клипах и выступлениях участников, тем самым не только доставляя удовольствие зрителю, но и стирая представление о реальных парнях и девушках [4, р. 2], т. е. о людях не идеальных, со своими особенностями во внешности и характере, которые не воспринимаются в качестве потенциального партнера в силу одержимости идеальным образом. Сами «айдолы», подписывая контракт, связывают себя с агентством и попадают в своего рода ловушку. Кроме жестких требований к внешности и поведению, многим из них запрещается иметь личную жизнь, семью, отношения. Таким образом, стандартизируется и поддерживается гиперболизированный образ невинности, позволяя каждому из фанатов создать иллюзию возможности отношений с кумиром [4, р. 5].

Еще одна форма поддержания образа идеального возлюбленного – аниме, неотъемлемая часть современной культуры Японии. Многие картины уже стали классикой и включаются в школьную программу как обязательные для просмотра. Но, как известно, искусство отражает фантазии создателя, а потому очень часто при просмотре и анализе японских мультфильмов можно заметить, как сильно нарисованные девушки и парни отличаются от реальных. Непропорциональные части тела, неестественный блеск в глазах и граничащая с детской манера поведения – все это является уже своего рода «клише» в образе анимированной девушки. Такая девушка всегда мило выглядит и в хорошем настроении, не имеет проблем и сосредоточена лишь на доставлении эстетического и физического удовольствия объекту «любви». Молодые люди же изображаются всегда мужественными, галантными, смелыми и все же милыми.

Все больше представителей молодежи оказываются настолько поглощены этой иллюзией «идеального и невинного» возлюбленного, что в реальной жизни отказываются от отношений и контактов с противоположным полом, а люди, уже имеющие семью, перестают видеть это в своих супругах, ведь они совсем не похожи на аниме-персонажей на экранах их телефонов. Довольно большой

процент молодежи Японии отказывается не только от отношений, но и каких-либо физических контактов с противоположным полом, объясняя свой выбор тем, что отношения с реальными людьми слишком «грязные и хлопотные» [2, р. 15]. Часть из них является социальными отшельниками, или как их еще называют «хикикомори». Эти молодые люди месяцами не покидают своего дома и реальному общению предпочитают компьютерные игры, аниме и виртуальных возлюбленных [5].

Феномен отказа от романтических отношений является серьезной проблемой. Он был назван в японских медиа *sekkusu shinaï shokogun*, или «синдром безбрачия». Данный феномен заключается в том, что все больше японских мужчин и женщин отказываются от свиданий, физической близости, брака. Согласно статистике, за последние 10 лет все больше молодых людей говорят о том, что они не заинтересованы в каких-либо контактах с противоположным полом или презирают их. В данный момент разрабатываются даже отдельные техники и методы, позволяющие «вылечить» данный синдром [3].

Несомненно, массовая культура Японии не является единственным фактором, объясняющим низкий уровень рождаемости, но постепенное искоренение проблемы «каваиификации» и объективации невинных образов способно помочь в стабилизации демографической ситуации в Японии.

Научный руководитель А. С. Куклина

Литература

1. Ёмота И. Теория Каваяи / пер. с яп., вступ. Ст. А. Беляева. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 216 с.
2. Cherry K. Womansword: what Japanese words say about women [Женское слово: что говорят японские слова о женщинах] // Stone Bridge Press. 2018. 176 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=MmFrDQAAQBAJ&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 08.10.2021).
3. Haworth A. Why have young people in Japan stopped having sex? [Почему молодые люди в Японии перестали заниматься сексом?] // The Guardian : [сайт]. 2013. 20 окт. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/oct/20/young-people-japan-stopped-having-sex> (дата обращения: 03.10.2021).
4. Nelson L. R. Choosing illusion: mediated reality and the spectacle of the Idol in Kōji Shiraishi's Shirome [Выбор иллюзии: опосредованная реальность и зрелище идола в «Сироме» Кодзи Сиранси] // Journal of Japanese and Korean Cinema. 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/308922890_Choosing_illusion_mediated_reality_and_the_spectacle_of_the_Idol_in_Koji_Shiraishi's_Shirome (дата обращения: 03.10.2021).
5. West J. Solving Asia's Demographic Dilemmas [Решение демографических дилемм Азии] // Asian Century... on a Knife-edge. 2018. Japan. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-981-10-7182-9> (дата обращения: 08.10.2021).

Э. С. Осколкова

Иркутский государственный университет

ЦИФРОВИЗАЦИЯ МАОРИ: ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЖИЗНЬ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

В новом глобальном мире на смену информатизации и компьютеризации пришла цифровизация, преобразование информации в цифровую форму, которое в дальнейшем приводит к оптимизации издержек, появлению новых перспектив развития [1, с. 2]. Цифровые технологии – это различные электронные средства, с помощью которых люди могут создавать, хранить и передавать информацию. Именно этими ресурсами было создано новое социальное пространство, где главной точкой доступа каждого человека к внешнему миру является Интернет. Помимо объективных экономических плюсов этого процесса, преобразование информации в цифровую форму значительно улучшило качество жизни людей, живущих вдали от крупных городов. В данном исследовании рассматривается влияние цифровых технологий на жизнь общин коренного народа Новой Зеландии маори.

С точки зрения цифровой инфраструктуры, Новая Зеландия входит в число лучших стран в мире. Новозеландцы имеют мгновенный доступ к услугам в сфере здравоохранения, развлечений, также это дало им возможность свободно общаться, находясь на расстоянии. Цифровые системы помогают новозеландцам управлять своими счетами, вести бизнес и т.п. Однако процессы глобализации сопровождаются не только внедрением цифровых технологий, но и другими тенденциями.

Глобализацией было вызвано разрушение привычного уклада жизни коренного населения Новой Зеландии. Тенденция к перемещению и миграции коренных народов привела к тому, что общины стали рассредоточенными [3, с. 2]. Это, в свою очередь, повлияло на проблему сохранения достоверной информации как о самих маори, так и о знаниях, которыми они обладают. Поэтому цифровизация в Новой Зеландии была принята многими общинами маори положительно, важными преимуществами для них стало именно обеспечение быстрого распространения информации и значительное влияние на коммуникацию и социальную сплоченность между членами общины маори, которые находятся далеко друг от друга. В частно-

сти, маори активно используют «Facebook». Данная платформа сотрудничает с Комиссией по языку маори и гарантирует, что различные действия, которые связаны с лингвистическими особенностями представителей народа, будут выполнены должным образом [5, с. 4].

Социальные сети выступили не только средством для обмена информацией между членами общины, но и платформой, где маорийцы могут инициировать дискуссии о своем наследии. Цифровые технологии стали также активно использоваться маори с целью сохранения национальной идентичности. Маори могут продолжать получать новые знания об их языке, об их «вакапапа» («whakapapa» – фундаментальный принцип в культуре маори, в переводе на русский язык означает «генеалогические связи»), выражать свою культурную самобытность, даже находясь далеко за пределами Новой Зеландии. Некоторые члены общины коренных народов стали создавать генеалогические веб-сайты (Auckland Libraries, Whakapapa Maori, Iwindex Search), которые позволили им размещать имена, загружать истории и фотографии своих предков.

Цифровизация также оказала влияние и на структуру рынка труда Новой Зеландии. В связи с тем, что цифровые технологии внедрены практически во все сферы нашей жизни, стали появляться новые, более актуальные и востребованные профессии, что не могло не сказаться на жизни маори. Еще 10 лет назад уровень безработицы среди маори значительно превышал национальный уровень безработицы, но к концу второго десятилетия XXI в. показатель участия маори на рынке труда стал гораздо выше. Маори стали вовлекаться в IT-индустрию, и чем больше представителей маори стали работать в данной отрасли, тем яснее стало то, что не только коренные народы нуждались в цифровых технологиях, но и сама IT-индустрия нуждалась в неформальном и необычном подходе маорийцев к профессиональной деятельности. Народы маори способны предложить данной отрасли новую точку зрения, они гуманизируют все виды деятельности и включают культурные ценности и свое мировоззрение в IT-индустрию, что является полезным аспектом для корпоративной среды [6, с. 23–24].

Однако процесс цифровизации в Новой Зеландии связан и с серьезными социокультурными вызовами. Внедрение цифровых технологий в жизнь коренных народов негативно повлияло на устойчивость культуры маори. Интернет ускорил доминирование западных ценностей и способов мышления, что стало причиной снижения культурной самобытности коренных народов. В эпоху цифро-

вых технологий наследие коренных народов зачастую рассматривается как часть общественного достояния, поэтому культурная самобытность маори коммерциализируется, некоторые используют специфические и священные символы в повседневной жизни не по назначению, тем самым обесценивая их, оригинальные произведения маорийцев заменяются другими текстами. Превращение их наследия в товар и использование его ненадлежащим образом вызывало беспокойство у общин коренных народов.

Цифровые технологии способствуют усилению цифрового разрыва между жителями Новой Зеландии [5, с. 5]. Цифровой разрыв – это неравенство между группами с точки зрения доступа в Интернет, к различным IT-ресурсам и другим цифровым возможностям. Он опасен тем, что чреват социальной изоляцией, которая подрывает внутреннюю политику Новой Зеландии, направленную на интеграцию маори. При этом данные исследований новозеландских ученых показывают, что даже после учета возраста, пола, дохода, уровня образования пользователей влияние этнической принадлежности на доступ в Интернет остается заметным и статистически значимым [6, с. 5]. В 2003 г. община народов маори была определена как группа, которая пользовалась Интернетом меньше, чем другие новозеландцы. К 2006 г. процент цифровой интеграции маори увеличился до 45,5 %, что на 20,2 % больше, чем было в 2001 г. Однако доступ других новозеландцев с 45, % (2001 г.) увеличился до 70,4 % (2006 г.) [4]. В 2018 г. в Новой Зеландии была проведена первая цифровая перепись, участие в которой не приняло 12 % маори в силу того, что они ограничены в доступе к телефонной связи, имеют более низкий доход, у них отсутствует доступ к Интернету.

Данные переписи имели решающее значение для распределения ресурсов в отношении маори. Правительство Новой Зеландии стало проводить политику финансирования региональных цифровых центров для расширения доступа к цифровым технологиям для большего числа людей и регионов при поддержке Фонда развития провинций (PGF). Также для маори, изучающих ИКТ, были выделены стипендии EDS (IT-аутсорсинговой компанией), Образовательного фонда маори и Министерства развития маори [4]. Цифровая интеграция стала важным процессом в Новой Зеландии.

«Мир на рубеже XXI в. разделен не идеологией, а технологией», – утверждал американский экономист Джеффри Сакс [2, с. 1]. И действительно, IT-революция принесла в наш мир не только надежду, но и социальную изоляцию: цифровые технологии

объединили мир, облегчили передачу информации, но при этом добавили еще один элемент в процесс глобальной дифференциации и усугубили глобальное неравенство.

Научный руководитель А. С. Куклина

Литература

1. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей / Л. Н. Данилова [и др.] // Вестник Костромского университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 5–12. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43911710> (дата обращения: 18.10.2021).
2. Drory G. S., Jang Y. S. The Global Digital Divide: A Sociological Assessment of Trends and Causes // Source Social Science Computer Review. Vol. 21, N 2. P. 144–161. URL: http://www.websm.org/db/12/308/Web%20Survey%20Bibliography/The_Global_Digital_Divide_A_Sociological_Assessment_of_Trends_and_Causes/?&cat=380&p1=1123&p2=82&p3=85&p4=87&p5=553&id=553&cat=380&page=7 (mode of access: 07.10.2021).
3. Ka'ai-Mahuta R. Preserving Indigenous voices: Web archiving in Aotearoa/New Zealand // Interaction Design and Architecture(s) Journal. 2019. N 41. P. 24–30. URL: http://ixdea.uniroma2.it/inevent/events/idea2010/index.php?s=10&a=10&link=ToC_41_P&link=41_2_abstract (mode of access: 04.10.2021).
4. Keane B. Mātauranga hangarau – information technology – Access to technology // The Encyclopedia of New Zealand: [official site]. 2010. 11 mar. URL: <https://teara.govt.nz/en/matauranga-hangarau-information-technology/page-1> (mode of access: 06.10.2021).
5. Marlowe J. Digital belongings: The intersections of social cohesion, connectivity and digital media // Ethnicities. 2016. Vol. 17, N 1. P. 85–102. URL: <https://www.jstor.org/stable/26413936?refreqid=excelsior%3Aa1d759fa51832fda58137f94eacd21c3> (mode of access: 06.10.2021).
6. Williams. W. Digital Taniwha: Growing Māori participation in the IT industry : dissertation for the degree of Doctor of Philosophy / The University of Waikato. Hamilton, 2020. 181 p. URL: <https://researchcommons.waikato.ac.nz/handle/10289/13842> (mode of access: 04.10.2021).

М. А. Прудников*Иркутский государственный университет*

ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ В БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ И РОМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВО ФРАНЦИИ

По данным ВОЗ, в мире примерно каждая третья женщина в возрасте от 15 до 49 лет на протяжении всей жизни подвергалась сексуальному или физическому насилию со стороны мужчины [6]. Этот вопрос остро стоит для многих стран мира и Франция, которая обычно считается страной победившего гендерного равенства, – не исключение. Проблема сексуального насилия является одной из актуальнейших для гендерной политики страны. Сотни женщин ежедневно подвергаются насилию как в зарегистрированном браке, так и в неофициальных романтических отношениях. Стоит отметить, что вопрос насилия в семейно-брачных отношениях затрагивает как мужчин, так и женщин. Но в случае с сексуальным насилием в качестве жертв в подавляющем большинстве случаев выступают именно женщины.

Одной из ключевых причин сохранения актуальности проблемы выступает то, что в обществе, которое стремится к достижению равноправных гендерных взаимоотношений, до сих пор доминируют стереотипные суждения о женской сексуальности, как о проявлении доступности и готовности незамедлительно вступить в романтическую связь. Неизменными остаются и параметры, которые определяют эту доступность: откровенная одежда, флирт и знакомства в социальных сетях. В качестве примера можно привести ситуацию, когда женщину из Страсбурга, оскорбив, избили из-за длины юбки [8].

Сущность проблемы сводится еще и к тому, что под насилием имеется в виду не только насилие физического характера, но и разновидности других его форм: изоляция (полный контроль над партнером), запугивание, манипулирование и различные формы психологического насилия (газлайтинг) [4, с. 111]. Но насилие, скрываемое от глаз общественности под видом романтики и ухаживаний, является недооцененным и не занимает главенствующую позицию в списке решаемых проблем во французской политике [5, с. 143].

В современной Франции подобные проблемы рассматриваются и решаются на государственном уровне. Но основную роль в определении повестки гендерного равенства, а также борьбы с бытовым насилием, сыграли крупные общественные организации, которые

на подъеме гражданского движения 1960–70-х гг. стали появляться во Франции повсеместно. Формирование гендерной политики происходило под влиянием различных феминистских движений, которые считались самой яркой волной феминизма XX в. В 1968 г. была сформирована группа «Psych et Po» («Политика и психоанализ») [1, с. 108]. Организация помогала в борьбе за права и свободы женщин, отстаивала множество позиций: право голоса, право на аборт, право на образование и другое. Создавались и другие организации, которые выступали не только против гендерной сегрегации, но и призывали бороться за права женщин, в том числе в вопросах насилия в семье. Одной из таких организаций стала «Le Collectif féministe contre le viol» («Феминистская организация против сексуального насилия»), которая и по сей день отстаивает права женщин [3, с. 567]. Уже позднее был сформирован первый государственный орган, занимавшийся вопросами гендерной политики – Министерство по правам женщин [1, с. 109].

Активное вмешательство общественных сил, государственное регулирование, а также освещение проблемы в глобальном информационном пространстве позволили Франции стать одной из наиболее гендерно-просвещенных стран Европейского союза, но в то же время высветили ряд серьезных проблем.

За 2012 г. 148 женщин скончались в результате домашнего насилия. В 2014 г. 9 детей вместе с матерями погибли от рук мужчин, также 16 детей погибли в результате физического насилия, жестокого обращения в семье [4, с. 112]. Также, по отчетам французской полиции, с 2016 по 2018 г. участилась регистрация заявлений об изнасиловании. В 2018 г. число заявлений выросло более чем на 17 тыс., половина этих заявлений касалась несовершеннолетних девочек [7].

Подобные данные потребовали жесткого государственного вмешательства, которое привело к принятию Четвертого плана по борьбе с насилием (2014–2016 гг.) [4, с. 113]. Данный план предполагал следующий ряд действий: создание бесплатной телефонной линии для информирования о насилии и квалифицированной помощи жертвам насилия; помощь женщинам, которые стали жертвами сексуального насилия; создание центров реабилитации для жертв домашнего насилия; профилактика в виде открытых лекций и информирование в СМИ. Для устранения сексистских стереотипов в обществе, которые приводят к гиперсексуализации образа женщин, и снижению порога толерантности к сексуальному наси-

лию, были приняты ограничения, закрепленные в законодательстве. Например, закон «О преодолении сексуального и гендерного насилия», по которому вводится штраф в размере до 750 евро за девиантное поведение по отношению к женщинам на улицах [9].

Исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод о том, что проблема сексуального насилия в брачно-семейных, а также романтических отношениях во Франции является серьезной и актуальна по сей день. Однако полное искоренение этого явления может занять долгие годы. Учитывая опыт Франции в решении этой проблемы, можно сказать, что основная роль может и должна отводиться общественным организациям, которые могут напрямую влиять на изменение гендерной повестки, а также повышать уровень гражданского самосознания и осведомленности. Немаловажным будет и поднятие проблемы в СМИ, так как замалчивание и неосведомленность общества ведет к неминуемой утрате внимания к данной проблеме.

Научный руководитель А. С. Куклина

Литература

1. Козлова Н. Н., Успенская В. И. Социально-философские аспекты стратегии гендерного равенства в современной Франции // Вестник ТвГУ. Серия: Философия. 2017. № 1. С. 107–112. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28983845> (дата обращения: 16.10.2021).
2. Костенко Е. П., Кузнецова С. Ю. Инструменты преодоления гендерного неравенства на рабочем месте: опыт Франции // Journal of economic regulation (Вопросы регулирования экономики). Ростов-на-дону, 2019. Т. 10, № 4. С. 103–116. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41857507> (дата обращения: 16.10.2021).
3. Лауве Н. А. Специфика развития женского движения во Франции: новая система ценностей и идеалов // Диалог культур и цивилизаций : материалы Международной научно-практической конференции. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2020. С. 563–568. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42474124> (дата обращения: 16.10.2021).
4. Лотова И. П., Орехова Е. Я. Борьба с насилием и жестокостью в отношении женщин: опыт Франции // Учёные записки ЗабГУ. 2015. № 5 (64). С. 110–115. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25382740> (дата обращения: 16.10.2021).
5. Насилие в отношении женщин // Всемирная организация здравоохранения : офиц. сайт. 2021. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/violence-against-women> (дата обращения: 19.10.2021).
6. Овчарова В. В. Проблемы гендерной сегрегации во Франции: теоретический и практический аспект // Будущий мир, общие усилия, подлинный прогресс : материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых. М.: НИУ ВШЭ, 2020. С. 142–148. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43059476> (дата обращения: 16.10.2021).
7. Number of cases of woman rape recorded by the police in France from 2016 to 2018, by age of the victim [Количество случаев изнасилования женщин, зарегистрированных полицией во Франции с 2016 по 2018 год, по возрасту жертв] // Statista :

[сайт]. 201. 20 июля. URL: <https://www.statista.com/statistics/1103661/rape-on-woman-age-victim-france/> (дата обращения: 19.10.2021).

8. Gonzalès Paule, Leclair Agnès. L'agression d'une étudiante en jupe à Strasbourg soulève l'indignation [Нападение на студентку в юбке в Страсбурге вызвало возмущение] // Le Figaro : [сайт]. 2020. 23 сент. URL: <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/l-agression-d-une-etudiante-en-jupe-a-strasbourg-souleve-l-indignation-20200923> (дата обращения: 23.11.2021).

9. Margaux Lannuzel Harcèlement de rue : pour Marlène Schiappa, «l'enjeu, c'est d'abaisser notre seuil de tolérance» [Уличные домогательства: по словам Марлен Скьяппа, «задача состоит в том, чтобы снизить наш порог толерантности»] // Europe 1 : [сайт]. 2018. 2 авг. URL: <https://www.europe1.fr/politique/harcement-de-rue-pour-marlene-schiappa-lenjeu-cest-dabaisser-notre-seuil-de-tolerance-3724391> (дата обращения: 23.11.2021).

В. О. Смирнов

Иркутский государственный университет

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ПОЛИТИКУ ПОЛЬШИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПОЛЬСКОЙ ДИАСПОРЕ

Обеспечение деятельности польских организаций за рубежом является одним из приоритетных направлений польской внешней политики. В п. 2 ст. 6 разд. 1 Конституции Третьей Республики говорится, что Польша обязана оказывать помощь полякам, проживающим за границей, в сохранении их связей с национальным культурным наследием [1]. Польской Республике, выступающей гарантом прав поляков за границей, необходимо иметь стратегию действия в данном направлении. На принятие политических решений непосредственно влияют партии. Одними из инициаторов поддержки польской диаспоры являются правые партии в Сейме и Сенате РП, среди которых наиболее выделяется «Право и Справедливость».

Партия «ПиС», одним из основателей и лидером которой является Ярослав Качиньский, напрямую воздействует на государственную политику по отношению к полякам за границей. Можно выделить две главных точки влияния: формирование образа «сибиряка» и принятие различных законодательных актов и стратегий. «Право и Справедливость» использует образ «сибиряка» для мобилизации патриотически настроенного электората [9]. Это делается, потому что партия хочет приобрести статус защитника поляков и всего польского, вне зависимости их места проживания. Будучи главной партией страны, которая контролирует и Сенат, и Сейм, а также

кабинет министров, они официально ставят данную цель в список дел МИДа [3]. Через Министерство иностранных дел и фонды, сотрудничающие с партией и непосредственно получающие деньги от МИДа, «ПиС» спонсирует «Полонии» по всему миру.

В Польше имеется развитая законодательная база по поддержке соотечественников за границей. Она ведет свою историю еще со времен Второй Республики. Принятие двух главных законов – о репатриации и о «Карте поляка» [4], создало основу взаимодействия «Полонии» и Польши. Стоит подчеркнуть, что и тут главными инициаторами законодательной инициативы являются депутаты от «Права и Справедливости».

Бюджетные средства, выделяемые для поддержания поляков за границей, являются темой для полемики в польских политических кругах. Необходимо сравнить политические программы двух основных партий Польши: центристской «Гражданской Платформы» и правоконсервативной «Права и Справедливости». Если «Гражданская Платформа» в основном концентрируется на внутренних проблемах страны, не уделяя большого внимания заграничным делам соотечественников [8], то партия «Право и Справедливость» затрагивает вопрос о поляках за границей в своей политической повестке [9]. В программе «ПиС» от 2019 г. поляки за границей считаются краеугольным камнем заграничной политики государства [Там же]. Партия обещает повысить спонсирование проекта «Полонии», обеспечить расширение объема поддержки через «Карту поляка» (что было уже сделано в 2017 г., когда были добавлены дополнительные денежные выплаты обладателям карты в виде половины суммы от нынешнего прожиточного минимума), продолжить финансирование уже существующих структур, в виде польскоязычных школ и медиа. Подобных заявлений нельзя встретить практически ни в одной из программ «Гражданской Платформы». Анализируя средства, выделенные для поляков за границей, можно заметить, что пиковые значения приходятся на 2007 г. [10], когда был принят закон о «Карте поляка», при этом «Право и Справедливость» имела в том году большинство и в Сенате, и в Сейме.

Документ под названием «Государственная программа сотрудничества с польской диаспорой и поляками за рубежом на 2015–2020 годы» [5] является ярким примером реализации государственной политики Польши. Значительную роль в разработке программы играли депутаты от «Права и Справедливости». На протяжении пяти лет действия проекта, средства из бюджета, которые были выделены на это, возрастали [2]. В 2020 г. были выделены

средства в размере 100 млн злотых [7]. Инициатором увеличения бюджета и перенесения ответственности за реализацию проекта из юрисдикции Сената в подчинение Совета Министров является «ПиС» [6]. Это связано с тем, что «Право и Справедливость» не хотела потерять контроль над этими средствами в случае, если бы партия утратила свое конституционное большинство в Сенате. Поэтому она инициировала передачу полномочий более лояльному органу власти, так как кабинет министров составляется президентом Польши, который является членом партии.

Можно сделать выводы, что на внешнюю политику Республики Польша, в частности, на принятие решений в отношении польской диаспоры, значительное влияние оказывают правящие партии. «Право и Справедливость» использует все доступные ресурсы для сохранения контроля над повесткой «Полонии». Скорее всего, это связано с тем, что партия хочет получить поддержку от патриотически настроенного электората. Имея под контролем Кабинет министров, конституционное большинство в парламентских палатах, «ПиС», следует предположить, продолжит в будущем курс на увеличение размера поддержки для поляков за рубежом. Тезис подтверждается тем, что средства, выделенные на деятельность польских организаций за рубежом в 2020 г., были рекордными по сравнению с предыдущими годами.

Научный руководитель М. Л. Рыбалко

Литература

1. Конституция Польской Республики: [принята Национальным Собранием Республики Польша 02.04.1997] : офиц. текст. URL: concourt.am/armenian/legal_resources/world.. (дата обращения: 17.09.2021).
2. Główny Urząd Statystyczny: oficjalna strona. Warszawa. 1995. Aktualizacja w ciągu 24 godzin. URL: <https://stat.gov.pl/> (дата złożenia wniosku: 19.04.2021).
3. Ministerstwo Spraw Zagranicznych. Rządowy program współpracy z Polonią i Polakami za granicą w latach 2015–2020. Warszawa. 2015. 18 p. URL: www.gov.pl/web/dyplomacja/rzadowy-program-wspolprac-z-polonia-i-polakami-za-granica-w-latach-2015-2020 (дата złożenia wniosku: 25.09.2021).
4. O Karcie Polaka : Dz. U. 2007 Nr 180 poz. 1280 Ustawa z dnia 7 września 2007 r. // Kancelaria Sejm. URL: isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20071801280/U/D20071280Lj.pdf (дата złożenia wniosku: 10.04.2021).
5. O nowym rządowym programie współpracy z Polonią i Polakami // magazynterazpolska.pl [strona]. 2015. URL magazynterazpolska.pl/pl/a/o-nowym-rzadowym-programie-wspolprac-z-polonia-i-polakami-za-granica-slow-kilka (дата złożenia wniosku: 25.09.2021).
6. Pieniądze trafiają do fundacji związanych z politykami PiS? Posłowie alarmują // Wiadomości : [strona]. 2021. URL: <https://wiadomosci.wp.pl/pieniazde-trafiaja-do-fundacji-zwiazanych-z-politykami-pis-poslowie-alarmuja-6118304264820865a> (дата złożenia wniosku: 25.09.2021).

7. Poprawka do projektu budżetu 2020. 100 mln zł dla Polonii z Senatu do Kancelarii Premiera i ministerstw // polskatimes.pl: [strona]. 2020. URL: polskatimes.pl/poprawka-do-projektu-budzetu-2020-100-mln-zl-dla-polonii-z-senatu-do-kancelarii-premiera-i-ministerstw/ar/c114746734?_cf_chl_jschl_tk__=pmd_UW_YExGAuF2dvwHH6Db3RHvnKzflSwaTKjseAow5eFE-1633625706-0-gqNtZGzNamWjcnBszQi9

8. Program Koalicji Obywatelskiej. Warszawa. 2019. 136 s.. URL: platforma.org/upload/document/86/attachments/121/KO%20Program.pdf (data złożenia wniosku: 27.09.2021).

9. Program Partii PiS. Warszawa. 2019. 232 s. URL: pis.org.pl/files/Program_PIS_2019.pdf (data złożenia wniosku: 27.09.2021).

10. Ustawa Budżetowa na rok 2007. Warszawa. 2007 // Kancelaria Sejmu. URL: orka.sejm.gov.pl/proc5.nsf/ustawy/1000_u.htm (data złożenia wniosku: 25.09.2021).

М. Н. Сосновский

Иркутский государственный университет

ВЛИЯНИЕ ПАМЯТИ О ГЕНОЦИДЕ ГЕРЕРО И НАМА В ЮГО-ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ НА ВНУТРЕННЮЮ И ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ НАМИБИИ

В 1904 г. народы гереро и нама, проживавшие в Германской Юго-Западной Африке (ныне Намибия), восстали против немецкого колониального господства. Германские колонизаторы, подавив восстание, устроили геноцид. Часть местных жителей была изгнана в безводную пустыню, а часть помещена в концентрационные лагеря. Согласно оценкам исследователей, эти меры к 1908 г. привели к сокращению численности гереро на 80 % (с 80 тыс. до 15 тыс. человек) и нама на 50 % (с 20 тыс. до 10 тыс. человек) [1, с. 247]. События 1904–1908 гг. в Юго-Западной Африке признаются историками «первым геноцидом XX века» [2, р. 1].

В независимой Намибии сохранение памяти о геноциде сталкивается с рядом проблем. Прежде всего, следует отметить, что Намибия является многонациональной страной. Геноцид затронул народы гереро и нама, проживающие на юге страны и составляющие национальные меньшинства. Доминирующим народом в Намибии являются овамбо, проживающие на севере, которых геноцид не затронул. Во второй половине XX в. овамбо составили костяк партизанского движения и партии СВАПО, боровшейся за независимость страны от Южной Африки в 1966–1989 гг. После обретения

независимости, СВАПО, состоящая в основном из овамбо, стала доминирующей политической силой Намибии, которой остаётся до сих пор [5, pp. 8–9].

Национальные меньшинства, особенно гереро, в годы Войны за независимость находились в оппозиции к СВАПО, а потому зачастую рассматриваются официальным нарративом в качестве коллаборационистов [4, p. 8]. Подобное критическое отношение к гереро вело к тому, что намибийское государство на протяжении длительного времени не было заинтересовано в сохранении памяти о событиях 1904–1908 гг. Так, в 2004 г. официальные лица предпочитали игнорировать памятные мероприятия по случаю 100-летней годовщины начала геноцида [6, p. 502]. Основные мемориальные комплексы Намибии, вроде Акры Героев или Национального музея, повествуют в основном об истории Войны за независимость 1966–1989 гг., оставляя небольшое пространство для рассказа о страданиях гереро и нама в 1904–1908 гг. [4, pp. 9–10]. Сохранением памяти о геноциде длительное время занимались национальные сообщества потомков жертв, а не официальные власти государства [6, p. 499].

Кроме того, в Намибии продолжают проживать потомки немецких колонизаторов. Они являются самой богатой этнической группой страны, критически важной для дальнейшего развития экономики. Потребность учитывать интересы немецкой общины также играет роль в сдержанном внимании официальных властей Намибии к теме геноцида [6, p. 505–506]. До 2013 г. в центре намибийской столицы Виндхук продолжал стоять памятник немецкому кавалеристу, поставленный колониальными властями в честь покорения региона. Лишь в 2013 г. он был перенесён во двор старой немецкой крепости. В городе Свакопмунд продолжает стоять памятник немецким морским пехотинцам, подавившим восстание местных жителей [4, p. 11].

Проблема геноцида отражается на взаимоотношениях Намибии с Германией. На протяжении долго времени официальные власти Намибии опасались поднимать тему геноцида в двухсторонних отношениях, не желая терять важного экономического партнёра. Президент Сэм Нуйома в 2002 г. заявил: «Новая Намибия и новая Германия больше не озабочены прошлым. Мы оставляем печальную историю позади и динамично работаем сообща» [4, p. 9].

Требованиями официальных извинений и выплаты денежных компенсаций занимались преимущественно общественные организации потомков жертв геноцида. В 2001 г. они впервые подали иски

в суды США (пользуясь особенностями американского законодательства) против правительства Федеративной республики и ряда немецких компаний, требуя выплаты репараций. Несмотря на то что иски были отклонены, они способствовали привлечению общественного внимания к проблеме геноцида, как в самой Намибии, так и за рубежом [2, pp. 7–8]. Со временем активность общественности, а также потребность в создании общего антиколониального нарратива истории страны, куда могли бы быть включены и национальные меньшинства, побудила официальные власти присоединиться к дискуссиям об ответственности Германии.

Ещё одной важной вехой в диалоге о геноциде стало возвращение в Намибию в 2011 г. двух десятков черепов убитых африканцев, которые были вывезены колонизаторами в Германию в 1900-х гг., чтобы доказать «расовую неполноценность» чернокожих [4, p. 15].

Длительное время официальные представители ФРГ избегали использовать термин «геноцид» в отношении событий 1904–1908 гг., чтобы не давать повода к требованиям о выплате компенсаций. Лишь в 2015 г. правительство и парламент Германии публично признали факт геноцида. Символический прорыв в риторике немецких властей был вызван рядом причин: многолетней работой общественных организаций гереро и нама, а также давлением на собственное правительство со стороны левых немецких парламентских партий (социал-демократов, «зелёных» и «левых»), признававших претензии пострадавших групп. Наконец, именно тогда власти Германии признали геноцид армян в Османской империи – пример более известного геноцида, нежели истребление гереро и нама. Признание геноцида в другой стране и одновременное игнорирование геноцида, осуществлённого самими немцами, могло ударить по международному престижу страны [2, pp. 10–11]. Лоббисты признания геноцида в Юго-Западной Африке смогли удачно воспользоваться международной конъюнктурой и добились своего.

С 2014 г. начались двухсторонние переговоры между немецкой и намибийской делегациями по вопросу о финансовых выплатах потомкам жертв геноцида [2, p. 11]. Переговорный процесс осложнялся протестами со стороны гереро и нама, требовавших трёхсторонних переговоров с участием представителей от пострадавших групп. По мнению активистов, намибийское правительство, находящееся под контролем овамбо, не было способно в полной степени защитить интересы национальных меньшинств. Власти Намибии отказались от требований по созданию трёхсторонней комиссии, так как это, по их мысли, подорвало бы национальное единство [2, p. 12–13].

Наконец, в мае 2021 г. стороны пришли к соглашению. Президент Германии пообещал выступить в парламенте Намибии с официальными извинениями. Также ФРГ обязалась вложить 1,1 млрд евро в инфраструктурные проекты в тех районах Намибии, где проживают потомки пострадавших. Несмотря на то что намибийское правительство высказало удовлетворение достигнутыми результатами, некоторые общественные организации раскритиковали соглашение. Они повторно высказали сожаление, что переговоры велись не с пострадавшими группами напрямую, а при посредничестве национального правительства. Также их не удовлетворил характер выплат, представляющих собой инвестиции, а не компенсацию [3].

Таким образом, воспоминания о геноциде начала 1900-х гг. продолжают оставаться проблемой для намибийской внутренней и внешней политики. Во внутренней политике они могут в равной степени выступать как источник общенациональной антиколониальной мобилизации, так и как фактор межэтнической напряженности. Во внешней политике память о геноциде позволяет привлекать в страну иностранные инвестиции и повысить международный престиж страны. Также усилия по признанию геноцида гереро и нама демонстрируют важность участия в политике памяти не только государственных институтов, но и негосударственных общественных организаций.

Научный руководитель Д. В. Козлов

Литература

1. Фергюсон Н. Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира / пер. с англ. К. Бандуровского. М. : АСТ : CORPUS, 2014. 544 с.
2. Boehme F. Reactive remembrance : The political struggle over apologies and reparations between Germany and Namibia for the Herero genocide // Journal of Human Rights. 2020. Vol. 19, N 2. P. 1–18. URL: <https://tinyurl.com/5fm6cvzv> (accessed: 09.10.2021).
3. Germany officially recognizes colonial-era Namibia genocide // Deutsche Welle [website]. 2021. 28 May. URL: <https://tinyurl.com/323f87rz> (accessed: 14.10.2021).
4. Hamrick E., Duschinski H. Enduring injustice : Memory politics and Namibia's genocide reparations movement // Memory Studies. 2018. Vol. 11, N 4. P. 1–18. URL: <https://tinyurl.com/djnyd6c7> (accessed: 08.10.2021).
5. Niezen R. Speaking for the dead : the memorial politics of genocide in Namibia and Germany // International Journal of Heritage Studies. 2018. Vol. 24, № 5. P. 1–21. URL: <https://tinyurl.com/28wspj8u> (accessed: 08.10.2021).
6. Zuern E. Memorial politics : challenging the dominant party's narrative in Namibia // The Journal of Modern African Studies. 2012. Vol. 50, N 3. P. 493–518. URL: <https://tinyurl.com/jnjin63bw> (accessed: 08.10.2021).

А. В. Ткачук

Иркутский государственный университет

ВЛИЯНИЕ ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ «МЯГКОЙ СИЛЫ» НА ЭКОНОМИКУ И ИМИДЖ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В XXI в.

Феномен «корейской волны» («халлю») помог поднять национальный бренд Южной Кореи на новый уровень, увеличив экспорт корейских товаров за границу. Корейская волна стала необычным культурным явлением мирового масштаба. Первым инструментом распространения корейской волны стало небольшое количество каналов южнокорейского телевидения, действовавших на территории Китая и Японии. Популярность корейских дорам постепенно начала распространяться на другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Интерес к корейскому телевидению повлиял на создание среди иностранных зрителей тенденции к копированию корейской моды, кухни и т.п. в других странах [3].

Корейский музыкальный жанр, получивший название К-поп, стал смесью восточной и западной культуры, разных музыкальных жанров, и продемонстрировал миру совершенно новое направление в музыке, сочетающее не только вокальное исполнение, но и синхронные танцевальные движения «айдолов». А существование как мужских, так и женских групп, позволило влиять на разные группы потребителей [1].

Молодые красивые «айдолы» превратились в новых идолов для зарубежных фанатов. Сингл «Gangnam Style» южнокорейского исполнителя Psy стал хитом в более чем 30 странах мира. Клип на песню стал самым просматриваемым на YouTube, превысив отметку в 2,9 млрд просмотров и побив рекорд американского поп-артиста Джастина Бибера, чей рекордный результат составлял менее 1 млрд просмотров [1].

Первые исследователи возросшего интереса к корейской культуре считали данный феномен результатом смешения разных вариантов азиатской культуры, к которой относили и китайскую, и японскую, и индийскую культуры. Выход корейской массовой культуры на международную арену позволил создать баланс между азиатской и доминировавшей ранее европейской культурой. Широкое распространение корейские сериалы получили и благодаря наличию различных направлений и жанров, что позволило охватить разнообразную аудиторию [1].

Корейские сериалы и К-поп способствовали не только экспорту корейской продукции за границу, но и притоку туристов. Так, уже в 2014 г. туристический поток вырос на 12 % в сравнении с предыдущими годами [2].

Успех «халлю» стал возможен не только благодаря деятельности частного бизнеса, но также благодаря поддержке южнокорейского правительства. При поддержке правительства крупные частные развлекательные агентства по продвижению молодых талантов получили различные формы субсидирования и инвестиций для развития сферы развлечений и расширения системы профессионального обучения для артистов К-поп. SM Entertainment, YG Entertainment, JYP Entertainment стали тройкой, возглавляющей данную сферу. Артисты этих компаний ежегодно вносят вклад в экспорт К-поп-продукции за рубежом [1].

Значительную помощь правительство оказывает спонсорской поддержкой многочисленных концертов К-поп групп, развлекательных TV-show, шоу талантов. Среди большого числа зарубежных корейских фестивалей существуют: фестиваль К-поп в Мексике, One heart Festival в Иране, KCON Paris во Франции. Внутри страны также проводятся международные фестивали К-поп [5].

Согласно статистическим данным за 2015 г., продукция корейской киноиндустрии широко продается за пределами Азиатско-Тихоокеанского региона. Лидирующие позиции в списке покупателей занимают США с показателем 4291 наименование, Канада (103), Великобритания (148), Франция (134), Бельгия (261), Польша (51), Россия (20) [4].

Более чем за 10 лет общая стоимость экспорта корейской культурной продукции выросла с 500 млн долл. в начале 2000-х гг. до 6,3 млрд долл. в 2016 г. Влияние «халлю» принесло более 12,6 млрд долл. в девяти различных сферах индустрии развлечений, включая кино, музыку, игры и телевидение. Большой интерес к корейским сериалам и К-поп порождает спрос на корейскую косметику, кухню, технику, моду. В последние несколько лет набирают популярность корейские телевизионные шоу, в которые приглашают российских, американских, и многих других участников с европейской внешностью. Шоу чаще всего носят соревновательный, комедийный или романтический характер (построить пару) [4].

Интерес к корейской культуре также выражается в активных массовых движениях. Так, например, поклонники К-поп культуры во Франции в 2011 г. устроили флэшмоб с требованием проведения концерта К-поп исполнителей. Подобное явление затем повторилось в Лондоне [5].

Несмотря на то что К-поп оказывает сильное влияние на потребительскую аудиторию, он в то же время и зависит от нее. С момента возникновения «корейской волны», состав К-поп групп, который изначально характеризовался наличием только корейских

участников, сильно изменился с распространением и популяризацией этого жанра. На сегодняшнем этапе составы групп стали многонациональными. Ярким примером является женская группа TWICE, в составе которой присутствуют участницы из Китая, Японии и США. Многие участники таких коллективов – выходцы из Таиланда, Австралии, Новой Зеландии.

Сегодня феномен «корейской волны» носит характер широких, многосторонних отношений в контексте межкультурных обменов. Однако распространение корейских товаров в соседних странах многими исследователями рассматривается как экономико-культурная экспансия. Можно предположить, что со временем не Китай или Япония, а именно Южная Корея станет культурным и экономическим лицом Азиатского региона [2].

Однако при высоком уровне популярности корейской культуры все же Республике Корея не удастся оказывать влияние на мировую политику в полной мере. Это происходит потому, что напряженность в отношениях со странами-партнерами непосредственно влияет либо на сокращение числа импортируемой продукции на территорию зарубежных государств, либо выражается в полном запрете на трансляцию корейских дорам и клипов К-пор [1].

Такая зависимость от внешнеполитической обстановки подталкивает правительство Республики Корея к необходимости поиска новых способов усиления и укрепления позиций «корейской волны», как инструмента стратегии мягкой силы. Для создания устойчивых коммуникаций правительство Южной Кореи стало прибегать к совместному финансированию и производству телесериалов, фильмов, продукции К-пор. Согласно торговым и правовым положениям, продукция, созданная совместными усилиями, считается национальным достоянием всех участвующих сторон.

Научный руководитель К. В. Иванов

Литература

1. Kim H. Sh. When public diplomacy faces trade barriers and diplomatic frictions: the case of the Korean Wave // Place Branding and Public Diplomacy. 2017. N 14 (1). P. 234–244.
2. Kim S., Long P., Robinson M. Small screen, big tourism: The role of popular Korean television dramas in South Korean tourism // Tourism Geographies. 2009. N 11. P. 308–333.
3. Kitavnina E., Kashirina T. Soft power approach to the Korean wave // Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry. 2018. P. 261–263.
4. Korea Creative Contents Agency = 한국콘텐츠진흥원. URL: <https://www.kocca.kr/en/main.do> (дата обращения: 09.10.2021)
5. Lee S. J. South Korean Soft Power and How South Korea Views the Soft Power of Others // Public Diplomacy and Soft Power in East Asia. 2011. P. 139–161.

СЕКЦИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ И МУЗЕОЛОГИЯ

Е. В. Дегтярева

Иркутский государственный университет

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СУБКУЛЬТУРЫ ХУЛИГАНОВ
В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ ЯПОНИИ
(НА ПРИМЕРЕ МАНГИ «ТОКИЙСКИЕ МСТИТЕЛИ»)**

Молодежные субкультуры в Японии – это уникальный социокультурный феномен, который включает в себя не только самовыражение молодежи, но и многовековые культурные ценности и традиции. Получив толчок в развитии от западных субкультур, в Японии появилась своя особая молодежная среда, которая имеет ряд особенностей, важных для изучения, что делает данные исследования актуальными.

Существуют асоциальные субкультуры, выражающие свой протест через яркий внешний вид и нарушение устоявшихся представлений о скромности внешнего вида как части корпоративной культуры – это, например, субкультуры лолита, гяру, visual-kei, а также представители стиля Харадзюку. Другие же – хиккикомори – стремятся противопоставить себя обществу посредством ведения затворнического образа жизни [2]. Помимо асоциальных субкультур, в Японии долгое время существуют и маргинальные молодежные объединения – уличные банды. К ним относятся босодзоку, янки и сукэбан. Все хулиганские группировки строятся на жесткой иерархичности, уважении к старшим по званию, командном духе и взаимопомощи внутри объединения.

Распространение уличных банд в Японии началось примерно с 1970–80-х гг. и было связано с экономическим кризисом в стране. Молодежь чувствовала свою незащищенность в тех условиях и

стремилась объединяться в группировки, в которых могла проявить себя, получить определенную поддержку и новые ощущения посредством полукриминальной деятельности и массовых драк. Пионерами уличных субкультур считают «босодзоку» – японскую субкультуру байкеров, которые отличались любовью к быстрой езде на мотоциклах (впоследствии и на автомобилях) и своим внешним видом. Они носили особую униформу «токкофуку», вдохновленную эстетикой военной формы времен Второй мировой войны. Она состояла из длинного плаща, на спине которого обязательно обозначалось название банды, ее символика и лозунг, брюк и ботинок. Некоторые банды меняли фасон формы под себя, но суть от этого особо не менялась. Бунтарский дух босодзоку нередко сравнивали с самоубийцами-камикадзе, а столкновения и драки между бандами больше напоминали театральное представление. Расцветом субкультуры байкеров стали 1990–2000-е гг., после чего японские власти начали усиленную борьбу с ними как с криминальными элементами. Многие представители босодзоку со временем стали вести мирную жизнь, но некоторые уходили в криминал и создавали уже бандитские группировки, либо присоединялись к якудза.

Субкультура «янки» появилась в 1980-х гг., их также называют гопниками. Она во многом схожа с «босодзоку», являясь ее продолжением, однако, эта субкультура никак не связана с мотоциклами. «Янки» отличались большим количеством украшений, многие представители группировок носили серьгу в левом ухе, либо прокалывали оба, красили волосы и делали различные необычные укладки. Группировки гопников обычно состояли из подростков, внутри группировок было разделение на отряды, которые подчинялись командирам, а командиры, в свою очередь, подчинялись главе и его заместителю. Каждая группировка контролировала свой район города, нередко происходили столкновения банд, в ходе которых одна могла перейти в другую, либо же распасться. Субкультура «янки» была популярна в 2000-х гг., на данный момент молодежных уличных группировок практически не существует. Также существовали криминальные банды «сукэбан», состоявшие только из молодых девушек.

В массовой культуре Японии существует множество репрезентаций уличных банд того времени. К подобным произведениям относятся, например, комиксы «Крутой учитель Онидзука», *Gangsta*, аниме «Акира» и художественный фильм *Kamikaze Girls*. С 2017 г. в журнале *Shonen Magazine* начала выходить манга «Токийские

мстители» авторства Кена Вакуи [1]. Она повествует о молодом человеке по имени Ханагаки Такемичи, который к 26 годам не добился ничего, вел затворнический образ жизни и был совершенно одинок. В один день он попадает под поезд, перемещается на 12 лет в прошлое (в 2006 г.) и сталкивается с ситуацией, когда ему нужно изменить прошлое посредством вступления в уличную банду «Токио Мандзи». «Токио Мандзи» (также «Токийская Свастика», «Тосва», «Томан») – это байкерская группировка, состоящая из школьников под руководством Манджиро Сано (Майки). Вообще, группировку можно считать гибридом «янки» и «босодзоку», так как байкерами являются только основатели «Токио Мандзи», а не все ее участники; в тексте манги также чаще встречаются слова «гоник» и «янки», чем байкер. Еще одним отличием от классических байкеров является форма, состоящая из черного комбинезона и ботинок. На спине комбинезона вышито название группировки и ее символика – буддийская свастика, символ солнца. Практически все участники банды носят серьгу в левом ухе и различные аксессуары, а их внешность отличается от внешности стереотипного японского школьника: длинные, нередко покрашенные волосы, татуировки, частично сбритые брови и прочие атрибуты японской моды 2000-х гг. Сама группировка разделена на пять отрядов, у каждого отряда есть свой руководитель и определенная задача – непосредственное участие в боях, подготовка к ним, помощь и др.

Важным аспектом является повышение командного духа на собраниях перед важными боями или прямо во время боев – еще одна отличительная черта данных группировок. Воодушевляющие речи и сила слова были частью культуры босодзоку и вдохновлялись напутствиями, которые давали солдатам и камикадзе на войне. В «Токио Манджи» инициатором этих речей во время столкновений становился сам Такемичи.

Помимо «Токио Мандзи», мангака вводит в сюжет и другие байкерские банды, которые по сюжету противостояли первой: «Черные драконы», «Вальхалла», «Мебиус» и «Поднебесье». Во главе последней стояло особое поколение S62 – это шестеро подростков, которые родились в 1987 г. и прославились своей жестокостью и силой. Например, братья Хайтани, относящиеся к этому поколению, в 14 лет держали токийский Район Роппонги вдвоем, выгнав с этого места бывшего владельца и руководителя одной из байкерских группировок. В свою очередь, брат Майки, Шиничиро Сано, был главой первого поколения крупной байкерской банды «Черные драконы»,

всего за время действия манги их было восемь. Название банды отсылает читателя к самой известной банде босодзоку «Черный император», которая была популярна в 1990-х гг.

Особенностью манги является раскрытие причин, по которой подростки оказываются в той или иной банде. У большинства персонажей отсутствует один или оба родителя – например, Майки воспитывался братом и бабушкой, а его заместитель Кен Рюгуджи был оставлен матерью в два года и вырос в публичном доме. Через организацию банды они старались найти единомышленников, получить признание в глазах ровесников и противопоставить себя большинству, жившему в более благоприятных условиях и не понимавшему их проблем. Драки же были больше похожи на театральные постановки, внося в жизнь подростков чувство причастности и своей важности как элемента этого жестокого, но интересного спектакля. У каждого подростка, оказавшегося в этой банде, была своя трагичная история, и в среде людей с похожими судьбами он не чувствовал себя отвергнутым. Правонарушения и криминал – еще одни элементы юношеского протеста и желания обратить внимание на себя и свои проблемы.

Субкультура японских уличных банд – это важный феномен, который находит свое отражение в массовой культуре. Через мангу «Токийские мстители» автор старается рассказать примерную историю уличных банд того времени и выделить проблемы, из-за которых создаются подобные криминальные субкультуры.

Научный руководитель Р. Ю. Зуляр

Литература

1. Манга «Токийские мстители» : офиц. сайт. URL: <https://pocket.shonenmagazine.com/episode/13932016480029113171> (дата обращения: 10.10.2021).
2. Павленко Н. В., Якушенков С. Н. Чужой среди своих, свой среди чужих: молодежные субкультуры в национальном культурном ландшафте Японии // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2019. N 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chuzhoy-sredi-svoih-svoy-sredi-chuzhih-molodezhnye-subkultury-v-natsionalnom-kulturnom-landshafte-yaponii> (дата обращения: 17.10.2021).

С. Е. Кочергин*Иркутский государственный университет*

МУЗЕИ ПРЕДПРИЯТИЙ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

Иркутская область является важным стратегическим, экономическим и промышленным регионом нашей страны. Старейшие предприятия и организации области, помимо своей непосредственной деятельности, выступают в качестве хранителей и трансляторов историко-культурного наследия, важность сохранения которого является одним из важнейших факторов для формирования регионального имиджа, развития промышленного туризма, формирования социокультурного пространства.

Практика создания музеев при средних или крупных промышленных предприятиях получила широкое распространение в СССР, но в 1990-х гг. последовала волна повсеместного их закрытия, что было связано с ликвидацией большого количества производств [1, с. 91]. Однако не все из них постигла подобная участь. Часть музеев продолжает свою деятельность по сей день, некоторые из них претерпели существенные трансформации, открываются новые музеи. В настоящее время в нашей стране активно ведется создание музеев промышленных предприятий на базе заводов и корпораций. Это явление связано с ростом внимания общественности к развитию отраслевых промышленных предприятий на территории нашей страны [7, с. 100].

В Иркутской области функционирует большое количество таких музеев, находящихся в подчинении различных ведомств. Этот факт свидетельствует о том, что активная деятельность подобных музеев способствует не только популяризации исторического и культурного наследия, носителями которого являются предприятия и организации региона, но и влияет на повышение статуса профессий, связанных с различными отраслями промышленности (металлургия, транспортное машиностроение, нефтепереработка и т. д.).

В регионе насчитывается более 20 музеев предприятий, все они являются неотъемлемой частью музейного и социокультурного пространства региона. На примере деятельности некоторых из них можно оценить их вклад в сохранение исторической памяти и потенциал, заложенный в их коллекциях.

Музей истории Иркутского авиационного завода является показательным примером в сохранении и популяризации деятельности промышленных предприятий. Музей был основан в 1968 г., частыми посетителями музея являются представители зарубежных и российских компаний, студенты и школьники. Ежегодно сотрудниками музея проводится более 150 экскурсий, которые посещают от 2,5 до 3 тыс. человек. В экспозиционных залах музея можно познакомиться с большим количеством фотографий и экспонатов, рассказывающих об истории становления отечественной авиации. За долгие годы работы музей стал крепким связующим звеном между молодежью и Авиационным заводом, ведь благодаря активной воспитательной и просветительской работе музея, многие молодые люди выбрали себе профессию, связанную с авиационной промышленностью, тем самым повысив кадровый потенциал области [6].

В 1980 г. был основан музей истории Иркутского аэропорта, экспозиции которого наглядно отражают основные этапы развития гражданской авиации в Восточной Сибири. Руководством музея принимаются меры по увеличению количества посетителей, используется система льготных билетов для различных категорий граждан. Например, бесплатное посещение предусмотрено для следующих организаций: образовательные учреждения (в том числе дополнительного образования), некоммерческие организации социальной поддержки населения, а также государственные органы власти [2].

Особую роль в сохранении историко-культурного наследия играет музей Восточно-Сибирской железной дороги, подчиненный ВСЖД – филиалу ОАО «РЖД». Открытие музея состоялось в 1998 г., к 100-летию прибытия первого поезда в г. Иркутск. Первоначально музей находился на территории Детской железной дороги на о. Юность, но в 2012 г. он переехал на новое место – в здание Центра детского технического творчества ВСЖД (сейчас здание полностью принадлежит музею). Экспозиции музея посвящены истории становления и развития Российских железных дорог, а также Транссибирской железнодорожной магистрали (Великий Сибирский рельсовый путь), начало которой было заложено в царствование Александра III. Экспонаты музея очень разнообразны: различные документы и фотографии, восковые фигуры, макет железнодорожной станции, формы работников железной дороги разных лет, знаки различия служащих, награды, предметы интерьера вагонов и помещений станций и многое другое [4]. Музей активно

принимает участие в сетевых проектах. Так, в 2020 г. музей поддержал программу «Виртуальный музей» – это серия коротких видеороликов, которые посвящены наиболее ценным и интересным экспонатам железнодорожных музеев России [5]. Также в Иркутской области функционируют региональные подразделения по сохранению наследия Восточно-Сибирской железной дороги. Музеи расположены на станциях Слюдянка (экспозиция создана в 1967 г.), Байкал (открыт в 2005 г. в канун празднования 100-летия Кругобайкальской железной дороги) и Култук (начал работу в 2007 г. в здании вокзала, который был построен в 1904 г.) [4].

Одним из самых молодых музеев региона является музей ГУ МЧС России по Иркутской области, открытие которого состоялось летом 2014 г., и было приурочено к 200-летию образования профессиональной пожарной команды г. Иркутска в историческом здании 3-й пожарно-полицейской части города. Частыми посетителями данного музея являются обучающиеся образовательных учреждений города и региона, для которых проводятся тематические встречи, экскурсии и выставки. Экспозиция музея располагается на двух этажах и в 6 залах. В ней представлены: история пожарной охраны г. Иркутска и Восточной Сибири (начало XIX – конец XX вв.), пожарная техника и пожарно-техническое вооружение для защиты лесных ресурсов Иркутской области, история Иркутской пожарной охраны в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., история РСЧС – МЧС России, история МПВО-ГО России и Иркутской области. Также функционирует и отдельный зал для проведения тематических встреч, музейных занятий с учащимися города, интерактивных уроков с дошкольниками детских садов города и презентаций выставок музея [3].

Музеи предприятий являются неотъемлемой частью социокультурного пространства региона, являясь активными участниками его научно-просветительской и культурно-досуговой жизни. Процесс их интеграции в социокультурное пространство региона является непрерывным, поскольку постоянно создаются новые музеи, одновременно с этим происходит трансформация уже существующих. Необходимость соответствовать новым условиям развития ставит перед музеями предприятий новые задачи, для решения которых не всегда хватает специалистов.

Общей проблемой для большинства музеев предприятий является отсутствие у них официальных веб-сайтов, аккаунтов в социальных сетях, что затрудняет предварительное знакомство потен-

циальных посетителей с работой музея. В ряде случаев это объяснимо, если говорить о музеях закрытых предприятий, музеях служб органов правопорядка, однако в случае с открытыми организациями, эта проблема, безусловно, влияет на степень востребованности данных музеев для широкой аудитории.

В настоящее время широко применяется практика создания 3D-экскурсий, которые дают возможность взглянуть на экспонаты музея, а учитывая специфику экспозиций музеев предприятий и организаций, наличие у таких музеев виртуальных экспозиций позволило бы привлечь большее количество посетителей.

Таким образом, музеи предприятий являются неотъемлемой и важной частью социокультурного пространства Иркутской области, они играют большую роль в популяризации и сохранении экономической, промышленной и научной истории региона, выполняют образовательно-воспитательную функцию для подрастающего поколения, их деятельность способствует увеличению интереса к профессиям промышленной специализации.

Научный руководитель Е. В. Саяпарова

Литература

1. Ануфриев А. В., Шахеров В. П., Шахерова С. Л. Музейное дело и охрана культурных ценностей : учеб. пособие. Иркутск Изд-во ИГУ, 2013. 197 с.
2. Музей аэропорта Иркутской области. URL: <https://iktport.ru/ru/11-about/134-muzej-aeroporta.html> (дата обращения: 26.09.2021).
3. Музей ГУ МЧС России по Иркутской области. URL: <https://www.mchs.gov.ru/ministerstvo/uchrezhdeniya-mchs-rossii/muzei-mchs-rossii/muzej-gu-mchs-rossii-po-irkutskoy-oblasti> (дата обращения: 26.09.2021).
4. Музей Восточно-Сибирской железной дороги. URL: <http://pochet.mserv.me/history-railways/museums-railways/muzei-istorii-vostochno-sibirskoi-zheleznoi-dorogi/#prettyPhoto> (дата обращения: 29.09.2021).
5. Музей ВСЖД принимает участие в проекте Виртуальный музей. URL: <https://vszd.rzd.ru/ru/1900/page/104069?id=257700> (дата обращения: 29.09.2021).
6. Музей истории Иркутского авиазавода отметил 50-летие. URL: <https://www.aviaport.ru/digest/2018/11/27/565205.html> (дата обращения: 26.09.2021).
7. Сырыгин Д. С. Актуализация деятельности музея промышленных предприятий как специфическое социокультурное явление // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 41–2. С. 99–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-deyatelnosti-muzeya-promyshlennyh-predpriyatiy-kak-spetsificheskoe-sotsiokulturnoe-yavlenie> (дата обращения: 26.09.2021).

Е. А. Левицкая*Российский государственный гуманитарный университет*

ФЕНОМЕН РУССКОЙ ДАЧИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Загородные жилища еще с глубокой древности получили широкое распространение, несмотря на существовавшие в то время сравнительно благоприятные условия городской жизни [5, с. 186]. Предположительно, данная тенденция обусловлена врожденной потребностью многих людей в более тесном контакте с природой, а также необходимостью смены обстановки и рода деятельности.

Социальные, природно-климатические и историко-культурные факторы стали причиной формирования типологических основ загородного жилья. Оно может быть представлено виллами, как в Италии, или коттеджами, как в Великобритании, но в Российской Федерации преобладают так называемые русские дачи, по своему устройству и самобытности не имеющие аналогов за рубежом.

Подходя к анализу термина «русской дачи» с точки зрения архитектуры, можно с уверенностью утверждать, что это один из наименее изученных аспектов русской строительной культуры. Более того, только в Российской Федерации исследователи выделяют исконно «дачные стили»: «дачную эклектику» и «дачный модерн», что, разумеется, представляет безграничное поле для изучения архитекторами, культурологами и историками [5, с. 193].

Выступая уникальным явлением в архитектурно-градостроительной практике, русские дачи породили массовость и демократичность путешествий, что в свою очередь сформировало особенный тип горожанина, выезжающего на выходные и праздничные дни исключительно в свое загородное «поместье».

Получившее распространение в «позднем» СССР по всей территории нашей страны, изначально дачное движение зародилось в Санкт-Петербурге [5, с. 187]. Обосновывается это переездом бывшей московской элиты в новую, северную, урбанизированную столицу и ее желанием сохранить привычный образ жизни подмосковных имений.

Смена окружающей действительности и отдых вблизи природных достопримечательностей являются ключевыми составляющими столь колоссальной популярности дачного отдыха. Однако потребность в выращивании сельскохозяйственных культур также

способствовала интенсивному дачному строительству, в особенности в советское время.

Определяемое в период царствования императора Петра I как земля, дарованная князем, и связанное с глаголами «дать» и «давать», слово «дача» уже во второй половине XIX в. приобрело современный смысл, а дачи окончательно трансформировались в неотъемлемый компонент жизни городского населения [3, с. 486; 4, с. 29].

Более того, подчеркивая исключительную значимость дачи как социокультурного феномена, нельзя не отметить, что ни в одном другом языке мира не существует точного слова, полностью отражающего значения русской дачи. В связи с этим зарубежным исследователям приходится использовать не словарь, а транслитератор для перевода русского слово «дача» на иностранные языки [6].

Создавая возможности для рекреации, дачный отдых характеризуется прогулками, созерцанием природы, чтением, пикниками, танцами, прослушиванием музыки, выращиванием садовых плодово-ягодных культур и декоративных растений, ездой на велосипедах и спортивными играми, купанием в водоемах и катанием на лодках, рыбной ловлей и охотой, а также занятиями творчеством. Тем не менее, вполне возможно, что в будущем произойдет ряд изменений, и появятся иные категории, определяющие традиционный уклад жизни русского дачника.

Вместе с тем нельзя утверждать, что среднестатистический дачник – это имеющее неограниченное количество свободного времени лицо пенсионного возраста. Напротив, дача удивительным образом объединяет людей разных поколений, взглядов и интересов, в чем прослеживается своеобразная дачная культура [7].

Обеспечивая устойчивые социальные связи, дача оказывает огромное воздействие на социализацию детей, которые приезжают на дачу на выходные и праздничные дни, а также на все лето (каникулы), и способствует не только их отдыху, но и познанию окружающего мира [2, с. 28–29]. Более того, дача – один из компонентов устойчивого социально-экономического развития горожан и, как своеобразный «социальный институт», соответствует уже заслужившей признание теории постматериалистического сдвига выдающегося американского исследователя, социолога и политолога Рональда Инглхарта [2, с. 24]. В современном мире дача выступает в качестве генератора постматериалистических ценностей, она – символ экологии, чистого воздуха и здоровья.

Ввиду того, что социальная значимость дачного образа жизни сохраняется, необходимо активно возрождать традиции дачного

строительства прошлых эпох, а также разработать мероприятия по сохранению имеющегося дачного наследия. Интересным вариантом решения данной задачи представляется включение дач, отличающихся наибольшей ценностью, в музеи под открытым небом, где посетителям будут рассказывать об особенностях дачного образа жизни, о дачной истории и культуре, о знаменитых владельцах-дачниках. Успешный опыт функционирования музея подобного типа существует в Красноярске, где летом 2020 г. открылся первый в России музей русской дачи под открытым небом [1].

Дачный, особый, образ жизни претерпевал изменения, но сохранился как социокультурный феномен, и есть основания полагать, что в будущем владельцев дачных участков будет становиться все больше ввиду урбанизации, неблагоприятных условий городской среды, постоянного стресса и характерной особенности земли как одного из самых надежных ресурсов для капиталовложений. Социальную значимость русской дачи нельзя переоценить, так как она олицетворяет исконно русский менталитет и является одним из символов национальной идентичности.

Научный руководитель Г. Д. Галдилов

Литература

1. Первый в России музей русской дачи открылся в Красноярске // Енисей – главные новости Красноярского края. URL: <https://www.enisey.tv/news/post-24134/> (дата обращения: 09.10.2021).
2. Полухина Е. В. Особенности социального порядка в постсоветском дачном пространстве: труд, поколения и гендер // Журнал социально-гуманитарных исследований «Лабиринт». Иваново, 2014. № 3. С. 22–31.
3. Фасмер А. Р. Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987. Т. 1. 573 с.
4. Фурман П. Р. Энциклопедия русского городского и сельского хозяина – архитектора, садовода, землемера, мебельщика и машиниста. СПб., 1842. 245 с.
5. Черных О. И. Русская дача как социально-культурный феномен // Преподаватель года – 2020. Петрозаводск, 2020. С. 185–194.
6. Garden House with Plots: How Russian Dachas Continue a Tradition of Family Estate in Russia // Travel real Russia. URL: <https://travelrealrussia.com/russiandacha> (date of request: 09.10.2021).
7. Dachas as part of the Russian philosophy of life // Meet Russia online. URL: <https://meetrussia.online/dacha-as-part-of-the-russian-philosophy-of-life/> (date of request: 09.10.2021).

Е. Э. Маслова

Иркутский государственный университет

ПСИХОЛОГИЗМ И «КАВАЙНОСТЬ» – НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗОБРАЖЕНИИ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ СУЩЕСТВ В КУЛЬТУРЕ ЯПОНИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.

Сверхъестественный мир является неотъемлемой частью японской культуры, берущей начало в культах и обрядах. В Японии существа, которые, казалось бы, должны обитать в «потустороннем» мире, живут бок о бок с живыми людьми. Феномен сверхъестественного вызывает огромный интерес к его изучению, причем с самых разных углов зрения: будь то в культурном плане, психологическом, социологическом и т. д.

Актуальность данной темы заключается в том, что через изучение сверхъестественного, которое в любой культурной традиции представляет собой нечто таинственное, существующее где-то на задворках сознания, можно углубиться в человеческую психологию (в данном случае японскую) и через эту призму проследить, как трансформировалось мировоззрение японцев в конце XX – начале XXI в., увидеть, как они справляются со страхом перед неизвестностью в постоянно меняющемся мире.

Всё сверхъестественное в Японии сейчас обозначается термином ёкай. Один из крупнейших исследователей ёкай Комацу Кадзухико трактует этот термин следующим образом: «трансцендентные явления или существования, связанные со страхом» [3, с. 39]. Говоря о сверхъестественном, американская исследовательница японской культуры Норико Т. Рейдер указывает на его причастность к психике людей. По ее мнению, его изучение «выявляет проблематичный и неустойчивый аспект человеческой психики и общества в целом» [4, р. 97].

К такого рода трактовке истоков сверхъестественного общество пришло не столь давно, в 60–70-е гг. XX в., когда Япония активно начала входить в эпоху глобализации и урбанизации. Возникает тенденция к бо́льшей рациональности городских жителей. Религиозные символы и всевозможные ритуалы, на протяжении веков служившие своеобразными спасительными ключами мира живых от потустороннего, утрачивают свое значение, с развитием общества знания о них все больше растворяются. Потому теперь человеку ничего больше не остается, кроме как заглянуть в себя, начать

изучать свою природу, чтобы отыскать там потенциальные ответы на волнующие его вопросы о неизведанном.

На психологизме серьезно сосредоточен жанр неокайдан, который является не столько логическим продолжением классического кайдана, сколько его отдельной ветвью, существующей параллельно. Основными чертами неокайдана (j-horror) можно назвать тягучий саспенс (состояние тревожного ожидания) и тонкую эстетику смерти, витающей вокруг и следующей по пятам. Неокайдан также характеризуется обязательным наличием разнообразных сверхъестественных персонажей: ёкаев, призраков и т. д., активным использованием темы паранормальных способностей, экзорцизма. Неокайдан является жанром преимущественно кинематографа и литературы, все больше развиваясь в манга (японские комиксы), аниме, видеоиграх и пр. Классическими примерами неокайдана являются кинофильмы «Звонок» (реж. Наката Хидэо, 1998 г.) и «Пульс» (реж. Куросава Киёси, 2001 г.) [2, с. 10]. Обе эти картины связывает главная идея о смертоносной силе технологий: в первом случае это видеокассета, убивающая страшным образом всех, кто ее посмотрел, во втором же компьютерные программы, в которых поселилось зло. Не менее важной чертой рассматриваемой тенденции психологизма будет являться обращение к негативным чувствам человека в качестве источника появления монстров. Гнев, боль, печаль, стресс – основной фундамент, с помощью которого крепнут силы зла. Интересна связь с городами: чем выше плотность населения, тем больше злых сил может возникнуть, потому что больше людей, а, следовательно, больше негативных эмоций витает в воздухе.

Вместе со стремительным развитием мирового сообщества представления о сверхъестественном обретают неразрывную связь с человеческой душой. Монстры и злые духи есть ни что иное, как порождение человеческой психики, и если раньше сверхъестественные персонажи рассматривались исключительно как что-то стороннее, не связанное с человеком, то в XXI в. это начинает восприниматься как негатив, сидящий глубоко внутри человеческой души, и все зло, вредящее человеку, порождается им самим. Необходимо оговориться, что нельзя рассматривать эту тенденцию как новую форму для старых сверхъестественных персонажей японского фольклора. Они продолжают существовать отдельно. Порождения человеческих пороков или плохих мыслей – это новый феномен, не существовавший ранее, они, скорее, пополняют культуру, а не заменяют какую-то ее часть и не являются ее продолжением.

Еще одной интересной современной тенденцией к изображению сверхъестественных существ является тяготение к наделению ёкаев такими качествами, как очаровательность и дружелюбность, кавайность (от яп. слова «кавайи» – милый, прелестный). Словом «кавайи» обозначается также в целом эстетическая концепция, имеющая невероятную популярность в современной Японии. Прелестным и очаровательным становится не только что-то ранее пугающее, как, например, рассматриваемые нами ёкаи, но вся эта концепция распространяется и на поведение людей: подражание ребячеству, в какой-то степени наивность и невинность захватывает японцев. Самым ярким примером кавайных ёкаев служат покемоны (яп. карманные монстры) – вымышленные существа, созданные Сатоси Тадзири в 1996 г., превратившиеся в популярный бренд. Их образ используется практически везде: в кино, аниме, компьютерных и видеоиграх, детских игрушках, одежде и многом другом. Излишне говорить, что образ friendly-ёкаев безумно популярен не только в Японии, но и во всем мире. Образ маленьких пушистых существ с милыми мордашками стал культовым. Продолжает кавайную тематику серия ролевых игр для консолей студии Nintendo – Yo-Kai Watch (2013 г.), посвященная установлению дружеских отношений человека и ёкаев, встречающихся в сюжете [1, с. 84].

Таким образом, в современных представлениях японцев о сверхъестественном мире заложены две новые тенденции: обращение к психологическим травмам и переживаниям жителя современного мегаполиса, обремененного неуверенностью в завтрашнем дне и страхом перед неизвестностью; и стремление сделать привычно страшное забавным и милым, чтобы градус страха перед этой неизвестностью снизить. Жизнь в большом городе – это уже значительный стресс для человека, а для жителя Японии, где плотность населения огромна и бо́льшая часть проживает в крупных городах, и подавно. Значительное влияние оказывает географическое положение страны: чрезвычайно опасная сейсмическая зона, часто провоцирующая сильнейшие землетрясения, цунами и извержения вулканов. Постоянная тревога за будущую жизнь порождает все больше страхов, которые со временем только накапливаются, и, если от них не избавляться, могут довести человека до крайности (излишне приводить статистику самоубийств в Японии). Такими каналами снятия напряжения можно считать многочисленных японских ёкаев [1, с. 90], в образе которых люди материализуют свои иррациональные страхи, ведь то, что имеет материаль-

ную форму (даже если она очень страшная) не так сильно нервнует, как навязчивые негативные мысли или образы, витающие в голове. Такое своеобразное средство отвлечения внимания от чувства неопределенности и перенесения его на что-то конкретное помогает современным японцам справляться со стрессом.

Научный руководитель С. И. Кузнецов

Литература

1. Дуткина Г. Б. Призраки среди нас: особенности национальной психологии современных японцев // Японские исследования. 2016. № 4. С. 82–101.
2. Катасонова Е. Л. Курасава Киёси: на грани мистики и реальности // Японские исследования. 2017. № 3. С. 4–14.
3. Комацу Кадзухико. 妖怪学新考—妖怪からみる日本人の心 = Переосмысление науки о ёкай: к сердцу японцев через ёкай. Токио : Сёгакукан, 1994. 253 с.
4. Reider N. T. Japanese demon lore: Oni, from ancient times to the present. Logan, Utah : Utah State University Press, 2010. 241 p.

С. М. Потапова

Иркутский государственный университет

ИМИДЖ ВУЗОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Библиотека является одним из важнейших составных элементов структуры высшего учебного заведения. Начиная с XVIII в. великие русские ученые и мыслители, такие как М. В. Ломоносов, Н. В. Татищев и Ф. С. Салтыков, рассуждали о «миссии вузовской библиотеки» [4, с. 6]. Уже тогда ими были выделены основные функции университетской библиотеки: образовательная, культурная и социальная. В процессе развития системы российского образования и общества вузовская библиотека стала центром научного и духовного просвещения для студенческой молодежи.

Являясь структурным звеном вуза, библиотека осуществляет деятельность по накоплению и сохранению произведений печати, а также предоставляет доступ к информации для студентов и сотрудников образовательного учреждения. От эффективности работы вузовской библиотеки зависит обеспечение образовательного процесса, качество учебной и научной деятельности студентов и профессорско-преподавательского состава университета. Деятельность библиотек российских вузов регламентируется действующим приказом Государственного комитета Российской Федерации по высшему образованию от 1995 г. Согласно документу, специалисты библиотеки вуза должны предоставлять посетителям ряд базовых

услуг, включающих выдачу необходимых книг читателям на руки, информирование читателей о составе библиотечного фонда, оказание консультативной помощи в поиске произведений печати и прочих документов, обеспечение доступа к литературе из фондов других библиотек, составление библиографических указателей и тематических подборок литературы, библиографических обзоров, а также организацию книжных выставок [6].

В условиях модернизации российской высшей школы и трансформации информационной среды вузов, современные университетские библиотеки вынуждены разрабатывать креативные методики обслуживания читателей. Заведующая библиотекой Сибирского филиала Международного института экономики и права Е. Н. Опекунова отмечает, что инновационные тенденции, происходящие в библиотеках вузов в последние десятилетия, серьезно повлияли на степень их технической оснащенности, состав фондов и ассортимент услуг [5, с. 46].

Библиотека является лицом вуза, ее имидж во многом определяет престиж учебного заведения и его статус в глазах студентов и научных сотрудников. Одной из приоритетных задач деятельности вузовской библиотеки является выстраивание собственного имиджа, отвечающего потребностям студентов и сотрудников учебного заведения.

Имидж университетской библиотеки, в первую очередь, зависит от оснащенности фонда. Библиотека должна располагать учебными пособиями и учебно-методической литературой, соответствующей специфике образовательных программ, осуществляемых вузом. Ассортимент фонда библиотеки должен пополняться в соответствии с выявляемыми потребностями студентов и профессорско-преподавательского состава университета. Очень важно, чтобы специалисты библиотеки ориентировались не только на учебную литературу, но и на научно-популярные периодические издания, энциклопедические издания, академические словари и т. д. Фонд вузовской библиотеки оценивается по таким критериям, как степень разнообразия ассортимента, а также численность и актуальность экземпляров тех или иных изданий.

Процесс цифровизации в значительной степени воздействовал на методику работы специалистов университетских библиотек с читателями. Особое внимание уделяется техническому оснащению залов библиотеки, позволяющему посетителям получить свободный доступ к необходимой им информации. Современная вузовская библиотека должна включать в свою структуру электронно-

библиотечную систему (ЭБС), предоставляющую читателям индивидуальный интернет-доступ к изданиям из фонда, переведенным в электронный формат.

Проведение сотрудниками библиотеки социокультурных мероприятий и научных конференций также способствует формированию имиджа вузовской библиотеки. Современные университетские библиотеки прибегают к таким способам взаимодействия с посетителями как организация харизматических культурных акций, информационно-аналитических мероприятий и книжных выставок, осуществление презентаций поступивших в фонд новинок, проведение Дней открытых дверей и экскурсий в фонды библиотеки [3, с. 29]. Подобные мероприятия создают эффективную имиджевую рекламу, которая позволяет привлечь внимание читателей к деятельности учреждения.

Научная библиотека Иркутского государственного университета, получившая в 2015 г. имя сибирского писателя и публициста В. Г. Распутина, принадлежит к ряду крупнейших академических библиотек России. Фонд библиотеки составляет более 2,5 млн ед. печатных изданий, а также более 1,5 млн ед. электронных материалов. Помимо обеспечения учебными изданиями, студенты получают доступ к собраниям научной и художественной литературы, коллекциям редких книг и рукописей, а также фонду дополнительной литературы, включающему справочно-библиографические и периодические издания. Комплектация фонда периодических изданий соответствует специфике каждой образовательной программы, осуществляемой на базе ИГУ [2].

Несмотря на количество изданий, составляющих фонд научной библиотеки им. В. Г. Распутина, студенты регулярно сталкиваются с такой проблемой, как недостаток количества экземпляров необходимых изданий, нередко отмечается отсутствие литературы, принадлежащей к определенным научным областям. Посетители библиотеки могут получить доступ к трем крупным системам ЭБС, образовательным платформам и зарубежным научным ресурсам. Научная библиотека им. В. Г. Распутина имеет собственный интернет-портал, позволяющий посетителям ознакомиться с деятельностью и фондом библиотеки в режиме онлайн.

На базе библиотеки периодически проводятся тематические и книжные выставки, а также реализуются образовательные и социокультурные проекты, о которых, однако, студенты, как правило, мало информированы. Такая ситуация складывается из-за недо-

статочной активности библиотеки в информационном пространстве. Деятельность библиотеки не освещается в популярных среди пользователей социальных сетях, а на официальном сайте учреждения представлено всего лишь два проекта. Отсутствие эффективно выстроенной системы обратной связи и слабая клиентоориентированность со стороны сотрудников библиотеки негативно сказываются на имидже учреждения.

Рассмотрим пример технологии создания положительного образа вузовской библиотеки. Научная фундаментальная библиотека Восточно-Сибирского института культуры является частью одного из ведущих вузов культуры и искусств России. Фонд библиотеки ВСГИКа насчитывает более 600 тыс. ед. хранения, в числе которых нотно-музыкальные издания, а также собрания иллюстрированных альбомов по живописи, графике и архитектуре. Студенты и сотрудники вуза имеют доступ к фонду ценных книг, датируемых XIX – началом XX вв. и коллекциям факсимильных и миниатюрных книг [1]. Библиотека включает в себя девять систем ЭБС и три платформы с собраниями редких изданий и периодики. Сотрудниками библиотеки регулярно проводятся тематические выставки, презентации новых поступлений и т. д. На базе учреждения проводятся встречи с представителями различных сфер культуры: писателями, поэтами, сотрудниками культурных учреждений, что обусловлено спецификой вуза. Деятельность библиотеки активно освещается в официальных аккаунтах «ВКонтакте» и «Facebook». Помимо этого, библиотека представлена на видеохостинге YouTube. Имидж научной фундаментальной библиотеки ВСГИКа полностью соответствует профилю вуза.

Таким образом, для современной вузовской библиотеки важны такие составляющие как качественная укомплектованность библиотечного фонда, высокая степень технической оснащенности, активная массовая работа и эффективная система менеджмента. Соответствие указанным критериям способствует созданию положительного имиджа вузовской библиотеки и повышению статуса образовательного учреждения.

Научный руководитель Е. В. Саяпарова

Литература

1. Восточно-Сибирский государственный институт культуры. Научная библиотека ВСГИК. Улан-Удэ, 2021. URL: <https://www.vsgaki.ru/scientific-library/> (дата обращения: 02.09.2021).
2. Иркутский государственный университет. Научная библиотека им. В. Г. Распутина. Иркутск, 2003. URL: <http://library.isu.ru/ru> (дата обращения: 31.08.2021).

3. Кайгородова Л. В. Имидж вузовской библиотеки // Формирование регионального культурного пространства : материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Тюмень, 12 нояб. 2010 г. / науч. Ред. Е. М. Акулич. Тюмень : РИЦ ТГАКИСТ, 2010. С. 27–31.

4. Кудряшова Г. Ю. Миссия библиотеки вуза: исторический аспект и современное обоснование // Библиотеки вузов Урала: проблемы и опыт работы : научный журнал. Екатеринбург : Изд-во УГТУ-УПИ, 2004. Вып. 5. С. 5–9. URL: <http://hdl.handle.net/10995/19920> (дата обращения: 10.09.2021).

5. Опекунова Е. Н. Вузовская библиотека как объект оценки // Библиосфера. 2013. № 2. С. 46–53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vuzovskaya-biblioteka-kak-obekt-otsenki> (дата обращения: 02.09.2021).

6. Примерное положение о библиотеке высшего учебного заведения : приказ Государственного комитета РФ по высшему образованию от 06.12.1995 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. 2021. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901794491> (дата обращения: 29.08.2021).

Н. И. Тарасова

Иркутский государственный университет

АТРИБУЦИЯ ПОРТРЕТА ИРКУТСКОГО ВОЕННОГО ГУБЕРНАТОРА Н. П. ЛЕБЕДЕВА

Атрибуция музейных предметов занимает важное место в музееведении. Благодаря описанию экспоната (название, время и место его создания, автор, среда бытования, материал, размер), происходит определение предмета, что позволяет в будущем получить наиболее точные и полные сведения о нем. Часто этот процесс превращается в настоящее исследование с активным привлечением знаний по униформистике, фалеристике и иным вспомогательным историческим дисциплинам.

Именно такой случай произошел с портретом иркутского военного губернатора Н. П. Лебедева, который также являлся командиром иркутского гарнизона в 1802–1807 гг. и начальником Смоленского ополчения в Отечественную войну 1812 г.

Родился Николай Петрович в Рославльском уезде Смоленской губернии, происходил из дворян. С момента поступления в 1756 г. на военную службу его карьера шла стремительно вверх. Он имел множество наград, в том числе Мальтийский крест (получил в 1800 г.), который виден на портрете генерала, и золотую шпагу с надписью «За храбрость», что было большой редкостью среди наград. Лебедев пользовался благосклонностью Павла I и при нем он получил чин сначала генерал-майора, а затем и генерал-лейтенанта.

В 1803 г. генерал Лебедев стал иркутским военным губернатором и занимал эту должность до 1807 г. За это время он успел сделать очень много для Иркутской губернии. Он объехал все заводы и рудники, где добывались полезные ископаемые, после чего распорядился, чтобы условия работы вольнонаемных рабочих были улучшены и оборудование, на котором они работали, было усовершенствовано. По его распоряжению были составлены карты восточных пределов губернии и перестроены укрепления, которые стояли на границе с Китаем.

Также он внес существенный вклад в повышение уровня образования населения. Им была устроена военная гарнизонная школа для детей унтер-офицеров и солдат гарнизонного полка, а двухклассное училище для детей чиновников, купцов и жителей города было преобразовано в четырехклассное. Не забыл Лебедев и про медицинские учреждения – в Иркутске было построено новое здание военного госпиталя. Еще одна немаловажная заслуга военного губернатора была в том, что были улучшены дороги, состояние улиц и построены новые мосты.

В России в конце 1806 г. проводился набор ополчения для усиления войск, сражавшихся с французами. Об этом узнал и Николай Петрович, после чего отдал приказ формировать из иркутских добровольцев батальон, состоящий из 600 человек, обученных меткой стрельбе. В феврале 1807 г. этот батальон, по распоряжению из Санкт-Петербурга, направили на Кавказ для усиления войск, ведущих боевые действия с иранской армией.

16 августа 1807 г. Н. П. Лебедев вышел в отставку по болезни и после этого уехал в свою родную деревню под Смоленском, где прожил до того момента, когда Наполеон вторгся на территорию Российской империи в 1812 г. [2]. Утром 12 июня 1812 г. через реку Неман переправлялись полки самой мощной армии мира – «войска двенадцати языков», как ее называли русские, в которую входили французы, поляки, итальянцы, австрийцы, пруссаки и остальные.

Александр I знал о планах Наполеона втянуть в войну против России Швецию, Австрию, Пруссию и Турцию. 24 марта 1812 г. в Петербурге Россия подписала мирный договор со Швецией. Австрия и Пруссия, оккупированные французами, были союзниками Наполеона. С 1806 г. Турция была в состоянии войны с Россией, но в 1812 г., за месяц до вторжения французов, был подписан Бухарестский мирный договор. Дипломатическая изоляция России, на которую рассчитывал Бонапарт, не удалась.

6 июля 1812 г. император подписал Манифест о защите Отечества и создании народного ополчения в лагере Первой Западной армии, стоявшей под Полоцком. Манифест призывал дворян создавать и снабжать ополчения, а остальных жителей участвовать в нем. В конце июля 1812 г. был создан Особый комитет во главе с А. А. Аракчеевым для руководства народным ополчением. По всем губерниям страны были определены начальники и командиры ополчений, а также их состав и численность.

Еще до обнародования этого Манифеста Николай Лебедев начал создавать роту в 200 человек, вооружив их ружьями, которые он приобрел на свои средства. В роту входили отставные солдаты, лесники, дворовые слуги, крестьяне, а также бывшие унтер-офицеры. Затем он создал пеший отряд из 500 человек, в который входили городские жители, то есть торговцы и ремесленники. Эти отряды и стали основой смоленского ополчения.

Во время сражения за Смоленск ополченцы, которыми командовал Лебедев, участвовали в отражении атак наступавших французов, великолепно смогли защитить от французских атак Королевский бастион. Благодаря тому, что ополченцы знали местность, им удалось провести во фланг наседавшим французам Иркутский и Сибирский драгунские полки, которые заставили отступить французов с большими потерями, когда контратаковали пехоту корпуса Нея. [2]

За формирование Смоленского ополчения, подготовку Смоленска к обороне, мужество, храбрость, которые были проявлены при защите города, Лебедев, по представлению Барклая де Толли, был награжден алмазными знаками ордена Святой Анны I степени, а также сам Александр I объявил ему благодарность в отдельном указе.

Конечно же, Николай Лебедев участвовал и в Бородинском сражении, после которого у него появился орден Святого Владимира II степени со звездой. Но эту награду ему не удалось получить, так как после сражения генерал сильно заболел и умер в Калуге 6 января 1813 г.

К сожалению, портретное изображение Н. П. Лебедева отсутствовало. Однако в Иркутском художественном музее хранился портрет неизвестного генерала, явно относящийся к началу XIX в. Атрибуцией именно этого портрета занимался живописец и график из Москвы А. М. Горшман. Портрет был написан неизвестным автором в 1803 г. Директору Иркутского художественного музея А. Д. Фатьянову и сотрудникам хотелось узнать, кто же изображен на этом портрете.

Орденом, знаки отличия которого изображены на портрете, и которые успешно удалось установить Горшману, является командорский мальтийский крест на шейной ленте, введенный императором Павлом I в конце 1798 г. в число русских наград под названием Державного ордена Иоанна Иерусалимского. А на груди виден орден святого Георгия 4-го класса, слева от которого нашита матерчатая «звезда» мальтийского ордена, носившаяся всеми кавалерами и командорами. Из всех служивших в Иркутске военных такой набор наград был только у генерала Н. П. Лебедева.

Мундир же, в котором запечатлен генерал, был актуален с 1802 по 1825 г., и носили его гарнизонные полки и батальоны в царствование Александра I. Темно-зеленый мундир с серым суконным воротником, серебряными пуговицами и красными погонами носили в Тобольском гарнизонном полку. А продольный серебряный галун на погоне свидетельствовал (в данном случае подтверждал) о наличии у изображенного генеральского чина [1, с. 117].

Поначалу тот факт, что это одеяние принадлежит генералу Тобольского гарнизона, а генерал был военным губернатором Иркутска, может смутить. Но на деле оказывается, что до назначения в Иркутск Николай Петрович Лебедев был Тобольским военным комендантом, командующим войсками в Тобольской губернии и шефом Тобольского гарнизонного полка. И в должности шефа этого полка он продолжал оставаться, когда прибыл в Иркутск.

Тогда генералы, которые находились в должности шефа какого-либо полка, должны были носить его мундир. Поэтому Лебедев, когда стал иркутским военным губернатором, продолжал носить мундир Тобольского гарнизонного полка. В этом же мундире он и был запечатлен неизвестным художником.

Таким образом, благодаря проведению атрибуции портрета, было четко установлено, что на портрете изображен Н. П. Лебедев.

Научный руководитель А. В. Ануфриев

Литература

1. Горшман А. М. Командующий Смоленским ополчением // Сибирь. 1987. № 5. С. 116–124.
2. «Лебедев Николай Петрович». URL: <http://irkipedia.ru/node/4841/talk> (дата обращения: 07.08.2021).

Ю. Е. Толстиков

Иркутский государственный университет

СОВЕТСКИЙ МОДЕРНИЗМ В ИРКУТСКЕ: ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДИЯ

Советский период в архитектуре города Иркутска представлен двумя волнами авангарда и сталинским монументальным неоклассицизмом. Обеим волнам-утопиям не повезло с исторической точки зрения. Если воплощения послереволюционного авангарда были обречены на забвение в рамках компании по борьбе с формализмом, то послевоенная архитектура советского модернизма стала живым олицетворением канувшего в лету СССР вместе с его коммунистической идеологией, чуждой современному россиянину. Кроме того, сложный и многослойный символизм, где социальная идея и образ возводимого будущего порой более важен, чем эстетика здания, затрудняет понимание нарратива того или иного объекта. Добавьте сюда обветшалость фасадов и обилие кричащей рекламы – получится ненавистная и так легко узнаваемая убогая «коробочная архитектура».

Сталинской классике в этом отношении повезло намного больше. Принятие этой архитектуры так же закономерно, как и закономерно непринятие архитектуры авангарда. Поставленная правительством в 1930-е гг. задача по обработке трудящихся масс [6, с. 30] была мастерски решена при помощи освоения классического наследия, в то время как метод «функционального творчества» зодчих-конструктивистов не был способен так эффективно решить задачу идейного воздействия архитектуры [6, с. 41]. При взгляде на постройки тех лет должно было возникнуть «чувство бодрости, уверенности, силы и радости» [6, с. 49]. Перед советскими пролетарскими архитекторами поставили задачу создавать новое искусство, «организующее волю масс к борьбе и труду» [6, с. 51]. Ураганная критика идеологов и искусствоведов-марксистов обвиняла авангард в «механистичности, фетишизации машины, бедности и аскетичности», недоступных для рабоче-крестьянского населения. Постройки сравнивались с силосными башнями, чудовищами с картин Босха. Порой критика несла откровенно уничижительный характер даже по отношению к признанным мастерам.

В этой связи представляется неслучайным количественное доминирование в реестре государственной охраны архитектурного

наследия города Иркутска именно «жизнерадостных» зданий советского неоклассицизма. Крайне показательно, что из внесенных в реестр памятников конструктивизма лишь у одной постройки отсутствует стилизация под классику – это дом культуры им. Куйбышева (ул. Карла Маркса, 53). Впрочем, на фотографии 1950-х гг. на первом этаже видна имитация руста. Но до 2017 г. была еще одна такая постройка – здание гостиницы «Сибирь» (ул. Ленина, 18), но её исключили из реестра по неизвестным причинам. Две аскетичные в фасаде постройки конструктивизма, но, по существу, такими не являющиеся из-за неимения конструктивистской основы – жилой дом партактива (ул. Свердлова, 22) и дом работников ОГПУ (Пионерский переулок, 10) – ветшают на глазах без государственной защиты [4, с. 97, 99].

Архитектура советского модернизма находится в еще более уязвимом положении. Согласно федеральному закону «Об объектах культурного наследия», в реестр могут быть включены уже выявленные объекты, со времени возникновения которых (даты их создания, либо даты исторических событий, с которыми такие объекты связаны) прошло не менее сорока лет. Это значит, что самобытные сооружения архитектуры «Иркутского ренессанса» просто физически не могут претендовать на государственную защиту.

Иркутские архитекторы в 1970–80-е гг. были современниками британских бруталистов, японских метаболистов и голландских структуралистов [1, с. 29]. Возникла уникальная перекличка молодых архитекторов западного авангарда с нарождающейся школой иркутского регионализма – неожиданной еще и тем, что обе стороны вряд ли знали о существовании друг друга [3, с. 7].

Сила и грубость форм брутализма помогла усилить и без того уникальный облик сибирского города. В наши дни мегаструктуры выглядят легендарными артефактами – «динозаврами современности» [5, с. 26], вызывающими феномен тоски по будущему. Иркутск XX века, в первую очередь, известен именно такой архитектурой. К сожалению, известность и признание никак не спасает эти здания от разрушения.

Так, в 2007 г. лишилось своего оригинального облика необруталистское здание Радиокomitета (ул. Горького, 15). Оно было спроектировано и возведено архитектором Н. Беляковым во второй половине 1980-х гг. Необычное строение приподнято над землей и стоит на четырёх столбах-опорах – это отсылает нас к принципам современной архитектуры, сформулированных великим Ле Корбюзье.

зье. Такой приём позволил не нарушить связь окружающего пространства, давал возможность для озеленения и создавал новые поведенческие практики у горожан [2, с. 171]. Пустующее пространство столбов-опор было отдано под коммерческие помещения, после чего здание утратило связь с городом, часть озеленения была вырублена. Пластиковая вывеска лишь усугубляет безрадостное впечатление. Несмотря на протест общественности и самого архитектора Белякова здание так и осталось с пристройкой. На данный момент заветных сорока лет еще не прошло – здание защитить невозможно.

Полностью утрачен недостроенный проект одного из блоков здания Иркутского горисполкома архитектора Владимира Павлова (сквер им. Кирова). Затянувшаяся на несколько десятилетий стройка должна была сформировать современный архитектурный ансамбль главной площади города. В 2008 г. несмотря на протесты иркутских архитекторов уникальное здание было снесено.

Безразличны к наследию и рядовые горожане. Примером тому – жилые дома с квартирами в двух уровнях по улице Байкальской (ул. Байкальская, 241), возведенные в 1975 г. В советское время дом считался элитным, но сейчас этот статус утрачен во многом из-за своего внешнего вида. Фасад износился, крыша протекает, жильцами добавляется стихийное остекление, а пустующие пространства корбузианских ножек превратили в дополнительный этаж с магазинами. Эти нюансы позволяют сделать вывод, что ни предприниматель, ни жильцы не заинтересованы в надлежащем визуальном состоянии здания. Оно имеет и ряд прозвищ от горожан: «силосная башня», «барабаны». Очень похоже на идеологические клише времен борьбы с формализмом. Не исключено, что когда-то этот жилой дом снесут, чтобы разместить там многоэтажный жилой комплекс. Заветные сорок лет с момента постройки уже прошли, поэтому остаётся лишь надеется, что в скором времени этот недооцененный объект окажется в списке выявленных объектов культурного наследия.

Процесс реанимации авангарда в глазах населения уже запущен и, по словам историка архитектуры Анны Броновицкой, через 20 лет мы, наконец, поймем – модернизм наше все. Но пока процесс переоценки и рефлексии столь неоднозначного культурного опыта ещё не закончен, поэтому градозащитникам, архитекторам и историкам необходимо сплотить ряды в борьбе за советское наследие.

Научный руководитель В. А. Шаламов

Литература

1. Боков А. В. Владимир Павлов // Проект Байкал. 2010. № 26. С. 29–31.
2. Корзун А. Архитектурное наследие 1980-х: вопросы авторской незащищенности // Проект Байкал. 2009. № 20. С. 171.
3. Лидин К. Иркутскгражданпроект // Проект Байкал. 2014. № 43. С. 7.
4. Лисицин В. Г. Архитектура иркутского конструктивизма // Проект Байкал. 2009. № 21. С. 95–99.
5. Пионеры советского модернизма. Архитектура и градостроительство / авт.-сост. И. В. Чепкунова, П. Ю. Стрельцова, К. А. Кокорина, М. Р. Аметова ; пер. на англ. яз. К. А. Кокориной. М. : Кучково поле Музеон, 2020. 240 с.
6. Селиванова А. Н. Постконструктивизм. Власть и архитектура в 1930-е годы в СССР. М. : БуксМАрт, 2020. 320 с.

А. Е. Шафранская

Иркутский государственный университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВООПИК В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Памятники истории и культуры – это созданные человеком уникальные недвижимые нематериальные объекты культурного наследия, способные удовлетворить духовные потребности людей. В условиях глобализации проблема сохранения памятников историко-культурного наследия приобрела особую актуальность, поскольку их утрата способна привести к духовной деградации человечества, оскудению, разрывам исторической памяти. Историческая память обеспечивает преемственность поколений, где каждый человек – носитель прошлого, настоящего и будущего. Таким образом, процесс охраны памятников истории и культуры можно трактовать как основу развития цивилизации.

В нашей стране вопрос охраны памятников истории и культуры остро встал в 60-е гг. XX в. Причина заключается в отсутствии на тот момент эффективных мер по обеспечению сохранности объектов историко-культурного наследия. В связи с этим, государством стали целенаправленно создаваться общественные структуры и организации, которые могли способствовать их защите. Одной из них стала добровольная самоуправляемая общественная организация, осуществляющая деятельность по охране, бережению, популяризации и использованию историко-культурного наследия России – Всероссийское сообщество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) [2], созданная 23 июля 1965 г.

В Иркутской области региональное отделение ВООПиК, было открыто в 1966 г. и функционировало оно за счет небольших членских взносов. Основные же средства отделение получало благодаря вложениям крупных предприятий. Деятельность Иркутского отделения ВООПиК заключалась в проведении реставрационных работ, разработке плана по исторической застройке центра города, а также пропаганде историко-культурного наследия. Помимо этого, члены организации вели активную исследовательскую и просветительскую деятельность [3]. Благодаря общественной инициативе были отреставрированы следующие памятники историко-культурного наследия: Дом Трубецких, Спасская церковь, Музей деревянного зодчества, Музей «Ангарская деревня», Собор Богоявления и Бельская башня. С 1980-х гг. началась паспортизация историко-культурных объектов, целью которой было подтверждение необходимости охраны памятников, вне зависимости от их статуса. В 1980-е гг. автономность деятельности Иркутского ВООПиК была ограничена: была упразднена возможность коллективного членства в организации, что привело к потере главного источника поступления средств от предприятий и организаций. Позже отделение утратило права согласования проектов реставрации и нового строительства.

В 1990-х гг. охрана памятников историко-культурного наследия в регионе находилась в кризисном состоянии. Однако, благодаря всенародной поддержке ВООПиК, были собраны средства, за счет которых были восстановлены многие памятники Иркутской области.

В новом тысячелетии эффективность деятельности региональных отделений ВООПиК существенно снизилась. Так, по состоянию на 2021 г. Иркутское отделение ВООПиК проявляет минимальную активность по охране историко-культурного наследия, а также привлечению добровольцев. Поскольку организация лишилась основного источника дохода, то последние несколько лет отделение не получало прибыли. Самое масштабное мероприятие за последние несколько лет было проведено организацией в 2020 г. в онлайн-формате. Проект «Сохраним наследие» был поддержан Фондом президентских грантов. В том же году, 15 апреля, Иркутским отделением ВООПиК при поддержке администрации города была открыта выставка «Иркутск – город-шедевр архитектурного наследия», на которой были выставлены лучшие работы иркутских архитектурно-реставрационных мастерских и организаций, проходили

лекции и круглые столы, организованные специально для школьников, студентов и молодых специалистов в области охраны историко-культурного наследия. Однако более крупных мероприятий, проводившихся организацией, зафиксировано не было [1].

Анализ деятельности региональных отделений ВООПиК Восточной Сибири на примере ближайших соседей – Красноярского и Забайкальского краев, показывает, что ситуация там аналогична ситуации, сложившейся в Иркутской области. Вся работа региональных отделений сведена к минимуму, либо приостановлена. Однако стоит отметить, что последнее проведенное Красноярским отделом мероприятие состоялось 16 августа 2021 г., сообщение о нем позже было размещено на официальной странице ККО ВООПиК. В Забайкальском крае за последние несколько лет также не было отмечено никакой активности.

В сложившихся обстоятельствах Иркутское отделение ВООПиК в настоящее время не способно активно поддерживать свою деятельность. Снижение эффективности связано с наличием вполне определенных проблем, которые, однако, можно решить при правильном планировании и внесении изменений в основные принципы работы. Первая проблема связана с ограниченными возможностями по взиманию членских взносов, которые являлись основным источником дохода организации. При отсутствии финансовой поддержки процесс защиты и поддержания в достойном виде памятников истории и культуры серьезно затрудняется. Поскольку ВООПиК является добровольной самостоятельной организацией, то от государства, а также местных иркутских властей на протяжении всей деятельности отделения финансовой помощи не предоставлялось. В июне 2017 г. на XI съезде Общества отмечалось, что ВООПиК желает отказаться от политиков и чиновников на постах лидеров, акцентируя именно общественный характер организации.

Вторая проблема заключается в малой освещенности деятельности иркутского отделения. Необходимо отметить слова Болеслава Сергеевича Шостаковича, бывшего до 2015 г. заместителем председателя ИРО ВООПиК, о важности использования СМИ и интернета для привлечения к деятельности ВООПиК молодежи [4]. Ситуацию могло бы улучшить регулярное периодическое издание, посвященное актуальным проблемам в сфере охраны и защиты памятников культуры, однако реализация данной идеи не увенчалась успехом.

Главное отделение ВООПиК активно ведет страницу в социальных сетях, где публикуется информация о мероприятиях по сохранению и охране памятников истории и культуры, в том числе о «Школе волонтеров наследия 2021», проходящей в 20 регионах нашей страны, включая Иркутскую область. Однако локальные страницы региональных отделений организации в социальных сетях недостаточно разработаны. Анализ публикационной активности показал, что каких-либо обновлений в разделе новостей на специализированных сервисах о деятельности Иркутского отделения ВООПиК не публикуется уже довольно давно. Следовательно, трудно привлечь общественность, готовую в качестве волонтеров осуществлять деятельность по охране историко-культурного наследия.

Проанализировав состояние Иркутского отделения ВООПиК на современном этапе, можно сделать вывод, что в организации существует ряд проблем, главной из которых является отсутствие финансовой поддержки, поскольку организация является добровольческой. Вторая, не менее важная проблема, – это минимальная осведомленность общественности о существовании организации и направлениях ее деятельности. Связано это с отсутствием у ИРО ВООПиК стратегии по популяризации своей деятельности среди населения. Для решения проблемы следует проводить агитационную и информационную работу, способствующую просвещению населения в данной сфере. Необходимо использовать все современные средства для привлечения добровольцев в деятельность по охране историко-культурного наследия региона: например, распространение информации через СМИ, рассылка писем, работа с целевой группой или работа с населением посредством социальных сетей. Комплексный подход к решению проблемы, несомненно, поможет увеличить эффективность методов работы ВООПиК в регионе, а также будет способствовать привлечению общественного внимания к проблеме охраны памятников истории и культуры.

Научный руководитель Е. В. Саяпарова

Литература

1. Бедственное положение государственной охраны и сохранения наследия. URL: https://hraniteli-nasledia.com/articles/forumy/bedstvennoe-polozhenie-gosudarstvennoy-okhrany-i-sokhraneniya-naslediya/?sphrase_id=112752 (дата обращения: 30.09.2021).
2. ВООПИиК. URL : <http://voopik.ru/> (дата обращения: 30.09.2021).
3. Иркутск: историко-краеведческий словарь. Иркутск : Сибирская книга, 2011. 596 с.
4. Иркутское региональное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в вопросах и ответах // Строим вместе. 2018. № 18.

СЕКЦИЯ
**ФИЛОСОФИЯ. ТЕОЛОГИЯ.
РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ**

Д. В. Иванова

Иркутский государственный университет

**ФЕНОМЕН ЛЮБВИ В СТРУКТУРНОМ
И ГУМАНИСТИЧЕСКОМ ПСИХОАНАЛИЗЕ**

В истории развития мысли любовь постоянно была в центре внимания философов, антропологов и психологов. Нельзя дать любви какое-то четкое определение, поскольку это одно из самых глубоких и интимных чувств. Любовь, как важнейшая культурная ценность, всегда была и остается значимой для человека и общества в целом. Любовь вызывает интерес, поскольку это единственное чувство, которое невозможно произвольно вызвать или прекратить; влюбленный человек воспринимает мир в ярких красках и находится в постоянном состоянии эйфории и душевного подъема.

Однако любовь многогранна и представляет собой сложный комплексный феномен, имеет пограничный характер. Любовь выступает для человека, как детерминанта его жизненной стратегии. Любовь противоречива: она окрыляет, но порой убивает, толкает человека на подвиги или, наоборот, на совершение каких-либо безумных вещей.

Исследованием феномена любви занимались многие философские течения, но наиболее актуальной на сегодняшний момент остается точка зрения психоанализа. Научный статус психоанализа находится под вопросом, но в то же время, именно эта сфера

знаний о субъективности человека, по мнению американского психиатра Э. Кандела, может дать интеллектуально насыщенный взгляд на проблему любви.

Отцом психоанализа принято считать австрийского психолога, психиатра, психопатолога Зигмунда Фрейда (1856–1939). Он материалистически относился ко многим вещам, поэтому и любовь сводил к какому-то физическому половому импульсу. Любовь он заменял энергией либидо, полового желания, которое подавляется обществом, и, вследствие чего, возникает влечение, переходящее на того или иного субъекта, а может быть, даже и на объект. Как известно, учение Фрейда было подвергнуто жесткой критике, но это не помешало психоанализу развиваться в рамках иных направлений и школ.

В связи с этим, проблему любви наиболее полно можно исследовать, используя подходы структурного психоанализа Ж. Лакана и гуманистического психоанализа Э. Фромма.

Лакан трактовал любовь более одухотворенно, нежели Фрейд. Подлинная любовь, по Лакану, «давать другому то, чего у вас нет». Иначе говоря, признавать, что тебе чего-то не хватает, и это «что-то» отдавать другому, «размещать в другом». Это не значит отдавать ему то, чем ты владеешь, – какие-то материальные ценности; это значит отдавать то, чем ты не владеешь, то, что за пределами тебя самого. Это могут быть чувства, переживания и эмоции, которые ты способен подарить другому. Любовь способна говорить о тебе что-то, чего, быть может, ты сам не знаешь о самом себе. Именно в любви субъект идет по ту сторону самого себя, по ту сторону нарциссизма, он раскрывает себя как наполненного человека.

В гуманистическом психоанализе Э. Фромма любовь считается искусством, поскольку для того, чтобы научиться любить, необходимо поступать так, будто мы хотим овладеть живописью или игрой на музыкальном инструменте.

Любовь – это активная деятельность, в которой ты постоянно совершенствуешься и обретаешь способность любить. Истинная любовь заключается в умении давать, то есть проявлять жизнеспособность, делиться с другим своей радостью, вдохновением и удовольствием, ведь обогащая других, обогащаешься сам и обретаешь полноту жизни. Любовь, по Фромму, искренняя заинтересованность в жизни того, кого мы любим, это взятие ответственности за потребности другого человека. Важно понимать, что лишь в акте любви личность способна раскрыться, познать тайну собственного бытия путем единения.

Любовь может существовать только на фундаменте свободы, поскольку зависимые отношения строятся не на уважении и принятии, а на попытке «перекроить» человеческую личность. Человек должен хотеть, чтобы тот, кого он любит, оставался самим собой и развивался вместе с ним, и ни в коем случае не должен быть средством для достижения цели.

Если человек действительно любит, то он не стремится завладеть другим и только лишь потребительно к нему относиться. Любовь возможна, когда двое становятся одним, оставаясь двумя – вот в чем заключается главный парадокс.

Что происходит в настоящее время? Репродуктивные технологии, бионические протезы, робототехника, цифровизация в качестве «второй жизни» – все это начинает становиться привычными аспектами нашего общества. Определяющей чертой индустриального общества является ускорение темпа жизни. Это «ускорение» приводит к тому, что все в этом быстро меняющемся мире становится относительным, а человеческие отношения – недолговечными.

Наше общество управляется менеджерской бюрократией, профессиональными политиками; люди подвергаются массовому внушению, их цель – больше производить и больше потреблять. Человек становится зависимым от внешних и материальных вещей, поэтому у него остается так мало времени, чтобы помыслить о чем-то духовном.

Психоанализ способен дать людям гуманистический взгляд на любовь, в соответствии с которым она представляет собой высшую ценность человеческого бытия. Рассмотрение любви с точки зрения психоанализа способно изменить сложившуюся ситуацию, если хотя бы каждый человек задумается и поймет, что любовь живет в нем самом и, благодаря ей, можно стать по-настоящему счастливыми.

Научный руководитель А. Е. Смирнов

Литература

1. Зупанчич А. О любви как комедии // Истории любви. СПб. : Алетей, 2005. С. 114–145. (Лакановские тетради).
2. Лакан Ж. Стадия зеркала // Мазин. В. Стадия зеркала Жака Лакана. СПб. : Алетей, 2005. С.150. (Лакановские тетради)
3. Фрейд З. Замечания о любви в переносе // Методика и техника психоанализа. СПб. : Алетей, 1998. С. 173–188.
4. Фромм Э. Искусство любить. СПб. : Азбука-классика, 2004. 224 с.

Д. А. Кузнецов*Иркутский государственный университет*

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ МИРОСИСТЕМНОГО АНАЛИЗА И. ВАЛЛЕРСТАЙНА

Как устроена современная система межгосударственных отношений? Именно этот вопрос является одним из самых актуальных и важных вопросов нашего времени. Для получения одного из возможных ответов на данный вопрос можно рассмотреть методологию и модель устройства мира, которые предлагает теория миросистемного анализа И. Валлерстайна.

Современную эпоху принято называть эпохой глобализма, характеризующуюся тем, что весь мир объединяется в единую систему экономических, политических, культурных межгосударственных связей. Поэтому изучение общества должно быть представлено как изучение единой целостной системы.

Важно отметить, что любая система представляет собой по форме некоторую целостность, однако, ее содержание всегда состоит из определенных частей, которые соединены между собой связями, необходимыми для укрепления системы, а также для обмена внутри нее информацией и энергией. Такой обмен важен в контексте единства системы как таковой. Без этого обмена само существование данной системы бессмысленно, так как благодаря обмену, она имеет возможность оставаться целостной.

Такой способ изучения глобального мира, с одной стороны, позволяет рассматривать глобальное общество как целостную систему, что дает возможность видеть функционирование этой системы как единого «организма». С другой стороны, это позволяет понять, как различные части этой глобальной системы взаимодействуют между собой.

Одной из теорий изучения общества в качестве целостной системы стала теория миросистемного анализа. Первые попытки создания данной теории были предприняты в 1970-е гг. Для того чтобы понять основные положения миросистемного анализа, нужно выявить цель нового подхода в изучении устройства межгосударственных отношений в сфере экономики, политики, культуры и идеологии. Сторонники миросистемной теории ставят под сомнение предметы исследований таких общественных наук как история, политология, социология и экономика: «Как правило, историки изучали историю своего государства, экономисты его эконо-

мику, политологи – политические структуры, а социологи – общество. Сторонники миросистемного взгляда могли только скептически пожимать плечами: они очень сомневались, что такие предметы исследований реально существуют, и были уверены, что даже если и существуют, то они не самые нужные и полезные» [1, с. 74]. Вместо этого они ввели новую единицу анализа, а именно понятие миросистемы. Под миросистемой понимается «некое территориально-временное пространство, которое охватывает многие политические и культурные единицы, но в то же время является единым организмом, вся деятельность которого подчинена единым системным правилам» [1, с. 75]. Такой подход к изучению мирового устройства позволяет рассматривать современный глобальный мир как единую систему.

Теоретики миросистемного анализа исходят из предположения о том, что на протяжении истории человечества в мире существовали глобальные системы, объединяющие в себе большие территории и огромное население. Исходя из доминирующего способа производства (капитализма), нынешнее устройство мира названо капиталистической мирэкономикой.

Мирэкономика обладает имманентно присущими ей чертами. В первую очередь, нужно выделить иерархичность данной системы, что проявляется в разделении структуры мирэкономки на три части: ядро миросистемы, полупериферия и периферия. За счет чего строится такая иерархия системы? Основанием для подобной иерархии можно считать капиталистический способ производства. Основная цель капитализма как экономической системы – это бесконечное накопление капитала за счет получения прибыли. Страны Западной Европы и США первыми освоили капиталистический способ производства в качестве передового, что позволило им эксплуатировать более отсталую часть мира. Одним из способов эксплуатации является «неэквивалентный обмен». Как уже было сказано ранее, одним из свойств системы является внутренний обмен между частями системы. Для капитализма таким обменом выступает обмен денег на ценные полезные ресурсы. Б. Ю. Кагарлицкий пишет об этом так: «Западные монополии, контролируя мировой рынок, диктуют ему цены на ресурсы, которые выкачиваются из стран периферии» [2, с. 29]. Можно сказать, что страны центра капитализма эксплуатируют свою периферию за счет того, что контролируют потоки обмена ресурсами и капиталом, навязывая тем самым выгодные для себя способы этого обмена. Страны же полупериферии, с одной стороны, сами эксплуатируются ядром системы,

но, с другой стороны, они способны сами навязывать неравноправные договоры обмена товаров и ресурсов странам периферии.

Подводя итог, следует сказать, что миросистемная теория, как ее видел И. Валлерстайн, предлагает рассматривать современное мировое устройство как целостную систему, что позволяет увидеть, во-первых, способ ее самореализации, то есть ее движение и изменение, во-вторых, проследить экономические и политические связи между различными странами, а также положение этих стран внутри миросистемы. Кроме того, данная теория дает понимание внутреннего устройства стран, так как оно зависит от места страны в системе.

Научный руководитель А. Е. Смирнов

Литература

1. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / пер. Н. Тюкиной. М. : Территория будущего, 2006. 248 с.
2. Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М. : Алгоритм, Эксмо, 2009. 576 с.

Е. А. Лапшин

Иркутский государственный университет

ФЕНОМЕН ВОЙНЫ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Во все времена феномен войны вызывал определенный интерес у философов. Война является неотъемлемой частью истории человечества, неудивительно, что мыслители задавались вопросами о том, что такое война, каковы основные причины войны, как война влияет на развитие человечества и т. д. Основываясь на взглядах исследователей прошлых эпох, современные философы продолжают исследовать проблематику войны.

Цель данной работы – эскизная попытка проследить развитие проблематики войны в философии разных эпох.

Первоначально война как социальное явление объяснялась с помощью мифа. Война – это воля высших Богов. Война и мир находятся во власти олимпийских божеств. С возникновением философии взгляды на войну кардинально меняются. Война теперь – источник развития, движения и изменчивости. С такой точкой зрения выступил Гераклит Эфеский: «Должно знать, что война общепринята, что вражда – обычный порядок вещей, и что все возникает

через вражду и заимообразно» [4, с. 201], иначе говоря, война была явлением диалектичным. Другую точку зрения высказывал Аристотель. По его мнению, война – это средство для приобретения собственности, война – это охота, только охота не на животных, а на людей, которые по своей природе должны подчиняться, но не желают этого делать. Таковую войну Аристотель назвал справедливой [1, с. 389].

В эпоху Возрождения проблематику войны разрабатывал Н. Макиавелли. По мнению Макиавелли, война и военная наука должны быть единственным делом государя, так как с ее помощью он может отстоять свое право на власть [5, с. 45]. Иначе говоря, Макиавелли воспринимал войну как средство достижения цели. Основной тезис политической философии Макиавелли – «цель оправдывает средства», т. е. любая война может быть оправдана, если она направлена на достижение цели.

В Новое время феномен войны исследовал английский философ Т. Гоббс. По его мнению, все люди равны от природы. Тем самым среди них неизбежна конкуренция. В результате возникает ситуация войны всех против всех. В подобном естественном состоянии нет справедливости, только одна война, которая сопровождается жестокостью и коварством [7, с. 67].

Классическое понимание феномена войны предложил немецкий полководец К. фон Клаузевиц. Он полагает, что всякая война непосредственным образом связана с политикой. Политический мотив является основанием, причем как для цели войны, так и для ее масштаба. Любой, даже самый ничтожный политический повод может вызвать войну, если между двумя государствами назрели предпосылки конфликта [3, с. 19–20].

Во второй половине XX в., после окончания Второй мировой войны и с появлением ядерного оружия, войны начали приобретать локальный характер. Одновременно менялись методы ведения войны. Эти явления стали основой для создания теории «новой войны». Само слово «новая» говорит о современных тенденциях ведения войны с момента окончания холодной войны. Новую войну отождествляют с нерегулярными войнами, т. е. с войнами, которые ведут не профессиональные военные, а различные боевые формирования, преступные и бандитские группировки. Новая война, следовательно, – это вид нерегулярных войн XXI в. [2, с. 9–13].

В теории «новой войны» выделяются несколько отличительных черт. Прежде всего, обращается внимание на то, что нерегулярные формирования воюют с себе подобными, или же терроризируют

гражданское население для того, чтобы оно выполняло их требования. Еще одной характерной чертой является относительно малое использование финансовых ресурсов. Так как нерегулярные вооруженные формирования не имеют того, что имеет профессиональная армия, их траты на вооружение значительно снижаются. У некоторых командующих нерегулярными армиями есть собственный политический проект. Большинство же из них имеют лишь одну цель – использовать ресурсы захваченных территорий и создать из этого стабильный капитал. Для этого они могут заключать сделки с преступными группировками [6, с. 183–185]. Итак, в современных исследованиях, война представляет собой мощный экономический инструмент, который приносит прибыль различным преступным и бандитским группам, которые составляют основную движущую силу новых войн. Иначе говоря, война – превратилась в очень прибыльный бизнес, который строится на насилии, терроре и разрушениях.

В данной статье мы попытались отследить динамику развития проблематики войны в философии. Можно заметить, что с каждой новой эпохой суждения о войне приобретают новую специфику. Если в античности война рассматривалась как средство развития и движения, то далее война представлялась инструментом политики и экономики. Впечатляющий факт заключается в том, что философы прошлых эпох отчасти предугадали характер тех войн, которые человечество ведет сегодня. Современная война – это и средство для достижения цели, это и желание господства над другими, а также способ для достижения личной выгоды.

Научный руководитель А. Е. Смирнов

Литература

1. Аристотель. Соч. В 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. 416 с.
2. Калдор М. Культура новых войн // Логос, 2019. № 3. С. 2–19.
3. Клаузевиц К. О войне. М. : Эксмо, 2007. 458 с.
4. Лебедев А. В. Фрагменты ранних греческих философов (Часть 1). М. : Наука, 1989. 577 с.
5. Макиавелли Н. Государь. М. : Эксмо, 2021. 544 с.
6. Мюнклер Г. Новые войны, о возвращении исторической модели // Логос. 2019. № 3. С. 181–216.
7. Рассел Б. История западной философии. М. : МИФ, 1993. 444 с.

А. А. Озерова

Иркутский государственный университет

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ПЕССИМИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Во все времена пессимисты производили впечатление отрешенных, совершенно не готовых к жизненным трудностям людей. Их мировоззрение всегда было вторично по отношению к оптимизму, который, мало-помалу превратился в доминирующую культурную норму. Благодаря оптимизму общество развивалось, полностью уверенное в том, что каждый его представитель значим. Достижительская идеология, которая не угасает из-за оптимизма, порождает конкуренцию, а на ней, как нас уверяют, держится общественный прогресс. Однако скорость современной истории такова, оптимистично настроенные люди переживают различные фрустрации из-за неспособности удовлетворить уровень притязаний в самых разных сферах социального существования. В такой ситуации у людей возникает необходимость поменять свои взгляды и мировоззренческие ориентации.

Цель моей работы – показать продуктивность философии пессимизма в современных реалиях, а также обосновать, почему пессимистический взгляд на мир оказался конструктивным. Мои рассуждения основаны на трудах Артура Шопенгауэра и на трудах последователей его философских идей.

В чем же заключается пессимизм Шопенгауэра? В первую очередь, это мысль о том, что жизнь – не что иное, как череда зачастую драматичных переживаний, приводящих к страданию; радость же при этом имеет принципиально непродолжительный эффект. В соответствии с Шопенгауэром, человек страдает потому, что он несвободен. Свободы не существует, так как все, что мы делаем, детерминировано мировой волей. Воля у Шопенгауэра – первопричина мира, от которой зависим человек. Он видит мир лишь в своем представлении, экранируясь отчасти, таким образом, от суровой реальности. И все же удел человека – страдание. Ибо невозможно избавиться от представлений и полного познания воли.

Итак, я полагаю, что философия Шопенгауэра актуальна в современном мире по следующим причинам.

Во-первых, пессимисты искренне понимают, что мир далеко не такой счастливый, в чем все остальные так любят себя убеждать. В «Мыслях» А. Шопенгауэра мы читаем: «Хотя каждое отдельное несчастье и представляется исключением, но несчастье вообще – есть

правило» [2, с. 32]. Действительно, мы постоянно страдаем, даже если не замечаем этого. Любого нашего наслаждения мы достигаем путем страданий. Это влияет как на наше физическое здоровье, так и на психическое. Как же сделать так, чтобы не угнетать себя страданиями? Немецкий философ-пессимист говорил, что счастье заключается не в том, чтобы увеличивать количество радостей и наслаждений, а в том, чтобы уменьшить страдания. Ведь чем больше вы будете ставить перед собой невыполнимых целей, которые вас осчастливят, тем больше вы будете страдать, достигая их. Также человеку, чтобы жить спокойно, необходимо принять факт, что от мук никуда не деться. В «Мыслях» философ пишет о вреде намеренного увеличения потребностей, стремления уйти от страданий, заглушить их громкой музыкой, запить их крепким алкоголем, затоптать их в головокружительном танце. Но это бесполезно, ведь чем счастливее человек чувствует себя в моменте, тем более он несчастен и одинок будет впоследствии.

Во-вторых, люди, принявшие философию пессимизма, становятся ближе к духовным ценностям. В своем произведении «Афоризмы житейской мудрости» Шопенгауэр говорит о внутренней пустоте современных ему людей. Отчего эта внутренняя пустота? Общество в погоне за счастливой жизнью в виде материальных ценностей стало нищим: «От этой нищеты нет более надежного ограждения, нежели внутреннее богатство, богатство духа, ибо, чем более возвышается он над посредственностью, тем меньше остается места для скуки» [3, с. 28]. Люди заиклились на своих материальных потребностях. И чем сильнее эти потребности, тем больше потребление, и человек все больше несчастен, потому что он никак не может насытиться. Поэтому приобщение к духовным ценностям спасает человека от бедности и скуки. В «Афоризмах житейской мудрости» Шопенгауэр, осуждая стремление к материальным богатствам, говорит о том, что гораздо важнее личность человека, нежели то, что он имеет или чем он представляется. И ведь действительно, для счастливой жизни не обязательно иметь все, что хочется, однако, и утруждать себя постоянным саморазвитием тоже не обязательно.

Следующий момент – пессимисты намного продуктивнее работают, в то время как оптимисты утверждают, что нужно получать удовольствие даже от самой тяжелой работы. Это миф, иллюзия, пустое убеждение, и где-то в глубине души оптимисты все равно мучаются от того, что делают. Зачем обманывать себя, если можно четко понимать свои силы и возможности и в соответствии с ними работать? Немецкий философ, последователь идей Шопенгауэра,

Эдуард фон Гартман говорил о том, что именно принятие факта вечного жизненного страдания мотивирует на продолжительную деятельность, дарует человеку спокойствие и умиротворение во всех его делах. Если постоянно убеждать себя в том, что все хорошо, что дела продвигаются, что нельзя давать себе отдыхать, можно довести себя до состояния еще большего страдания. Необходимо принять тяжесть переносимых мук при проделывании той или иной работы. Это поможет сделать своевременный перерыв [1].

Наконец, необходимо учитывать тот факт, что пессимисты с их внимательностью и осторожностью умеют сохранять собственное здоровье гораздо лучше, чем все остальные. Вернемся к Шопенгауэру. В работе «Афоризмы житейской мудрости» о здоровье он говорит следующее: «При нем все становится источником наслаждения; напротив, без него не доставляет удовольствие никакое внешнее благо, каково бы оно ни было, и даже остальные субъективные блага, свойства ума, сердца, характера, от болезненности умаляются и терпят большой ущерб» [3, с. 23]. И ведь действительно, мы не можем быть счастливыми, если будем плохо себя чувствовать, неважно, сколько у нас денег, благоустроен ли у нас дом и вкусно ли мы едим. Это все неплохо до тех самых пор, пока это не идет в ущерб нашему самочувствию. В современном мире материальные блага постоянно выдвигают на первый план. Люди гонятся за деньгами, как сумасшедшие: встают в пять утра, работают по двенадцать часов в день, спят слишком мало и часто болеют. И все это для того, чтобы вкусно есть, покупать одежду и жить в роскоши и богатствах. Однако потом, достигнув всего этого, они начинают понимать, что все это время они вредили самим себе. Поэтому я считаю, что меланхоличность пессимистов помогает им эффективнее достигать целей, и они никогда не забывают о собственном здоровье.

Таким образом, я постаралась показать, почему философия пессимизма является актуальной для современного мира. Она позволяет человеку пересмотреть все общепринятые ценности в мире, не возвышает радость и признает факт страдания. Пессимизм призывает обходить стороной безудержное потребление материальных благ, ведь чем больше это потребление, тем ближе крах цивилизации. Они намного продуктивнее работают и умеют сохранять собственное здоровье. Безусловно, пессимисты не беспокоятся о том, что их ждет, потому что они знают, что мир не меняется. На этот счет нет ничего точнее цитаты Вольтера: «Мы оставим этот мир столь же глупым и столь же злым, каким застали его».

Научный руководитель А. Е. Смирнов

Литература

1. Кузнецов Е. Философия пессимизма, в которой нет места нигилистическому отчаянию: «бессознательное» Гартмана и «воля» Шопенгауэра. URL: <https://monocler.ru/bessoznatelnoe-gartmana-i-volya-shopengauera/> (дата обращения: 28.09.2021).
2. Шопенгауэр А. Мысли / пер. с нем. Ф. В. Черниговца. М. : Изд-во АСТ, 2004. 157 с.
3. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости / пер. с нем. Ю. Айхенвальда. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 256 с.

Д. Н. Печенкин

Иркутский государственный университет

ИСКУССТВО КАК ЧАСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

В наши дни люди считают, что сознание отдельной личности гораздо важнее, чем общественное. Однако вся история строится на множестве людей. Искусство – это тоже своего рода история. Оно хранит в себе пережитки времени, поэтому нельзя утверждать, что в искусстве важна лишь отдельная личность творца. Цель работы – показать, что искусство является неотъемлемой частью общественного сознания.

Человеческое сознание в содержании и форме содержит элементы истории. Общественное и индивидуальное сознание содержат определённые идеалы, вкусы, оценки, убеждения. Человеческое сознание является наследником и проводником всех эпох: «Мысли всех людей на сию минуту в нашем мозгу» [1, с. 348].

«История – это не просто календарь, каждое событие – дитя другого, и мы не должны забывать этого родства», – это слова вождя одного из африканских племён [4, с. 39]. Мы ведь знаем, что «новое – это хорошо забытое старое» и «всё уже было», – этому учит Екклезиаст. Преемственность не нарушается без ущерба для сознания.

Память людей хранит информацию, которая не всегда осознаётся, но она присутствует в подсознании. Сознание прогностично, оно обладает даром предвидения, но предчувствие зависит во многом от уровня знаний человека. Учёные, художники, политики часто выступают своего рода пророками. Они видят дальше и глубже. Часто предупреждают людей о дальних последствиях бездумных неосторожных действий, которые зачастую не видны их современниками. Так, высказывание С. А. Есенина имеет большой смысл:

«Лицом к лицу лица не увидать: большое видится на расстоянии» [2, с. 192].

Общественное сознание не является просто суммой индивидуальных сознаний. Это качественно новая духовная система, в которой задействованы миллионы людей. Общественное сознание обладает своей структурой. Можно выделить уровни сознания: психологический, идеологический, научный. Они отражают степень глубины познания природы, общества, человека.

Индивидуальное сознание неповторимо, как сама личность, оно рождается и умирает с каждым конкретным человеком, но оно не может сформироваться вне общественного. Человек – продукт своего времени, места, окружения.

Началом является обыденное сознание. Оно опиралось на эмпирический опыт, моральные нормы, народное творчество, на житейскую информацию, традиции, общественное мнение, суеверия, мифы и т. д. Здесь царит свой этикет, свои представления о морали («съеденный китаец»; запах французских духов отбивает желание «обладать» женщиной в некоторых племенах Африки, а запах прожаренного свиного жира их возбуждает).

В обыденном сознании удивительным образом сочетаются передовые знания и пережитки. На ранних этапах человеческой истории сознание было слитным — мифологическим, а с разделением труда оно стало расчленяться.

Сознание существует в различных формах: политическое, правовое, религиозное, научное, нравственное, художественное. Без любой формы оно ущербно. Все формы взаимосвязаны и влияют одна на другую. Это как бы отдельные сектора в круге.

Одной из форм общественного сознания является искусство, оно является результатом эстетического отражения человеком действительности. Искусство — это отражение мира в форме художественных образов. Это форма общественного сознания и форма практического освоения мира. Так, например, Н. Г. Чернышевский был убежден, что искусство — это такой учебник жизни, который читают с удовольствием даже те, кто не любит других учебников.

Искусство полифункционально. Ещё Аристотель заметил, что искусство способно развлекать, очищать, воспитывать. «Искусство — это познание, но не наука. Искусство есть воспитание, но не педагогика. Искусство требует затрат физического труда, но это не физический труд» [3, с. 401].

Как бы мы ни соединяли различные виды деятельности, мы не получим искусства. Искусство творят особо одарённые люди. Художник в широком смысле – это человек, обладающий врождёнными способностями и имеющий волю и возможности развить и применить их.

В различных видах искусства по-разному переплетаются утилитарное и художественное. Без художественного начала искусства быть не может, но, например, иногда считают, что в архитектуре должна преобладать утилитарно-техническая сторона, целесообразность, польза, а красота им подчиняется, так же часто и в дизайне, в оформительском искусстве, но на самом деле здесь красота и польза часто слиты, уравновешены (искусство японских декоративных садов). В любом искусстве, даже имеющем ярко выраженное прикладное назначение, художественность, т. е. просто говоря, красота, является необходимой.

Таким образом, стоит отметить, что искусство является частью сознания человека, а также несет в себе важную и неотъемлемую социальную составляющую. А все роли и функции искусства находятся в определенной взаимосвязи и взаимодействии, потому как нет искусства вообще, а есть конкретная форма его проявления.

Научный руководитель А. Е. Смирнов

Литература

1. Герцен А. И. Былое и думы. М. : «Детгиз», 2016. 584 с.
2. Есенин С. А. Полное собрание сочинений. В 7-ми томах. Т. 6. Письма. М. : Наука : Голос, 1999. 816 с.
3. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. Харьков : Фолио ; М. : Изд-во АСТ, 2000. 880 с.
4. Тайлор Э. Первобытная культура. М. : Юрайт, 2019. 742 с.

Д. Д. Седых

Иркутский государственный университет

ОППОЗИЦИЯ «КИТАЙ – ВАРВАРЫ» КАК ОДИН ИЗ КРАЕУГОЛЬНЫХ КАМНЕЙ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Китайская культура на протяжении тысячелетий сохраняла свою целостность. Сохранив свои истоки, культура традиционного Китая до сих пор оказывает огромное влияние на жизнь КНР. Одной из основных социокультурных установок, без которой, на мой взгляд, невозможно понять китайскую культуру, является многовековая устойчивость, которая выражена оппозицией «Китай – варвары». Именно она регулировала отношение Китая с внешним миром, и оказывала сильное влияние на развитие культуры в данном регионе. Цель работы – показать, что оппозиция «Китай – варвары» является основой многовековой устойчивости китайской культуры.

Зачатки социокультурной установки «Китай – варвары» появились во время правления династий Шан (она же Эпоха Инь, XVI–XI в. до н.э.), когда родилось наименование правителя в качестве «Сына Неба».

Небо играло важную роль в жизни китайцев и неспроста обрело сакральный статус. Континентальный климат оказывал сильное влияние на земледелие: от дождей, солнца и ветра зависел урожай и, следовательно, небо было обожествлено. Для своего блага крестьяне и местная знать всеми своими помыслами старались достичь гармонии с небом. Поэтому в традиционном понимании Небо не только порождает всю «тьму вещей», но и выступает истоком человеческого духа. Так, в «Шан шу» говорится: «Кто всем сердцем отдается благим порывам, тот познает свои природные задатки, а познав свои природные задатки, сможет тогда познать и Небо (природу – В. К.)» [1, с. 186].

Статус «Сына неба» позволял символически объединять местные племена и царства, которые теперь опознавались в качестве «детей Неба». Так правители династий Инь и Чжоу создали государства с единой культурой. В период правления этих династий формирующийся «китаецентризм» стал связываться с представлением, что функции мироустройства принадлежат китайскому правителю.

Социокультурные установки «Сын Неба», «Китай – варвары» и ряд других были окончательно объединены в понятии «Поднебесной» во время централизации Китая династиями Цинь и Хань (III в. до н.э. IV в. н.э.), ознаменованной появлением самоназвания

китайского народа «чжунго жэнь» (люди срединного царства). Тогда и были сформированы внешнеполитические доктрины китайского государства, что продолжили существовать вплоть до падения династии Мин.

Значение оппозиции «Китай – варвары» выразилось в китайской культуре и закрепилось конфуцианством в качестве выражения исключительности ханьцев (китайцев) в мире. Конфуцианские ученые были приверженцами постулата «единство Неба и земли» (тянь чэнь хи и), вместе с этим, этого концепта придерживались и местные правители. Исходя из того, что правитель, он же «Сын Неба», воплощал в себе божественное и считался отцом народа, династии, сменявшие друг друга, считали себя исключительными, а свою культуру наиболее развитой. «Поднебесной» назывались подвластные «Сыну Неба» земли, где жили «достойные», т. е. китайцы. А на самом краю располагались земли варваров, места, где было недостаточно благодати, что уравнивало людей, проживающих там, с животными.

Варвары в глазах жителей поднебесной понимались в двух версиях. Самая редкая заключалась в том, что варвары – такие же люди, способные социализироваться и стать китайцами. Распространенной же точкой зрения была такова, что варвары понимались в качестве животных, похожих на людей. Так Бань Гу писал о них так: «варваров держали за границей, не принимали в пределы (Срединного государства), отстраняли подальше <...>. Если они появлялись, их наказывали и управляли ими; если они уходили, принимали меры предосторожности против них и оборонялись; если они, ценя справедливость, приходили с данью, их принимали с почестями, проявляя учтивость. Таким образом, варваров непрерывно держали на привязи, стремясь возложить на них вину за несправедливые действия, и это был обычный путь, по которому шли мудрые правители, управляя варварами» [2, с. 30].

На протяжении всей истории формирования традиционного китайского общества, данная установка сохраняла единство культуры «чжунго жэнь», создавала социальные связи, что стимулировало рост и развитие культуры. Помимо всего этого, данная установка воплощала собой один из столпов «Поднебесной».

Подводя итоги, мы можем с уверенностью сказать, социокультурная установка «Китай – варвары», устанавливая жесткие отношения с иноземцами, тем самым создавала социальные связи, объединяющие местные племена в один народ. Вместе с конфуцианством она способствовала сохранению культурных традиций.

Научный руководитель А. Е. Смирнов

Литература

1. Мэн-цзы / предисл. Л. Н. Меньшикова ; пер. с кит., указ. В. С. Колоколова ; под ред. Л. Н. Меньшикова. СПб. : Петерб. востоковедение, 1999. 272 с.
2. Таскин В. С. Отношения Китая с северными соседями в древности // Проблемы Дальнего Востока. 1975. № 3. С. 147–156.

Р. Д. Федосов

Иркутский государственный университет

МУЗЫКА И РИТМ В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА

Цель нижеследующей работы – проанализировать понятие музыки в первой книге трактата «О музыке» Аврелия Августина. Для достижения указанной цели выявим специфику подхода Августина к определению понятия музыки и покажем связь между музыкой и другими областями гуманитарного знания.

Трактат Августина представляет собой сборник из шести книг, каждая из которых посвящена определенной теме. Весь трактат построен в форме диалога между наставником и учеником. В контексте исследования нас интересует именно первая книга, в которой дается определение музыки и разъясняется специфика этой дисциплины. Хотелось бы отметить, что это не отрицает значимости остальных книг трактата философа. Важность шестой книги, например, специально подчеркивает В. В. Бычков [2, с. 220–241].

Итак, в конце первой главы читателю сразу дают очень конкретное определение: музыка – это «дисциплина, которая занимается всем размеренным и искусным в звуках, в которых можно наблюдать определенный размер» [1, с. 13]. В этом определении можно сразу отметить две особенности. Прежде всего, музыка у Августина рассматривается вне жанрового контекста, т. е. философ не ограничивает наше восприятие субъективными взглядами на искусство, а пытается придать понятию музыки максимально общий характер. Такое представление является своего рода особенностью для современной характеристики музыки в обыденном представлении слушателя. Можно сказать, что он подходит к вопросу об определении музыки с платоновской точки зрения.

Другой уникальной чертой является то, что философ «ставит в центр исследования не звуковысотную, а ритмическую проблематику» [1, с. 299]. И, действительно, если мы обратим внимание на

определение, то сможем осознать, что звук здесь рассматривается в зависимости от «определенного размера», т. е. ритма. Именно ритм позволяет Августину специфицировать понятие музыки.

Необходимо принять логику мысли философа, которая заключается в отсеивании просто существующих звуков как, например, пение птиц или шум ветра. Причастность звука к ритму позволяет вывести онтологически связь между музыкой и числом. Метафизика чисел же объясняет для нас внутреннюю структуру дисциплины.

Но философ не заканчивает характеристику музыки данным определением и уже в следующей главе утверждает, что музыка «есть знание хорошего модулирования». Во втором варианте определения важно буквально каждое слово, и Августин далее принимается пояснять их. Он начинает с расшифровки термина «модулирование» (*modulatio*), которое происходит от лат. *modus* – мера.

Модулирование – это «то, что существует, чтобы приводить нечто в верное движение» [1, с. 17], т. е. мера может применяться к любой области действительности. Прежде всего, мы должны признать, что музыка есть движение, но это движение должно быть верным и иметь чувство меры. Именно для этого существует модулирование. Оно также важно и для укрепления позиций ритма.

Но модулирование должно быть «хорошим», т. е. направленным на самое себя. Этот факт отличает музыку от пения и танцев, в которых модулирование играет роль удовлетворения потребностей зрителя, в них отсутствует чувство меры. Отсюда следует, что музыка есть нечто такое, что стремится к самому себе, т. е. является свободным искусством.

Последним идет разъяснение термина «знание». Мы понимаем музыку, потому что она есть в нашем разуме, который полностью подчиняется нашему духу. Любая телесность здесь есть либо ошибка понимания, либо преодоление той самой меры, которая делает музыку музыкой. На этом заканчивается расшифровка слов и начинается развертывание музыкального действия, которое все больше подводит нас ко второй задаче.

Дело в том, что с самого начала Августин четко дает понять, что музыка является дисциплиной, которая связана с риторикой и арифметикой. Так, например, речь, как и звук, существует и любой может ею воспользоваться. Речь как знание перетекает в риторику, где существуют законы, отношения и, что самое главное, мера (*modus*). Именно это подразумевают под знанием. Если мы возьмем исполнителя и теоретика, то для Августина, исполнитель не будет

знать музыки, а теоретик будет. Строго говоря, только теоретик и будет ее знать.

Стоит отметить, что метафизика чисел, которую Августин заимствует у неоплатоников и неопифагорейцев фундирует сразу весь корпус мусических искусств. Благодаря этому теория, которая используется в поэтике, влияет и на музыку, в частности положения, которые касаются стоп и их разновидностей. Единственное, что явственно подчеркивает философ, так это различие между грамматикой и музыкой. В. В. Бычков отмечает, что в первой книге Августин показал, что «соблюдение и регулирование определенной длительности звуков составляет предмет не грамматики, но музыки, Августин продолжает углублять это различие во II книге» [2, с. 99]. Из этого следует, что само знание, которое философ формулирует в исследовании, невозможно без предварительного представления о теории стоп, т. е. познания в области языка, без определенных знаний философии и арифметики. Это еще раз подчеркивает структурную взаимосвязь образовательных дисциплин.

Исследование будет не полным, если мы не выведем ряд критических положений, вытекающих из трактата Августина. Во-первых, необходимо вернуться к определениям и отметить отрицательную сторону примата ритма над звуком. Как совершенно справедливо подчеркивает по этому поводу Е. М. Двоскина, мысли философа являются достаточно полезными для исследования в области истории развития мысли, но эти «мысли не о музыке, а о ритме» [1, с. 300]. Важно отметить, что аргумент Е. М. Двоскиной работает в контексте современной философии музыки, в которой она рассматривается, прежде всего, как социальное явление. Это вопрос не столько определения, сколько отношения между социальной группой и неким расплывчатым продуктом социального [3].

Другое критическое замечание касается новизны основной части трактата, связанной с теорией стоп и ритма. В. В. Бычков считает, что содержание с первой по пятую книг полностью выдержаны в духе философской традиции, предшествующей Августину. С точки зрения В. В. Быčkova, теоретический поворот в первой книге не является чем-то феноменальным. С другой стороны, он также отмечает, что выводы шестой книги позволяют выявить новые положения в области эстетики.

В контексте рассмотрения современных проблем философии музыки, без сомнения, важно учитывать определение Августина в качестве новой альтернативы. Абстрагирование, которое преодолее-

вает современный акцидентальный способ представления, позволяет выразить музыкальное в платоновском смысле, т. е. узреть универсалию саму по себе. Хотелось бы еще раз акцентировать внимание читателей на этой мысли.

Научный руководитель А. Е. Смирнов

Литература

1. Аврелий Августин. Шесть книг о музыке / пер. с лат., коммент. и исслед. Е. М. Двоскиной. М. : Московская консерватория, 2017. 360 с.
2. Бычков В. В. Эстетика Аврелия Августина. М. : Искусство, 1984. 264 с.
3. Рондарев А. В. Другая философия музыки // Логос. 2016. Т. 26, № 4. С. 1–6.

ШКОЛЬНАЯ СЕКЦИЯ

В. Д. Черникова

МАОУ Лицей ИГУ г. Иркутска

ПОИСКОВОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ: УЧАСТИЕ ИРКУТЯН В РАСКОПКАХ НА МЕСТАХ БОЕВ НА НЕВСКОМ ПЯТАЧКЕ

По прошествии 75 лет со дня победы в Великой Отечественной войне на полях сражений до сих пор лежат сотни тысяч советских солдат. В архивных делах напротив их имен – короткая строчка: пропал без вести, а родные ничего не знают об их судьбе. Крупнейшая в нашей стране организация, занимающаяся полевой и архивной поисковой работой – «Поисковое движение России». Оно объединяет более 42 тыс. поисковиков всех возрастов в составе 1428 поисковых отрядов. Региональные отделения Движения открыты в 82 субъектах Федерации [1]. В Иркутской области существует региональное отделение «Поискового движения России», руководителем которого является Торопкина Нина Викторовна.

В рамках настоящего исследования были поставлены следующие задачи: изучение теоретических материалов по поисковому движению, проведение интервью с председателем Иркутского регионального ООД «Поисковое движение России», а также с участником одной из экспедиций на «Невский пяточок». Был составлен гайд интервью [2; 3], куда были включены вопросы об организации движения, о его структуре, целях и задачах, о впечатлениях от раскопок.

Собеседники отмечали, что при раскопках практически везде поисковики находят примерно одно и то же: солдатские каски, гранаты-лимонки, немецкие хлорницы, фляжки, медальоны-смертники. Из личных предметов попадаются перочинные ножи, карманные бритвы, пряжки, ложки. Нина Викторовна отметила, что

за годы поездок нашли много останков солдат, установили большое количество имен и нашли различные артефакты. Экспонаты, которые представляют исторический интерес, передают в различные музеи, в первую очередь, это музеи Санкт-Петербурга. Останки солдат передают на территорию, где они были найдены, то есть в муниципалитет, в котором проводятся поисковые работы.

После таких поездок мировоззрение меняется у каждого, кто там побывал, а у многих «из простого увлечения историей, это перерастает в настоящий образ жизни». Некоторые участники поискового движения стали учителями истории, а затем и постоянными бойцами поискового отряда «Искатель» (Максим Комаров, Екатерина Русецкая), а, например, Максим Викторович Торопкин пошел дальше и стал мэром города Усолье-Сибирское. Кто-то увлекся городами настолько, что сейчас проектирует для них парковые зоны по всей Иркутской области (Валерия Вячеславовна Ставицкая, руководитель отдела градостроительных исследований и благоустройства компании Fox). Регулярными участниками движения становятся студенты Иркутских вузов (например, Сергей Конев и Матвей Коробицын, которые уже на протяжении пяти лет участвуют в экспедициях).

Научный руководитель С. Г. Карнаухов

Литература

1. Поисковое движение России : [сайт]. 2013. URL: <http://rf-poisk.ru/region/38/> (дата обращения: 10. 03.2021).
2. Торопкина Н. В. Интервью в Усолье-Сибирском. 21.02.2021 // Архив В. Черниковой.
3. Ставицкая М. В. Интервью в Иркутске. 02.05.2020 // Архив В. Черниковой.

Научное издание

КЛИО-2021

Материалы
Всероссийской ежегодной научной конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
Иркутск, 26 ноября 2021 г.

Материалы публикуются в авторской редакции

Темплан 2021. Поз. 235
Уч.-изд. л. 19,3

Издательство ИГУ
664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124